

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

Филологическія Записки издаются

въ ВОРОНЕЖѢ. Выходятъ безсрочными выпусками—
по шести выпусковъ въ годъ.

Цѣна годовому изданію **6** руб. Подписка принимается:
въ ВОРОНЕЖѢ: въ Редакціи Филологическихъ
Записокъ.

Въ Редакціи также можно получать слѣдующія изданія:

Годовое изданіе «**Филологическихъ Записокъ**» за
1864 г., цѣна **3** р., за 1865 г. **3** р., за 1866 г. **5** р., за
1867 г. **6** р., за 1868 г. **3** р., за 1869—1880 г. по **6** р.
каждый.

О происхожденіи языка, Э. Ренана. Пер. съ фр.
А. Н. Чудинова. 1865. Цѣна съ перес. 1 р. сер.

Обзоръ Исторіи Чешской Литературы и Языка. Съ
Чешскаго. Переводъ К. Медвѣдева и Н. Артемьева. 1866.
Цѣна 40 к. съ пересылкою.

Наука о языкѣ. Новый рядъ чтеній Макса-Мюллера.—Шесть лекцій. Выпускъ I. Перев. съ Англ. Д. Лавренка и Г. Кайзера. 1868 г. Цѣна 1 р. 40 к. съ перес.

Наука о языкѣ. Выпускъ II, заключающій въ себѣ
послѣднія шесть лекцій Макса-Мюллера—VII—XII. Пер.
съ Англ. Г. Кайзера. Цѣна 1 р. 10 к. съ перес.

Искусство въ Италіи и Нидерландахъ. Лекціи Тэна.
Выпускъ II. 1871 г. Перев. съ франц. А. Н. Чудинова.
Цѣна 1 р. за экз. съ пер.

Искусство въ Греціи, III вып. Цѣна 60 к.

Сборникъ классическихъ иностранныхъ произведеній,
въ переводахъ русскихъ писателей, I томъ котораго состав-
ляютъ Образцовыя произведенія Скандинавской поэзіи,
изд. подъ редакціей А. Н. Чудинова 1875 г. Ц. 2 р. за экз.

Редакторъ-Издатель **А. Хованскій**.

*Въ / переплетъ.
всѣ 3 вытиски*

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

ЖУРНАЛЬ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНИЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ
ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВ-
НИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ.

Изд. А. Хованскимъ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ВЫПУСКЪ I.

1881.

Воронежъ.

Въ Типографіяхъ В. И. Ис
и
Губернскаго Правленія.

Фундамент. библи.

Самарской и Женской гимназій

ОТДѢЛЪ

№ сист. кат.

№ крон. кат. *375*

СОДЕРЖАНІЕ I ВЫПУСКА.

1-ое Марта.

О постановкѣ языковъ въ Гимназіяхъ.

В. М. Д.

Значеніе и способы выраженія снзуемаго.

Г. А. Миловидова.

О дополнительныхъ предложеніяхъ.

Д. В. Аннинскаго.

Нъ ученію о русскомъ глаголѣ. П. Съ тремя таблицами. (Продолженіе. Начало см. въ VI вып. Фил. Зап. 1880 г.).

Василія Добровскаго.

Отвѣтъ рецензенту на отзывъ о „Синтаксическомъ задачникѣ“.

А. В. Барсова.

Рукописный памятникъ Смоленскаго Авраміевскаго монастыря и его литературное значеніе.

С. П. Писарева.

БИБЛІОГРАФІЯ:

Учебникъ русскаго языка для низшихъ классовъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній. Сост. О. Рождественскій. С.Пр. 1880 г.

А. А—въ.

М. А. Колосовъ. (Некрологъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

При семъ особое приложеніе: „Опечатки“.

491
Ф. 54
6007

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНИЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ
ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВ-
НИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ.

Изд. А. Хованскимъ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ВЫПУСКЪ I.

1881.

Воронежъ.

Въ Типографіяхъ В. И. Исаева
и
Губернскаго Правленія.

ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА ИМ. И. С. НИКИТИНА

5058669 -

12.00
1881
ВІСНИКЪ
ЗВННІЙ

Дозволено Цензурой. Москва, 17 Марта 1881 г.

И. А. Хвостовъ

Томъ 1-й

ВЫПУСКЪ I

1881

Порочна
и
Порочна

1-ое МАРТА.

Съ чувствомъ глубокаго прискорбія заносимъ на страницы нашего изданія кровавое событіе 1-го марта, въ которое прекратилась драгоцѣнная жизнь обожаемаго нами Государя Императора Александра Николаевича. Сердце обливается кровью при воспоминаніи о страшномъ покушеніи, въ которомъ Вѣнценосный Вождь Русскаго народа палъ мученическою смертію отъ руки адской крамолы! Безъ ужаса и содраганія нельзя представить себѣ о такомъ страшномъ, неслыханномъ въ лѣтописяхъ русской исторіи, потрясающемъ душу событіи. Вся Русская земля, какъ одна семья, оплакиваетъ своего Отца-Царя, Освободителя миллионовъ крестьянъ, Покровителя наукъ и искусствъ, этого Ангела земли Руской,—Того, Кто столько изливалъ благодѣній на подданныхъ своихъ. Отовсюду слышатся рыданія при вѣсти о страшномъ убіеніи Царя-Отца; отовсюду шлется и проклятія на виновниковъ варварскаго преступленія. Кровь невинной жертвы будетъ взывать къ престолу Царя царей!

Да почіетъ съ миромъ великая душа Царя-Освободителя, принявшаго терновый мученическій вѣнецъ!

Теперь, послѣ совершившихся злодѣйскихъ покушеній на священную Особу Государя, вѣсьмъ намъ остается подумать о рациональномъ, гуманномъ воспитаніи молодаго поколѣнія, воспитаніи, которое бы готовляло для жизни честныхъ и добрыхъ гражданъ, о воспитаніи, какого, къ сожалѣнію, у насъ ни въ семьѣ, ни въ школѣ нѣтъ. Если бы съ образованіемъ ума соединялось образованіе и сердца, характера, нравственное чувство долга,—не было бы у насъ въ средѣ учащихся извѣстныя навѣянныхъ уродливыхъ идей, злой, извращенной воли, не было бы и подобныхъ грустныхъ явленій. Образование и воспитаніе должны неразлучно идти рука объ руку. Одна сухая наука не можетъ воспитать человека,—это мы видимъ на извращенной природѣ всей организованной преступной шайки нигилистовъ, вышедшихъ большею частію изъ школы, у которыхъ нѣтъ ничего святого, ничего человѣческаго, кромѣ безумныхъ звѣрскихъ инстинктовъ.

О ПОСТАНОВКѢ ЯЗЫКОВЪ ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ. *)

ФАКТЪ МАЛОУСПѢШНОСТИ. ПРИЧИНЫ ЕГО.

I. Неудовлетворительная постановка русскаго языка. Желаемыя улучшенія.

Личный произволъ преподавателя, преподающаго отечественный языкъ.—Причины: неопредѣленность требованій и отсутствіе экзамена на аттестатъ зрѣлости.—Русское сочиненіе не есть критерій знаній по русскому языку.—Русскій языкъ фактически занимаетъ второстепенное мѣсто.—Желательны радикальныя перемѣны въ постановкѣ его.—Новое направленіе въ изученіи русскаго языка.—Русскій языкъ въ сравненіи съ древними теперь.—Какія желательны перемѣны.—Распредѣленіе грамматическаго матеріала по классамъ съ обозначеніемъжелаемаго числа уроковъ.—Опроверженіе нѣкоторыхъ возраженій противъ возможности дать почетное мѣсто родному языку въ гимназіяхъ.

II. Два слова о положеніи древнихъ языковъ и новыхъ.

Причины малоуспѣшности по древнимъ языкамъ: а) незнаніе отечественнаго, б) большія требованія по греческому и латинскому.—Различное значеніе древнихъ языковъ у нѣмцевъ и французовъ съ одной стороны, у русскихъ—съ другой.—Русскій, а не древніе языки, долженъ стать основой филологическаго образованія въ Россіи.

Причина малоуспѣшности по новымъ языкамъ.

Общая причина малоуспѣшности по иностраннымъ языкамъ.

Резюме: короткое объясненіе факта малоуспѣшности учениковъ.—Р. С. Г. Желтову.

*) Мысли, изложенныя въ этой статьѣ были высказаны мною также въ официальной докладной запискѣ.

Т А Б Л И Ц А *)

числа учениковъ, имѣвшихъ за 187го учебный
годъ годовой баллъ по языкамъ ниже 3.

Какой классъ.	Сколько отб- лений.	Сколь- ко уче- никовъ въ клас- сѣ.	Число неуспѣвшихъ учениковъ и %.							
			По русско- му языку.		По латин- скому.		По гречес- кому.		По одному изъ новыхъ.	
			число	%	число	%	число	%	число	%
I	2	82	26	31 ⁰ / ₀	29	34 ⁰ / ₀				
II	2	79	34	43 ⁰ / ₀	27	34 ⁰ / ₀			39	40 ⁰ / ₀
III	2	68	33	48 ⁰ / ₀	27	39 ⁰ / ₀	48	70 ⁰ / ₀	44	64 ⁰ / ₀
IV	2	73	25	34 ⁰ / ₀	35	46 ⁰ / ₀	46	63 ⁰ / ₀	48	65 ⁰ / ₀
V	2	51			26	50 ⁰ / ₀	24	47 ⁰ / ₀	26	50 ⁰ / ₀
VI	1	21			8	38 ⁰ / ₀	8	38 ⁰ / ₀	5	23 ⁰ / ₀
VII	1	29			9	31 ⁰ / ₀	11	37 ⁰ / ₀	7	24 ⁰ / ₀
VIII	1	13			0	0 ⁰ / ₀	0	0 ⁰ / ₀	4	30 ⁰ / ₀
Средній процентный выводъ.			29 ⁰ / ₀		32 ⁰ / ₀		42 ¹ / ₂ ⁰ / ₀		43 ⁴ / ₇ ⁰ / ₀	

*) Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что малоуспѣшностью я называю
разные успѣхи, отбѣненные отбѣткой ниже 3. А такъ какъ не только $2\frac{3}{4}$ не
мѣшаютъ переходить ученику изъ одного класса въ другой, но даже и $2\frac{1}{2}$, по
многимъ предметамъ, то стало-быть далеко не все малоуспѣшныя не переходили
изъ класса низшаго въ слѣдующій высшій.

Приведенная таблица ясно показываетъ, какъ велика была неуспѣшность учениковъ одной изъ гимназій за 187⁸/₉ годъ по всѣмъ вообще языкамъ и въ частности по нѣкоторымъ особенно. 25% есть число весьма нежелательное; вмѣсто того мы видимъ, что въ низшихъ классахъ, отъ I—IV, ниже 26% неуспѣвшихъ учениковъ нѣтъ, и въ тоже время встрѣчаемъ такія цифры, какъ 48%, 49%, 63%, 64%, 65% и наконецъ 70%! Такой процентъ неуспѣшности просто поразителенъ. Въ высшихъ классахъ, отъ V—VIII, куда попадаютъ сравнительно немногіе ученики и стало быть лучшіе, тѣмъ не менѣе тоже находимъ такія числа, какъ 50%, 50%, 47%, 38%, 38%.

Я не смотрю на 187⁸/₉ годъ, какъ на исключительный, и желаю, чтобы и другіе на него такъ не смотрѣли. Книга балловъ за 187⁸/₉ учебный годъ была не выбрана нами, а попала случайно вмѣсто книги балловъ за прошлый 187⁷/₈₀ годъ. Я увѣренъ, что если извлечь и изъ этой книги подобную же таблицу, то результаты получатся ничуть не благопріятнѣе. Какъ классный наставникъ V класса, я прошлый годъ, составляя записку объ успѣхахъ учениковъ, не менѣе чѣмъ теперь удивленъ былъ большимъ количествомъ неуспѣвшихъ учениковъ за три четверти года. Я даже увѣренъ, что если не по балламъ, то въ существѣ дѣла, малоуспѣшность учениковъ по языкамъ есть недостатокъ общій, принадлежащій отнюдь не одной гимназій, а всѣмъ вообще русскимъ гимназіямъ: всѣ гимназій успѣваютъ вообще не больше, чѣмъ данная гимназія успѣла въ 187⁸/₉ году.

Впрочемъ, безспорно, въ этой гимназій есть свои неблагоприятныя условія, которыхъ не встрѣтить въ большинствѣ другихъ гимназій: 1) отсутствіе единства въ преподаваніи языковъ. Такъ напр. въ низшихъ классахъ четверо преподаютъ латинскій языкъ, двое русскій, двое греческій *) и притомъ такъ, что нѣкоторые преподаватели не ве-

*) Не надо забывать, что въ этой гимназій 5 параллельныхъ отдѣленій, такъ что въ низшихъ классахъ по два отдѣленія.

дуть своихъ учениковъ дальше, а передаютъ новому. 2) Многочисленность учениковъ въ низшихъ классахъ, иногда превышающая цифру 40, какъ напр. въ нынѣшнемъ году.

Но повторяю: не въ этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ лежитъ главная и настоящая причина малоуспѣшности. Хорошіе преподаватели приноровятся другъ къ другу, такъ что вредъ отъ того, что языки разбиты по разнымъ рукамъ, не можетъ быть великъ; что же касается многочисленности учениковъ, то она во всякомъ случаѣ немногимъ превышаетъ законную норму.

Россія—земля самобытная.

О причинахъ малоуспѣшности. Причины лежать гораздо глубже.

I. Общая и самая важная причина заключается въ неудачной постановкѣ русскаго языка въ нашихъ гимназіяхъ.

II. Частныя причины, кромѣ указанной общей, древніе языки имѣютъ свои, новые—свои.

I. О недостаткахъ въ постановкѣ русскаго языка. Желаемыя улучшенія.

1. 187^{8/2} учебный годъ есть первый годъ моего поступленія на должность. Въ преподаваніи русскаго языка я всего больше обращалъ вниманіе на знаніе русской грамматики. Слѣдуя новому направленію въ наукѣ о русскомъ языкѣ, я всего больше старался о томъ, чтобы мои ученики знали морфологію и фонетику русскаго языка. Но много нужно было любви къ дѣлу, чтобы кое-что сдѣлать въ этомъ направленіи, не упуская другихъ частей русской грамматики и другихъ, практическихъ занятій по родному языку. Сравнительно съ тѣмъ, чего я желалъ, мнѣ удалось достигнуть весьма немногаго. Тѣмъ не менѣе тѣ баллы, которые я ставилъ ученикамъ, могутъ быть смѣло замѣнены болѣе высокими, такъ что процентъ неуспѣвшихъ сдѣлалъ

ся-бы приблизительно такимъ: II—10⁰/₀; III—12⁰/₀; IV—10⁰/₀ (въ первомъ классѣ преподавателемъ я не состою),—но и болѣе низкими, при чемъ процентность неуспѣшности выразилась бы приблизительно въ слѣдующихъ числахъ: II—70⁰/₀; III—80⁰/₀; IV—85⁰/₀. И это было бы отнюдь не незаконно. Дѣло въ томъ, что ни въ одномъ предметѣ произвольной, субъективной оцѣнкѣ преподавателя не данъ учебными планами такой просторъ, какъ преподавателю русскаго языка,—и это есть первый и существенный недостатокъ въ постановкѣ роднаго языка въ гимназіяхъ.

Полный личный произволъ при оцѣнкѣ знаній по русскому языку обусловленъ двумя причинами: а) неопредѣленностью требованій, выраженныхъ въ учебныхъ планахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и б) отсутствіемъ экзамена на аттестатъ зрѣлости.

а) Говоря, что требованія учебныхъ плановъ неопредѣленны, я разумѣю курсъ русской грамматики II класса и старо-славянской IV кл. Какъ понимать требованія по русской морфологіи и фонетикѣ, поставленныя въ программѣ II кл. и выраженныя всего только въ 3-хъ строкахъ? Что тутъ нужно сдѣлать? сообщить ли просто понятіе о частяхъ слова и дать кое-какія, напр. по грамматикѣ г. Киричникова (!), фонетическія свѣдѣнія, безъ дальнѣйшаго развитія этого наиважнѣйшаго отдѣла во всей русской грамматикѣ и безъ приложенія къ практикѣ (къ правописанію),—или же составители учебныхъ плановъ желали, чтобы морфологія и фонетика русскаго слова пройдена была въ курсѣ II кл. съ достаточною полнотою, чтобы она была повторяема съ приложеніемъ новыхъ свѣдѣній въ III кл., съ уясненіемъ посредствомъ сравненія съ формами старо-славянскими въ IV классѣ и наконецъ, имѣла бы самое обширное примѣненіе къ русскому правописанію, которое-бы получило тогда настоящій, твердый научный фундаментъ? Если эти требованія понимать въ первомъ смыслѣ, то, намъ кажется, и затрагивать излишне эту богатѣйшую и стройную область русской грамматики; если понимать во второмъ смыслѣ, то

является недоумѣніе еще большее: какъ это при 4 урокахъ по русскому языку не только начать, но и закончить во II классѣ прохожденіе обширной русской морфологіи и фонетики?—Что же касается курса IV класса,—перваго, но въ тоже время и послѣдняго шага къ историческому и сравнительному изученію русскаго языка въ гимназіи,—то онъ весь, взятый цѣликомъ, представляетъ одно недоумѣніе. Слова нѣтъ противъ: это курсъ чрезвычайнаго значенія для изученія роднаго языка, важности неодолимой, необходимости неотложной; но развѣ можно этотъ курсъ съ пользою пройти въ одномъ классѣ при 3 урокахъ, изъ которыхъ половина должна уходить на разборъ повѣствованій и описаній, на объясненіе и сдачу сочиненій? Развѣ можно этотъ курсъ оставить безъ послѣдствій, безъ продолженія, безъ развитія въ дальнѣйшихъ, старшихъ классахъ? Опять самъ собою, по логической необходимости, является вопросъ: зачѣмъ это только лишь затрагивается такая важная вещь, какъ историческое и сравнительное изученіе русскаго языка? зачѣмъ изъ этого изученія не извлекается въ гимназіяхъ та огромная польза, которая дѣйствительно можетъ быть извлечена во благо науки о русскомъ языкѣ?—Еще больше, еще сильнѣе растетъ недоумѣніе по поводу курса IV кл., когда въ объяснительной запискѣ къ программѣ по русскому языку встрѣчаешь примѣчаніе, что-де славянскую грамматику слѣдуетъ проходить не какъ самостоятельный предметъ, а какъ средство объяснить сравнительно и исторически русскія формы и явленія русскаго языка. Но развѣ одно неизвѣстное можетъ сдѣлаться яснѣе отъ того, что оно сравнивается съ другимъ тоже неизвѣстнымъ? Сначала, намъ кажется, слѣдуетъ пройти основательно русскую грамматику одну, затѣмъ, основательно также, пройти старо-славянскую и наконецъ уже дѣлать сравненіе, чтобы имѣть право разсчитывать дѣйствительно на большую пользу для пониманія явленій и формъ сравниваемыхъ языковъ.

Изученіе русской морфологіи и фонетики и затѣмъ весь курсъ IV класса составляютъ дѣло такой огромной важности, что прочіе отдѣлы русской грамматики, какъ напр. синтаксисъ простаго и сложнаго предложенія, въ

наукѣ о русскомъ языкѣ, по своей простотѣ и сравнительно меньшей важности, занимаютъ второстепенное мѣсто. Вотъ почему, не смотря на опредѣленность синтаксическихъ требованій, изложенныхъ въ учебномъ планѣ II и III класса, русская грамматика предоставлена волю на благоусмотрѣніе и произволъ преподавателя: объемъ морфологическихъ и фонетическихъ свѣдѣній совсѣмъ не опредѣленъ учебными планами. Ни одинъ предметъ, опять позволю себѣ сказать, не поставленъ такъ неопредѣленно въ гимназіяхъ, какъ отечественный языкъ.

б) Но преподавательскій произволъ еще больше увеличивается и, такъ сказать, даже поощряется тѣмъ, что Министерство Народнаго Просвѣщенія не сочло нужнымъ ввести устный экзаменъ по русскому языку при испытаніяхъ на аттестатъ зрѣлости. Поговорку „всѣ-то мы люди, всѣ человѣки,“ мыѣ кажется, никогда не слѣдуетъ забывать на ряду съ изреченіями, выражающими такую простую истину, какъ „*Hominum est errare*“ или „*Homo sum et nil humani a me alienum esse puto.*“ Мы лично убѣждены въ томъ, что всѣ преподаватели стоятъ на высотѣ своего призванія, потому что должны стоять; но если поискать повнимательнѣе, то въ оправданіе русской пословицы, по всей вѣроятности, найдутся такіе, которые, пользуясь отсутствіемъ контроля, занимаются своимъ предметомъ не такъ, какъ занимались бы они при существованіи контроля. Это съ одной стороны. Съ другой—отсутствіе испытанія на аттестатъ зрѣлости нѣкоторыхъ преподавателей можетъ привести къ весьма грустному и обидному заключенію, что-де Министерство, по всей вѣроятности, само смотритъ на русскій языкъ, какъ на предметъ второстепенный: иначе, почему оно узаконило письменное и устное испытаніе по-латыни и по-гречески, а по-русски не назначило ни того, ни другаго? *) Русское сочиненіе—работа чисто литературная. Внѣшняя сторона этой работы, орфографія и сочетаніе словъ и предложений, отнюдь

*) А извѣстно, что лат. и греч. языки считались и пока считаются главными.

не можетъ служить критеріемъ настоящихъ научныхъ знаній по русскому языку, какъ въ письменныхъ испытаніяхъ по-латыни и по-гречески: тутъ дѣйствительно можно всегда вѣрное составить понятіе по качеству письменныхъ упражненій о количествѣ и качествѣ знаній по латинскому и греческому языку. Кто разсуждаетъ такъ же о русскомъ языкѣ, тотъ дѣлаетъ радикальную ошибку: въ низшихъ классахъ, какъ напр. въ III кл. и даже во II, нерѣдко встрѣчаешь учениковъ, пишущихъ диктовки безъ ошибокъ. Но развѣ эти ученики, при настоящей постановкѣ русскаго языка, могутъ на основаніи анализа словъ—единственно научномъ—доказать всѣ случаи своей орфографіи? Конечно, нѣтъ: это просто „хорошо намуштрованные“ дома ученики подъ руководствомъ своихъ репетиторовъ и иногда они-то всего меньше и знаютъ научныя правила русской орфографіи. Наоборотъ, лучшіе ученики часто дѣлаютъ такіа ошибки, которыхъ совсѣмъ отъ нихъ не ожидаешь. Иногда опытный переписчикъ и канцеляристъ, ни разу не слыхавшій о томъ, что на свѣтѣ существуютъ приставки, корни, суффиксы и флексіи, тѣмъ не менѣе, отъ долговременной практики и хорошей памяти, рѣдко-рѣдко допустить ошибку, а по большей части пишетъ безошибочно. *) Вотъ почему мнѣ совсѣмъ непонятно чрезмѣрно-строгое отношеніе къ орфографическимъ

*) Такимъ образомъ грамотность, по-скольку она обнаруживается въ правописаніи, достигается двоякимъ путемъ: научнымъ и механическимъ, основаннымъ на хитро-сплетенныхъ правилахъ грамматики, а не на дѣйствительныхъ законахъ языка. Съ точки зрѣнія научной «спелъ, мелъ» суть правильныя формы; но по правиламъ грамматики это суть исключенія изъ глаголовъ на ѣль. То-же самое слѣдуетъ сказать и о формахъ «ѣздяю, ворячаю», объ оборотѣ «что за диковина?», — о формахъ «умереть, тереть», а не «умерѣть, терѣть» и пр. и пр. Между тѣмъ формы «здесь», «гдѣ», «добрые», «выдергивать» и т. п., не имѣющія никакого научнаго основанія, настолько правильны съ точки зрѣнія рутинной грамматики, что странность ихъ орфографіи ничуть не обращаетъ на себя ея вниманія, не вызываетъ ни малѣйшаго со стороны ея замѣчанія.

ошибкамъ учениковъ, хотя бы эти ученики и кончили курсъ гимназіи. Не пройдя, какъ слѣдуетъ — обстоятельно и подробно, — русской фонетики и морфологіи, все равно вѣдь эти ученики, правильно ли они пишутъ или неправильно, не знаютъ основаній для своего правописанія. А всякое правописание, не имѣющее научной подкладки, не имѣетъ никакого серьезнаго значенія. — Впрочемъ, университетскіе профессора, относясь съ чрезмѣрною строгостію къ орфографическимъ ошибкамъ учениковъ, кончающихъ гимназію, думаютъ по всей вѣроятности, что ученики гимназіи дѣйствительно владѣютъ этимъ научнымъ основаніемъ — морфологическимъ анализомъ словъ. Мы убѣждены совершенно въ противоположномъ: большинство выходящихъ изъ гимназій учениковъ пишутъ правильно, совсѣмъ не зная научныхъ основаній. Этотъ фактъ — въ сущности поразительный и прискорбный, а потому я и желалъ-было его констатировать такъ же, какъ фактъ общей малоуспѣшности по языкамъ; но, по независящимъ отъ меня причинамъ, сдѣлать этого, мнѣ не пришлось. Объясняется же онъ тѣмъ, что особенныхъ уроковъ по русскому языку въ старшихъ классахъ нѣтъ и экзамена на аттестатъ зрѣлости къ тому же не бываетъ. Такимъ образомъ ученики забываютъ и то, что знали въ младшихъ классахъ по русскому языку.

Эти недостатки въ постановкѣ отечественнаго языка фактически низводятъ его на степень второстепеннаго предмета: оставляютъ важнѣйшую сторону языка безъ надлежащаго усвоенія (фонетику, морфологию), не даютъ научнаго основанія для орфографіи, не даютъ основанія ученикамъ отыскивать, такъ называемое, буквальное значеніе слова (основанное на морфологическомъ анализѣ) и, наконецъ, влекутъ за собою то, что вмѣсто обстоятельныхъ и основательныхъ научныхъ свѣдѣній по отечественному языку, ученики нашихъ гимназій приобрѣтаютъ только отрывки, такъ что не русская грамматика оказываетъ пользу при изученіи иностранныхъ языковъ, а — наоборотъ — грамматики иностранныхъ языковъ пополняютъ часто большіе пробѣлы по русскому языку, не получая взаменъ ничего.

Стало быть, въ постановкѣ русскаго языка желательны и необходимы радикальныя перемѣны, такъ чтобы изъ второстепеннаго предмета онъ сдѣлался главнымъ: а) въ интересахъ болѣе успѣшнаго развитія отечественнаго языкознанія и б) въ видахъ дать прочное основаніе ученикамъ гимназій при изученіи иностранныхъ и въ особенности древнихъ языковъ.

Мы тѣмъ болѣе возлагаемъ надежду на такія измѣненія, что учебные планы 1877 г., видимо, составляютъ переходъ отъ стараго, рутиннаго и малонаучнаго направленія къ новому. *)

Недавно, лѣтъ 15 тому назадъ, началось едва замѣтное новое вѣяніе въ наукѣ о русскомъ языкѣ, быстро распространившееся и образовавшее новое направленіе въ изученіи роднаго языка, которое вложило въ русскую грамматику „душу живу“: передовые русскіе ученые всю свою дѣятельность главнымъ образомъ сосредоточили на изслѣдованіяхъ этимологическихъ—на морфологіи и фонетикѣ. Импульсъ былъ данъ успѣхами сравнительнаго языковѣдѣнія на западѣ. Наша научная грамматика уже сдѣлала громадныя успѣхи въ этомъ направленіи: въ русскомъ языкѣ открыта цѣлая богатая область строго-научныхъ явленій, такая область, которая впервые поставила науку о русскомъ языкѣ на твердую, непоколебимую почву, на которой зиждется зданіе всѣхъ языковъ. Теперь, благодаря этому направленію, строеніе русскаго слова съ достаточною полнотою разобрано, выяснено, раскрыто. Важность этого поворота столь велика, результаты его столь обширны и многозначительны, что по истинѣ можно сказать безъ преувеличенія: русской грамматикѣ, какъ науки, прежде не было и она какъ-то вдругъ, незамѣтно для насъ самихъ, выросла со всею своею богатою и стройною областію интереснѣйшихъ этимологическихъ явленій.

*) Въ учебныхъ планахъ 1877 г. въ первый разъ въ курсѣ II класса выставлены требованія по морфологіи и фонетикѣ.

Это открытіе, это направленіе, сдѣлавшее переворотъ въ изученіи и грамматикахъ языковъ каждой націи (на западѣ оно распространилось раньше), уничтожило у насъ все преимущества, которыя мы прежде приписывали грамматикамъ латинской и греческой сравнительно съ русской и старо-славянской. Прежде мы жаловались на неопредѣленность и неустойчивость, открытыхъ въ старину, законовъ и правилъ русской грамматики,—теперь пожаловаться на это никто не имѣетъ никакого права: типическія черты отечественнаго языка уяснены, выставлены наружу, опредѣлены сходныя и отличительныя—въ сравненіи съ другими языками европейскими. Прежде мы находили богатство формъ только въ греческомъ и латинскомъ,—теперь мы нашли подобное же богатство въ русскомъ и старо-славянскомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ положительно неосновательнымъ сдѣлалось мнѣніе, будто мертвые языки, какъ законченные, цѣльные организмы, всегда будутъ имѣть на своей сторонѣ важное преимущество—устойчивость и опредѣленность: будто живой языкъ мѣняетъ законы какъ костюмъ, съ переменною модою! будто законы языка—прихотливый капризъ, и какъ будто древніе языки не переживали различныхъ эпохъ въ своемъ развитіи! Мы думаемъ, что найденные настоящіе законы въ родномъ языкѣ столь же устойчивы, какъ и законы латинскаго въ эпоху Цицерона, какъ и законы греческаго—въ эпоху Демосфена, Софокла, Эврипида... Наша грамматика была неопредѣленна, неустойчива, потому что была ненаучна. А теперь, наоборотъ, выяснилось, что наша грамматика въ связи со старо-славянскою превосходитъ древнія, особенно грамматику латинскаго языка, стройностію и опредѣленностію морфологіи, правильностію и богатствомъ фонетическихъ измѣненій. Съ точки зрѣнія педагогической это преимущество неоцѣнимое. Наконецъ, принявъ во вниманіе, что русскій и старо-славянскій языки гораздо понятнѣе, интереснѣе и живѣе для русскихъ учениковъ, всякій согласится, что не греческій или латинскій языкъ слѣдуетъ ставить въ основу филологическаго образованія въ Россіи, а отечественный; что ему, отечественному язы-

ку, слѣдуетъ главнымъ образомъ и прежде всего занять почетное мѣсто среди другихъ языковъ, тѣмъ болѣе, что и иностранные языки не только не проиграютъ отъ того, а скорѣе выиграютъ.

Теперь, намъ кажется, въ виду той твердой почвы, на которую стала наука о русскомъ языкѣ, совершенно пора сдѣлать послѣдній, рѣшительный шагъ въ постановкѣ русскаго языка въ гимназіи, въ духѣ новаго направленія, вмѣсто полумѣръ.

а) Прежде всего слѣдуетъ обстоятельно пройти всю русскую морфологию и фонетику.

б) Чтобы историческое изученіе имѣло не какое-нибудь значеніе, а принесло всю пользу, какую только можно извлечь въ гимназіи, старо-славянскую грамматику слѣдуетъ пройти такъ-же обстоятельно какъ и русскую.

γ) Историческое изученіе не слѣдуетъ прерывать на изученіи только старо-славянскаго языка, а продолжать, разбирая русскіе памятники разныхъ эпохъ: лѣтописи, Слово о полку Игоревѣ и пр.

δ) Въ высшихъ классахъ и, если можно, въ среднихъ, проводить сравненіе между русскими формами и формами языковъ древнихъ.

ε) При такихъ требованіяхъ, на-много превышающихъ требованія прежнихъ учебныхъ плановъ 77 г., естественно придется значительно увеличить число недѣльныхъ уроковъ по русскому языку въ низшихъ классахъ и ввести въ высшихъ, хоть по одному, для разбора памятниковъ.

ς) Чтобы прохожденію курса по русскому языку придать подобающее значеніе и силу, нужно ввести устное испытаніе на аттестатъ зрѣлости—единственное, какое только можетъ быть.

(Работъ по русскому языку, не относящихся къ изученію русской грамматики, мы не касаемся, потому что онѣ не касаются цѣли нашей статьи, имѣющей своимъ предметомъ изученіе языковъ, какъ наукъ, т. е. грамматическую, а не практическую сторону языковъ).

Сообразно съ тѣмъ, что мы сказали, мы-бы предложили, для бѣльшаго поясненія нашего мнѣнія, слѣдующее рас-

предѣленіе грамматическаго матеріала по классамъ съ обозначеніемъ въ каждомъ классѣ числа уроковъ. *)

I классъ. 7 уроковъ.

Въ первомъ классѣ проходится изъ русской грамматики все ученіе о флексіяхъ, т. е. склоненіяхъ и спряженіяхъ, сообщается знакомство со всѣми частями рѣчи; въ общихъ чертахъ—синтаксисъ простаго и сложнаго предложенія съ сообщеніемъ простѣйшихъ правилъ о знакахъ препинанія внутри предложенія и между предложеніями. Это курсъ русской грамматики, имѣющій главнымъ образомъ практическое значеніе: дѣлать самый элементарный этимологическій разборъ и синтаксическій на-столько, чтобы уметь опредѣлять предложеніе и отличать главное отъ придаточнаго, и уметь ставить знаки препинанія.

II классъ. 8 уроковъ. **)

Обстоятельное и послѣдовательное изложеніе морфологическихъ и фонетическихъ свѣдѣній по русскому языку. Именно: Обзоръ суффиксовъ по частямъ рѣчи. Суффиксы именъ существительныхъ, прилагательныхъ. Значеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ суффиксовъ. Суффиксы степеней сравненія, отчасти именъ числительныхъ и мѣстоименій. Производство и образованіе степеней сравненія, именъ числительныхъ и мѣстоименій. Суффиксы глагола: дѣленіе глаголовъ

*) Число уроковъ въ низшихъ классахъ мы назначаемъ сообразно со всѣми занятіями по русскому языку, а не одними только грамматическими. Въ высшихъ классахъ V—VIII назначается по одному уроку только лишь для занятій по языку.

**) Не смотря на обиліе грамматическаго матеріала въ курсѣ II кл. и на видимую трудность его, мы, судя по многимъ даннымъ изъ своей практики, не думаемъ однако, чтобы этого курса нельзя было выполнить при 8 урокахъ вполне удовлетвори-тельно.

по темѣ неопредѣленнаго наклоненія и настоящаго времени (на разряды и спряженія). Значеніе глагольных примѣтъ, частицы *ся*, приставокъ въ глаголахъ: ученіе о видахъ и залогахъ. Суффиксы времени, наклоненій, причастій. Производство глагольных формъ. Суффиксы нарѣчій; сложные и простые союзы. Предлоги.

Дѣленіе гласныхъ на твердые, мягкіе; „гласные йотированные“. Таблица перехода гласныхъ: двойкаго *е*, двойкаго *о*; —*и*, —*ы*. Таблица перехода согласныхъ: гортанныхъ, свистящихъ, зубныхъ (двойкій); смягченіе губныхъ. Разложеніе гласныхъ звуковъ на гласный + согласный (*я* = *еи*, *у* = *ои*, *у* = *ов*, *ы* = *ой* и пр.). Зіяніе.

Опредѣленіе корня. Полногласіе. Корень изъ согласныхъ. Правила о буквѣ *ѣ* въ корнѣ, приставкѣ, суффиксахъ, флексіяхъ.

III классъ. 6 уроковъ.

Ученики переходятъ въ III классъ, зная правильную этимологию русскаго языка въ томъ объемѣ, въ какомъ ее можно преподавать безъ помощи языка старославянскаго: флексіи, корни, суффиксы, приставки; фонетику; зная обстоятельно синтаксисъ простаго предложенія и въ общихъ чертахъ—сложнаго, такъ что, пиша диктовки и переложенія, они опираются въ правописаніи на твердую почву. Но синтаксисъ сложнаго предложенія обстоятельно проходится по-прежнему только въ третьемъ классѣ. Стало быть, новый грамматическій курсъ будетъ составлять въ этомъ классѣ:

I. Обстоятельное ученіе о синтаксисѣ сложнаго предложенія (въ планахъ 77 г. требованія по синтаксису изложены довольно обстоятельно) и

II. Старославянская фонетика въ связи съ фонетикою русскою. Тутъ будетъ объяснено:

Законы смягченія согласныхъ; переходъ *я*, (*а*) въ *у*, (*ж*); *е* (*ь*) въ *и* и *е* (*е*) въ *о*; значеніе йота для согласныхъ и гласныхъ; условія разложенія нѣкоторыхъ гласныхъ на два звука: *я* (*а*), *у* (*ж*), *у* (*оу*), *ы*, *ы*. Особенности въ сочетаніи съ гласными гортанныхъ, шипящихъ, свистящаго

и въ рус. языкѣ и пр. Вся славянская фонетика имѣетъ весьма большое значеніе для освѣщенія законовъ русской и потому желательно, чтобы изученіе ея было обстоятельное и подробное.

IV классъ. 5 уроковъ.

Подробное и обстоятельное изложеніе фонетическихъ и морфологическихъ свѣдѣній параллельно съ курсомъ русской грамматики II го класса: обзоръ суффиксовъ и флексій по частямъ рѣчи, производство и значеніе формъ древнеславянскаго языка. Каждый отдѣлъ ст.-славянской грамматики сравнивается съ отдѣломъ русской. Синтаксисъ ст.-славянскаго языка. Тутъ будутъ объяснены всѣ тѣ явленія въ русскомъ языкѣ, которыхъ нельзя объяснить безъ сравненія съ явленіями языка старославянскаго; указаны три основанія русской орфографіи — этимологическое, фонетическое и обычное.

Чтеніе Остромирова Евангелія.

V, VI, VII, VIII классы — по I уроку.

Такъ какъ ученики основательно едва-ли усвоятъ языкъ старославянскій и едва-ли научатся легко понимать и объяснять его формы при чтеніи Остромирова Евангелія въ IV кл., то чтеніе Остромирова Евангелія слѣдуетъ продолжать и въ V классѣ, а потомъ перейти къ чтенію какого-нибудь памятника другой эпохи. Равно и въ слѣдующихъ классахъ: будутъ разбираться со стороны языка памятники изъ разныхъ эпохъ русскаго и ст.-славянскаго языка, *) причемъ тутъ сообщаются такого рода

*) Тѣ, которые говорятъ, что у насъ нѣтъ памятниковъ столько, чтобы ихъ хватило на чтеніе на всѣхъ высшихъ классахъ, правы только потому, что ошибаются: мы имѣемъ въ виду не знакомство съ содержаніемъ памятниковъ и не знакомство съ ихъ слогомъ, чтобы читая научиться понимать памятники съ эстетической стороны, а единственно ихъ языкъ. Желательно, конеч-

свѣдѣнія изъ науки о русскомъ языкѣ, которыя обыкновенно доселѣ не помещались въ учебникахъ, составляя курсъ, такъ сказать, высшей русской грамматики. *) Всякій разъ, гдѣ удобно, проводится сравненіе русскихъ и славянскихъ формъ съ формами языка греческаго и латинскаго.

Примѣчаніе: Число уроковъ мною строго не обдумано: можетъ быть я запрашиваю и много, но тутъ трудно сообразить вѣрно съ перваго же разу. Мы стоимъ только за три пункта: а) пройти въ гимназій весь нами бѣгло намѣченный грамматическій матеріалъ, б) довести преподаваніе до VIII кл. и в) назначить устный экзаменъ на аттестатъ зрѣлости.

Мы уже сказали, что русскій языкъ, если судить по современному состоянію науки о немъ, имѣетъ всѣ права занять подобающее ему значеніе и мѣсто въ ряду другихъ языковъ, преподаваемыхъ въ гимназіяхъ. Но на это все-таки

но, чтобы и содержаніе было хорошо, интересно, поэтично, и слогъ былъ изящный, но что же дѣлать, если такому требованію можетъ удовлетворить и то только со стороны содержанія—одно «Слово о полку Игоревѣ»? Но для историческаго изученія роднаго языка мы имѣемъ памятниковъ весьма и весьма достаточно. См. напр. «Русскую Хрестоматію. Памятники древнерусской литературы и народной словесности» Θ. Буслаева. Желательно, чтобы ученики въ концѣ концовъ научились легко читать всѣ памятники и легко объяснять формы ихъ, умѣя прилагать ихъ тотчасъ же къ объясненію современныхъ формъ, умѣя отыскать между старыми формами особенно замѣчательныя. Въ этомъ будетъ состоять весь интересъ изученія памятниковъ, интересъ жизненный, обильный, способный привлечь къ себѣ многихъ учениковъ на столько, на сколько они могутъ себѣ выработать въ гимназій настоящій вкусъ къ истинно научнымъ занятіямъ филологіей.

*) Такихъ свѣдѣній много. Сообщить ихъ въ гимназій необходимо: изъ фонетики, морфологіи и синтаксиса.

возражаютъ, что у насъ нѣтъ ни учебниковъ хорошихъ, ни людей компетентныхъ. Это возраженіе теперь анахронизмъ. Учебники есть, отвѣчающіе новымъ требованіямъ (граммат. Бѣлявскаго и др.), а главное: пусть пожалуй ихъ бы и не было; но развѣ преподаватель есть рабъ учебника? развѣ учебникъ по русскому, родному языку, на-столько необходимъ, что безъ него преподаватель не можетъ вести дѣло? Отнюдь нѣтъ: это мы испытали и всякому испытать можно съ успѣхомъ; родной языкъ—не иностранный. Что-же касается того, что будто у насъ нѣтъ людей, достаточно компетентныхъ въ русскомъ языкѣ, то едва-ли кто дастъ силу этому возраженію, когда мы знаемъ, что преподаватели русскаго языка вырабатываются подъ руководствомъ такихъ компетентныхъ профессоровъ, какъ Бодуэнъ-де-Куртенэ, Потебня, Ягичъ, Некрасовъ и др. Но, конечно, есть преподаватели и старой школы, не усвоившіе новыхъ данныхъ по русскому языку; что-жъ изъ этого? Не новые виноваты тѣмъ, что они знаютъ больше и что старые отстали, не слѣдили за успѣхами своего спеціального предмета, за его ростомъ и не стояли на высотѣ своего поста. Да и много-ли такихъ?

II. Два слова о положеніи древнихъ языковъ и новыхъ.

I. Фактъ малоуспѣшности по древнимъ языкамъ весьма знаменателенъ.—Отъ чего онъ произошелъ? Отъ того-ли, что мало уроковъ? отъ того-ли, что некомпетентны преподаватели? отъ частныхъ причинъ другихъ?

Я знаю лично своихъ товарищей, преподавателей древнихъ языковъ, и знаю, какъ относятся они къ своимъ предметамъ. По поводу малоуспѣшности я говорилъ съ ними не разъ, но никогда не слышалъ отъ нихъ такого объясненія, которое бы меня удовлетворяло. Теперь, имѣя предъ собою двухъ-лѣтнюю малоуспѣшность по древнимъ языкамъ, не видя въ своей гимназіи никакихъ особенныхъ причинъ, которыя бы могли сами по себѣ сдѣлать малоуспѣшнымъ преподаваніе греческаго и латинскаго языковъ, убѣжденный въ томъ, что мои товарищи стоятъ на высотѣ своего поста, я

-50518 669-

убѣдился и въ томъ, что малоуспѣшность въ греческомъ и латинскомъ есть фактъ, раздѣляемый всѣми русскими гимназіями: онъ неизбеженъ, и было бы удивительно, если бы въ какой-нибудь гимназіи число неуспѣшныхъ доходило при 40 ученикахъ въ классѣ только до 15⁰/о. Это — фикція, мечта....

Малоуспѣшность по древнимъ языкамъ происходитъ отъ двухъ причинъ: отъ неудовлетворительнаго состоянія русскаго языка и отъ слишкомъ большихъ требованій по греческому и латинскому языкамъ, изложенныхъ въ учебныхъ планахъ Министерства.

Первая причина сама по себѣ уже весьма вѣская. Древніе языки проходятся научно, аналитически, путемъ постепеннаго знакомства съ ихъ законами (иначе нельзя *); но развѣ легко въ первый же разъ, какъ взялся за грамматику, пройти и усвоить кому-бы то ни было законы иностраннаго языка, вмѣсто того, чтобы съ этими законами познакомиться въ грамматикѣ языка роднаго? Вотъ почему, не смотря на громадныя усилія со стороны учениковъ и преподавателей, успѣхи по древнимъ языкамъ чрезвычайно низки. Не многіе изъ учениковъ выходятъ побѣдителями; не многіе кончаютъ курсъ, если преподаватели греческаго и латинскаго языка относятся къ дѣлу добросовѣстно и стремятся во что-бы то ни стало выполнить чрезмѣрныя требованія Министерства (какъ напр., то, чтобы ученики научались понимать какъ красоту древняго стиля, такъ и изящество рѣчи вообще!!) **)

*) Потому что это языки мертвые. Новые языки можно изучать и практически, какъ въ женскихъ институтахъ, какъ обучаютъ имъ гувернеры и гувернантки въ частныхъ домахъ; за то, какъ извѣстно, изъ русскихъ женщинъ филологовъ еще не было.

**) Какимъ образомъ могло быть выставлено подобное требованіе, для насъ совершенно непонятно: красота дѣйствуетъ непосредственно; эстетическое чувство возникаетъ произвольно по одному впечатлѣнію. Напр. при чтеніи произведеній Пушкина, гармонія стиховъ и изящество ихъ постигается безъ всякихъ уси-

Эти чрезмѣрные требованія, намъ кажется, всего больше способны навести на тѣ основанія, которыми руководствовалось Министерство Народнаго Просвѣщенія при постановкѣ древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ: это примѣръ нѣмецкихъ и французскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ дѣйствительно выполняются удачно такія требованія. Если это такъ, то значитъ, въ постановкѣ древнихъ языковъ лежитъ радикальная ошибка.

Ни французскія, ни нѣмецкія средне-учебныя заведенія не могутъ служить образцомъ въ постановкѣ филологическаго образованія въ Россіи.

1. Мы не можемъ успѣвать по-латыни такъ, какъ французы: для французовъ латинскій языкъ почти то-же, что для насъ старо-славянскій.

2. Мы не можемъ успѣвать по древнимъ языкамъ такъ, какъ нѣмцы и французы: у нихъ родные языки несложны, просты, они скоро и въ то-же время основательно ихъ проходятъ, имѣя много времени въ распоряженіи, чтобы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ дѣлать большіе успѣхи по-гречески и по-латыни.

3. И по филологическому родству языковъ и по историческому положенію русскаго и западноевропейскихъ народовъ, латинскій языкъ не можетъ имѣть для насъ такого значенія, какъ для французовъ и нѣмцевъ.

Вообще у французовъ и нѣмцевъ есть свои причины для того, чтобы въ основу филологическаго образованія ста-

лій; чувство прекраснаго возникаетъ само собою... Но мыслимо ли представить себѣ, чтобы ученикъ гимназіи могъ на-столько владѣть мертвымъ языкомъ, чтобы 1) пониманіе произведеній могло достаться ему безъ усилій и 2) чтобы изящество слога воспринималось безотчетно, инстинктивно, произвольно? Много ли людей во всей Европѣ, владѣющихъ въ такомъ совершенствѣ мертвыми языками? Много ли академиковъ? Понимать прекрасное въ содержаніи вполне можно, но только послѣ того, какъ это содержаніе передано будетъ въ переводѣ, на родномъ языкѣ; но получать прекрасное впечатлѣніе отъ слога чужого языка, прямо не владѣвши практически, немыслимо, невообразимо!...

вить древніе языки, такія причины, которыхъ у насъ нѣтъ. Наоборотъ у насъ есть весьма основательныя причины, и педагогическія и научныя, ставить русскій и старославянскій языкъ въ основу филологическаго образованія въ Россіи.

Съ одной стороны:

1. Хотя нѣмцы и французы проходятъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ много по-латыни и по-гречески, всё-таки въ то же время они основательно успѣваютъ напередъ изучить свои родные языки, употребляя на это сравнительно мало времени вслѣдствіе простоты ихъ родныхъ грамматикъ. У насъ для того, чтобы основательно изучить родной языкъ, по его сложности, требуется употребить гораздо больше времени. Это — первое, что въ русскихъ гимназіяхъ должно влечь къ ограниченію требованій по древнимъ языкамъ.

2. Трудность древнихъ языковъ — это второе.

3. Меньшее значеніе ихъ у насъ — третье.

4. Лишнихъ два языка: древне-церковно-славянскій и новый — четвертое.

5. Русскій и древне-славянскій языки, взятые вмѣстѣ, имѣютъ всѣ качества древнихъ языковъ и въ научномъ и въ педагогическомъ отношеніяхъ.

6. Какъ родной, русскій языкъ — представляетъ для насъ безчисленныя выгоды для прочнаго развитія филологическаго образованія въ Россіи.

7. Въ университетѣ у насъ есть особый филологическій курсъ, котораго нѣтъ въ западныхъ государствахъ: курсъ славянскихъ нарѣчій, къ которому по всей вѣроятности не въ отдаленномъ будущемъ присоединится обстоятельный курсъ русскихъ нарѣчій и говоровъ. Такимъ образомъ у насъ есть своя богатая филологическая область, въ которой можно подвизаться русскому всегда съ бѣльшею честью и пользою, чѣмъ въ области западно-и-южно-европейской филологіи. Она, эта западно-и-южно-европейская филологія, конечно, въ университетѣ будетъ занимать всегда подобающее мѣсто, но въ гимназіяхъ было бы несправедливо трудиться больше на пользу этой фило-

логін, а не русской. Это не нормально: хорошихъ успѣховъ нельзя никогда ожидать, задаваясь многимъ въ греческомъ и латинскомъ языкахъ.

II. Что касается новыхъ языковъ, то кромѣ общей причины—плохого знанія русскими учениками русской грамматики, въ отношеніи къ нимъ имѣетъ большое вліяніе на малоуспѣшность ихъ незавидное офиціальное положеніе, малое значеніе въ ряду другихъ предметовъ, проходимыхъ въ гимназіяхъ.

III. Много вредитъ успѣшности и по новымъ, и по древнимъ языкамъ еще то обстоятельство, что сами преподаватели не опираются на русскую грамматику, преподають ихъ какъ-то изолированно, игнорируя законы роднаго языка. Къ тому-же и учебниковъ-то по иностраннымъ языкамъ нѣтъ, приноровленныхъ хорошо къ русской грамматикѣ. А безъ хорошихъ учебниковъ научно преподавать мальчикамъ иностранные языки съ бѣльшимъ успѣхомъ невозможно: это не то, что родной языкъ.

Итакъ, въ короткихъ словахъ, гдѣ причина малоуспѣшности учениковъ данной гимназіи въ 187^{8/9} учебномъ году?

По русскому языку. Баллы дѣйствительной успѣшности не выражаютъ. Объ успѣшности и малоуспѣшности безотносительно къ личнымъ требованіямъ преподавателя судить невозможно.

По древнимъ языкамъ и новымъ. Причина малоуспѣшности—въ неумолимой необходимости. Недостатокъ, общій всѣмъ русскимъ гимназіямъ.

В. М. Д.

1880 г.

Декабря 10.

Р. С. Мы съ удовольствіемъ прочли въ VI кн. „Фил. Зап.“ 1880 г. замѣтку г. Желтова подъ заглавіемъ: «Единственно научный способъ разбора словъ». Ду-

маемъ, что въ нашей статьѣ г. Желтовъ найдетъ, между прочимъ, болѣе подробное раскрытіе той-же мысли. Но мы недоумѣваемъ, почему г. Желтовъ морфологическій и фонетическій разборъ словъ считаетъ единственно научнымъ разборомъ? Правда, это — важнѣйшій разборъ, существенный, главный, большаго научнаго значенія сравнительно со всякимъ другимъ разборомъ, — но отнюдь не единственно научный: разборъ предложенія по членамъ то-же вполне научный, но лишь не морфологическій, а синтаксическій (синтаксическій), имѣющій въ виду выяснять функцію падежей въ предложеніи, глагольных формъ и неизмѣняемых частей рѣчи. Какъ разборъ отдѣльных словъ на приставки, корни, суффиксы ведетъ насъ въ концѣ концовъ къ объясненію функціи каждой части слова, такъ равнымъ образомъ и разборъ предложенія по членамъ ведетъ насъ къ объясненію функціи разныхъ грамматическихъ формъ цѣлаго слова: падежей, глагольных формъ и формъ неизмѣняемыхъ частей рѣчи. Это — тоже очень важный разборъ; точно также важенъ и разборъ сложнаго предложенія на простыя предложенія. Всѣ эти „разборы“ суть научные, которыхъ никоимъ образомъ нельзя оставить безъ существеннаго вреда для уразумѣнія законовъ языка, безъ существенныхъ пробѣловъ въ знаніи роднаго языка. Если французы не дѣлаютъ морфологическаго и фонетическаго разбора словъ, то очень плохо они поступаютъ, большой дѣлаютъ промахъ; но и нѣмцевъ нельзя похвалить, если они въ самомъ дѣлѣ не разбираютъ простаго предложенія по членамъ... Ясно, что тутъ рѣчь должна идти не о различныхъ способахъ разбора словъ (какъ у г. Желтова), а о различныхъ видахъ грамматическаго разбора: а) о разборѣ отдѣльных словъ на части, б) о разборѣ простаго предложенія *) на части (на члены, слова) и в) о разборѣ сложнаго предложенія на части (на простыя предложенія). Въ каждомъ изъ этихъ видовъ грамматическаго разбора слѣдуетъ обращать вниманіе на

*) а не словъ, какъ думаетъ г. Желтовъ.

форму (корня, префикса, суффикса; на форму слова, — предложенія) и на функцію (корня, префикса, суффикса; на функцію формы цѣлаго слова, — формы предложенія). Всѣ эти три вида грамматическаго разбора могутъ быть и въ школѣ одинаково научны, если они ведутся учителемъ какъ слѣдуетъ, и необходимы, но разнаго значенія при изученіи языка: самый важный разборъ, всего болѣе знакомящій насъ съ строемъ языка, есть конечно разборъ (анализъ) отдѣльныхъ словъ. А этимъ-то именно разборомъ у насъ доселѣ всего меньше и занимались. Что-же касается остальныхъ двухъ видовъ разбора, то они страдаютъ у насъ отсутствіемъ научнаго характера, а слѣд. — и сухостію, безжизненностію и скукою, нагоняютъ на учениковъ зѣвоту и склоняютъ ихъ ко сну... Эти виды граммат. разбора, стало-быть, слѣдуетъ освѣжить, освободить отъ рутины, сдѣлать научными, а первый видъ слѣдуетъ еще только ввести, какъ занятіе новое, но, повторяемъ, отнюдь не единственно научное.

Января 10
1881.

В. М. Д.

ЗНАЧЕНІЕ И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНІЯ СКАЗУЕМАГО.

Въ сужденіяхъ о сказуемомъ повторились тѣ же самыя ошибки, какія обнаружались у насъ и относительно подлежащаго. Вуслаевъ назвалъ его тѣмъ, „что мы думаемъ или судимъ о подлежащемъ“, т. е. придалъ ему значеніе чисто логическое, обусловленное непремѣннымъ и видимымъ присутствіемъ субъекта въ предложеніи. Новѣйшіе грамматисты, отрицая это ошибочное ученіе, вдаются въ крайность противоположную: они лишаютъ сказуемое ужъ не только логическаго, но даже и грамматическаго значенія,—придаютъ ему какой-то абсолютно независимый, безформенный и чисто психологическій характеръ. „Сказуемое, говорить г. Дмитревскій, указываетъ на признакъ, который впечатлѣвается и возникаетъ въ говорящемъ, и указываетъ безотносительно, абсолютно, такъ сказать, замыкаясь въ личности говорящаго“ (Практ. Зам. по рус. син. III, 53). Хотя тамъ же и говорится, что въ многочленномъ предложеніи сказуемое „выражаетъ признакъ — впечатлѣніе въ его отношеніи къ міру внѣшнему“, но тутъ предполагается, очевидно, не грамматическое отношеніе, не отношеніе слова къ слову, а какое-то философское, отношеніе къ „внѣшнему міру“. Авторъ второстепенности подлежащаго не признаетъ внѣ сказуемаго никакого субъекта въ предложеніи, утверждая, что „мое внутреннее, я, субъектъ есть лишь одно сказуемое“ (V, 66), какъ будто „мое внутреннее я“ и мое впечатлѣніе есть одно и тоже.

Такія странныя смѣшенія могутъ быть объяснены лишь тѣмъ многолѣтнимъ застоємъ и тою полувѣковою плотиною въ нашей грамматикѣ, прорвать которую, разумѣется, трудно безъ нѣкоторыхъ излишковъ и увлеченій, тѣмъ болѣе, что и старое-то ученіе, какъ выше было замѣчено, не чуждо своеобразныхъ крайностей, противодѣйствовать которымъ опять-таки не легко въ предѣлахъ середины. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ непонятно, какимъ это образомъ слогъ $\phi\eta$ (въ $\phi\eta-\mu$) получаетъ значеніе сказуемаго, да еще съ эпитетомъ „посторонняго приложенія“ къ μ , подлежащему, какъ учить Гейзе? (Сист. языковѣд. 180). Какимъ образомъ подлежащее, эта особая, самостоятельная часть предложенія, имѣющая свою, такъ сказать, плоть и кровь, вдругъ войдетъ въ глаголѣ въ качествѣ словообразовательнаго элемента, сдѣлается флексією, не переставая быть подлежащимъ? Вѣдь это будетъ агглютинація, признавать которую въ глаголѣ аріевропейскомъ по меньшей мѣрѣ странно. Безспорно, личныя окончанія были когда-то мѣстоименіями, выражали самостоятельныя и даже „матеріальныя“ категоріи въ языкѣ, но разъ они вошли въ глаголѣ и послужили къ созданію слова, они уже сдѣлались органическими, словообразовательными элементами его общаго-грамматическаго или частнаго-лексическаго значенія. Однимъ словомъ, мы, публика, право все еще не знаемъ ни сказуемаго, ни предложенія въ настоящемъ, не подложномъ смыслѣ этихъ словъ, все сидимъ или на неграмматической почвѣ логическихъ категорій, или на своихъ руководѣльныхъ ходуляхъ фантастическаго происхожденія.

Настоящая замѣтка не претендуетъ, разумѣется, на какія нибудь открытія или нововведенія: она есть плодъ личнаго желанія уяснить самому себѣ, по даннымъ науки, — что такое сказуемое, какъ фактъ грамматическій, какъ часть предложенія? Область философская или психологическая не касается мною.

Въ самомъ дѣлѣ, если предложеніе не сужденіе и сказуемое — понятіе грамматическое, то что же оно, сказуемое, другое, какъ не форма? Формою же въ языкѣ называется вообще выраженіе отношенія между словами, простирающагося на общія, или грамматическія ихъ значенія. Напримѣръ, въ рѣчи: люблю отца — слово отца, какъ винительный падежъ имени существительнаго муж. рода и т. д., есть форма — отношеніе къ слову люблю — глаголу дѣйстви- тельнаго залога, изъявительнаго наклоненія, настоящаго времени и т. д.; люблю же, какъ первое лицо глагола, есть форма-отношеніе къ подразумѣваемому я — слову, ни къ чему уже не относящемуся, т. е. именительному падежу (откуда πῶτις ὀρθή, casus rectus. Такимъ образомъ сказуемое, какъ грамматическая форма, есть нѣкоторая сумма общихъ значеній, относящаяся тоже къ суммѣ общихъ или грамматическихъ значеній, обыкновенно къ имени существительному или мѣстоименію, съ ихъ принадлежностями. Сумма всѣхъ общихъ значеній, составляющихъ сказуемое, или другими словами, тахіμιν сказуемаго выражается въ глаголѣ, а потому опредѣливъ точно глаголѣ, мы тѣмъ самымъ опредѣлили бы и сказуемое, въ его полнотѣ и сущности. Но, къ сожалѣнію, мы нигдѣ не имѣемъ такого опредѣленія глагола — сказуемаго, и самъ г. Потенія, говоря о предложеніи, уклоняется отъ него, ссылаясь на „несовершенство наблюденій“. Г. Барсовъ пытается на основаніи глагольныхъ суффиксовъ указать всѣ формальныя значенія, входящія въ содержаніе глагола, и концентрируетъ почти всѣ части предложенія, относящіяся къ сказуемому, въ глаголѣ, какъ микрокосмъ предложенія (Ф. З. П., 1880 г.). Но во-первыхъ, его догадки требуютъ еще нѣкоторыхъ подтвержденій, а во-вторыхъ, формальные элементы глагола отнюдь не могутъ быть названы частями предложенія, а лишь „отношеніями“ къ частямъ предложенія, и въ этомъ только смыслъ замѣчанія г. Барсова мнѣ кажутся поучительными и заслуживающими вниманія гг. препода-

давателей и специалистовъ. Точное, но общее опредѣленіе глагола—сказуемаго мы имѣемъ въ формулѣ: признакъ во время возникновенія его отъ лица—кратчайшей и наиболѣе общей схемѣ сказуемаго. Признакъ и отношеніе есть необходимая принадлежность всякой части предложенія, но особенность сказуемаго состоитъ въ томъ, что оно выражаетъ признакъ, относящійся именно къ лицу, т. е. подлежащему. И это составляетъ *conditio sine qua non* всякаго сказуемаго, не только глагола, но и не глагола. Перефразируя опредѣленіе, данное г. Потемнею, мы получимъ такую норму для сказуемаго вообще, глагольнаго и неглагольнаго: оно есть признакъ—дѣйствіе или признакъ—состояніе въ ихъ отношеніи къ лицу. Больше „признака“ и „отношенія“ ничего нѣтъ въ сказуемомъ съ точки зрѣнія его объема.

Что касается до спеціальнаго смысла самаго слова „отношеніе“, то имъ въ грамматикѣ называется обыкновенно функція связи между словами, функція сочиненія или подчиненія. Напримѣръ, въ вышеприведенномъ предложеніи *люблю отца*—слово *отца*, выражая свою связь съ словомъ *люблю* по вопросу „кого?“—заключаетъ въ себѣ „отношеніе“, именуемое винительнымъ падежомъ или винительнымъ объектомъ; а слово *люблю*, сочиняясь съ словомъ *я* по вопросу „что дѣлаю?“—заключаетъ въ себѣ „отношеніе“, называемое первымъ лицомъ глагола. Въ словахъ, не заключающихъ въ себѣ функцій известной связи, связь эта выражается посредствомъ разныхъ служебныхъ частицъ, которыя поэтому и называются чисто формальными элементами рѣчи. Разумѣется, каждый предлогъ или союзъ носитъ въ себѣ какой нибудь спеціальный оттѣнокъ значенія, соединяетъ слова какимъ нибудь особымъ, отличнымъ отъ другихъ способомъ, такъ что каждое употребленіе предлога или союза даетъ въ языкѣ новую форму, большею частію не замѣчаемую и вовсе не называемую нашею грамматикою.

Вопросъ теперь въ томъ, какъ и чѣмъ выражается въ сказуемомъ „отношеніе къ лицу“? какими способами и средствами пользуется языкъ для обозначенія этого элемента сказуемаго?

Средства и способы выраженія отношеній въ языкѣ вообще суть слѣдующіе: а) аффиксы, или флексивныя окончанія, называемыя поэтому формальными элементами слова; б)) вспомогательныя или служебныя слова, какъ то: вспомогательный глаголъ (буду читать, будешь читать), членъ (le père, du père, au père, der Vater, dem Vater, den Vater), частицы (иду въ домъ; смотрю на домъ; огурецъ съ домъ; всѣ мы знаемъ, что камень есть камень); в) порядокъ словъ въ рѣчи, или словорасположеніе (ходя по комнатѣ, читаю; читаю ходя по комнатѣ), и, наконецъ, формальные элементы того слова, къ которому данное слово въ рѣчи относится, какъ наир. „купленъ аршинъ, купилъ аршинъ, пять аршинъ“ и проч., гдѣ надежъ слова „аршинъ“ опредѣляется главнымъ образомъ формальнымъ значеніемъ словъ: купленъ, купилъ и пять. Такъ, глаголъ купить очевидно заключаетъ въ своемъ значеніи потребность объекта (можетъ быть потому, что суффиксъ *и* есть по происхожденію своему личное мѣстоименіе вин. пад. какъ говоритъ г. Барсовъ), а потому „аршинъ“ при „купить“ функционируетъ, какъ вин. надежъ купилъ аршинъ; количественное же слово пять требуетъ при себѣ партитивнаго дополненія по вопросамъ: „кого?“ или „чего?“ — а потому то же самое слово „аршинъ“ при „пять“ функционируетъ уже какъ род. пад. мн. ч.: пять аршинъ. Явленіе это можно объяснить закономъ взаимодѣйствія формъ, который состоитъ въ томъ, что всѣ формальные элементы слова, какъ то суффиксы, аффиксы и проч., и въ особенности послѣдніе, получаютъ то или другое значеніе и, такъ сказать, одухотворяются лишь въ рѣчи, въ взаимной связи между собою, что дало поводъ проф. Потебнѣ окончательно, если

не ошибаемся, обеззвучить форму, признать ее, какъ одно синтаксическое употребленіе слова, какъ одно чистое значеніе. Но это, мнѣ кажется, односторонность. Не одно значеніе составляетъ форму. Языкъ всегда былъ и будетъ сферою значеній въ связи съ звуковыми ихъ выраженіями, и грамматика перестанетъ быть собою, какъ отраслью языкознанія, если она совсѣмъ отрѣшится отъ звуковъ и положить свой предметъ въ область чистыхъ значеній. Несомнѣнно, что рѣчь и предложеніе составляютъ необходимую среду для жизни и проявленія формальныхъ функцій; несомнѣнно, что аффиксъ *у* въ словѣ *книгу*, вырванномъ изъ связи рѣчи, не функционируетъ, мертвъ: но вѣдь нельзя обойтись и безъ него, нельзя сказать читаю *книгѣ* и разорвать традиціонную, мало того, органическую (вѣдь привычка, говорятъ, вторая природа) связь извѣстнаго значенія съ извѣстнымъ, ему принадлежащимъ звукомъ, носителемъ и, при благопріятныхъ условіяхъ, выразителемъ его, — словомъ, нельзя представить форму безъ звука. Да и гдѣ есть такое значеніе, которое само по себѣ или по отношенію къ другимъ значеніямъ давалось бы, какъ форма?....

Какъ бы то ни было, а сказуемое, какъ часть предложенія, выражаетъ отношеніе къ лицу или аффиксомъ, или вспомогательнымъ глаголомъ (собственное выраженіе сказуемаго), или, наконецъ, посредствомъ только взаимодѣйствія съ другимъ словомъ, имѣющимъ значеніе подлежащаго — способъ, который можетъ быть названъ несобственнымъ выраженіемъ сказуемаго. Отсюда видно, что сказуемое по способу своего выраженія бываетъ трехъ видовъ: флексивное — простое, флексивное — сложное и внѣглагольное.

Первый видъ сказуемаго называется глагольнымъ или просто глаголомъ (*ῥῆμα*, *verbum*). Глаголь есть историческое и специальное выраженіе сказуемаго. Его техника, или конструкція, принаровлена именно къ тому, чтобы быть этою частію предложенія. Въ немъ признакъ и

отношеніе къ лицу, это, какъ мы сказали, *conditio sine qua* поп сказуемаго, составляютъ одно слово, какъ одно органическое цѣлое. Въ глаголѣ личныя окончанія имѣютъ то же значеніе, какое мѣстоименіе *и, я, ѳ* имѣютъ въ имени прилагательномъ: какъ эти служатъ словообразовательными элементами прилагательнаго, такъ тѣ суть словообразовательные элементы глагола; какъ эти средства связи прилагательнаго съ существительнымъ (добрыѳ мужъ, добрая жена, доброе слово), такъ тѣ суть средства связи сказуемаго съ подлежащимъ: я читаю, ты читаешь, братъ читаетъ и проч.

Сказуемое, выраженное посредствомъ вспомогательнаго глагола, или флексивно-сложное, принято называть составнымъ, если оно есть имя или мѣстоименіе, и описательнымъ, если основная часть его есть причастіе или неопредѣленное наклоненіе. Такъ какъ функція „отношенія“, какъ мы сказали, есть функція „связи“, то поэтому вспомогательный глаголъ и называется въ грамматикѣ связкою. Этотъ видъ сказуемаго употребляется въ русскомъ языкѣ вообще рѣдко: обыкновенно въ будущемъ времени (буду читать, будешь здоровъ, будемъ друзья) и никогда не употребляется въ прошедшемъ, гдѣ глаголъ былъ, были является показателемъ не лица, а времени (я былъ здоровъ, ты былъ здоровъ, мы были друзья). Что же касается до архаизмовъ есмь еси и проч., то они, какъ кажется, никогда не были свойственны русскому народному языку и всегда были отличительнымъ признакомъ болгаризма, о чемъ свидѣлствуетъ и современный дѣйствительный говоръ простаго народа, и вся безыскусственная отечественная словесность, начинающая отъ сказки и широкой быliny и кончая афоризмомъ поучительной пословицы.

Гораздо большею популярностью пользуется у насъ сказуемое виѳглагольное. Оно состоитъ ужъ въ полномъ отсутствіи глагола, не только въ видѣ самостоятель-

ной части предложенія, но даже и въ видѣ связи. Здѣсь слово дѣлается сказуемымъ исключительно по связи своей съ именительнымъ падежомъ, который такимъ образомъ дѣлается неизбѣжнымъ въ предложеніи и долженъ стоять на лицо. Напримѣръ: „Лягушка, на лугу увидѣвши Вола, затѣяла въ дородствѣ съ нимъ сравняться, и ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться“. Здѣсь слова: затѣяла, пыхтѣть и надуваться явились сказуемыми очевидно не сами по себѣ, не по природѣ своей, какъ люблю, буду любить (извѣстно, что прошедшее время и неопредѣленное наклоненіе въ русскомъ языкѣ равно неопредѣленны, безличны: первое есть отглагольное прилагательное, причастіе, второе—существительное), а по взаимодействию съ именительнымъ падежомъ лягушка,—словомъ, имѣющимъ въ данномъ случаѣ значеніе предмета рѣчи. Разорвемъ связь, отдѣлимъ эти сказуемые отъ ихъ сочлена-падежа, и предложеніе уничтожается. Точно также въ предложеніяхъ: я здоровъ; мы люди; вы друзья; никто не прочь; всѣ въ расыпную; ларецъ съ секретомъ, да онъ и безъ замка; я креститься, что не спится, анъ не ужиналъ; люди пировать, а мы горевать; медвѣдь хватъ друга камнемъ въ лобъ; мартышка тихохонько медвѣдя толкъ ногой и т. п.,—слова: „я“ и „здоровъ“, „мы“ и „люди“, „никто“ и „непрочь“, „люди“ и „пировать“, „медвѣдь“ и „хватъ“ и проч. явились подлежащими и сказуемыми благодаря опять взаимной связи между собою, по взаимодействию. Если держаться принципа „суббота для человѣка“, часто, къ сожалѣнію, забываемаго наукою, и подчинить грамматику самой дѣйствительности, языку, то двучленное предложеніе, по взаимодействию, можетъ быть названо типомъ русскаго предложенія, потому что и флексивно-личный глаголъ въ русскомъ языкѣ, какъ показываютъ намъ факты, началъ нуждаться въ поддержкѣ именительнаго падежа. Посмотрите, какъ говоримъ мы: „Отума-

ненными дремотой глазами я пристально смотрю на ея (матери) лицо и вдругъ она сдѣлалась вся маленькая, маленькая—лицо ея не больше пуговики; но оно мнѣ все также видно: вижу, какъ она взглянула на меня и какъ улыбнулась. Я прищуриваю глаза еще больше, и она дѣлается не больше тѣхъ мальчиковъ, которые бываютъ въ зрачкахъ; но я пошевелился—и очарованіе разрушилось, я суживаю глаза, поворачиваюсь. всячески стараюсь (слитн.) возобновить его, но напрасно.

Я встаю, съ ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.

— Ты опять заснешь, Николенька, говорятъ мнѣ шатап:—ты бы лучше шелъ наверхъ.

— Я не хочу спать, мамаша^а и т. д. (Дѣтство и Отрочество, Толстаго).

Однако, говоря о вѣглагольныхъ средствахъ выраженія сказуемаго и способѣ взаимодѣйствія, мы не думаемъ отрицать возможности опущенія его въ русскомъ языкѣ. Въ рѣчи разговорной, когда говорящій и слушающій стоятъ къ себѣ и предмету рѣчи непосредственно, лицомъ къ лицу, лицо или глаголъ могутъ быть опущены или выражены какими нибудь вѣязычными, такъ сказать, пантомимными средствами. Встрѣчаясь съ знакомымъ и спрашивая куда?—я не считаю нужнымъ говорить еще ты, такъ какъ опрошенный и безъ того видитъ, къ кому относится мой вопросъ, кто это „куда?“ Наконецъ тутъ слишкомъ прозрачно сказуемое идешь, которое употреблять есть тоже трудъ лишній. Точно также взглядомъ или жестомъ я указалъ своему сосѣду предметъ дѣйствующій, оратора, сказавъ: краснорѣчивъ! Вѣдь цѣль нашей рѣчи въ томъ и состоитъ, чтобы высказаться и быть поняту другими. Хотя языкъ есть самое удобное и совершенное средство выраженія нашихъ мыслей и желаній, однако, это, нужно признаться, даръ не безвозмездный и требуетъ съ нашей стороны нѣкоторой энергіи и затраты силъ, которой чело-

вѣкъ при первой возможности избѣгаетъ. Отсюда и лаконизмы. На Тверскую! (т. е. вези). Шампанскаго! (подай). Какъ такъ? (это случилось). Да такъ. (Это) совсѣмъ не то. Неужели (т. е. правда то, что я слышу)? На гумиѣ—ни снопа, въ закромахъ—ни зерна (т. е. нѣтъ, на что указываетъ ужъ отрицаніе *ни*, употребляемое лишь въ предложеніяхъ отрицательныхъ, съ *не*). Ну какъ теперь? Пополнилась ли я? Почти что ничего (не пополнилась) и т. п. Г. Дмитревскій видитъ въ этихъ случаяхъ какое-то „поглощеніе“ сказуемаго второстепенными частями предложенія; но вѣдь второстепенныя части предложенія не есть тѣ тощія библейскія коровы, въ сновидѣніи Фараона, которыя, поглотивъ тучныхъ, сами не пополнили. Тутъ просто опущеніе.

И не одна экономическая распорядительность языка служить причиною опущенія: ею бываетъ и стремленіе говорящаго сосредоточиться на какомъ нибудь понятіи, въ сказуемаго, или просто — логическая второстепенность сказуемаго. Въ пословицѣ: куда иголка, туда и нитка — важное значеніе имѣетъ очевидно не то или другое дѣйствіе подлежащаго, а направленіе ихъ движенія, обстоятельственныя понятія куда и туда. Здѣсь совсѣмъ нѣтъ сказуемаго, — опущеніе не въ рѣчи, а въ самомъ сознаніи говорящаго. Точно также и въ предложеніяхъ: говорятъ; угостили; тише ѣдешь, дальше будешь и подобныхъ — подлежащее ступшевывается по своей логической, если можно такъ выразиться, ненужности въ предложеніи. Вообще, повторяемъ, опущеніемъ формальныхъ необходимыхъ элементовъ предложенія, т. е. подлежащаго или сказуемаго, языкъ всю тяжесть значенія сосредоточиваетъ на тѣхъ понятіяхъ, которыя логически важнѣе, — ударяетъ въ ту струну, звукъ которой больше всего соответствуетъ данному настроенію говорящаго, нужнѣе ему, чѣмъ полный аккордъ формально закругленнаго предложенія.

Опущеніемъ объясняются и многіе виды нашихъ такъ называемыхъ безличныхъ оборотовъ. При сказуемыхъ: жаль, пора, нельзя, можно, должно и другихъ несомнѣнно опущеніе, и не слова „есть“, которое при нихъ никогда и не существовало (жаль бо ему мила брата Всеволода. Того бо стараго Владиміра нельзя бо пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ. (Слово о Пол. Иг.), а разныхъ понятій, которыя могутъ быть часто и на-лицо. Напримѣръ: „пора вамъ ѣхать?—Пора“, т. е. ѣхать, что здѣсь и есть подлежащее, „Можно вамъ придти ко мнѣ?—Можно, нельзя“, т. е. придти, что опять подлежащее. Жаль (т. е. то, что слышу, или то, о чемъ рассказываю) и т. п.—все предложенія по одному взаимодействию, безъ глагола. Да и что такое самый нашъ безличный глаголь, какъ не сказуемое при подразумѣваемомъ подлежащемъ это или они (es, man)?

Въ самомъ дѣлѣ, если сущность безличныхъ глаголовъ, какъ свѣтаеть, морозить и другихъ, состоитъ въ томъ, что въ нихъ „логическимъ субъектомъ служатъ предметныя понятія свѣтъ и морозъ, которыя, будучи представлены дѣятелями, получили въ языкѣ форму глагола“ *), то значить, при нихъ нѣтъ и не можетъ быть какого либо внѣшняго предмета дѣйствующаго, хотя бы даже и неопредѣленнаго нѣчто, значить, они сами, такъ сказать, субъектъ—дѣйствіе. При такихъ сказуемыхъ можетъ быть лишь указаніе на нихъ же, которое, указаніе, и есть фиктивное грамматическое подлежащее. Нѣмецкій языкъ выражаетъ это указаніе посредствомъ es (это) и man (они, люди); русскій же языкъ, по свойственной ему склонности къ сжатымъ и, такъ сказать, непосредственнымъ выраженіямъ, склонности, основывающейся на живомъ, непосредственномъ отношеніи челоуѣка къ себѣ, другимъ и природѣ—слово, выражающее указаніе, опускаетъ, хотя и не всегда.

*) Гротъ, «Къ вопросу о значеніи подлежащаго.»

Напримѣръ: „что это за шумъ? Это въ трубѣ шумитъ, это вѣтромъ зашелестило, это вдали прогремѣло“ и т. д. „Что это, — дождь или снѣгъ, утро или вечеръ? Это снѣжитъ, это дождитъ, это вечерѣтъ, это разсвѣтаетъ“, *es schneit, es regnet, es wird Abend* и проч. Разумѣется, не всякое безличное сказуемое по существу своему есть указательное, и не всегда можно подразумѣвать указательное это. При сказуемыхъ, выражающихъ какое нибудь субъективное состояніе говорящаго (хочется, вѣрится, тепло, холодно), указаніе не мыслимо по скрытности, невидимости и неосвязаемости явленія. Оттого-то и въ нѣмецкомъ языкѣ на ряду съ предложеніями: *es ist heut warm, es ist heut kalt* (сегодня на дворѣ тепло, сегодня на дворѣ холодно) стоятъ: *mir ist warm, mir ist kalt* (мнѣ тепло, мнѣ холодно) безъ *es*. Нечего говорить о томъ, что предложенія: „это (не *es*, а *das*) мнѣ хочется; мнѣ желательно, что бы ты былъ здоровъ; смѣшно это видѣть, слышать (подл.); кажется, что не въ убыткѣ; чудится, будто весь вылить изъ стекла; странно видѣть тебя въ такомъ положеніи; это (обстоятельство) его поразило и проч., суть предложенія личныя. Когда же указываемое явленіе есть не дѣйствіе или состояніе, а предметъ, т. е. является простирающимся не во времени, а въ пространствѣ, тогда сказуемое выражается въ формѣ имени существительнаго: дождь! снѣгъ! пожаръ! зима и проч....

Однимъ словомъ, мы признаемъ смыслъ и конструкцію русскихъ безличныхъ предложеній тождественными съ конструкцію этихъ предложеній въ другихъ языкахъ, а въ особенности въ нѣмецкомъ, и недоумѣваемъ, почему это наши филологи приписываютъ имъ грамматическое подлежащее въ формѣ нѣчто. Нѣмецкое *es* значитъ оно, это, а не нѣчто. Нѣчто есть указаніе на виѣшній, посторонній для сказуемаго предметъ-производитель, а соль

безличныхъ глаголовъ въ томъ и состоитъ, что они лишены этого внѣшняго предмета дѣйствующаго, независимы отъ всякихъ постороннихъ факторовъ и являются признаками въ полномъ смыслѣ самопроявляющимися. „Нѣ что прогремѣло“ выражаетъ то, что какой-то неизвѣстный намъ предметъ нарушилъ тишину, чѣмъ то или посредствомъ чего-то произвелъ громъ; а „это (es) прогремѣло“ обозначаетъ именно лишь указаніе на явленіе, которое произошло само собою, по своей внутренней инициативѣ.... При такомъ составѣ безличныхъ предложеній, терминъ „безличный“, разумѣется, неточенъ и сбивчивъ, и мы можемъ сказать о немъ словами г. Потемни, что „подъ безличностью глагола давно привыкли понимать не отсутствіе грамматическаго лица, а лишь извѣстныя его свойства“, т. е. указаніе не на внѣшній для сказуемаго предметъ-производитель (нѣ что), а на внутренній, другими словами, на самое сказуемое,—указаніе или непосредственное, какъ въ русскомъ языкѣ, или посредствомъ слова (es, man, il), какъ въ языкахъ нѣмецкомъ и французскомъ. Отношеніе къ лицу въ безличныхъ глаголахъ, разумѣется, чисто фиктивное, равняющееся нулю въ числѣ напр., 10, гдѣ онъ, не выражая самъ по себѣ какой нибудь величины, служитъ лишь въ возвышенію знаменательности единицы.

Что касается до предложеній съ отрицательными глаголами: нѣтъ, не стало, не будетъ и т. п. то они ужъ по самому своему отрицательному характеру тоже абсолютно безличны и могутъ имѣть при себѣ лишь партитивное дополненіе въ родит. падежѣ: нѣтъ денегъ, его не стало, не будетъ учителя.

Къ безличнымъ предложеніямъ не относятся предложенія, состоящія изъ неопредѣленнаго наклоненія — сказуемаго съ дательнымъ падежомъ подлежащаго. Предложенія эти отличаются тѣмъ особеннымъ смысломъ, что въ нихъ признакъ — сказуемое является какъ бы въ обязательныхъ отношеніяхъ къ лицу дѣйствующему, подлежащему, которое

потому и кажется съ нѣкоторымъ пассивнымъ оттѣнкомъ, не по отношенію къ своему признаку—сказуемому, котораго оно все тотъ же непосредственный производитель, а по отношенію къ разнымъ внѣшнимъ для себя условіямъ, по отношенію къ какойнибудь внѣшней волѣ. Здѣсь лицо—подлежащее не можетъ не дѣйствовать, обязано испытать какоенибудь состояніе, откуда и дательный падежъ. Напримѣръ: „Новгородъ ти держати въ старинѣ, по пошинѣ. Что волостей тѣхъ „Новгородскихъ, того ти, Княже, не держати своими мужи, но держати мужи Новгородскими; а даръ имати тобѣ отъ тѣхъ волостей; а кому раздавалъ волости Братъ твой Александръ или Дмитрій съ Новгородцы, тобѣ тѣхъ волостей безъ вины не лишати“ *). Ясно, что непремѣнная воля лица говорящаго здѣсь является закономъ для лица дѣйствующаго. Въ предложеніяхъ: быть бычку на веревочкѣ: чему быть, тому не миновать; кому сгорѣть, тотъ не утонетъ—лицо дѣйствующее преклоняется предъ начертаніями судьбы, *fatum*’а. Въ положеніяхъ: сѣну съ огнемъ не улежаться; за вѣтромъ въ полѣ не угнаться—подлежащее уступаетъ первенство физической необходимости, законамъ природы. Въ обыденныхъ разговорахъ: тебѣ пѣть, нынѣ вамъ дежурить—грамматическій субъектъ подчиняется требованіямъ порядка или обычая и т. п. Что дательные падежи въ названныхъ предложеніяхъ не дополненія и не имѣютъ ничего общаго съ формами: мнѣ, тебѣ при жалѣ, хочется—это видно ужъ изъ того, что они служатъ здѣсь къ образованію предложенія и, по закону взаимодѣйствія, помогаютъ неопредѣленному наклоненію быть сказуемымъ, чего нельзя сказать о всякомъ другомъ дательномъ падежѣ при *verbum finitum* *).

*) Собраніе госуд. гр. и догов. подъ 1265 г.

*) Подробности о дательномъ съ неопредѣленнымъ см. у г. Боголюбова, Фил. Зап. № 1, 1879 г.

Итакъ вотъ что такое сказуемое и какое его мѣсто въ предложеніи. Оно, дѣйствительно, можетъ быть названо центромъ или узломъ предложенія, но центромъ не въ одно-стороннемъ смыслѣ, а съ необходимыми свойствами всякаго центра въ природѣ: съ силою центробѣжною и центростремительною. Центростремительность сказуемаго обнаруживается въ его притяженіи къ подлежащему, главному, такъ сказать, солнцу предложенія, а центробѣжность—въ его обратномъ отношеніи по зѣмъ другимъ частямъ предложенія въ его движеніи, такъ сказать, „отъ центра къ окружности“, какъ выразился г. Дмитревскій по другому поводу. Если эту грамматическую аксіому мнѣ удалось настоящими строками своими поставить на осязаемую всѣми и опредѣленную точку, то я считаю свою цѣль вполне достигнутою. Во всякомъ случаѣ заключаю словами своего соименника, писца Остромирова Евангелія: **МОЮ ЖЕ ВЪСѢХЪ ПОУИТАЮЩИХЪ НЕ МОЖЕТЕ КЛАТИ, НЪ ИСПРАВЯШЕ ПОУИТАИТЕ.**

Г. Миловидовъ.

О ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХЪ ПРЕДЛОЖЕНІЯХЪ.

Недавно разрѣшался, да и теперь продолжаетъ разрѣшаться вопросъ о значеніи подлежащаго въ предложеніи, ¹⁾ вопросъ скорѣе теоретическій, чѣмъ практический. Но, въ связи съ нимъ, стоитъ на очереди другой вопросъ, помимо научнаго интереса, имѣющій прямое практическое значеніе, и разрѣшеніе его болѣе важно, по моему мнѣнію, чѣмъ вопросъ о подлежащемъ. Это — о дополнительныхъ предложеніяхъ. Тамъ — подлежащее всякій называетъ подлежащимъ, и оно въ средѣ другихъ частей предложенія ясно сознается (какъ-бы ни старались обратить его въ дополненіе); но здѣсь одно и то-же предложеніе называется и дополнительнымъ и опредѣлительнымъ. Такъ предложенія: «Кто съ пользою отечеству трудится, тотъ съ нимъ легко не разлучится»; «Кто правды желаетъ, тому Богъ помогаетъ»; «Я то люблю, что сердце грѣетъ, что я могу своимъ назвать», — въ грамматикахъ Говорова, Перевлѣскаго и нѣкоторыхъ другихъ приведены, какъ примѣры на дополнительное предложеніе, а въ грамматикѣ г.г. Кирпичникова и Гилярова такія-же предложенія помѣщены подъ рубрикою опредѣлительныхъ предложений (§§ 13 — 15 Синтак. и тѣ-же §§ примѣровъ). Опредѣленія одного и того-же, какъ видно, діаметрально противоположныя. А это — учебники, и довольно распространенные; слѣдовательно и всѣ учащіеся по нимъ имѣютъ, по отношенію другъ къ другу, свѣдѣнія о таковыхъ предложеніяхъ совершенно различныя. Это въ школѣ не годится!

¹⁾ Филолог. Записки за 1878—79 и 80 г.г. въ статьяхъ Дмитревскаго, Миловидова и Я. Грота.

Придаточныя предложенія могутъ быть рассматри-
ваемы двумя способами—логически и грамматически ²⁾.
—Предложеніе: «Ты увидишь тамъ то, что понравится
тебѣ», грамматически можетъ быть рассмотрѣно такъ:
въ глав. предл. «ты» — подлежащее, «увидишь» — ска-
зуемое, «то» — прямое дополненіе, опредѣленіемъ кото-
рому будетъ цѣлое придат. предложеніе, въ которомъ
«что» замѣняетъ слово «которое», предполагая пропускъ
слова «дѣло—обстоятельство», т. е. «Ты увидишь тамъ-
то дѣло—обстоятельство, которое понравится тебѣ», или
признавая «то» за самостоятельное дополненіе безъ под-
разумѣванія чего-либо. По такому разбору приведенное
здѣсь придаточное предложеніе будетъ дѣйствительно
опредѣлительнымъ. Или возьмемъ другіе примѣры: «Кто
не знаетъ этого дѣла, тотъ можетъ сильно ошибаться»;
«Кто правды желаетъ, тому Богъ помогаетъ». Здѣсь
опять грамматически разбирая, придется признать при-
даточное предложеніе опредѣлительнымъ: «Можетъ силь-
но ошибаться тотъ (подразумѣвается «человѣкъ»), ко-
торый (признавая слово «который» за замѣну «кто»)
не знаетъ этого дѣла». А слѣдующій примѣръ, повиди-
мому, еще яснѣе указываетъ, что всѣ таковыя предло-
женія есть именно опредѣлительныя: «Которыя были
изъ другихъ мѣстовъ (-сть), тѣхъ высылали на родину»
(област. рѣчь). Здѣсь уже прямо на мѣстѣ «кто» стоитъ
относительное мѣстоименіе «который».

Придерживаясь такого способа разбора, нельзя не
видѣть, что всѣ вышеприведенные примѣры имѣютъ
характеръ опредѣлит. предложеній. Но если рассмат-

²⁾ Хотя вообще разборъ предложеній есть достояніе синтак-
сиса, но, желая дать имя каждому изъ приведенныхъ мною спо-
собовъ, называю одинъ — грамматическимъ, рассматривающимъ
только слова въ предложеніи безъ рассмотрѣнія отношенія пред-
ложеній одно къ другому, а другой — логическимъ, основаннымъ
на рассмотрѣніи построенія сложнаго предложенія; слѣдовательно,
эти термины взяты мною условно.

ривать ихъ съ логической стороны, то они представляются совсѣмъ въ другомъ видѣ. — Прежде опредѣлимъ точный смыслъ указательнаго мѣстоименія «тотъ». Это мѣстоименіе и вообще всѣ указательныя обозначаютъ указаніе на извѣстный предметъ для выдѣленія его изъ подобныхъ, указываютъ на его индивидуальность, обособленность: это дерево, этотъ человѣкъ, это сдѣлалъ такой-то (а не другой) человѣкъ, — и указаніе можетъ относиться не только къ предмету, реально существующему: это дерево, это явленіе, эта мысль (здѣсь «явленіе, мысль» представляются какъ-бы опредѣленные предметы, имѣющіе реальность), но и къ цѣлому понятію, обозначающему не предметъ, но дѣйствіе, проявленіе чего-либо въ дѣйствіи — во времени, наклоненіи и т. п. Такъ въ предложеніи: «Ты увидишь тамъ то, что понравится тебѣ», мѣстоименіе «то» указываетъ не на предметъ (дѣло — обстоятельство), а на извѣстное свойство предмета, проявленіе этого свойства, именно то, что выражается глаголомъ придаточнаго предл. «понравится». Слѣдовательно здѣсь не указывается предметъ въ индивидуальномъ его значеніи, не указывается самый предметъ, имѣющій опредѣленіе, выраженное цѣлымъ придат. выраженіемъ, а указывается на опредѣленное свойство, какъ-бы реальный предметъ, исключительно разсматриваемый съ этой именно стороны, отдѣляя всѣ остальные признаки понятія, какъ существительныя — «знаніе, бѣлизна» и т. п. не обозначаютъ предмета въ собственномъ смыслѣ, а цѣлое понятіе, полученное чрезъ отвлеченіе. Или другой примѣръ: «Я то люблю, что сердце грѣетъ». Здѣсь указывается не на дѣло — обстоятельство, или вообще предметъ, а именно на все, имѣющее способность грѣть сердце, т. е. на извѣстное проявленіе предмета въ дѣйствіи, точно такъ-же, какъ неопредѣленное наклоненіе и прилагательное въ среднемъ родѣ выражаютъ подлежащее, которое въ этомъ значеніи можетъ назваться «безпредметнымъ» подлежащимъ: «Служить-бы радъ, прислуживаться тошно» (Гриб.); «Пріятное не всегда бываетъ полезно», — или въ безличныхъ

предложеніяхъ: «говорятъ, рассказываютъ» и т. п. Хотя въ послѣднихъ и прямо подразумѣвается подлежащее «люди», но въ нихъ нѣтъ указанія на опредѣленный предметъ, ясно сознаваемый, какъ что-то неопредѣленное, безпредметное — «молва, слухъ», то и считаются, по справедливости, безличными предложеніями, или какъ ихъ называетъ Миклошичъ «безсубъектными». Въ предложеніи: «Пріятное не всегда бываетъ полезно», никто не назоветъ «пріятное» опредѣленіемъ къ подразумѣваемому подлежащему «дѣло, обстоятельство». Повидимому, такой взглядъ на значеніе указательн. мѣстоим. имѣетъ въ себѣ противорѣчіе — нельзя же назвать въ предложеніи: «Я то люблю, что сердце грѣетъ», — «то» опредѣленіемъ къ придаточ. предложенію. По этому-то я и указалъ два способа разбора — грамматическій (такой терминъ считаю возможнымъ, хотя и не вполне соответствующимъ понятію), т. е. разбирающій части предложенія самого въ себѣ, безъ отношенія къ другому предложенію: «я» — подлежащее, «люблю» — сказуемое, «то» — дополнение, — и логическій, подводящій это предложеніе подъ другое, какъ часть къ цѣлому.

Опредѣливши значеніе мѣстоим. указательн. «тотъ» въ предложеніяхъ, какъ указаніе не только на предметъ, но и на цѣлое предложеніе, и такимъ образомъ какъ опредѣленіе не къ подлежащему или дополненію, выраженному однимъ словомъ, а опредѣленіе къ цѣлому предложенію, можно теперь съ увѣренностью сказать, что предложеніе: «Что понравится тебѣ», — не есть опредѣленіе къ подразумѣваемому дополненію «то дѣло-обстоятельство», а есть само *дополненіе*, имѣющее опредѣлительнымъ словомъ «то».

Съ другой стороны на таковыя предложенія, какъ имѣющія характеръ дополненія, указываетъ и сокращеніе этихъ предложеній. — Придаточное предложеніе получается изъ развитія второстепенной части предложенія. — Чтобы получить придаточное предложеніе изъ опредѣлительнаго, дополнительнаго или обстоятельственнаго слова, нужно *это слово сдѣлать сказуемымъ* въ предло-

женіи: «При восходѣ солнца небо бываетъ прекрасно = когда восходитъ солнце и проч. (грам. Бусл. § 135, 274). Но при этомъ нужно замѣтить, что придаточныя предложенія сохраняютъ характеръ той части предложенія, отъ которой произошли; поэтому-то они и имѣютъ тѣ-же названія — дополнительныхъ, опредѣлительныхъ, обстоятельственныхъ, какъ и второстепенныя части предложенія ³⁾. И сказуемое сокращаемаго предложенія обращается въ ту часть рѣчи, въ которой выражается часть предложенія: сказуемое дополнител. предложенія въ существительное, прилагател., неопредѣленное наклоненіе глагола и пр.; сказуемое опредѣлительнаго — въ причастіе, прилагательное и существительное; сказуемое обстоятельственныхъ предложеній — въ дѣспричастіе, существител. и пр. Слѣдовательно, по сокращеніи придаточнаго предложенія, долженъ получиться членъ предложенія, имѣющій одинаковое наименованіе: изъ дополнительнаго предложенія — дополнение, изъ опредѣлительнаго — опредѣленіе и т. д., но изъ опредѣлительнаго предложенія никакъ не получится дополнение, или изъ дополнительнаго — опредѣленіе.

Переходя къ опредѣленію характера разбираемыхъ предложеній, примѣнимъ къ нимъ законъ сокращенія придаточныхъ предложеній. По сокращеніи оказывается, что предложенія: «Ты увидишь тамъ то, что понравится тебѣ; Кто правды желаетъ, тому Богъ помогаетъ; Кто не знаетъ этого дѣла, тотъ можетъ сильно ошибаться; Которыя были изъ другихъ мѣстовъ (-сть), тѣхъ высылали на родину» — сокращаются или въ дополнение, или въ подлежащее: «Ты увидишь *имѣющее* (прямое дополн.) понравится тебѣ (описательное причастіе за неимѣніемъ причаст. будущ. времени); Богъ помогаетъ *же-*

³⁾ «При восходѣ солнца = когда восходитъ солнце» — предложеніе времени; «Ужъ сколько разъ твердили міру о гнусности и вредѣ лести = что лестъ гнусна, вредна» — дополнительное предложеніе; «Я иду въ лавку для покупки (купить) хлѣба = чтобы купить = чтобы я купилъ хлѣба» — предложеніе цѣли и т. д.

лающему (дополн.) правды; Можетъ сильно ошибаться не знающій (подлеж.) этого дѣла = невѣжда въ этомъ дѣлѣ; Высылали на родину бывшихъ въ другихъ мѣстахъ» = иногородныхъ, иносельцевъ, чужеземцевъ и т. п. (прямое допол.). Слѣдовательно, эти предложенія никакъ не могутъ быть опредѣлительными предложеніями, а есть предложенія *дополнительныя*.

Едва-ли можетъ быть возраженіе противъ опредѣненія предложеній, какъ дополнительныхъ: «Кто не знаетъ этого дѣла, тотъ можетъ сильно ошибаться; Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ», сокращающихся въ подлежащее, хотя первое, повидимому, даже болѣе втораго подходитъ къ опредѣлительному, чѣмъ къ дополнительному: «Тотъ, кто (или который) не знаетъ дѣла, можетъ ошибаться». Положимъ, въ строгомъ смыслѣ всякое придаточное предложеніе, служащее подлежащимъ главному предложенію (сказуемому главнаго), нельзя назвать дополнительнымъ, скорѣе идетъ къ нему терминъ «субъективнаго» предложенія, въ отличіе отъ собственно дополнительныхъ, какъ-бы «объективныхъ». Въ самомъ дѣлѣ, такія предложенія слѣдовало-бы *особымъ именемъ* выдѣлить изъ разряда дополнительныхъ, чтобы точнѣе опредѣлить ихъ характеръ и такимъ образомъ не отождествлять подлежащаго съ дополненіемъ и тѣмъ даже облегчить ученикамъ пониманіе свойства латинскихъ (и нѣкоторыхъ другихъ языковъ) оборотовъ accusativ. cum infinit. и nominativ. cum infinit. — Но, подводя такое предложеніе подъ опредѣленіе дополненія или опредѣленія, мы видимъ, что терминъ дополнит. предложенія точнѣе опредѣляетъ его характеръ. Не буду здѣсь разбирать значеніе подлежащаго и дополненія по отношенію ихъ къ предложенію и другъ къ другу. (Этотъ вопросъ подробно разбирался въ статьяхъ Дмитревскаго, Миловидова и Я. Грота въ Фил. Зап. а также и въ грам. Бусл. § 125; Потебни изъ Зап. по рус. гр. стр. 87—88, 96—98 и др.); но выскажу свое мнѣніе, что если подлежащее и не одно и то-же съ дополненіемъ, все-таки они сродны между собою и довольно близки (сравнительно съ опре-

дѣленіемъ) одно къ другому, такъ что эта ихъ близость подала поводъ къ совершенному отождествленію ихъ (?), и уже во всякомъ случаѣ подлежащее сблизить съ опредѣленіемъ, назвавши предложеніе, замѣняющее подлежащее, опредѣлительнымъ, было-бы несообразностію. Итакъ, выяснивши значеніе указательн. мѣстоименій и способа сокращенія придаточ. предложеній, остается предложенія, замѣняющія подлежащія, или назвать *особымъ именемъ*, или причислить къ *дополнительнымъ*, а никакъ не къ опредѣлительнымъ.

Поэтому едва-ли можно согласиться съ мнѣніемъ г. Грота ⁴⁾, что въ примѣрѣ: «Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ», придаточное предложеніе служить «опредѣленіемъ или поясненіемъ, развитіемъ подразумеваемаго подлежащаго, заключающагося въ указательномъ мѣстоименіи *то* (стран. 15)». — «*То*» есть указаніе на *что-то*, слѣдовательно, *опредѣленіе* къ подлежащему, выраженному здѣсь описательно, т. е. цѣлымъ предложеніемъ. Впрочемъ, г. Гротъ далѣе самъ-же дѣлаетъ оговорку: «Это опредѣленіе (къ дополненію *того*, выраженное предложеніемъ: «Что оно стало извѣстно» въ примѣрѣ: «До какой степени это важно, видно изъ того, что оно стало извѣстно»), присоединяемое къ опредѣляемому посредствомъ союза *что*, конечно не подходитъ подъ тѣ виды опредѣленія, которыми до сихъ поръ ограничивалось понятіе этого члена предложенія, но едва-ли можно во многихъ случаяхъ подвести такое поясненіе указательнаго мѣстоименія подъ какую-либо другую категорію (стран. 16).» Слѣдовательно, онъ оставляетъ этотъ вопросъ открытымъ и прямо не рѣшаетъ, какія таковыя предложенія—дополнительныя или опредѣлительныя, называетъ ихъ «опредѣлительными, а иногда, можетъ быть, и дополнительными или обстоятельными (?)», болѣе склоняется къ опредѣлитель-

⁴⁾ Филолог. Записки 1880 г., вып. V, въ статьѣ: «Къ вопросу о значеніи подлежащаго въ предложеніи».

нымъ, но съ особымъ оттѣнкомъ, слѣдовательно, ни то, ни другое, а что? — неизвѣстно.

Слѣдовательно, окончательное рѣшеніе вопроса зависитъ отъ того, какой способъ разбора предпочесть — грамматическій или логическій. А это, по моему мнѣнію, находится въ связи съ опредѣленіемъ вообще значенія и задачи синтаксиса, что достаточно было разъяснено (грам. Бусл. §§ 106, 118—119; синтакс. Стоюн. стран. 1—2; Говор. ч. III стр. 3; Потеб. стр. 49—60 и мн. др.); а потому едва-ли возможно колебаніе, что способъ разбора предложений, основанный на разсмотрѣніи построенія предложений, есть единственный, иначе, по грамматическому разбору, пришлось-бы признать и таковыя предложения, какъ — «Я люблю Англичанъ за то, что они лучше хотятъ свистать и шипѣть по-английски, нежели говорить чужимъ языкомъ (Карамз.)» — дополнительными, а не причинными.

Очень желательно было-бы, чтобы разсматриваемый мною вопросъ, въ виду его практической важности, былъ разрѣшенъ *окончательно*, такъ какъ, по словамъ г. Владиславева въ его логикѣ, «мысль незапечатлѣнная, не отмѣченная словомъ, не имѣетъ той опредѣленности и ясности, какая свойственна мысли, уже выразившейся словомъ (стр. 95)... особенно важны термины въ отношеніи педагогическомъ», добавляетъ онъ (*idem*), — да и въ виду *другихъ* школьныхъ неудобствъ.

Д. Аннинскій.

КЪ УЧЕНІЮ О РУССКОМЪ ГЛАГОЛѢ.

II

Объ общей глагольной темѣ и ея видоизмѣненіяхъ: 1) въ глаголахъ гласныхъ I разряда, 2) согласныхъ, 3) плавныхъ (полногласныхъ) — Измѣненія особаго рода: 1) у глагола II раз. Форма аориста. 2) III разр. Объясненіе формъ «лазю», «вздю» и под. «пишу изъ писаю». 3) у гл. VШ разряда. — Глаголы съ двумя темами (неправильные).

У Миклошича (Verg. Gram. 3 B. L. 62) читаемъ: „Анализъ глагольныхъ формъ ведетъ насъ къ тому заключенію, что онѣ по темѣ, лежащей въ ихъ основаніи, распадутся на двѣ категоріи: однѣ формы производятся отъ темы плет, да, другія имѣютъ въ своемъ основаніи тему плет-е, да (д). плет-ъ, πλέξας, да-в-ъ, δούς принадлежатъ къ первой категоріи; плет-е-ши, πλέχεις, да-си, δίδως — ко второй. Теперь, такъ какъ плет, да(д) принадлежатъ формѣ неопредѣленнаго наклоненія, а плет-е, да — формѣ настоящаго времени, то мы и называемъ формы первой категоріи формами неопредѣленнаго наклоненія, формы же второй категоріи — формами настоящаго времени“.

Это дѣленіе формъ и темъ страдаетъ слѣдующими недостатками: 1) оно не имѣетъ единства въ основаніи дѣленія и потому непослѣдовательно; 2) оно игнорируетъ общую глагольную тему и затрудняетъ производство глагольныхъ формъ, такъ какъ заставляетъ въ каждомъ глаголѣ отыскивать двѣ темы какъ одинаково важныя, самостоятельныя.

а) Сопоставленіе темы плет-е, дад съ темою плет, да, какъ двухъ самостоятельныхъ и параллельныхъ, невозможно: всякому очевидно, что первая тема заключаетъ въ себѣ вторую, зависитъ отъ нея, потому что построена

на ней; параллели между ними нѣтъ: одна подчиненная, производная, другая—независимая, самостоятельная; одна—сложная, другая—простая. Тема плет-е, дад заключаетъ въ себѣ тему плет, да+признакъ формы. (Въ плет-е признакомъ формы служить суффиксъ формъ настоящаго времени е, въ дад—удвоеніе корня.)

б) Мы видимъ, что тема плет, да участвуетъ въ образованіи всѣхъ глагольныхъ формъ безъ исключенія: плет-ж, плет-еши; плет-жши; плет-омыи; плет-и, плет-ѣте; плет-ѣахъ; плет-охъ; плет-ъ; плет-ень; плет(т)-лъ; плет-сти (плет-ти). Стало быть, это есть общая глагольная тема.

Такимъ образомъ для производства глагольныхъ формъ всегда слѣдуетъ класть въ основаніе вмѣсто двухъ одну только глагольную тему; другія темы—второстепенныя и онѣ производятся отъ основной общей. Между второстепенными темами слѣдуетъ различать въ свою очередь: видовую и частныя. Видовая тема та, которая служитъ для производства цѣлой группы частныхъ темъ; частныя темы суть темы отдѣльныхъ глагольныхъ формъ.

Видовая тема существуетъ для такъ называемыхъ „формъ настоящаго времени“, къ которымъ, по Миклошичу, въ древнеславянскомъ языкѣ относятся: 1) *praesens*; 2) *imperativ*; 3) *partic. praes. act.*; 4) *partic. praes. pass.* 5) *imperfect*. Плет-е, (дад) именно есть видовая тема, заключающаяся во всѣхъ частныхъ темахъ перечисленныхъ формъ: 1) плете-ши; плето-м (плетж); 2) плетѣте = плете-н-те, по Миклошичу; 3) плето-нши = плетжши; 4) плето-мый; 5) плетѣахъ: въ этой формѣ ѣ содержитъ въ себѣ суффиксъ е темы плете; однако Миклошичъ допускаетъ производство формы *imperfect*'а прямо отъ „темы неопредѣленнаго наклоненія“ т. е., правильнѣе, отъ общей глагольной темы.

Другой видовой темы нѣтъ, потому что всѣ остальные формы производятъ свои частныя темы прямо отъ общей глагольной темы. Къ этимъ формамъ принадлежатъ: 1) *infinitivus*, 2) *supinum*; 3) *partic. praet. act. I*; 4) *partic. praet. act. II*; 5) *partic. praet. pass.*, 6) *aor. I* и 7) *aor. II*.

Частныхъ темъ столько, сколько простыхъ глагольных формъ: I плете (плето) для *praesens*. II плетѣ, (плети) для *imperativ*. III плетжщѣ, ща, — для *partic. praes. act.* IV плетомъ, ма — для *particip. praes. pass.* V плетѣахъ — для *imperf.* VI плести *) — для *infinitiv.* VII плетѣ — для *supinum*. VIII плетѣшь, ѣша — для *part. praes. act. I*. IX плетѣла, ла — для *part. praet. act. II*. X плетѣнъ, на — для *part. praet. pass.* XI плетохъ — для аориста I и XII плет — для аор. II.

Такимъ образомъ частныя темы по своему составу въ старослав. языкѣ дѣлятся на слѣдующія: 1) на тему аориста II, у котораго тема формы есть въ то же время и тема глагола; 2) на темы формъ неопредѣл. накл., супина, причастій прош. дѣйств. зал. съ суфф. ѣшь (I), лѣ (II), страд. съ суфф. нѣ, енѣ, тѣ и аориста I. Темы всѣхъ этихъ формъ производятся прямо и непосредственно отъ общей глагольной темы, такъ что заключаютъ въ себѣ глагольную тему + суффиксъ формы. и 3) наконецъ, на темы формъ, названныхъ у Миклошича „формами настоящаго времени“, потому что эти формы производятся не прямо отъ общей глагольной темы, а отъ видовой „темы настоящаго времени“, характеромъ которой служить звукъ е, усиливающийся въ о (плетомый): стало быть, частная тема заключаетъ въ себѣ гла-

*) Слѣд. плет отнюдь не есть «тема неопредѣленнаго наклоненія», какъ думаетъ Миклошичъ.

гольную тему+общій суффиксъ формъ наст. вр.
+спеціальній суффиксъ извѣстной формы
наст. времени.

Отбросивъ суффиксъ неопредѣленнаго наклоненія ть, ти, мы получимъ глагольную тему. По своему составу глагольная тема въ русскомъ языкѣ, какъ мы видѣли, бываетъ девяти видовъ. Но нужно замѣтить, 1) что у многихъ глаголовъ глагольная тема въ разныхъ формахъ подвержена бываетъ измѣненіямъ и 2) что у нѣкоторыхъ глаголовъ тема бываетъ не одна, а двѣ.

Измѣненія въ темѣ правильныхъ глаголовъ бываютъ двоякаго рода:

а) обычныя фонетическія, распространенныя по всей области грамматики и

б) специально-принадлежащія нѣкоторымъ глагольнымъ формамъ и вызванныя не законами фонетики, а требованіями симазіологіи.

Для того, чтобы удобнѣе было обозрѣть обычныя фонетическія измѣненія въ глагольной темѣ, нужно прежде всего различать три ряда темъ:

А. Гласныя, оканчивающіяся гласнымъ звукомъ. Сюда принадлежатъ темы: многихъ глаголовъ I разряда и всѣхъ глаголовъ II, III, IV, V, VI, VII, VIII и IX.

Б. Согласныя, оканчивающіяся согласнымъ звукомъ. Сюда относятся только темы другой части глаголовъ I класса: нес-ть.

В. Полногласныя-плавныя темы I разряда: поро-ть, тере-ть: пор'-у, т(ь)р-у.

Изъ гласныхъ темъ подвержены фонетическимъ измѣненіямъ темы I разряда слѣдующихъ категорій: а) жа-ть: жн-у (жа-ти: жьн-ж); мы-ть—мой-у (мы-ти: мой-ж);

пѣ-ть: пой-у (пѣ-ти: пой-ж). б) би-ть: б'-й-у (би-ти: би-й-ж); бри-ть: бре-й-у (бри-ти: бре-й-ж). П—толкну-ть: толкн у (тлѣкнѣ ти: тлѣкн-ж). V—ходи-ть: хо ж у (ходи-ти: хожд-ж).

Изъ согласныхъ темъ подвержены измѣненіямъ а) гортанныя (пек-у, жг-у), б) зубныя (плет-у, крад-у).

Темы плавныя: мр-у), кол'-(у), —всѣ подвержены своеобразнымъ видоизмѣненіямъ.

А. Гласныя темы подвержены бываютъ измѣненіямъ только тогда, когда слѣдующій за темою звукъ есть тоже гласный. Всѣ измѣненія въ гласной темѣ вызываются одною причиною: стремленіемъ языка уничтожить зіяніе—явленіе, какъ извѣстно, нетерпимое въ славянской (за рѣдкими исключеніями: въ старосл.: дѣлаахъ, свѣтааго) и особенно въ русской фонетикѣ.

Зіяніе съ измѣненіемъ звуковъ темы уничтожается въ „формахъ наст. времени“, т. е.

- 1) Въ наст. вр. изъяв. накл.
- 2) Въ повелительномъ наклоненіи передъ суф. и (ь).
- 3) Въ причастіи наст. дѣйств. зал. передъ суфф. онщій (ущій) енщій (ящій)
- 4) Сверхъ того, у глаголовъ съ примѣтою и, въ прич. стр. зал. прош. вр. передъ е-нъ, е-ннй (гдѣ е—соедин. гласный звукъ).

Всѣ видоизмѣненія, которыя бываютъ при уничтоженіи зіянія въ глагольной темѣ, можно отнести къ слѣдующимъ тремъ категоріямъ: а) разложеніе гласнаго звука корня на гласный+согласный, б) измѣненія конечнаго звука и, в) опущеніе глухаго гласнаго звука з=рус. о бѣ-глому).

а) Разложенію подчиняются гласные корни: а (т. е. частію наше а, стоящее послѣ шипящаго: жа-ть, на-ча-ть, частію я: мя-ть, рас-пя-ть, кля-с-ть), ъ и ѣ: жа-ть, мы-ть, пѣ-ть. Стало быть, разложеніе бываетъ только у

глаголовъ I разряда категоріи а). **а** разлагается на (е)н=(ь)н; **ы**—на ой; **ю**—на ой передъ гласными суффиксами формъ наст. вр.—ж(ь)н-у, ж(ь)н-ешь, ж(ь)н-еть и т. д., ж(ь)н-и, ж(ь)н-ущій. Мой-у, мой-ешь, мой-утъ, мой(+и), мой-ущій. Пой-у, пой-ешь, пой-утъ, пой(+и), пой-ущій. Срав. старослав. фф. жьн-ж, жьн-єши, жьн-єть, жьн-и, жьн-жшии; пой-ж, пой-єши, по-йжтъ и пр.; но мѣй-ж, мѣй-єши и пр.: наоборотъ, въ русскомъ языкѣ **ы** корня разлагается всегда: крой-у, пой-у, вой-у, рой-у. [Это явленіе разложенія звуковъ **а**, **ы** и **ѣ** есть обычное въ русской фонетикѣ: срав. имя(**а**) + и=имен-и; жн(**а**) + ець=жн-ецъ (жьн-ьць); мн-ѣніе (мьн-ѣніе); вѣнецъ; по-вой-(ь)никъ (и усиливается передъ согласнымъ въ **ѣ**, передъ гласнымъ всегда въ ой: тис-ки: тѣс-ный, но битъ: бой(+ь); лип-нуть: лѣп-ить, но литъ: с-лой(+ь); вис-нуть: вѣс-ить, но гни-тъ: на-гноеніе и т. п.); вы-тъ: вой(+ь); мы-тъ: по-мой-и].

б) Въ темахъ на **и** зіяніе уничтожается въ тѣхъ же формахъ посредствомъ паразитнаго **й**, при чемъ слѣдуетъ различать два главныхъ случая: 1) когда **и** есть конечный гласный корня и 2) когда онъ составляетъ глагольную примѣту. Въ первомъ случаѣ **и**, ослабнувъ до **ѳ**, или **а**) совсѣмъ исчезаетъ, оставляя слѣдъ своего бывшего присутствія лишь въ небности предыдущаго согласнаго да въ паразитномъ йотѣ, или **б**) чрезъ **ѳ** переходитъ въ **с**: исчезновеніе **и** бываетъ тогда, когда удареніе стоитъ не на корнѣ; переходъ въ **с**—тогда, когда удареніе стоитъ на корнѣ—на томъ звукѣ (е), который появился на мѣсто **и**: б'-й-у, б'-й-ешь, б'-й-утъ, б'-й-ущій, п'-й-утъ, л'-й-ешь; но бей(+ь), пей(+ь)те, лей-те, брей-у, брей-ущій, брей и т. д. (Оба эти явленія съ звукомъ **и** при согласномъ йотѣ суть чисто русскія. въ старослав. языкѣ не существующія: тамъ „би-й-ж, би-й-єши, би“ свободно существовали; въ русскомъ „убійца, кровопій-

ца“ — формы древне-славянскаго языка. *) Русскій языкъ не терпѣть сочетанія *й* ни въ какой части слова и всегда избѣгаетъ его: срав. лей-(ъ)ка, копей-(ъ)ка, сaney(+ъ), коней(+ъ), воробей(+ъ), соловей(+ъ), и вороб'й-овъ, вороб'й-я, коп'йенóсецъ, солов'йú, солов'йами и пр. — Во второмъ случаѣ глагольная примѣта *и*, при появленіи паразитнаго йота, α) тоже можетъ исчезнуть, предварительно ослабѣвъ до *ь*, но съ тою только разницею сравнительно съ предыдущимъ случаемъ исчезновенія кореннаго *и*, что паразитный *й*, послѣ исчезновенія тематическаго *и*, смягчаетъ предшествующій согласный по законамъ старославянскаго фонетики: любй-й-у, = любь-й-у = люб'й-у = любл'у; носи-у = нось-й-у = нос'й-у = нос-у; сверхъ того любй-енъ, люббй-енъ, люб'й-енъ = (в)любленъ. Однако это исчезновеніе глагольной примѣты *и* бываетъ только въ 1 л. ед. ч. наст. вр. и въ причастіи на *е-нъ* стр. зал. β) Въ остальныхъ случаяхъ происходитъ уподобленіе и стяженіе звуковъ при помощи того же паразитнаго *й*: 2) любй-ешъ, любй-ишъ, любй-ишъ; тоже въ 3 л. ед. ч. въ 1 и 2 м. ч.; въ 3 л. мн. ч. любй-й-онтъ, любй-ентъ, любй-й-ентъ, любй-интъ, любинтъ, любать (любятъ); въ причастіяхъ: любй-й-онщій, любй-енщій, любй-й-енщій, любй-инщій, любинщій = любашій (любящій); любй-й-омый, любй-емый, любй-й-емый, любй-имый, любимый; въ повелит. накл. любй-и = люби; любй-ите, = любите. (Ослабленіе

*) Въ старослав. есть только одно слово въ которомъ и кор-
ня передъ паразитнымъ йотомъ не удержалось, ослабилось въ ѣ и
выпало: въ-пл'-ъ=въ-пи-й-ѣ, въ-п'ийъ, въ-плъ. Во всѣхъ осталь-
ныхъ случаяхъ и корня всегда въ старосл. удерживалось. Этому
только исключительному случаю исчезновения и корня въ ѣ въ сло-
въ въ-плъ мы обязаны ошибочнымъ объясненіемъ относительно
происхожденія глагола въ-пити, въ которомъ предполагають въ-п
вм. √ пи: въ-пи-ти, въ-зъ-пи-ти, возо-пи-тъ; усиленный
√ пѣ въ-гл. пѣ-ти.

тематическаго *и* въ *ѵ* и затѣмъ исчезновеніе этого *ѵ* со смягченіемъ предыдущаго согласнаго, вслѣдствіе паразитнаго *и*, по законамъ старослв. языка—явленіе обычное въ русской фонетикѣ: лови-й-а, ловъ-й-а, лов'-й-а=лов'а; носи-а, носъ-й-а, нос'-й-а=ноша и под.; равнымъ образомъ ничего особеннаго не представляетъ и стяженіе *и* + *и* въ одно *и*: срав. дат. п. ед. ч. двери + *и* =двери).

Въ тѣхъ же формахъ настоящего времени: въ темахъ съ суффиксомъ *нж* (тлѣнж-ти) происходитъ слѣдующее: тутъ суффиксъ *нж* принимаетъ видъ *нз* (*нж* есть усиленіе *нъ*); *нъ* передъ гласнымъ теряетъ глухой звукъ: тлѣнж-ж (толкн-у) образовалось изъ тлѣнжъ-ж. Точно такъ же слѣдуетъ объяснять и формы толкн-и, толкн-еши изъ толкнѣ-и, толкнѣ-еши. (Исчезновеніе глухаго *з* передъ слѣдующими гласными явленіе обычное: род. пад. мн. ч. влѣкъ + *ъ* =влѣкъ; дуракъ: дурак(ъ)-иши, дурач-иши; здравъ: здрав(ъ)ишь=(по)здрав-ишь и т. п. (см. Микл. Verg. Gr. 2 13.)

Этимъ и ограничиваются правильныя фонетическія видоизмѣненія гласной темы, когда непосредственно за нею слѣдуетъ тоже гласный звукъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, 1) что у всѣхъ гласныхъ темъ безъ исключенія зіяніе между гласнымъ звукомъ темы и суффиксомъ причастія прош. вр. дѣйст. зал. ѣш всегда уничтожается съ помощію паразитнаго *ѵ*: I жа-в-(ъ)шій, мы-в-(ъ)шій, мя-в-(ъ)шій; II толкну-в-(ъ)шій; III сказа-в-(ъ)шій; IV сказыва-в-(ъ)шій, V люби-в-(ъ)шій; VI влюбля-в-(ъ)шійся; VII недолюбли-ва-ъ)шій; VIII терпѣ-в-(ъ)шій; IX претерпѣва-в-(ъ)шій. Наоборотъ, въ формахъ настоящего времени зіяніе никогда, ни у какой гласной темы, не уничтожается посредствомъ *ѵ*, а всегда или чрезъ разложеніе гласнаго корня (въ случаяхъ, перечисленныхъ нами выше) и опущеніе глухаго *з* (у глаголовъ II разряда) или чрезъ появленіе паразитнаго *ѵ*: (во всѣхъ остальныхъ гласныхъ темахъ) I. ду-й-у (дж-й-ж),

ду-й(и); об-у-й-у (обоу-й-ж (обоуй-ж) обу-й(и); III. дѣ-ла-й-у, дѣла-й-ущій, дѣла-й(+и) и пр.; IV. раздѣ-лы-ва-й-у-сь, раздѣлы-ва-й-(+и)ся; V. ходи-й-у=хожу, ходи-й-е-шь=ходишь; VI. обижа-й-у; VII. по-ха-жива-й-у; VIII. владѣ-й-у; IX. овладѣ-ва-й-у.— Что касается глагола „плы-у“, то есть основаніе полагать, что написаніе „плы-у“, плыви, плывущій“ есть современное фонетическое, а не историко-этимологическое. Этимологическое правописаніе этихъ формъ должно бы быть „глов-у, плов-и, плов-ущій“ отъ старослав. и древнерус. темы „плоу-(ть)“. Въ произношеніи эти формы „плову“ и пр. подверглись аналогіи съ плыть. Относительно глагола „жив-у“ слѣдуетъ замѣтить, что въ немъ „жив“ — корень, такъ что жи-ть, жи-лѣ-и-и, жи-вѣ-и-и, жи-вѣ-и-и. Срав. гре-с-ть-и-и, гре-бѣ-и-и, а также старосл. „чрь-ти“-и-и, „чрьп-ти“: стало быть, всѣ вообще губные избѣгаютъ какимъ бы то ни было путемъ сочетанія съ слѣдующимъ согласнымъ *т*.

Въ положеніи гласной темы передъ слѣдующимъ согласнымъ перемѣнъ никакихъ не бываетъ, исключая глаголовъ II разряда: I. би-ть, лѣ, тѣ; жа-ть, лѣ, тѣ; крѣ-ть, лѣ, тѣ. III. Ска-за-ть, лѣ нѣ. IV. Ска-зы-ва-ть, лѣ. V. Лю-би-ть, лѣ (но в-люблѣ-и-и). VI. Оби-жа-ть, лѣ. VII. Недо-лю-бли-ва-ть, лѣ. VIII. Видѣ-ть, лѣ. нѣ. IX. Овладѣ-ва-ть, лѣ.— У глаголовъ II разряда общею глагольною темою слѣдуетъ считать не тлѣ-и-и, а тлѣ-и-и; принявши же тему тлѣ-и-и за общую глагольную, мы видимъ, что она усиливаясь, измѣняется въ положеніи передъ согласнымъ: тлѣ-и-и+тѣ: тлѣ-и-и-и-и; тлѣ-и-и+лѣ: тлѣ-и-и-и-и; тлѣ-и-и+тѣ: (вѣ)тлѣ-и-и-и-и, срав. съ и-и-и-и=глѣ-и-и: глѣ-и-и-и-и и глѣ-и-и-и-и и др. Формы же обыкновен-и-и (отъ обы-и-и-и), вдохнов-и-и (въ-дѣх-и-и) и др. показываютъ, что у глаголовъ II разр. могло прежде быть прич. прош. стр. зал. на-и-и, е-и-и,

причемъ суффиксъ темы тлѣкнѣ усиливался не въ нж, а въ ноу, которое и разлагалось на нов передъ соединительнымъ гласнымъ суффикса е-нѣ, е-ннй: об-ѣк-ноу-е-нѣ, въ-дѣхноу-е-нѣ=обѣкнов-е-нѣ, въ-дѣхнов-е-нѣ. (Срав. домъ: домов-и=домоу-и; домов-ѣ=домоу-ѣ).

Б. Согласныя темы передъ слѣдующимъ за ними гласнымъ, наоборотъ, почти не терпятъ никакихъ измѣненій кромѣ самыхъ обыкновенныхъ: звуки гортанные темъ категоріи нек, жег (жѣг) смягчаются передъ звукомъ е: теч-етѣ, ищетѣ печ-ѣтѣ; жжѣтѣ; однако когда е=ѣ т. е.=о съ предъидущимъ небнымъ согласнымъ, то гортанный звукъ можетъ не измѣняться: тек-отѣ, пек-отѣ, жг-отѣ“ и т. п.

Больше измѣненій терпятъ согласныя темы въ положеніи передъ согласными суффиксовъ. Тутъ слѣдуетъ различать слѣдующія три категоріи измѣненій:

1. печь (пещи)=пек-тѣ; жечь (жѣщи)=жег-тѣ.
2. цвѣс-ти=цвѣт-ти; крас-тѣ=крад-тѣ.
3. цвѣ-лѣ=цвѣт-лѣ; кра-лѣ=крад-лѣ.

В. Плавныя темы, подвергающіяся въ нѣкоторыхъ формахъ полногласію, по своимъ видоизмѣненіямъ не подходятъ ни подъ гласныя темы, ни подъ согласныя. Это можно видѣть изъ сравненія глагольных формъ, которыя отъ этихъ темъ образуются своеобразно:

пек-у, пек-ущій,

пек-и.

пек-(л)ѣ, пек-(ѣ)шій,

печ-ен(н)ый.

печь.

ж(ѣ)н-у, ж(ѣ)н-ущій,

ж(ѣ)н-и.

жал-ѣ, жа-в-шій,

(с)жа-тый

жа-тѣ.

пой-у, пой-ущій

пой(+и)

пѣ-лѣ, пѣ-вшій

(с)пѣ-тый

пѣ-тѣ.

т(ь)р-у, т(ь)р-ущій,	кол'-у, кол'-ущій
тр и.	кол'-и.
тер-(лѣ), (ис)тер-(ѣ)шій,	коло-лѣ, коло-в-(ѣ)шій,
(ис)тер-тый.	(вы)коло-тый.
тере-ть.	коло-ть.

Такимъ образомъ отъ темы тер (тьр) всѣ формы настоящаго и формы прошедшаго времени образуются, какъ отъ темъ согласныхъ (пек), за то въ неопр. наклоненіи эта тема дѣлается гласною чрезъ полногласіе. Отъ темы кол образуются только лишь „формы настоящаго времени“; въ остальныхъ формахъ тема кол обращается въ полногласную коло, такъ что по образованію формъ она ближе подходитъ къ гласнымъ темамъ I разряда (пѣ-ть, жа-ть). чѣмъ къ согласнымъ. За тѣмъ, если мы обратимъ вниманіе на образованіе формы прич. прош. стр. зал., то увидимъ, что отъ темы тер эта форма образована, какъ отъ жа-ть, пѣ-ть, такъ что звукъ *р* приравнивается гласному; тема кол въ той же формѣ дѣлается полногласною.

Чтобы объяснить себѣ всѣ эти явленія, слѣдуетъ принять во вниманіе 1) фізіологическое свойство звуковъ *р* и *л*, въ отдѣльности взятыхъ, и 2) свойственныя этимъ только звукамъ сочетанія при встрѣчѣ съ согласными.

По своей фізіологіи звуки *р* и *л* занимаютъ средину между гласными и согласными. Если ихъ взять въ отдѣльности и произносить, то они могутъ произноситься такъ же громко, какъ и всякій гласный, и въ то же время съ такою же длительностью и полнотою звука, съ какою произносятся другіе гласные: плавные звуки по этому свойству можно вполне отнести къ гласнымъ звукамъ. И дѣйствительно, въ разныхъ языкахъ плавные звуки, находясь передъ согласными, бываютъ сами по себѣ слогообразующими: санскр. *dā tr̥-s* (г долгое: *dator-es*, δο-τῆρ-ας) *mā tr̥-s* (μη-τέρ-ας); чеш. *blb* болванъ, словац. *blk* пламя,

чеш. klě рядомъ съ kgě палка; чешск. plnit vřba; словац. tl'et. Миклошичъ полагаетъ, что въ древне-славянскомъ сочетаніи ръ, лъ, рь, ль передъ слѣдующимъ за нимъ согласнымъ звукомъ обозначали не болѣе, какъ только слогообразующіе звуки р, л, р', л', (такъ что, стало быть, въ этихъ сочетаніяхъ начертанія ѣ и ѣ особо не произносились, а служили только знаками твердаго или небного произношенія слогообразующаго *п* или *л*); въ тоже время звуки *р* и *л* легко превращаются въ чисто согласные предъ каждымъ яснымъ гласнымъ звукомъ во всѣхъ языкахъ. Въ современномъ русскомъ языкѣ плавные *р* и *л* гласными не бываютъ; но что и въ русскомъ они обладали когда-то свойствомъ гласныхъ звуковъ, это могутъ отчасти подтверждать формы: вытер-тый, запер-тый, образованные чрезъ суф. тѣ, свойственный гласнымъ темамъ глаголовъ I и II разряда. Эти формы показываютъ, что было время когда въ корнѣ тер, пер гласный элементъ сосредоточивался не въ звукѣ *е*, а въ звукѣ *р*, такъ что сочетаніе ер —составляло одинъ плавный гласный звукъ; потому и понинѣ въ рус. языкѣ, хотя теперь уже плавные звуки свойство быть гласными потеряли, тѣмъ не менѣе, по инерціи, сохраняются такіа формы, какъ по-тер-тый, запер-тый=кры-тый, ши-тый, мы-тый, брит-ый.

Если формы „вытер-тый, отпер-тый“ указываютъ на эпоху болѣе древнюю, наоборотъ, всѣ полногласныя формы суть новѣйшія, хотя тоже издавна господствующія въ русскомъ языкѣ. Если плавный звукъ въ корнѣ, состоящемъ изъ согласнаго+плавный при встрѣчѣ съ слѣдующимъ согласнымъ суффикса, въ болѣе древнюю эпоху обращался въ звукъ гласный слогообразующій, то въ сравнительно болѣе позднюю эпоху, въ эпоху обособленія русскаго языка, звуки *р* и *л*, дѣлаясь согласными, порождали при встрѣчѣ съ другими согласными, изъ своихъ гласныхъ призвуковъ, два ясныхъ гласныхъ звука. Прежде плавные между согласными были сами по себѣ

гласными, потому что при произношеніи ихъ согласный элементъ сопровождался сзади и спереди, т. е. при началѣ и концѣ произношенія, неясными гласными призвуками: эти-то призвуки, сопровождавшіе произношеніе *р* и *л* и дѣлавшіе плавные звуки гласными, въ русскомъ языкѣ развились въ два одинаковыхъ ясныхъ гласныхъ звука, совершенно самостоятельныхъ, такъ что *р* и *л*, лишившись прежнихъ призвуковъ, по-неволѣ стали чистыми согласными звуками. Небный (мягкій) гласный *р* и *л*, (произносившійся между согласными какъ ьрь, ьль: жьрьло, вьрьтено = жрьло, врьтено), породилъ изъ своихъ гласныхъ призвуковъ два ясныхъ звука *е*: *В* тр' (=старосл. трь, рус. тьрь): те-ре-ть; *В* мр' (=старосл. мрь, рус. мьрь): мере-ть; *В* пр' (=старосл. прь, рус. пьрь): пере-ть. Твердый гласный произвелъ изъ своихъ твердыхъ призвуковъ два гласныхъ звука *о*: *В* кл (=ст.сл. клъ, рус. кълъ): коло-ть; *В* пр (ст.сл. пръ, рус. пьрь): поро-ть; *В* мл (=ст.сл. млъ, рус. мълъ): моло-ть; *В* бр (=ст.сл. бръ, рус. бьрь): боро-тьсѧ *).

Плавныя темы, развившіяся изъ небныхъ гласныхъ: *р', л'* (мер = мьрь, тер = тьрь, и др.), получаютъ полногласіе лишь только въ формѣ неопредѣленнаго наклоненія

*) Въ Остр. Ев. (изд. Восток.) мы встрѣчаемъ весьма много формъ, въ которыхъ звуки *л* и *р* были слогообразующими. Между этими формами слѣдуетъ отличать русскія отъ старославянскихъ. Русскія: вѣстрь рьгнете, вѣстрь рьзающе, дѣлѣгъ **Т**, дѣлѣжникомъ, дѣрзѣжъ дѣрзѣаи, мѣлѣва, мѣлѣвиши, мѣлѣчѣжъ, мѣрѣтѣвъ, наплѣлѣсна наплѣленѣжъ и много другихъ. Старославянское начертаніе этихъ формъ должно быть такое: вѣстрьгнетѣ, вѣстрьзаѣжщѣ. дѣлѣгъ **Т**, дѣлѣжникомъ, дѣрзѣжъвѣ, дѣрзѣаи, мѣлѣва, мѣрѣтѣвъ, наплѣлѣсна и проч. Это двойное начертаніе указываетъ только лишь на два различныхъ способа произношенія слогообразующихъ *р* и *л* въ древне-русскомъ и старо-славянскомъ языкахъ.... Вопросъ о явленіяхъ при плавныхъ звукахъ въ славянскихъ языкахъ и теперь еще вопросъ открытый, далеко не рѣшенный ни Потемкинымъ, ни Миклошичемъ.

передъ согласнымъ звукомъ *т*: пере-ть, мере-ть, те-ре-ть. Въ остальныхъ формахъ передъ согласнымъ звукомъ онѣ остаются неизмѣненными, отступая отъ согласныхъ темъ только лишь въ образованіи прич. прош. стр. зал. Плавныя темы, развившіяся изъ твердыхъ гласныхъ *р*, *л*, наоборотъ, только въ формахъ 1) 2) 3), т. е. передъ гласными суффиксами, бываютъ неполногласными; во всѣхъ же остальныхъ формахъ, передъ согласными суффиксами, эти темы дѣлаются полногласными—даже передъ суффиксомъ прош. прич. дѣйст. зал. *тъш*: коло-в-(ъ)шій. Если случаи полногласія, являющагося въ глагольныхъ формахъ этихъ послѣднихъ темъ, сравнимъ съ случаями стяженія *ьн*, *ьм*, въ *а* у глаголовъ *жа-ть*, *ма-ть* (*жа-ть*, *мя-ть*), то между тѣми и другими найдемъ полнѣйшее соотвѣтствіе: очевидно то и другое явленіе (стяженіе и полногласіе) вызваны одною и тою же причиною.

Измѣненія въ плавныхъ темахъ при образованіи глагольных формъ вызваны тоже чисто фонетическими требованіями; только законы, которые бы опредѣляли, когда плавный корень въ положеніи передъ согласнымъ звукомъ принимаетъ полногласіе и когда не принимаетъ, еще неизвѣстны, не выяснены въ фонетикѣ. Срав. *вертѣть* - *веретено*—*верста*; *смерть* - *умереть* - *мертвый*.

Но у нѣкоторыхъ глаголовъ въ темѣ бываютъ такіа измѣненія, которыхъ ни коимъ образомъ нельзя объяснить фонетическими законами—условіями сочетанія звуковъ. Это бываетъ у глаголовъ II разряда, III и VIII.

I У нѣкоторыхъ глаголовъ II разряда замѣчательно исчезновеніе примѣты *ну*. Это бываетъ въ прошедшемъ времени, когда примѣтъ *ну* предшествуетъ согласный звукъ. При этомъ слѣдуетъ различать два случая:

а) замерзну-ть	оглохну-ть	ослѣпну-ть
замерз-(л)ъ, ла, ло	оглох-(л)ъ, ла, ло	ослѣп-(л)ъ, ла, ло
б) стукну-ть	бацну-ть	дерну-ть
стукну-лъ, ла, ло	бацну-лъ, ла, ло	дерну-лъ, ла, ло
стук-ъ	бац-ъ	дерг-ъ
капну-ть	брыкну-ть	толкну-ть
капну-лъ, ла, ло	брыкну-лъ, ла, ло	толкну-лъ, ла, ло
кап-ъ	брык-ъ	толк-ъ и пр.

Глаголы первой категоріи формы съ примѣтою ну не имѣютъ, а если и имѣютъ иногда, то по функціи обѣ формы бывають тождественны: срав. „охглох-ъ“ и (какъ еще говорятъ) „оглохну-лъ“; глаголы второй категоріи почти всегда имѣютъ на ряду съ первою формою „бацну-лъ“ и вторую „бац-ъ“, при чемъ функція обѣихъ формъ бываетъ всегда различная. У глаголовъ первой категоріи форма безъ примѣты ну измѣняется по родамъ; у глаголовъ второй категоріи эта форма не измѣняется по родамъ. По всему этому нельзя не притти къ заключенію, что съ одной стороны форма

замерз-ъ = стукнулъ,

т. е. та и другая суть формы прошедшаго времени на лъ, и что съ другой стороны форма „бац-ъ“ не есть форма прошедшаго времени на лъ. Мы по крайней мѣрѣ полагаемъ, что это есть особая форма прошедшаго времени, которая соотвѣтствуетъ по образованію своему — прямо отъ согласнаго корня — формѣ аориста II въ старославянскомъ языкѣ. Отличается отъ старославянской тѣмъ, что русская форма отбросила всѣ личные флексивные суффиксы, такъ что, подобно формѣ повелительнаго наклоненія, можетъ сочиняться съ подлежащими всѣхъ лицъ:

„я	бац(м)	—	„мы	бац(мъ, м)
„ты	бац(с)	—	„вы	бац(те, ты, т)
„онъ	бац(т)	въ лужу“	„они	бац(нт) въ лужу“.

Срав.: „сдѣлай я (ты, онъ, мы, вы, они) все во время, дѣло бы кончилось благополучно“. Форма аориста образуется только отъ глаголовъ съ примѣтою ну (извѣстной только функціи), такъ что „хватъ“, „вертъ“ образовались, не смотря на небность конечныхъ звуковъ, не отъ „хватить“ „вертѣть“ а отъ „хватнуть“, „вернуть“.

П. У многихъ глаголовъ III разряда примѣта а, находящаяся въ глагольной темѣ формъ неопредѣленнаго наклоненія, исчезаетъ въ формахъ настоящаго времени

пис-а-ть	вяз-а-ть	пах-а-ть	плак-а-ть
пиш-у	вяж-у	паш-у	плач-у
пиш-ущій, -и.	вяж-ущій, -и.	паш-ущій, -и.	плач-ущій, -и.
плеск-а-ть	плещ-у	плещ-ущій, -и.	

Послѣднія формы такимъ образомъ образовались: изъ пис(а)-й-у вяз(а)йу пах(а)йу плак(а)йу плеск(а)йу.

Что звукъ и, появляющійся въ этихъ формахъ и производящій смягченіе согласныхъ звуковъ, дѣйствительно есть звукъ паразитный, а не органическій, какъ полагаютъ Шлейхеръ и Миклошичъ, въ этомъ насъ убѣждаютъ многія соображенія.

Шлейхеръ и Миклошичъ признаютъ въ этихъ формахъ звукъ и органическимъ: онъ-де ведетъ свое происхожденіе издалека, равняется санскритскому й о-ту въ суффиксѣ ja: pa h-ja-ti (=пис-й-е-тъ); греческому ι въ глаголахъ слѣдующихъ категорій: 1) δα-ιο-μαι; 2) τείν-ω (=τεν-ίω) 3) ὀζω(=ὀδ-ίω), κράζω(=κραγ-ίω), φυλάσσω(=φυλακ-ίω) и др., греч. ε=ι въ глаголахъ δοκ-έω(=δοκ-ίω), γαμ-έω(=γαμ-ίω) и под.; латинскому і въ глаголахъ 3-го спр. категорій са-р-іо, су-р-іо, іас-іо.

1) Невозможно считать этотъ и звукомъ органическимъ, относящимся къ суффиксу формъ настоящаго време-

ни *е* (= сан. а, греч. *ε*, лат. *i*, гот. *a*) и вмѣстѣ съ нимъ составляющимъ какъ бы другой особый суффиксъ для этихъ формъ *йе* = *ю* = санскр. *ja*, греч. *ιε*. Если бы въ формахъ настоящаго времени былъ особый суффиксъ *йе*, *ю*, то почему мы его не видимъ въ глаголахъ согласныхъ I разряда: не *с-е*ши, не *плет-е*ши и т. п.? почему всѣ эти глаголы избѣгли образованія формъ настоящаго времени съ суффиксомъ *йе*, *ю*, а образуютъ ихъ единственно только помощію суффикса *е*? Это обстоятельство прежде всего бросается въ глаза, потому что въ другихъ языкахъ этотъ *й* является въ настоящемъ времени почти исключительно въ глаголахъ согласныхъ (санскр. *pan*; греч. *τον*, *οδ*, *φουαх*, *δοх*; лат. *fas*, *sar*, *cup*).

Исключеніемъ изъ этого правила представляетъ въ старослав. языкѣ форма (объ) *р а щ-ж*. Мы не ошибемся, если скажемъ, что собственно эта форма заставила въ наст. вр. сверхъ суффикса *е* признавать суффиксъ *йе* (*ю*). Дѣйствительно, эта форма представляетъ большое затрудненіе для объясненія смягченія конечныхъ звуковъ корня *р а т* въ формахъ наст. времени; но она сверхъ того бросается въ глаза еще другою особенностію—ривезмомъ въ корнѣ: *с*: (объ) *р ѣ с-ти*: (объ) *р а щ-ж*, (объ) *р а щ-е*ши и проч. Предположимъ, что эта форма образовалась съ помощію суффикса *йе*. Что-же? развѣ это обязываетъ признать распространеніе этого образованія на другіе глаголы? не правильнѣе ли и не логичнѣе ли придти къ обратному заключенію, если принять во вниманіе, что аналогичные этому глаголу по образованію формъ наст. вр. глаголы *с ѣ с-ти* и *л ѣ ш-ти* образуютъ уже издавна формы „*с а д-ж*—*с а д-е*ши, *л а г-ж*“ безъ смягченія согласнаго корня? Не указываютъ ли эти глаголы на то, что если и былъ въ слав. языкѣ въ древнѣйшую его эпоху праславянскую суффиксъ для формъ настоящаго времени *ю* (= *ja*, *ιε*, *io*) ря-

домъ съ суффиксомъ *є* (=скр. *а*, греч. *ε*), то въ древнѣйшую же эпоху доисторическую славян языкъ старался и освободиться отъ него, какъ отъ совершенно излишняго элемента, какъ отъ обузы: формъ *с а ж-д-ж*, *с а ж-д-є ш и*, *л а ж-ж* въ историческую эпоху слав. языковъ уже не существовало. Къ этому заключенію о суффиксѣ наст. вр. *йє* (т. е. объ утратѣ его во всѣхъ славянскихъ языкахъ) мы тѣмъ болѣе должны придти, что славянскіе языки въ наст. время отдѣлились отъ образованія (объ) *р а щ-ж* и под Вмѣсто „(пріобр) *р а-ч-у*, *ч е ш ь*“ всюду употребляются и употреблялись формы „пріобрѣту, *т е ш ь*“ = малорус. *обр иту*, *обр и-т е ш*. Серб. языкъ уже въ памятникахъ употребляетъ форму „обрѣтемъ (=обрѣт-ж), Шиш. Евангел.; Чешскій языкъ перевелъ этотъ глаголъ во II разрядъ: *střetnutí*, *střetnu* и т. д. Такимъ образомъ, на основаніи формы „объ-р а щ-є ш и“, мы можемъ придти къ тому только заключенію, что м о ж е т ь б ы т ь въ доисторическую эпоху славянскихъ языковъ, въ эпоху однако близкую къ эпохѣ исторической, существовалъ суффиксъ для формъ наст. вр. *йє* (*йє*), но онъ удержался только въ жалкихъ остаткахъ въ началѣ эпохи исторической и затѣмъ, какъ совершенно лишній, канулъ въ Лету, оставивъ свою функцію въ наслѣдство единственному суффиксу настоящаго времени *є*. усиливающемуся иногда въ *о*.

2) Въ словарѣ Даля мы встрѣчаемъ форму „вороча-ть“. Какъ образовалась эта форма? Къ какому разряду ее причислить? Примѣта *а* послѣ шипящихъ можетъ быть только въ двухъ разрядахъ: въ VI, гдѣ она равняется сложной примѣтѣ *ва*, *м*, и въ VIII, гдѣ она = *ѣ*. Фонетика не допускаетъ образованія отъ *у* ворот формы *вороча-ть* изъ ф. „воротѣ-ть“: не было бы никакой причины переходить звуку *т* въ звукъ *ч*. Стало быть, по необходимости остается причислить по образованію этотъ

глаголь къ VI разряду, — по необходимости, если мы будемъ имѣть въ виду обыкновенный способъ образованія видовъ: (у)толст-и-тъ: (у)толщ-ать = ворот-и-тъ: ворот-а-тъ. Но такого равенства отношеній между этими образованіями нельзя допустить по слѣдующимъ соображеніямъ: а) всѣ глаголы, принадлежащіе къ VI разряду, въ формахъ настоящаго времени и неопред. наклоненія употребляются только съ приставками; б) во всѣхъ глаголахъ VI разр. примѣта (м, а = *иа*) имѣетъ надъ собою удареніе; в) употребляясь съ приставкою, эти глаголы бываютъ однако вида длительного, и г) нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ соответственную форму въ VII разрядѣ: тогда эта форма по видовой функціи тождественна бываетъ съ формою VI разряда: обѣлять — обѣливать. Приложимъ все это къ глаголу „воротать“ — и увидимъ, что онъ не одного изъ этихъ признаковъ, общихъ всѣмъ глаголамъ VI класса (см. таблицы), не имѣетъ: а) воротать — вортаю — вортающій; б) ворта́ть, ворта́ю, ворта́й и пр. в) поворо́чай граблями немного сѣно; отворо́чатъ кому бока; г) поворо́чай (видъ однократный) немного сѣно; поворачивай въ сторону (длительный). Наоборотъ, по употребленію своему съ приставкою и безъ приставки, по ударенію и по функціи форма воротать вполне соответствуетъ формѣ „толкать, писать“ т. е. формѣ глаголовъ III разряда. По всѣмъ этимъ признакамъ глаголь „воротать“ нельзя отнести къ VI классу, а наоборотъ слѣдуетъ отнести къ разряду III. Но какъ онъ образовался? — Во всякомъ случаѣ не такъ, какъ большинство глаголовъ этого класса: плак-ать, толк-ать, коротать, ругать и т. п. (см. таблицы); по своему образованію онъ принадлежитъ къ „neubildungen“. Въ томъ же (Толковомъ) словарѣ Даля мы встрѣчаемъ формы „мучить, ѣздить, лазить“ — формы знакомыя всѣмъ и по употребленію въ живой рѣчи и по употребленію въ печати, въ литературномъ языкѣ. Но кто не слы-

халъ въ живой рѣчи формъ наст. вр., произносимыхъ какъ „мучиитъ, ѣздиитъ, лазиитъ“ и пр? Пишущій эти строки и самъ употребляетъ ихъ всегда, какъ только забудетъ о грамматикѣ, и можетъ засвидѣтельствовать, что въ Московской губерніи это суть единственныя формы въ устахъ людей, незнающихъ законовъ грамматики (которыхъ иногда въ языкѣ не бываетъ), что эти формы онъ слышалъ въ живой рѣчи на всемъ пространствѣ отъ Петербурга и до Саратова. Фактъ ихъ существованія ни кто не можетъ отрицать. Наоборотъ, пишущій эти строки только отъ людей образованныхъ слышалъ формы „ѣзжу“ „мучу“, а формы „лажу“ (какой слѣдовало бы ожидать отъ глагола „лазить“) ни отъ кого не слыхалъ и нигдѣ не встрѣчалъ, даже въ литературѣ.... Понятно, этимологія „ѣздиитъ“ „лазиитъ“ не= „ходи-и-етъ, ходи-итъ“, т. е. это не формы той давнишней эпохи, когда, какъ предполагаетъ Миклошичъ, въ славянскомъ языкѣ было одно спряженіе (ходишь=ходи-ишь=ходи-и-ешь=дѣла-и-ешь): это — формы вновь образованныя и, какъ Neubildungen, доселѣ еще не прошли въ литературу (а другія проскользнули-таки). Онѣ образовались изъ формъ „ѣзд'-у лаз'-у“ чрезъ вставку въ формахъ настоящ. времени примѣты *a*, такъ что изъ „ѣзд'-у“ (съ небнымъ смягченіемъ безъ перехода согласнаго въ другой звукъ) получилась форма „ѣзд а-й-у“; „лаз'-у“: „лаз'-а-й-у“ муч-у: = муч-а-й-у = вороч-у: вороч-а-й-у=вѣш-у: (вѣсить): вѣш-а-й-у=мѣш-у (мѣсить): мѣш-а-ю (есть другое „мѣшать“ отъ *V* мѣх)=куш-у (кусить): куш-а-й-у=волоч-у (волочишь): волоч-а-й-у=конч-у: (кончить): конч-а-й-у=вал'-у:вал'-а-й-у и другія. Мы видимъ въ то же время изъ этихъ примѣровъ, что въ неопредѣленномъ наклоненіи однѣ изъ этихъ формъ совсѣмъ потеряли форму на *и* (*V* разрядъ), какъ кушать; другія удержали ту и другую, какъ воротить—ворочать; третьи наконецъ доселѣ (по крайней мѣрѣ на пись-

мѣ) еще удерживаютъ въ неопредѣл. наклоненіи только форму V разряда: мучить, ѣздить, лазить, безъ вторичной примѣты *a*. Съ другой стороны, въ настоящемъ времени вновь образованныя формы однѣ совсѣмъ вытѣснили прежнія (кушаю, лажаю; а кушу, лажу, лазию ни гдѣ не употребляются), другія существуютъ наряду съ прежними отчасти вслѣдствіе искусственной поддержки письма (ѣзжу—ѣзжаю, мучу—мучаю), отчасти благодаря тому обстоятельству, что обѣ формы стали справлять разныя функціи: ворочу—ворочаю, волочу—волочаю, кончу—кончаю, валю—валяю. Мы затронули здѣсь это явленіе въ русскомъ языкѣ потому, что какъ намъ кажется, оно лучше всего можетъ привести насъ къ тому убѣжденію, что дѣйствительно звукъ *n* въ формахъ „нишу, машу“ есть звукъ паразитный, а не органической. Правда, въ данномъ случаѣ мы видимъ не опущеніе, а позднѣйшую вставку примѣты *a*,—стало быть явленіе противоположное,—но оно, это явленіе, указываетъ на одно весьма важное свойство примѣты *a*: на подвижность ея въ формахъ настоящаго времени. Если мы примемъ во вниманіе это свойство примѣты *a*: то быть, то исчезать въ формахъ настоящаго времени одного и того же глагола: [мучить—мучу, мучаю (потомъ мучать), воротить—ворочу, ворочаю; (потомъ уже ворочать): ꙗнчить—кончу, кончаю (и потомъ кончать); пустить—пу-щу, пущаю (и потомъ пущать); вѣсить—вѣшу, вѣшаю (и потомъ вѣшать); ѣздить—ѣзжу, ѣздю, ѣзжаю (и потомъ можно ѣздить)] въ современномъ русскомъ языкѣ,—то почему же не предположить, что тѣмъ же самымъ свойствомъ она обладала и въ въ старо-славянскомъ языкѣ—и вообще во всѣхъ славянскихъ языкахъ въ эпоху древнюю? Только этимъ свойствомъ, подвижностью глагольной примѣты *a* въ формахъ наст. времени мы и можемъ объяснить себѣ тотъ фактъ, что отъ одной и той

же глагольной темы мы встрѣчаемъ двѣ формы у многихъ глаголовъ III кл., какъ у глаголовъ V класса (и): махаю—машу, пахаю—пашу, тыкаю—тычу и др.; то же самое, т. е. существованіе двухъ формъ наст. вр. глагола одного и того же разряда, мы встрѣчаемъ и въ старослав. языкѣ: владаеть—влаждеть, възъиска-ѣж—възъищ-жъ, съвяза-ѣжть—съваж-жть и пр. Такимъ образомъ всѣ глаголы категоріи „машу“ заставляютъ предполагать существующую или существовавшую форму „маха-ю“. Это мы и видимъ на самомъ дѣлѣ: если теперь мы знаемъ только одну форму напишу, то прежде существовала форма написа-ѣж; если теперь мы знаемъ одну только форму „связа-ю“, то прежде существовала форма съвяза-ѣж; теперь только „кажу“, но было и каза-ѣж; теперь пишу, но было писа-ѣж, пьса-ѣж; теперь только ищу, но было прежде и иска-ѣж и т. д. (Объ этихъ формахъ „писа-ѣж и пр. см. у Микл. Ver. Gr. 3 В. стр. 119). Если бы Миклошичъ не старался искусственно поддерживать Шлейхера, то онъ увидѣлъ бы больше типическихъ явленій въ славянскихъ языкахъ, не нашелъ бы связи во многихъ случаяхъ между явленіями славянскихъ и другихъ индоевропейскихъ языковъ—тамъ, гдѣ эту связь видитъ Шлейхеръ. Въ данномъ случаѣ, при объясненіи формъ „пишу, машу“, намъ кажется, Миклошичемъ руководило именно желаніе—еще разъ, еще въ лишнемъ одномъ случаѣ поставить въ связь славянскіе языки съ прочими арійскими, чтобы эта связь была тѣснѣе. Но едва-ли полезно такое предвзятое стремленіе, такая предвзятая забота о томъ, чтобы побольше найти пунктовъ соприкосновенія славянскихъ языковъ съ арійскими,—для изученія законовъ и явленій самихъ славянскихъ языковъ: это тоже своего рода насиліе. Ну что жъ дѣлать, если въ славянскихъ языкахъ давно уже исчезъ санскритскій суф. наст. вр. ja, а остался только одинъ a (e)? зачѣмъ онъ намъ? Богъ съ нимъ! (Мы уже умал-

чиваемъ о томъ, что Шлейхеръ видитъ санскр. суф. *jā* = *йе* между прочимъ и въ такихъ глаголахъ, какъ сѣй^ать, вѣй^ать, такъ что Шлейхеръ дѣлитъ формы наст. вр. такъ: сѣ-й-е-ши, вѣ-й-е-ши вм. сѣ-й-е-ши, вѣ-й-е-ши: тутъ искусственность и натянутость объясненія очевидна).

3. Не менѣе важный мотивъ производить „напишу“ изъ „написавъ“ заключается въ функціи этихъ формъ въ языкѣ старословянскомъ. Наша форма „запишу“ однократнаго вида не имѣетъ нужды въ „записавъ“, потому что для этого есть особая форма „записываю“ (записываю), для длительного вида. Но какъ отъ гл. „записати“ въ старо-славянскомъ языкѣ можно было выразить длительный и мгновенный видъ дѣйствія въ формѣ настоящаго времени? Въ старо-слав. языкѣ видовой суффиксъ *ава* не развился, не вошелъ въ общее употребленіе: онъ встрѣчается весьма рѣдко въ фѣрмѣ наст. времени, напр. отвѣща-ва-е-ши, подѣкопа-ва-ѣ-шь. Вотъ въ опущеніи-то въ формѣ наст. времени глагольной примѣты *а* старо-славянскій языкъ между прочимъ и находилъ средства различать виды въ сложныхъ глаголахъ III класса: „запишѣ“ — видъ мгновенный (однократный). „записа-ѣ“ = записываѣ, записываю; съкъзаѣ = сказываю, но съкажѣ = скажу; съвяззаѣ = связываю, но связѣ = свяжу; помазаѣ = помазываю, но помажѣ = помажу. Но какой смыслъ имѣетъ опущеніе *а* въ безприставочныхъ формахъ „пишу“ вм. „писа-ѣ“? Смыслъ опущенія есть и въ этихъ формахъ: срав. „ворочу — ворочаю“, „машу — махаю“, „двигаюсь — движусь“ (нельзя сказать „земля во-кругъ солнца движается“, но непременно „движется“); или „кончу — кончаю“ и др. Стало быть, обрисовка дѣйствія съ помощью *а* пошла дальше различенія простыхъ двухъ видовъ: длительного и мгновеннаго (о функціи глагольныхъ формъ мы будемъ говорить особо).

4. Такія формы, какъ „наричемою“ (Остр. Ев.), „наричесть“ (Шестод.) „сѣзидѣ-жъ, дышетъ“ (Остр. Ев.),

нельзя никакъ объяснить, какъ только изъ формъ „нарицаюмоѹ, нарицаютъ(тъ), дѣхаютъ, сѣзидатъ“. Иначе чѣмъ объяснить переходъ ѡ корня въ и. ѡ въ ты? Срав. мрѣ-ти, мѣр-ж: оумира-ти; сѣ-лати, стелѣж: постилати, постилаж: сѣлати, сѣлаж: посылати, посылаж; зѣвати, зовж: зѣзѣвати, сѣзѣваж и пр. и пр.

III. Наконецъ, у многихъ глаголовъ VIII класса мы встрѣчаемъ ослабленіе въ темѣ настоящаго времени примѣты ѡ въ и, слѣд. въ формахъ настоящаго времени эти глаголы по своей темѣ изъ VIII разряда переходятъ въ V: сидѣть—сиди-й-у, сидѣ-й-у, си-ж-у=ходить=ходи-й-у, ходѣ-й-у, хожу. Чтобы пояснить это явленіе, лучше возьмемъ другой примѣръ: ле-ж-а-тъ—лежу. Нельзя не видѣть въ этомъ явленіи аналогичнаго тому, о которомъ мы только что кончили говорить: т. е. въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся тоже съ исчезновеніемъ изъ темы глагольной въ формахъ настоящаго времени звука а. Извѣстно, что ѡ заключаетъ въ себѣ элементы двухъ гласныхъ звуковъ и+а. Стало быть, въ настоящемъ времени послѣ исчезновенія элемента а останется только элементъ звука и, заключающагося въ звукѣ ѡ: этотъ-то элементъ мы и видимъ развившимся въ полный звукъ и.

Всѣ эти видоизмѣненія общей глагольной темы у глаголовъ II, III и VIII разрядовъ тоже правильныя; но объясняются они только не законами фонетики, а требованіями симазіологическими (какими,—объ этомъ рѣчь будетъ послѣ).

Такимъ образомъ, всѣ измѣненія въ глагольной темѣ, которыя мы доселѣ обозрѣли, не только не препятствуютъ, а наоборотъ побуждаютъ насъ принять одну глагольную тему для производства всѣхъ глагольных формъ въ русскомъ языкѣ. То же самое должно сказать и о глаголахъ

другихъ славянскихъ языковъ, хотя мы ихъ тутъ и не разсматривали. Ни какихъ научныхъ (т. е. историко-этимологическихъ) причинъ нѣтъ, чтобы не признать этой истины. Славянскій языкъ такимъ образомъ еще въ до-историческую эпоху выработалъ себѣ свой особый способъ составлять глагольныя формы,—способъ, котораго мы не видимъ ни въ санскритѣ, ни въ греческомъ, ни въ латинскомъ, гдѣ дѣйствительно существуетъ нѣсколько глагольныхъ темъ.

Но въ русс. языкѣ есть и такіе глаголы, которые допускаютъ непослѣдовательность въ образованіи формъ: нѣкоторые глаголы образуютъ формы отъ разныхъ глагольныхъ темъ. Именно:

Разр. I „Дѣ-н-у, ста-н-у, дѣ-н-ь, ста-н-ь“ образованы отъ темы II разр. (дѣну-ть, стану-ть) при дѣ-ть, ста-ть I разр.

„Бѣжи-шь, бѣжи-ть, имъ, ите“ при глаголѣ „бѣчѣ: бѣг-у, бѣг-утъ, ущій, ги“. Стало бытъ, приведенныя формы заимствованы отъ глагола VIII класса „бѣжа-ть (=бѣг-ѣть)“.

„Ляг-у, жь; сяд-у, дѣ“ при „сѣс-ть, лечь“: архаизмъ. Старосл. сад-ж, лаг-ж: сѣсти, лѣщи. Эти формы требуютъ болѣе удовлетворительнаго объясненія, чѣмъ то, которое до сихъ поръ существовало съ легкой руки Шлейхера. Въ нихъ мы видимъ не ринезацію гласнаго звука корня, а наоборотъ сохраненіе ринезма въ корнѣ. Шлейхеръ считаетъ корнемъ глагола $\mu\alpha\nu\theta\alpha\nu\text{-}\omega$ / $\mu\alpha\theta$, мы считаемъ $\mu\alpha\nu\theta$; срав. / $\mu\alpha\delta$ (мѣд-рый): Шлейхеръ полагаетъ, что въ глаголѣ $\tau\alpha\gamma\omega$ корень $\tau\alpha\gamma$, тогда какъ мы думаемъ, что тутъ корень $\tau\alpha\gamma$: ср. / $\tau\alpha\gamma$, $\tau\alpha\gamma$. Въ глаголѣ $\lambda\alpha\chi\chi\acute{\iota}\nu\text{-}\omega$ корень $\lambda\alpha\chi\chi$, а не $\lambda\alpha\chi$: срав. / $\lambda\alpha\kappa$, $\rho\alpha\kappa$ въ полжч-ити, рѣк-а. Чередуваніе λ (я) и μ мы замѣчаемъ въ корняхъ: / $\lambda\alpha\gamma$: лѣщи; / $\sigma\alpha\delta$: сѣс-ти; / $\tau\alpha\chi$ (с): трѣс-къ; / $\rho\alpha\tau$ (об)рѣс-ти; / $\mu\alpha$ (пѣн-ж): пѣх-ота, пѣс-къ; / $\kappa\lambda\alpha$

(кля-нѣ): клѣ-ть, клѣ-щи; / ллп (ляп-ну-ть): лѣп-ить; / ма (ма-ти): мѣ-лѣ (Миклошичъ невѣрно производить отъ / мел въ мелѣж); мѣн-(ин): мѣ-сѣцъ (меньшее свѣтило, чѣмъ солнце, младшій братъ солнца), мѣз-инь-ць. / таг: тѣс-то, тѣсн-ый; / сват: свѣт-лѣ и во мн. др. Если такимъ образомъ смотрѣть на формы λαμβ-όν-ω, tango, слд-ж, т. е. какъ на такія, которыя удерживаютъ чистый корень, то въ ѣ-λαβ-ον, tactus, се-ло слѣдуетъ видѣть ослабленіе корня. Это объясненіе согласно будетъ и со взглядомъ De-Saussure *), который въ формѣ (ѣ)-λιπ-(ον) видитъ ослабленіе чистаго корня λείπ, а не самый чистый корень (λιπ). Такимъ образомъ фф. сѣс-ть, лѣшти, обрѣсти суть эквиваленты формъ наст. времени. Срав. греч λαμβ-άνω, λήπ-σομαι; λανθ-άνω, λησ-ομαι; τυγχ-άνω: τεύχ-σομαι; πυνθ-άνομαι, πεύσ-ομαι; λαγχ-άν-ω: ληх-σομαι и т. п.

„Кля-н-у, ущій, и“ отъ кля-с-ть. Эта ореографія не есть историко-этимологическая: кля-т-ь: кльн-ж, клен-у. Впрочемъ, можно предполагать, что кля-н-у образовано по II разряду отъ кля-ну-ть.

Бѣчъ: бѣгу, утъ, ущій, и; затѣмъ только въ на родномъ языкѣ „бѣгѣмъ, гѣте, гѣшь, гѣтъ, бѣгѣ“ (бѣг-лѣ)“ а въ литературѣ „бѣжимъ, ите, ишь, итѣ, бѣжалъ“ отъ гл. VIII р. бѣжать.

Моло-ть: „мел-ю, ющій, и“. Для послѣднихъ формъ есть соотвѣтственная форма, вновь образованная по V р.: мели-ть. Что касается небности звука л', р' въ формахъ кол'у, пор'у и под., то пужно полагать, что эта небность явилась вслѣдствіе того, что кол'у. пор'у образовались изъ коло-у (кѣль-у) поро-у (пѣръ-у) съ паразитнымъ йотомъ, какъ пиш-у образовалось изъ писа-й-у.

*) См. De-Saussure, Memoiri sur la Systèrne primitif des voylles dans les langues indo-europoennes. Leipsick, 1879. Извлеченіе изъ этого сочиненія сдѣлано г. Крушевскимъ въ «Фил. Вѣст.» № 3, 1880 г.

Между тѣмъ мр-у (мьр-у; тр-у, пр у; небности нѣтъ. Но нужно замѣтить, что условія небности плавныхъ звуковъ пока не констатированы.

III. Здѣсь есть много глаголовъ, образующихъ формы наст. вр. по I р.: рв-у,ущій: рв-а-ть; зов-у: зв-а-ть; лг-у: лг-а-ть; дер-у: др-а-ть; бер-у: бр-а-ть; вр-у: вр-а-ть и др. Судя по формамъ наст. вр. форма неопр. накл. у этихъ глаголовъ должна бы быть: р(ъ)в-тъ=ры-тъ; зов-тъ=зу-тъ (срав. плов-ж: плоу-ти); лог-тъ т. е. лочъ (лъщи); бер-тъ, тер-тъ.

„Спать: „сплю, спишь, ящій, и“. Формы настоящего времени образованы по VIII разр. глаголовъ категоріи видѣть, лежать, сидѣть; такъ что, судя по формѣ „спишь“, слѣдовало бы ожидать въ неопр. накл. формы сп-ѣ-тъ=соп-ѣ-тъ (спѣ-ти).

Гнать: „гоню, гонишь, ящій, и“. Формы наст. вр. образованы по V разр., отъ глагола гонить, который дѣйствительно и употребляется въ народной рѣчи. См. Тол. Сл. Даля. Срав. также: прогонять (изъ прогонять).

V. Ъзди-тъ: ѣздѣ-ю; лази-тъ: лаза-ю; мучи-тъ: муча-ю и под. Отношенію образованія темы такого рода глаголовъ уже шла рѣчь выше: это образованіе позднѣйшее и отчасти еще непризнанное литературою. Но если бы и для этихъ глаголовъ принять въ неопр. накл. формы „ѣздить, лазять, мучать“, то въ образованіи формъ эти глаголы не представляли бы никакой неправильности или непослѣдовательности, какъ глаголы III разряда. Основанія же не допускать формъ „ѣздить, лазять“ въ литературу нѣтъ никакого, потому что формы „мучать, ворочать, волочать, мѣнять“ вѣдь уже допущены, а образованы онѣ такъ же, какъ „ѣздить, лазять“.

VIII. „Хочешь, етъ“, въ нар. яз. также: „хочемъ, ете, чутъ“: старо-славян.: хощж, єши, єшь, ємъ,

еще, но хотѣть. За неимѣніемъ лучшаго объясненія слѣдуетъ видѣть пока и въ этихъ формахъ архаическое образованіе съ суф. наст. вр. ѣе (=санскр. ja).

Рев-ѣ-ть, но „рев-у, ущій, и“: отъ рю-ти по I разр.

Василій Добровскій.

5 Января 1881 г.

(Продолженіе будетъ.)

Поправка.

Въ предъидущей I статьѣ допущенъ недосмотръ. На стр. 7: „VI разрядъ... Глаголы съ этою примѣтою не должно смѣшивать съ нѣкоторыми глаголами предъидущаго V разряда“ вм. „предъидущаго III разряда“ и далѣе вм. „съ одной стороны и въ V кл.“ слѣдуетъ читать: „съ одной стороны и въ III кл.“

ОТВѢТЪ РЕЦЕНЗЕНТУ НА ОТЗЫВЪ

О «СИНТАКСИЧ. ЗАДАЧНИКЪ» (IV ВЫП. ФИЛ. ЗАП. 1880 г.).

У насъ обыкновенно признаются неправильными такія выраженія: Жуковскаго—«Ревущей бурѣ, бѣсъ предсталъ» (славянизмъ); Грибоѣдова—«Отъ насъ требуютъ съ имѣньемъ быть и въ чинахъ» (латинизмъ); Крылова—«Хотя я и не пророкъ, но видя мотылька, что онъ вокругъ свѣчки вьется, пророчество всегда мнѣ удается» (галлицизмъ). Между тѣмъ нашъ языкъ наполненъ галлицизмами, германизмами, латинизмами и проч. Почему одни изъ такихъ выраженій считаются правильными, другія —неправильными? Гдѣ критерій правильности выраженій? Этотъ критерій—употребленіе. Слѣдовательно, если всѣ будутъ употреблять вышеприведенныя выраженія, то синтаксисъ долженъ признать ихъ правильными. «Что дѣйствительно, то разумно» — это девизъ синтаксиса. Аномалій, такимъ образомъ, не можетъ быть. Изъ такого взгляда, по видимому, исходитъ и нашъ рецензентъ, утверждая, что исключительныхъ правилъ нѣтъ. Мы держимся иного взгляда на синтаксисъ: синтаксисъ, основанный на употребленіи, не наука; нужно еще его поставить на научную, этимологическую почву (статьи «О частяхъ предложенія»... и «Значеніе падежей»... [Филол. Зап. 1880 г. II и III вып.] имѣли эту цѣль). Синтаксическій задачникъ не имѣетъ претензій на научность; но имѣетъ претензію удовлетворить педагогическимъ требованіямъ: мы и хотимъ сказать здѣсь о томъ, что рецензенту кажется недостатками нашего пособия въ педагогическомъ отношеніи.

1) Сборникъ снабженъ, говоритъ рецензентъ, весьма однообразнымъ матеріаломъ: отрывки выбраны преимущественно изъ Крылова и Пушкина (реценз. не за-

мѣтилъ пословицъ) и стихотворенія преобладаютъ надъ прозой. 2) Составители написали рубрики правилъ и подъ нихъ подвели попадающійся матеріалъ. 3) Нѣтъ наводящихъ вопросовъ, статей для разбора и знаковъ препинанія. 4) Главное: «составители, указывая правила нормальныя, почему-то находятъ въ языкѣ правила исключительныя».

Эти замѣчанія касаются 1) подбора матеріала, 2) способа изложенія и 3) нашего взгляда на матеріалъ.

1) Подборъ. Въ дѣлѣ преподаванія важно не забивать головы учениковъ разнообразіемъ и обиліемъ матеріала: гимназія — не университетъ. Если-бы была возможность изучить синтаксисъ на одной фразѣ — это было-бы лучше всего. Но на одномъ примѣрѣ синтаксисъ не изучить — онъ заключаетъ нѣсколько отдѣловъ, каждый отдѣлъ еще заключаетъ нѣсколько рубрикъ. Въ каждой рубрикѣ необходимо разобрать по одному примѣру. Когда отдѣлъ пройденъ, нужно возвратиться къ первой рубрикѣ и разбирать опять по одному слѣдующему примѣру, чтобы закрѣпить знанія учащихся. Т. о. по Задачнику каждый отдѣлъ можетъ быть пройденъ въ продолженіе года нѣсколько разъ. При чемъ тутъ разнообразіе писателей? Если по нашему сборнику можно вывести всѣ правила, необходимыя для учениковъ низшихъ классовъ гимназіи, то онъ достаточно разнообразенъ, хотя бы отрывки были выбраны изъ одного Крылова. Здѣсь важенъ только методъ. Далѣе — фразы должны быть кратки, чтобы возможно было (при краткости времени) каждую фразу разобрать всесторонне и ученикъ могъ-бы объять весь строй фразы однимъ взглядомъ. Этому требованію удовлетворяютъ стихи: тамъ, гдѣ прозаикъ расплывается въ распространенныхъ и сложныхъ предложеніяхъ, поэтъ употребляетъ краткій и сильный стихъ. Что за нужда прибѣгать къ прозѣ! лучше дать ученику фразу, выработанную художественно во всѣхъ отношеніяхъ. Ученикъ можетъ изъ стиха сдѣлать прозу — и это будетъ упражненіемъ въ расположеніи словъ.

2) Но такой или другой матеріалъ собранъ, — является вопросъ: какъ его расположить? Здѣсь приходится удовлетворять и логическимъ и педагогическимъ требованіямъ. Если бы мы, пренебрегли логическимъ требованіемъ, свалили матеріалъ въ безпорядкъ, не сортируя, этотъ матеріалъ показался-бы очень разнообразнымъ. Но мы къ своему несчастію сортировали матеріалъ и это ставятъ намъ въ укоръ. На это нужно сказать: всякое сочиненіе, всякій сборникъ долженъ писаться по плану. Правда, планъ опредѣляется матеріаломъ; но также можетъ быть и на оборотъ. Чего держаться въ данномъ случаѣ? Если Америка открыта, мы не будемъ снова ее открывать: если синтаксисъ, относительно плана, опредѣлился, намъ не за чѣмъ искать новаго плана для своего Задачника. Но гдѣ матеріалъ представлялъ что-нибудь незамѣченное, новое, мы и представляли новое (конечно маленькое) слово. Для доказательства указываемъ на примѣчанія на стр. 25, 36, 37, 52 и проч. Какое-же педагогическое неудобство отъ рубрикъ, т. е. отъ выполненія логическаго требованія? Г. рецензентъ говоритъ: положимъ, ученикъ лѣнивъ или невнимателенъ въ классѣ: ему стоитъ заглянуть въ заголовокъ правила (слѣдуетъ читать: въ заголовокъ группы примѣровъ), напр., о безличныхъ предложеніяхъ, взять любую грамматику и, вычитавъ заданныя правила, примѣнить ихъ къ Задачнику: получается работа чисто пассивная. Желательно знать, въ какой грамматикѣ отдѣлъ о безличныхъ предложеніяхъ изложенъ въ такой полнотѣ, какъ у насъ? тотъ-же вопросъ явится по поводу почти каждаго отдѣла. Также нѣтъ ничего страшнаго и въ томъ, если лѣнивый или невнимательный ученикъ будетъ рыться въ грамматикахъ: за лѣность или невниманіе онъ будетъ наказанъ тѣмъ, что больше поработаетъ; кромѣ того это будетъ сдѣлано ученикомъ по своей инициативѣ, и работа будетъ въ высшей степени самостоятельная: примѣнить вычитанное правило къ Задачнику дѣло очень трудное. Если

рубрики даютъ возможность не слушать въ классѣ, то не помогутъ и наводящіе вопросы (ихъ желаетъ рецензентъ). Положимъ — учитель плохъ, не умѣетъ поддерживать вниманіе учениковъ, не можетъ возбудить вниманіе своими вопросами — почему-же печатные вопросы должны произвести это дѣйствіе? Учитель виновать, если ученикъ его живой рѣчи предпочитаетъ сухой учебникъ. Дай Богъ, чтобы у такихъ учителей ученики отличались самостоятельностью въ трудѣ: сами-бы отыскивали и примѣняли правила.

3) Взглядъ нашъ на матеріалъ рецензентъ называетъ устарѣлымъ. Но не все худо, что старо. Возьмемъ для разбора одну изъ непоправившихся г. рецензенту рубрикъ, на стр. 21. «И ноты есть у насъ... Ты, точно, левъ и есть» и проч. Ученики знаютъ изъ предъидущаго, что сказуемое — глаголь согласуется съ подлежащимъ въ числѣ и лицѣ. По предложенію учителя дѣлаютъ разборъ: ноты — множеств. числа, есть — единств. числа. Если сказуемое согласовать съ подлежащимъ нормально, какъ нужно сказать? каждый ученикъ отвѣтитъ: ноты суть (говорю по опыту). Я не допускаю исключеній ничѣмъ не обоснованныхъ; но я допускаю исключенія изъ закона въ пользу другаго закона при коллизіи. Въ приведенныхъ примѣрахъ исключеніе произошло потому, что формы: есмь, еси, есмы, суть — устарѣли, осталась одна форма есть. Смыслъ флексіи «ть» забыть, потому что эта флексія для 3-го лица необычна въ русскомъ языкѣ — и вотъ «есть» употребляется, какъ слово, неимѣющее флексіи.

Что касается до требованія статей для разбора и знаковъ препинанія, то оговариваюсь кратко: еще лучше было бы, если-бы нашъ Задачникъ вмѣщалъ и статьи для славянскаго разбора и хрестоматию для всѣхъ классовъ; но такой задачи мы на себя не хотѣли брать.

А. Барсовъ.

РУКОПИСНЫЙ ПАМЯТНИКЪ СМОЛЕНСКАГО АВРА- МІЕВСКАГО МОНАСТЫРЯ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗНАЧЕНІЕ.

Нѣтъ надобности говорить о томъ, какое важное значеніе и интересъ представляетъ наша богатая древняя письменность для изученія языка и литературы. Имѣя въ виду такой интересъ, мы рѣшились рассмотреть озаглавленный нами памятникъ, о существованіи котораго въ Смоленскомъ Авраміевомъ монастырѣ давно слышали. Намъ предоставлена была полная возможность ознакомиться съ нимъ. Результаты нашего осмотра и изученія этой рукописи мы теперь и сообщаемъ ученому міру.

Рукопись содержитъ въ себѣ пять отдѣловъ:

- 1) Служба препод. Авраамію Смоленскому,
- 2) Житіе и терпѣніе препод. отца Авраамія,
- 3) Похвала преп. Авраамію и Пресвятой Богородицѣ,
- 4) Служба мученику Меркурію Смоленскому
- и 5) Повѣсть о святомъ мученикѣ Меркуріи, чудотворцѣ Смоленскомъ.

Вся рукопись написана одною рукою.

Мы опредѣляемъ время, когда она была написана. Главнымъ образомъ обратили вниманіе на Повѣсть о Меркуріи Смоленскомъ. При сравненіи ея съ другими книжными сказаніями объ этомъ мученикѣ, мы увидѣли, что она значительно отличается отъ нихъ. Списокъ ея, который мы предложили въ подлинникъ изъ разбираемой нами рукописи, по содержанію древнѣе всѣхъ доселѣ извѣстныхъ

книжныхъ сказаній объ этомъ святомъ. Указываемъ литературное значеніе этой повѣсти и какъ нужно смотрѣть на неё. Явилась возможность приблизительно возстановить самый фактъ историческаго событія, въ которомъ дѣйствующимъ лицомъ былъ св. Меркурій. При упоминаніи о службѣ святому Меркурію, мы указываемъ отношеніе ея къ службамъ тому же святому, которыя приведены въ Историческихъ очеркахъ народной словесности *Θ. И. Буслаева* (т. II ст. V). Мы опредѣлили, когда первоначально составлено было житіе Авраамія. Указываемъ далѣе на важное литературное значеніе этого житія между образцами этого рода произведеній. — Вотъ планъ нашего изслѣдованія.

Рукопись писана на плотной бумагѣ, одинаковой отъ начала до конца. На этой бумагѣ мѣстами видѣнъ водяной знакъ — гербъ бумажной фабрики. Онъ представляетъ изъ себя слѣдующее: на пьедесталѣ стоитъ щитъ, въ срединѣ котораго на особой, рельефно выдающейся, пластинкѣ или поверхности изображены одинъ на другомъ три четырехугольные креста, прилежающіе одинъ къ другому бокомъ. На той и другой сторонѣ щита изображено по одному льву, съ высунутымъ языкомъ и приподнятымъ къ верху хвостомъ; они, стоя на заднихъ лапахъ, передними поддерживаютъ этотъ щитъ. Все это сверху симметрично прикрываетъ подобіе царской короны, съ четырехугольнымъ крестомъ наверху. Въ настоящее время рукопись состоитъ изъ 64-хъ листовъ текста, но прежде она имѣла большее количество ихъ.

Писана не чернилами и не простою тушью, но такимъ составомъ ея, который не стирается даже при сильномъ стираніи, такъ-что въ ней все до сихъ поръ сохранилось ясно.

Заглавія и инициалы писаны по большей части кинноварью. Буквы текста имѣютъ видъ полуустава; въ заглавіяхъ употребляется вязь.

Въ этой рукописи есть украшенія: во первыхъ, двѣ заставки, представляющія коверъ изъ вѣтокъ тропическаго растенія съ листьями и плодомъ; во вторыхъ, въ двухъ мѣ-

стахъ на поляхъ листовъ, а также въ инициалахъ (заглавныя буквы) украшенія можно уподобить иконостасной рѣзбѣ или арабескамъ, гдѣ преобладаютъ тоже листья и цвѣты.

Изъ содержанія рукописи, указаннаго выше, видно, что она есть сборникъ для церковно-служебнаго употребленія. Она, дѣйствительно, и была въ употребленіи: по мѣстамъ закапана воскомъ, листы обились и оторвались другъ отъ друга, особенно — въ службѣ преподобному Авраамію. Понадобились подклейки и переплетъ, который тоже износился. При переплетѣ окраины листовъ были обрѣзаны и уравниены; кромѣ того, въ началѣ и концѣ книги приклеено по одному листу иной бумаги, современной переплету. На этой новой бумагѣ ясно можно различать изображенный водяными знаками вензель, состоящій изъ сплетенія русскихъ заглавныхъ рукописныхъ буквъ: Г, І, В; но принимая ихъ за латинскій штрифтъ, можно читать ихъ, какъ F, I, B.— На томъ изъ новыхъ листовъ, который присоединенъ къ началу книги, наклеена картина, изображающая въ полный ростъ преподобныхъ Авраама и Ефрема, стоящихъ въ мантияхъ другъ противъ друга; вокругъ головы у того и другаго — вѣнокъ; св. Ефремъ, кромѣ того, имѣетъ покрытую голову подобно схимникамъ. Лица у того и другаго удерживаютъ свои индивидуальныя черты. Св. Ефремъ, ученикъ Авраамія, изображенъ благоговѣнно внимающимъ своему духовному наставнику Авраамію. Въ верху этой картины изображенъ по грудь на облакахъ І. Христосъ, обѣими руками благословляющій такимъ сложеніемъ перстовъ, какимъ благословляютъ священники. Бумага этой картины одновременна и одинакова съ бумагою самаго текста рукописи. Это и служитъ доказательствомъ, что рукопись имѣла большее количество листовъ. Картина эта, поля которой теперь обрѣзаны, представляла прежде цѣльный листъ; на оборотной сторонѣ картины въ то время, когда она представляла цѣлостный листъ, были въ разное время дѣлаемы надписи. Теперь, отклеивши картину, можно видѣть 4-ре почерка или рукописанія, сдѣланныхъ чернилами. Изъ нихъ три написаны гражданскою скорописью. Привожу уцѣлѣвшіе отрывки этихъ строкъ, на сколько я могъ разобрать ихъ:

Первая надпись: „1725 году Генваря въ 20....

...Уезду села его дяконъ. Сія...

...треодъ посная на по....

...его Имрек и свѣтло воскрес..

...лавимъ петр.. Щекавицки...

...и за то на него взялъ....“;

вторая надпись: „аѣки году Августа в день **Θ** (9-й)

...великому государю Петру....

...сія книга....“;

третья надпись: „помяни

Гди душу усопшаго

раба своего авра....

Іоанна Петра

Петра Марину

Ивана Емѣліана

Василія Θεодора“;

четвертая надпись: „помилошти брат.... **Θ**елницкихъ.

Въ связи съ этимъ стоятъ еще три разновременныя написанія, находящіяся въ разныхъ мѣстахъ на поляхъ текста и написанныя тоже чернилами. На сколько они уцѣлѣли, приводимъ ихъ:

1) „Сія книга вице...ктора слово подъ титлоу: (вице-ректора) Петра Щаковецкаго“.

2) „Сія книга архимандрита Констант.... подписався Нивись хто“.

3) „Sia qniha avramenscaho

Monostira arhimandsita

Constantina. Стоитъ....

Pisaf sie pisanie

afanasi teper

nevedomo chto“.

По этимъ даннымъ мы можемъ изложить исторію этого памятника. Онъ былъ написанъ какимъ-то Аонасіемъ и употреблялся при богослуженіи въ церкви Авраміевскаго монастыря; говоримъ это потому, что на немъ замѣтны слѣды особенно частаго употребленія въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ написана служба пр. Авраамію, отчасти — гдѣ житіе

его; листы же о Меркуріи оказались почти чистыми. Когда книги стали печатныя, а памятникъ отъ употребленія изветшалъ, его перестали употреблять при богослуженіи, замѣнивъ его, конечно, печатною книгою. По указу Петра Великаго, въ Смоленскѣ при еписк. Дорошеѣ заведена была школа для образованія священно-служительскихъ дѣтей „въ надежду священства“, какъ сказано въ указѣ Петра. Школа эта была сначала при архіерейскомъ домѣ; но въ 1728 году, при еписк. Гедеевѣ Вишневскомъ, она устроена уже была около Авраміевскаго монастыря; преобразована въ Семинарію, гдѣ преподавались философія, богословіе, между прочимъ и польскій языкъ, остаткомъ котораго и служатъ вышеприведенныя нами надписи.

Главное начальствующее лицо въ этомъ заведеніи именовалось вицеректоромъ, а съ 1745 года—ректоромъ (Историко-статистическое описаніе Смоленской епархіи, Трофимовскаго, стр. 184—185). Къ одному изъ вицеректоровъ—Петру Щаковецкому около 1725 года и попалъ этотъ сборникъ, въ видѣ книги для чтенія, и сдѣлался его собственностію; а послѣ него преемственно сталъ переходить къ послѣдующимъ начальникамъ семинаріи. Такъ какъ вицеректоровъ и ректоровъ, начиная съ 1741 года, стали поставлять въ архимандриты Авраміевскаго монастыря: та и другая должность соединялась въ одномъ лицѣ, — то съ теченіемъ времени владѣльцемъ сборника является архимандритъ Константинъ, онъ же и ректоръ семинаріи, жившій около 1775 г. (У Трофимовскаго на 274 стран. онъ названъ Сокольскій). Книга была переплетена уже послѣ него и сдѣлалась собственностію Авраміевскаго монастыря, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ надпись, сдѣланная на переплетномъ листѣ. Въ настоящее время книга эта стала собственностію библиотеки Смоленской семинаріи, гдѣ она и теперь находится, какъ особенная рѣдкость по древности.

Въ рукописи нѣтъ указанія, когда она была писана. Рѣшить вопросъ о времени ея написанія предоставляется изслѣдователю.

Не будемъ увлекательны, чтобы признавать за ней глубокую древность начертанія письменныхъ знаковъ. Всѣ

вышеписанныя палеографическія данныя свидѣлствуютъ о позднемъ ея происхожденіи: 1) она написана на тряпичной бумагѣ, которая вошла въ употребленіе только съ конца XV вѣка (раньше употреблялась бамбуцина съ XIV вѣка.; а самый ранній письменный матеріалъ былъ пергаментъ); 2) водяной знакъ на этой бумагѣ — изящный мануфактурный гербъ, указываетъ уже на развитую писчебумажную производительность (ранѣе въ XV и XVI в.в. водяными знаками служили голова буйвола, раскрытыя ножницы, виноградная кисть, а не гербы); 3) въ украшеніяхъ поставляются растенія — признакъ рукописей позднихъ, начиная съ XVI в.; 4) вязъ употребляется въ рукописяхъ начиная съ XV в.; 5) полууставъ, который начинаетъ входить въ употребленіе съ XV в., въ нашей рукописи является позднѣйшимъ: очертаніе нѣкоторыхъ буквъ близко подходитъ къ печатнымъ буквамъ Московскаго печатнаго двора; замѣтно побужденіе расчеркнуться; титлы и надстрочные знаки часты; буква о имѣетъ только два начертанія: о простое, ѿ двойное; звука ы стараго начертанія не встрѣчается; 6) относительно языка: юса большого въ рукописи не встрѣчается, малый юсъ смѣшанъ съ ѡ и замѣняетъ мѣсто этой послѣдней буквы; звукъ ѣ въ срединѣ словъ и въ предлогахъ или выпускается, или замѣняется звукомъ о; ШТ и ІЕ не встрѣчается и т. д.

Все это указываетъ на позднее происхожденіе рукописи.

Мы не будемъ относить ее къ тѣмъ вышеуказаннымъ цифрамъ годовъ: 1725 и 1728, которые упомянуты въ надписяхъ, скажемъ только, что она древнѣе этихъ годовъ. Она древнѣе даже исправленія книгъ, что видно изъ службъ святымъ. Ирмосы, напримѣръ, являются здѣсь въ неисправленномъ видѣ. Приведемъ начало нѣкоторыхъ изъ нихъ:

„Яко по суху ходивъ Израиль...“,

„Христось мнѣ сила....“;

„Хлагодавицу убо пещь сотвори Ангель...“

„Седьмъ седмицею пещь Халдейскій мучитель....“

Теперь является вопросъ: на сколько она древнѣе исправленія книгъ? — Для рѣшенія этого вопроса мы сдѣлаемъ нѣкоторое отступленіе.

Въ православномъ собесѣдникѣ за 1858 годъ, часть 3-я, помѣщено „житіе и терпѣніе преподобнаго отца Авраамія просвѣтившагося въ терпении многѣ и новаго въ святыхъ города Смоленска“. Оно писано въ 1558 году въ Калугѣ, какъ видно изъ послѣсловія. Въ нашей рукописи тоже есть житіе и терпѣніе Авраамія. Посмотримъ, не списанъ-ли который либо изъ нихъ съ другаго.

Не нужно большаго усилія, чтобы доказать противное. Чтобы убѣдиться въ различіи списковъ, довольно сказать только то, что въ нашъ списокъ входятъ такіа факты изъ жизни святаго, которыхъ нѣтъ въ Калужскомъ спискѣ.

Второй вопросъ: не одновременны ли они по языку?— При сравненіи оказывается, что Калужская рукопись древнѣе Смоленской. Между тѣмъ какъ въ Калужскомъ встрѣчаются, напримѣръ: ооу—Златооустый, Еоуѣимія (признакъ древнихъ рукописей), въ Смоленскомъ уже — „Златоустъ, Евѣимія“. Списатель Калужскаго списка не зналъ никакого другаго знака, кромѣ точки, которую онъ употребляетъ вмѣсто всякаго другаго знака, иногда онъ просто ставитъ ее, чтобы отдѣлить одно слово отъ другаго; нашъ же списатель употребляетъ и точку, и запятую, и точку съ запятой, и двоеточіе (признакъ позднѣйшихъ рукописей). Смоленскій списокъ самъ выдаетъ свое болѣе позднѣе происхожденіе. Тамъ, гдѣ въ Калужскомъ стоитъ: „Ѳеодосія архимандрита всея Руси“, въ Смоленскомъ: „Ѳеодосія архимандрита всея Россіи“; тамъ: „минишескыи чинъ“, здѣсь: „монашескій чинъ“ (болѣе позднія названія) и друг. Такимъ образомъ Смоленскій списокъ житія Авраамія, а вмѣстѣ съ нимъ и вся рукопись, такъ какъ она написана одною рукою, явились послѣ 1558 года; въ рукопись эту какъ признають, входитъ Калужскій списокъ.

Въ параллель приведемъ еще заглавіе изъ списка житія Авраамія въ нашей рукописи: „житіе и терпѣніе преподобнаго отца нашего Авраамія архимандрита просвѣтившаго втерпѣніи многѣ и новаго града въ святыхъ Смоленскаго“. Сравнивая это заглавіе съ вышеприведеннымъ заглавіемъ изъ Калужскаго списка, мы убѣждаемся, что въ языкѣ между тѣмъ и другимъ спискомъ произошло слишкомъ рѣзкое раз-

личіе отъ времени: Смоленскій списокъ приближается уже къ позднѣйшему правописанію. Такимъ образомъ мало сказать, что онъ написанъ послѣ Калужскаго, необходимо добавить еще, что онъ гораздо позднѣе написанъ: нуженъ былъ большой промежутокъ времени, чтобы произошла эта рѣзкая перемѣна въ языкѣ; но тѣмъ не менѣе мы знаемъ, что онъ написанъ до исправленія книгъ. Когда же именно?

Въ 1654 году случилось слѣдующее событіе: Смоленскъ, бывший до этого времени подъ властію Поляковъ, которые, стремясь распространить католичество, разрушали нѣкоторые изъ православныхъ монастырей и храмовъ Смоленскихъ, иные преобразили въ католическіе костелы; въ оставшихся отъ разрушенія монастыряхъ утвердились бернардинцы, францисканцы и іезуиты. Аврааміевскій монастырь былъ уже 43 года Доминиканскимъ кляшторомъ. Богослуженіе по православному обряду всюду было стѣснено. Но въ этотъ знаменитый 1654 годъ Смоленскъ переходитъ въ руки прежнихъ своихъ владѣльцевъ. 10-го Сентября Царь Алексѣй Михайловичъ во главѣ многочисленнаго войска вѣхалъ въ Смоленскъ побѣдителемъ. Съ этого момента все постепенно начинаетъ получать иной видъ. Въ отношеніи религіозной стороны приняты слѣдующія мѣры: вызваны были изъ русскихъ областей священно-служители съ клириками; назначенъ былъ для Смоленска архіепископъ, который пріѣхалъ туда изъ Суздаля съ церковными принадлежностями, пѣвчими и дѣтьми боярскими, служившими при Суздальскомъ архіерейскомъ дворѣ; начинаютъ передѣлывать храмы и монастыри. Грамотою 1658 года 24 Марта Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ сдѣлать Аврааміевскій монастырь вновь православнымъ (Истор. г. Смоленска, Никитина, періодъ 3, глава I). Понадобились книги для богослуженія; явились писцы, удовлетворявшіе этой потребности. Такъ какъ нашъ сборникъ употреблялся при богослуженіи въ Аврааміевскомъ монастырѣ, то, вѣроятно, онъ для него и былъ написанъ въ это именно время. Въ продолженіе 100 лѣтъ, начиная съ 1558 года, когда написанъ Калужскій списокъ житія Авраамія, до этого времени могла совершиться та рѣзкая перемѣна въ языкѣ, которая замѣчается

между Калужскимъ и Смоленскимъ спискомъ житія Авраамія. Насъ побуждаетъ еще приурочить написаніе Смоленскаго сборника къ этому времени то обстоятельство, что у О. И. Буслаева въ историческихъ очеркахъ Русской словесности т. 2 стр. 176 приводятся выдержки изъ двухъ службъ Меркурію, которыя онъ выписалъ изъ рукописи гр. Уварова № 681. Пѣснопѣнія одной службы по содержанию и языку совершенно сходны съ такими же пѣснопѣніями въ нашемъ сборникѣ. Ясно, что они писаны одновременно. О. И. Буслаевъ видѣлъ въ этой службѣ слѣдующую вставку, свидѣтельствующую о времени ея написанія: „повелѣніемъ и благословіемъ святаго его рукоположенія бываетъ исписана блаженнѣйшаго епископа того же Смоленска Киръ Варсонофія“. Дѣйствительно послѣ окончательнаго присоединенія Смоленска къ Москвѣ, былъ въ Смоленскѣ епископъ Варсонофій (изъ рода Еропкиныхъ) съ 1669 года. Это служить новымъ доказательствомъ, что нашъ сборникъ былъ писанъ послѣ окончательнаго присоединенія Смоленска къ Москвѣ; скажемъ опредѣленнѣе: писанъ — въ шестидесятихъ годахъ XVII столѣтія, т. е. какъ разъ въ то время, когда только еще начался вопросъ объ исправленіи книгъ. ¹⁾

Намъ могутъ возразить, ссылаясь на предъидущее наше упоминаніе объ изветшаніи книги, что, въ короткій промежутокъ времени отъ ея написанія до смѣны ея новою исправленною книгою, рукопись не могла такъ изветшать; слѣдовательно, нужно положить времени на ея употребленіе въ церкви гораздо болѣе, и слѣдовательно — она написана ранѣе.

Отвѣчаемъ: неизвѣстно, когда въ Смоленскѣ дошли исправленныя книги и когда окончательно произошла смѣна старыхъ книгъ на новыя. Авторъ этой статьи, въ числѣ многихъ рукописныхъ книгъ, имѣетъ богослужебный сборникъ, содержащій въ себѣ разные каноны, акаѣисты и,

¹⁾ *Примѣчаніе:* Въ Смоленскомъ Вознесенскомъ монастырѣ хранится еще другая рукописная книга: Ирмологій, писанный въ 1548 году.

наконецъ, житіе препод. Нила Столбенскаго. Этотъ сборникъ оказывается еще въ неисправленномъ видѣ, а между тѣмъ съ точностію опредѣленъ годъ, когда онъ написанъ: 1773 годъ. Замѣтимъ далѣе, что онъ употребляемъ былъ при богослуженіи, потому что замаранъ и закапанъ воскомъ; но не былъ въ употребленіи у раскольниковъ. Значить, въ разныхъ мѣстахъ по церквамъ употреблялись нѣкоторыя неисправленныя книги и въ XVIII столѣтіи. Смоленскій сборникъ могъ быть употребляемъ при богослуженіи до самаго 1725 года, когда онъ сдѣлался книгою для чтенія одного частнаго лица — вице-ректора Петра Щаковецкаго. Въ этотъ промежутокъ годовъ: болѣе половины столѣтія, богослужебный сборникъ, находясь въ употребленіи Авраміевскаго монастыря, такъ сказать: въ центрѣ этой святыни, гдѣ служба св. Авраамію была не періодически чрезъ годъ, а можетъ быть совершалось ежедневное моленіе, то богослужебный сборникъ, отъ такого частаго употребленія, могъ изветшать. Такимъ образомъ выводъ въ полной силѣ остается прежній.

Если наша рукопись по начертанію есть уже позднее явленіе, то спрашивается, на сколько она, по крайней мѣрѣ, по внутреннимъ достоинствамъ, по содержанію, сохраняетъ черты оригиналовъ, которые воспроизводитъ?

Рѣдко бывало въ прежнюю пору, то обстоятельство, чтобы переписчикъ, списывая древнюю рукопись, не измѣнилъ въ чемъ либо ея содержанія; бывали и такіе случаи, что памятникъ, пройдя чрезъ руки грамотнаго или начитаннаго переписчика, существенно измѣнялся въ содержаніи, такъ—что являлась какъ-бы особая редакція этого памятника. Не таковъ былъ писатель Смоленскаго сборника Аонасій; онъ не мудрствовалъ отъ себя: не прибавлялъ, не убавлялъ, не передѣлывалъ по своему соображенію того, что переписывалъ. Какъ стояло въ лежащей предъ нимъ рукописи что-либо для него непонятное, онъ это и вписывалъ въ свою книгу такъ, какъ разобралъ. Примѣровъ можно указать много; приводимъ первые попавшіеся на глаза: изъ службы препод. Авраамію: „Даніилъ тя гору нарече, а ннъ (въ исправленныхъ книгахъ инъ) жезлъ и

катапетасму, Давидъ же (Іезекіиль) дверь“; „яко дождь наруно сниде, тако безщуба (слово едвали было понятное для него) слово въ твою утробу вниде“. Изъ службъ св. Меркурію: „крестъ воспріяти возсладоваль еси (возслѣдовалъ)“; „злосвирѣпаго мучителя мѣл богоборца“; а въ повѣсти о Меркуріи является: „уліанъ богоборецъ“. Пишетъ: „едина земная (земная) роддывшя“ (родившися), приидите торжествующесе воспоеимъ“. По мѣстамъ соединяетъ два слова въ одно; недописываетъ окончаній, которыя неразобралъ. Словомъ—Ананасій желалъ скорѣе скопировать, чѣмъ отъ себя создавать что-либо. Черта цѣнная въ переписчикѣ и важная для историковъ вообще! Желаніе лишь вѣрно списать, а не измѣнять, что уже сложили раньше его, особенно ярко обнаруживается на повѣсти о Меркуріи Смоленскомъ. Нѣкоторыя данныя этой повѣсти, бывшія въ его время уже анахронизмомъ, что, конечно, онъ сознавалъ и что другіе переписчики той-же повѣсти еще въ XVI вѣкѣ опустили изъ текста, нашъ Ананасій, немудрствуя высоко, все дословно вписываетъ въ свой сборникъ, какъ это увидимъ послѣ. Такимъ образомъ, онъ былъ точенъ въ отношеніи передачи содержанія и даже лексической стороны дѣла.

Не то нужно сказать касательно фонетики, флексій и стили: въ этомъ отношеніи время, говоръ, вліяніе современнаго ему правописанія, усвоенный стиль брали надъ нимъ верхъ. Съ этой стороны на рукописи отразился, какъ мы уже замѣтили, вполне XVII вѣкъ; однако и старыя формы изрѣдка, можетъ быть, не замѣтно для самаго писателя, прокрадываются на страницы рукописи.

На ряду, напримѣръ, со словами: „утверждаа, рождество, даждь“ стоятъ слова чисто русскаго говора: „утвержая, рождество, даждь“; „евжино воззваніе“. Равноправно встрѣчаются: „стихиры, стихеры; христіаномъ, христианомъ и христианскій и проч. Словомъ—тутъ отразилась вся исторія языка и рукопись въ этихъ пунктахъ не на-столько вѣрна древности, какъ въ предъидущемъ отношеніи.

Указавши на точность передачи содержанія памятниковъ въ изслѣдуемой нами рукописи, мы еще не рѣшили

всего вопроса объ отношеніи ихъ къ своимъ подлинникамъ или самымъ оригиналамъ. Дѣло въ томъ, что статьи сборника Аѳанасія были составлены не однимъ лицомъ и не одновременно; далѣе Аѳанасій списывалъ не съ одной рукописи, а съ нѣсколькихъ; это видно изъ того, что нѣкоторыя буквы, идя по разнымъ отдѣламъ рукописи, измѣняютъ свой видъ, напримѣръ — буква з въ службѣ Авраамія имѣетъ округлыя очертанія, подходящія къ современному нашему стилю съ тѣмъ лишь различіемъ, что головка гораздо больше остальной части; въ повѣсти о Меркуріи она имѣетъ видъ кривой линіи съ головкой, похожей на треугольникъ; въ житіи Авраамія встрѣчается не рѣдко иной видъ начертанія этой буквы уподобляющейся цифрѣ 3; тоже и славянская буква ѿ (отъ) въ разныхъ отдѣлахъ иногда пишется различно и т. д. Все это, конечно, произошло отъ вліянія, различныхъ лежавшихъ предъ нимъ образцовъ начертанія буквъ. Въ повѣсти о Меркуріи существуетъ особый надстрочный знакъ сокращающій и, въ другихъ отдѣлахъ его нѣтъ. Ясно, что сборникъ былъ списываемъ съ разныхъ рукописей. Рукописи эти, нельзя думать, чтобы были оригиналы, потому что Аѳанасій жилъ уже въ XVII вѣкѣ, слишкомъ отдаленномъ отъ того, что пришлось ему воспроизводить на своихъ страницахъ; они были не что иное какъ списки, посредствующіе между нимъ и авторами. Отсюда выводъ: Смоленскій писатель былъ точенъ по содержанію только въ отношеніи этихъ лежавшихъ предъ нимъ списковъ, такъ сказать въ послѣднемъ для насъ приѣмѣ списыванія. Рѣшенія же вопроса, объ отношеніи къ оригиналамъ этихъ раньше его бывшихъ писателей, мы не беремъ на себя.

Счастливая случайность сохранила до нашихъ дней въ Смоленскомъ сборникѣ древнѣйшее сказаніе о св. Меркуріи Смоленскомъ. Предшественники Аѳанасію писатели этого памятника, какъ видно, оставались тоже вѣрны древности. Вслѣдствіе того онъ дошелъ до насъ по содержанію

и лексической сторонѣ языка въ такомъ видѣ, какъ бы предъ нами лежалъ самый подлинникъ автора, — это видно изъ того уже, что сказаніе изобилуетъ архаизмами 1) въ отдѣльных словахъ: „неточію, абіе, онамо, дѣяху, внегода, иже, егда, киновія и проч.“; 2) въ формахъ словъ: старыя падежныя окончанія, постоянныя аористы, сложныя временныя формы глаголовъ: „стражови, отъ земля, словеса, разширился бѣше, рече“ и т. д. „ся“ иногда отдѣляется отъ своего глагола другими частями рѣчи; 3) удерживается старое сочетаніе словъ: „побѣже во свою ему землю, побѣду на враговъ нашихъ“ и т. п. Встрѣчается дательный самостоятельный: „попустившу Богу“. Вообще много признаковъ древности. Болѣе существенный признакъ тотъ, что въ повѣсти замѣчается свѣжее преданіе человека близкаго къ той эпохѣ, о которой онъ рассказываетъ: „на томъ мѣстѣ (гдѣ убить Меркурій) вознаменіе тоя великія побѣды даже и до днесь близъ подъ самымъ градомъ столпъ стоящъ видимъ“; „и дворъ (Меркурія) каковъ есть сказа ему, егоже дворъ градъ Смоленску“; „отъ негож (Батя) мало прежде убіенъ быть князь Михаилъ Черниговскій“. — Что побуждало переписчиковъ писать: „до днесь, дворъ и столпъ есть“ (когда на самомъ дѣлѣ ихъ уже не было), „мало прежде“ (между тѣмъ какъ времени прошло уже много)? — Вѣрность тексту рукописи.

Не такъ передаются эти мѣста въ другихъ книжныхъ сказаніяхъ о Меркуріи Смоленскомъ, сходныхъ съ нашей повѣстью. У Ѳ. И. Буслаева въ „Историческихъ очеркахъ“ т. 2 отд. 5 приводится литературная редакція этого сказанія, которое онъ предложилъ по двумъ спискамъ: по одному — изъ Макарьевской четыминеи за Ноябрь 24 день, и по другому, согласному съ этою Минеею, изъ Синодальнаго сборника XVII вѣка № 850. (Мы будемъ называть сказаніе, выписанное Ѳ. И. Буслаевымъ Минейной редакціей). Мы имѣемъ еще сказаніе о защищеніи Смоленска св. Меркуріемъ, собственно — выписку изъ Костромской лѣтописи, гдѣ приводится только одна фактическая сторона, относящаяся къ Смоленску (прилож. къ „Истор. г. Смоленска“, Ни-

китина № 5). Эти два сказанія сходны съ нашей повѣстью: всѣ мысли нашей повѣсти, даже планъ сочиненія выдерживается въ нихъ; но вышеуказанныя мѣста передаются иначе: 1) относительно мѣста гдѣ убитъ былъ св. Меркурій въ Минейной редакціи говорится: „и нынѣ мѣсто то знаемо есть на крови его, на полѣ, внѣ, передъ городомъ“; такъ же передается и въ спискѣ Синодальнаго сборника, т. е. рѣчь о столпѣ опущена, потому что его уже не было; а въ лѣтописной редакціи опущено указаніе, гдѣ это мѣсто находится и что оно извѣстно или „знаемо есть“. 2) Упоминаніе о дворѣ Меркурія, что онъ существуетъ еще въ Смоленскѣ, въ Минейной редакціи опущено; а въ Костромской лѣтописи сказано объ этомъ уже въ прошедшей формѣ глагола: „дворъ бѣ бо во градѣ“. 3) Слова: „мало прежде“ (т. е. недавно еще) убитъ былъ Михайлъ Черниговскій тоже опущены въ Минейской редакціи. Ясно, что эти двѣ редакціи отделились отъ оригинала, воспроизводили сказаніе примѣнительно къ своему времени, убавляя и измѣняя его.

Если мы будемъ слѣдить за ними далѣе, то, не говоря уже о языкѣ вообще, мы замѣтимъ также, что въ нихъ иногда существенно измѣняется содержаніе мыслей списка Аврааміевскаго сборника, гдѣ они перефразировываются иначе, иногда вставляется нѣчто иное. Только нашъ списокъ оказывается вѣрнымъ древности, а поэтому онъ можетъ замѣнять собою самый оригиналъ. Предлагаемъ его читателю въ подлинникѣ и, по возможности, съ сохраненіемъ его правописанія, исключая надстрочныхъ знаковъ (удареній и встрѣчающихся изрѣдка придыханій и паерка); титлы и сокращенія мы передаемъ полнымъ текстомъ. Въ рукописи встрѣчается з (зѣло), ѿ (о двойное), ихъ мы не обозначаемъ. Буква я въ рукописи передается малымъ юсомъ; гдѣ написано ѿ, это у насъ обозначено.

С. Писаревъ.

(Продолженіе будетъ).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Учебникъ русскаго языка для низшихъ классовъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній. Примѣнительно къ правописанію, съ примѣрами почти на каждое правило для разбора и объяснительнаго диктанта и руководящими вопросами. Составилъ Ѳ. Рождественскій. С. Петербургъ. 1880. I+87+III стр.

Фабрикація учебниковъ по русскому языку въ послѣднее время производится у насъ съ такою быстротой, что даже присяжнымъ наблюдателямъ становится трудно слѣдить за ихъ появленіемъ въ разныхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется тотъ фактъ, что многія руководства и пособія остаются не замѣченными критикой, а между ними встрѣчаются иногда дѣльные труды. Съ другой стороны, недостаточное вниманіе печати къ плохимъ произведеніямъ учебной литературы часто служитъ причиною ихъ контрабанднаго успѣха на книжномъ рынкѣ и въ школахъ. Если бы критика безцеремонно и при всякомъ удобномъ случаѣ раскрывала убожество разныхъ издѣлій этого рода, то энергія ихъ производителей, разумѣется, ослабѣла бы. Между тѣмъ, не встрѣчая ограниченій и препятствій, страсть къ составленію учебниковъ охватываетъ всё-большій кругъ досужныхъ педагоговъ, обращающихъ издательство книжекъ въ средство легкой наживы. Понятно, что не всякаго можно провести увѣреніями въ чистотѣ авторскихъ мотивовъ, въ непригодности вѣхъ прежнихъ руководствъ и необходимости новыхъ, но ретивые сочинители, очевидно, думаютъ иначе, а потому и рѣшаются печатать

учебники исправленные, измѣненные, дополненные и приспособленные, съ примѣрами и безъ примѣровъ, съ планами и руководящими вопросами, матеріалами для разныхъ упражненій, объясненіями, выводами и т. д. Задавшись мыслію раскинуть подальше меркантильныя сѣти, авторы такихъ произведеній о томъ только и хлопочутъ, чтобы приспособить ихъ къ большому числу школьных программъ и получить одобреніе свыше. Эта цѣль часто достигается, а распроданные учебники оказываются никуда негодными.

Особенно много плохихъ книгъ издается у насъ по грамматикѣ русскаго языка. Это зависитъ не столько отъ затруднительныхъ условій правильной школьной постановки названнаго предмета, сколько отъ того, что составители грамматикъ берутся не за свое дѣло. Многіе изъ нихъ обнаруживаютъ полное незнакомство не только съ серьезными филологическими изслѣдованіями въ области отечественнаго языка, но даже съ лучшими учебными руководствами: Буслаева, Поливанова, Бѣлявскаго и Стоюнина. Поэтому не удивительно, что труды педагоговъ — промышленниковъ часто не заключаютъ въ себѣ даже толковаго повторенія того, что есть въ прежнихъ руководствахъ, а вѣдь всякій новый учебникъ долженъ представлять что либо лучшее, оригинальное; иначе и появляться ему на свѣтъ не-зачѣмъ.

Учебникъ, названіе котораго мы выписали въ началѣ, не принадлежитъ, впрочемъ, къ числу самыхъ плохихъ: въ немъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, рѣзкихъ ошибокъ противъ языка, слога и правописанія, какъ во многихъ твореніяхъ этого пошиба, напримѣръ, — въ грамматикахъ гг. Петровыхъ, Филипповыхъ, Молчановыхъ, Марковыхъ и др., но за предѣлами этой параллели книжка г. Рождественскаго оказывается трудомъ очень посредственнымъ и небрежнымъ, возникшимъ изъ однихъ расчетовъ приспособленія.

Большую часть рассматриваемого учебника занимает этимология (9—87 стр.), которой предшествуют краткія „Предварительныя свѣдѣнія о предложеніи“ (1—8). Этимология начинается „Ученіемъ о звукахъ и буквахъ (9—15); затѣмъ рассматриваются части рѣчи въ слѣдующемъ порядкѣ: имя существительное (16—26), прилагательное (26—35), числительное (35—40), мѣстоименіе (40—46), глаголъ (46—63), нарѣчіе (63—69), предлогъ (69—72), союзъ (73—75) и междометіе (75—76); учебникъ заключается ученіемъ о составѣ словъ (77—87).

Грамматическія свѣдѣнія изложены такъ: сначала дается опредѣленіе той или другой категоріи, потомъ слѣдуетъ раздѣленіе ея, дальше — вопросы, орфографическія замѣчанія и, наконецъ, примѣры для разбора и объяснительной диктовки.

Иногда авторъ отступаетъ отъ этого порядка въ изложеніи: такъ — опредѣленію предлоговъ, союзовъ и междометій онъ предпосылаетъ предложенія — примѣры съ этими частями рѣчи.

Указанное распредѣленіе грамматическаго матеріала соответствуетъ программѣ гимназій и потому встрѣчается въ очень многихъ учебникахъ, но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что г. Рождественскій не могъ измѣнить его къ лучшему. Прежде всего необходимо замѣтить, что нашъ авторъ неосновательно вводитъ въ этимологию ученіе о звукахъ и буквахъ: это — отдѣльная, вполне самостоятельная часть грамматики, рассматривающая основные элементы слова, ихъ (т. е. элементовъ) измѣненія и графическіе знаки; этимология же, классифицируя слова, трактуетъ объ ихъ образованіи, формахъ и генетическомъ родствѣ.

Такъ какъ синтаксическія и этимологическія формы объясняются однѣ другими, то всего естественнѣе рассматривать ихъ параллельно: отъ составныхъ частей простаго предложенія слѣдуетъ переходить къ изученію знаменательныхъ частей рѣчи, а служебныя (союзы и нѣкот. мѣстоим.)

—разсматривать въ связи съ формами сложнаго предложенія. При такихъ концентрѣхъ, въ ряду знаменательныхъ словъ прежде всего должны быть изучены глаголы, какъ такая категорія, которою выражается наиболѣе существенная и первичная часть предложенія, его душа—сказуемое. За глаголомъ слѣдуетъ существительное, какъ форма подлежащаго и придаточныхъ (второстепенныхъ) словъ; за существительнымъ—мѣстоименіе; затѣмъ—прилагательное и числительное, какъ выразители опредѣленій по преимуществу. Изъ словъ вторичнаго образованія первое мѣсто въ порядкѣ изученія принадлежитъ нарѣчію, какъ формѣ обстоятельствъ, генетически развившейся изъ именъ и глаголовъ; второе мѣсто—предлогу, третье—союзу, какъ новымъ (послѣ именныхъ флексій и мѣстоименій) показателямъ отношеній [а) между словами и б) предложеніями] и какъ частямъ рѣчи позднѣйшей формации *); наконецъ, послѣднее мѣсто и въ связи съ другими категоріями обыкновенно дается междометію, какъ разряду словъ, не подвергшихся флексивнымъ измѣненіямъ и представляющихъ особую форму краткихъ, недоразвившихся предложеній. Нужно прибавить, что этотъ порядокъ изложенія необходимъ только въ элементарномъ курсѣ и что въ деталяхъ, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, онъ можетъ быть измѣненъ, но

*) Недавно вышли «Первоначальные уроки русской грамматики»—В. А. Воскресенскаго (СПБ. 1880), въ которыхъ грамматическій матеріалъ расположенъ въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала разсматриваются предлоги, союзы и нарѣчія, затѣмъ—существительныя мѣстоименія, личные окончанія глагола, родовыя и падежныя окончанія, наконецъ—«присавки и вставки». Пользуемся удобнымъ случаемъ замѣтить, что этотъ планъ нельзя считать состоятельнымъ, такъ какъ онъ идетъ въ разрѣзъ съ принципомъ послѣдовательнаго изученія словъ, отирающагося отъ значенія ихъ въ дѣломъ и доходящаго путемъ постепеннаго анализа до опредѣленія ихъ релятивныхъ частей. Кромѣ того, усвоеніе «формальныхъ элементовъ» языка на «первоначальныхъ урокахъ грамматики»—дѣло весьма трудное для дѣтей. Что касается содержанія и практической обработки „Уроковъ“, то во многомъ они заслуживаютъ одобренія.

общія черты его должны быть сохранены, согласно съ указаннымъ принципомъ.

Способъ изложенія, принятый г. Р—скимъ, не отличается какими либо достоинствами. Авторъ въ большинствѣ случаевъ прицѣпляетъ примѣры и упражненія къ догматическимъ положеніямъ, тогда какъ при элементарномъ изученіи грамматики правила и опредѣленія должны вытекать изъ разбора примѣровъ, нарочито подобранныхъ для извѣстныхъ цѣлей. Недостатокъ способа изложенія заключается и въ томъ, что онъ не выдержанъ во всѣхъ частяхъ учебника, какъ замѣчено выше.

Не разъ было указано на неправильность ходячихъ опредѣленій предложенія, но г. Р—скій какъ будто не вѣдаетъ этого и въ 1-мъ параграфѣ своей книжки повторяетъ ошибку Буслаева, Говорова и др. Извѣстно, что предложеніе можетъ вовсе не заключать въ себѣ сужденія, — что мысль выражается не только словами, но и однимъ словомъ и что, наконецъ, сущность предложенія, какъ грамматической категоріи, должна быть выражаема сначала со стороны формы, а потомъ—значенія. На основаніи этихъ данныхъ предложеніе опредѣляется какъ словесное выраженіе мысли.

Въ 6-мъ параграфѣ разсматриваемаго учебника сказано, что то слово, которое опредѣляетъ собою другое слово, въ предложеніи называется опредѣленіемъ, а то, которое дополняетъ собою смыслъ сказуемаго, называется дополненіемъ. Опредѣленіе опредѣляетъ, а дополненіе дополняетъ: такіа объясненія ничего не объясняютъ и представляютъ только праздную болтовню; въ частности, изъ втораго опредѣленія не видно, что дополненія относятся не къ одному сказуемому, но и къ другимъ членамъ предложенія.

Г. Р—скій противорѣчитъ себѣ и существу дѣла въ опредѣленіи безличныхъ предложеній (ср. § 14 съ 1 и 2).

Въ опредѣленіи отношенія между главнымъ и придаточнымъ предложеніями у г. Р--скаго является *circulus in demonstrando*: первое объясняется вторымъ, а второе — первымъ (см. § 18).

Въ параграфѣ 22 авторъ утверждаетъ, будто этимологія знакомитъ насъ съ отдѣльными словами русскаго языка, между прочимъ, со стороны ихъ правильныхъ измѣненій въ звуковомъ отношеніи, тогда какъ давно извѣстно, что въ языкѣ не существуетъ неправильныхъ звуковыхъ измѣненій.

Крайне ошибочно и небрежно изложено авторомъ ученіе о звукахъ и буквахъ; здѣсь нѣтъ ни одного, какъ говорится, живаго слова. Впрочемъ, этотъ отдѣлъ въ огромномъ большинствѣ учебниковъ стоитъ на уровнѣ устарѣлыхъ и совершенно ложныхъ традицій. Г. Р скій, смѣшивая буквы и звуки, различаетъ твердыя и мягкія гласныя; начертанія: *й, ъ* и *ь* считаетъ полугласными; согласныя буквы раздѣляетъ на губныя, зубныя, свистящія, шипящія, нѣбныя и гортанныя. Такимъ образомъ въ ученіи о звукахъ онъ говоритъ только о буквахъ; отсюда — смѣшеніе совершенно различныхъ категорій, неправильныя раздѣленія, опредѣленія и выводы. Составителямъ грамматикъ пора бы, кажется, понять, что начертанія: *е, ѵ, я* и *ю* выражаютъ не простые, элементарные звуки, а, во 1-хъ — слоги: *йэ, йа* и *йу*, во-вторыхъ — гласные вмѣстѣ съ смягченіемъ предшествующаго согласнаго. Такое значеніе этихъ буквъ объясняется поскладнымъ характеромъ нашей графики, состоящимъ въ томъ, что съ знаками согласныхъ твердыхъ соединяются одни (*а, о, у, ъ, ы*), съ начертаніями мягкихъ — другіе знаки (*я, е, ѵ, ю, ь, и*); поэтому твердые и мягкіе согласные не имѣютъ для себя отдѣльныхъ буквъ и выражаются одною. *б=бъ* и *бь, д=дъ* и *дь* и т. д., но различіе ихъ обозначается послѣдующимъ начертаніемъ гласнаго.

Буквы: *з* и *ѣ*, выразившія въ старо-славянской письменности краткіе гласные, въ русской а) играютъ роль діакритическихъ значковъ, показывающихъ твердость и мягкость предъидущихъ согласныхъ въ концѣ словъ, и б) служатъ для отдѣленія слоговъ въ срединѣ словъ. Что касается начертанія *ѣ*, то оно означаетъ звукъ, по своей артикуляціи согласный (*ј*).

Раздѣленіе и названіе согласныхъ звуковъ опредѣляется активными (подвижными) органами ихъ произношенія, а такими являются — языкъ и губы; поэтому нѣтъ звуковъ зубныхъ и гортанныхъ, а только язычные и губные. Въ элементарномъ курсѣ, намъ кажется, достаточно ограничиться дѣленіемъ согласныхъ (по органу) на двѣ послѣднія категоріи; болѣе подробная классификація можетъ быть изучена впоследствии.

Говорить, что нѣкоторыя буквы могутъ шипѣть и свистѣть (см. § 24) — значитъ обнаруживать крайнюю несообразительность, или первобытный мистицизмъ.

Слѣдствіемъ смѣшенія звуковъ и буквъ у г. Р — скаго является то, что онъ видитъ два окончанія тамъ, гдѣ, собственно говоря, имѣется одно, такъ напр. въ окончаніяхъ падежей (§ 38, стр. 20, § 48, стр. 30 и др): *а* и *я*, *у* и *ю*, *омѣ* и *ѣмѣ* и т. д.

Г. Р — скій думаетъ, что буквы могутъ имѣть вліяніе на качество словесныхъ окончаній (см. § 38, стр. 21).

Не подозревая существованія именныхъ основъ, г. Р — скій открылъ въ существительныхъ лишніе слоги (§ 39) и потому трактуетъ объ именахъ неравносложныхъ, съ наращеніемъ (§ 41).

Въ параграфѣ 42 сказано: „въ творительномъ падежѣ единств. числа послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, *ц* пишутся окончанія *емѣ*, *ею*: отцемъ, ношею, душею, плащемъ, — *омѣ*, *ею*, только когда на окончаніи есть удареніе: мечомъ, лицомъ, свѣчою“, — стало быть г. Р — скій произноситъ: *отцемъ*, *душею*, *плащемъ*.

Совершенно напрасно поучаетъ г. Р—скій, что въ такихъ формахъ, какъ: ночью, горечью, лошадьми, людьми — пишется ъ (§ 42). Ошибку въ написаніи подобныхъ словъ можетъ сдѣлать только человѣкъ крайне малограмотный.

Неточныя и сбивчивыя опредѣленія составляютъ одинъ изъ, выдающихся недостатковъ грамматики г. Р—скаго. Объ именахъ прилагательныхъ (§ 43), напр., у него сказано, что они „означаютъ различные признаки, которые принадлежатъ предметамъ“, — значитъ, прилагательными можно считать и глаголы, и существительныя, и другія части рѣчи, когда ими выражаются какіе либо признаки. Неточны также опредѣленія мѣстоименій (§ 54) и глаголовъ (§ 57). Первые смѣшиваются съ прилагательными, а вторые опредѣлены не полно относительно своего значенія въ предложеніи.

Говоря объ именахъ прилагательныхъ, авторъ раздѣляетъ ихъ на качественныя и относительныя. Такъ какъ послѣднія выражаютъ и качественный оттѣнокъ, то было бы правильнѣе дѣлить прилагательныя на относительныя и безотносительныя. *)

Въ параграфѣ 57 г. Р—скій серьезно увѣряетъ, будто „подлежащее можетъ находиться въ дѣйстви и въ покойномъ состояніи“.

Въ ученіи о залогахъ (§ 58) нашъ авторъ пошелъ дальше своихъ товарищей: недовольствуясь пятью залогами, онъ припомнилъ еще общій, совсѣмъ было забытый другими. Неудовлетворительность установившагося ученія о залогахъ русскаго глагола признана давно, однако составители грамматикъ продолжаютъ повторять его. Извѣстно, что различеніе залоговъ основано на апіорныхъ началахъ, навязанныхъ русскому языку, а не добытыхъ изъ него по-

*) См. «Учебникъ русской грамматики для среднихъ учебныхъ заведеній» Л. Поливановъ. М. 1879. Изд. 6-е, стр. 94, § 170.

средствомъ полного изученія формальныхъ глагольныхъ измѣненій. Одинъ и тотъ же глаголъ можетъ имѣть значеніе разныхъ залоговъ; слѣдовательно факты языка не оправдываютъ существующей теоріи, а потому она должна быть оставлена и замѣнена другою.

Г. Р—скій различаетъ слѣдующіе виды глаголовъ: несовершенный, совершенный, однократный и многократный (§ 60). Два послѣдніе вида разсматриваются въ большинствѣ грамматикъ — какъ отдѣльныя, самостоятельныя категоріи, между тѣмъ многократный видъ есть только модификація (*species*) несовершеннаго, а однократный — совершеннаго. Въ элементарномъ курсѣ достаточно указать дѣленіе глаголовъ только на два вида: несовершенный и совершенный, въ виду бѣльшей правильности и простоты (ясности) этого дѣленія.

Наклоненій, какъ формальныхъ категорій, въ русскомъ языкѣ только два (изъявительное и повелительное), а не четыре, какъ утверждаетъ вслѣдъ за многими г. Р—скій (§ 59); такъ называемое „неопредѣленное наклоненіе“ представляетъ особую формацію, утратившую именныя свойства и сохранившую нѣкоторыя глагольныя.

Г. Р—скій даетъ неполное и потому сбивчивое правило правописанія нарѣчій, соединенныхъ съ частицею *не* (§ 67); — союзы: *но* и *ибо* ошибочно считаетъ простыми (§ 70); — слова: *бухъ*, *толкъ* и т. п. невѣрно признаетъ сокращенными формами прошедшаго времени: *бухнулъ*, *толкнулъ* и т. п. (§ 72).

Не мало ошибокъ допущено авторомъ и въ опредѣленіи состава словъ, — для примѣра укажемъ на слѣдующія: *мнѣ-ні-е* вм. *мнѣ-н-і-е*, *кусоч-екъ* вм. *кус-о-ч-е-къ*, *болт-ушк-а* вм. *болт-уш-к-а*, *да-ва-тъ* вм. *да(д)-в-а-тъ* и др.

Примѣры предложеній, приведенные въ грамматикѣ г. Р—скаго, не всегда удачны по формѣ (см. стр. 8, столб. 1) и по содержанію (стран. 15, строк. 4 снизу, стран. 45, строк. 16 и 17 сверху и мн. друг.).

Мы указали далеко не всѣ недостатки занявшаго насъ учебника: строго говоря, въ немъ не много найдется такихъ положеній, съ которыми можно согласиться безусловно, но и сказаннаго, полагаемъ, довольно, чтобы видѣть непригодность грамматики г. Р—скаго для успѣшнаго и критически-осмысленнаго изученія по ней роднаго языка.

А. А—въ.

М. А. КОЛОСОВЪ.

14-го минувшаго Января, къ общему сожалѣнію, скончался въ Ялтѣ бывшій нашъ сотрудникъ, проф. Варшавскаго Университета, Митрофанъ Алексѣевичъ Колосовъ. Вотъ и еще утрата для науки, меньше стало еще однимъ труженикомъ — филологомъ. Незадолго до своей смерти М. А. писалъ намъ и ни сколько не жаловался на свое здоровье, хотя, какъ извѣстно, оно было уже разстроено. Судя по этому послѣднему письму, нельзя было и думать, чтобы М. А. угрожало что въ близкомъ будущемъ, — а смерть — видно — была не за горами, а за плечами! Жаль, что смерть такъ рано похитила такого дѣятеля.

Покойный, какъ человекъ вполне преданный интересамъ науки, всегда съ любовью относился къ Филологическимъ изслѣдованіямъ и принималъ живое участіе своими трудами въ нашемъ изданіи. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ онъ спрашивалъ: «Какъ теперь дѣло вашего изданія? Полагаю, что основаніе «Филол. Вѣстника» не повліяло дурно на ваше изданіе; впрочемъ, за нѣсколько лѣтъ оно приобрѣло себѣ прочную репутацію и, конечно, стоитъ твердо». И далѣе писалъ: «Здѣсь лѣто. Снѣгу и морозовъ нѣтъ и не было. Жить можно», и вотъ вѣрно не суждено ему больше жить, — вдругъ его не стало!

Переписка у насъ была дружественная. Интересны были его извѣстія о путешествіи, по порученію Академіи Наукъ, по восточнымъ губерніямъ для изученія и собиранія данныхъ по народнымъ говорамъ. „Многіе, писалъ онъ, изъявили готовность сообщать мнѣ свои наблюденія и замѣтки о народномъ говорѣ, но на дѣлѣ оказалось ихъ мало. Не легко было найти хорошихъ рассказчиковъ изъ простаго народа, со словъ которыхъ можно было бы записать какую либо сказку или пѣсню и уловить особенности и мѣстныя оттѣнки говоровъ и особенныя характерныя слова“. Но при всемъ томъ ему удалось собрать богатый матеріалъ. Съ этой стороны, не говоря о другихъ ученыхъ трудахъ, заслуга М. А. Колосова для науки драгоценна, драгоценна и тѣмъ, что онъ проложилъ научную тропу для будущихъ изслѣдователей.

Миръ праху твоему, усердный труженикъ науки!

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

**ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ
СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:**

Два новыя сочиненія проф. Н. И. Карѣева:

1) Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ до 1789 г. Цѣна 1 р. Главный складъ книги въ магазинѣ А. Ланга на Кузнецкомъ мосту, — въ Москвѣ.

2) Введеніе въ курсъ исторіи новѣйшаго времени. Цѣна 50 к. Складъ брошюры въ Магазинѣ Васильева, на Страстномъ бульварѣ, въ Москвѣ.

УПОТРЕБЛЕНІЕ ЗНАКОВЪ ПРЕПИНАНІЯ ВЪ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОЙ РѢЧИ.

Пособіе при преподаваніи русскаго языка въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а равно и для желающихъ самостоятельно изучать этотъ отдѣлъ грамматики. Составилъ В. А. Кендзерскій. Харьковъ, 1879 г.

Одобрено Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія какъ, учебное пособие.

Съ требованіями обращаться можно въ Воронежъ — въ книжный магазинъ Аносова и кн. маг. Селлинга; а также къ автору въ Острогонскъ. Цѣна за экз. 90 коп.

НАЧАЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ

ИЗЪ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ

съ приложеніемъ церковно-славянскою азбуки и коренныхъ словъ съ буквою „ѣ“.

УЧЕБНИКЪ

для приготовит. класса гимназій и прогимназій М. Н. Пр.

Составилъ И. Д. Четыркинъ. Воронежъ, 1880 г.

Цѣна съ перес. 25 к. за экз. (при требованіи не менѣе 5—10 экз.) и 30 к. при требованіи одного экзempl.

Получать можно отъ автора въ Рославль (Смол. губ.) и въ Воронежъ въ Редакціи „Филол. Записокъ“.

О П Е Ч А Т К И.

Во II-мъ вып. „Филол. Зап.“ за 1880 г. въ отдѣлѣ „Библіографія“ (разборы трудовъ Крынскаго, Карловича, Даничича и Търстенияка) вкрались слѣдующія опечатки и ошибки, отчасти нарушающія смыслъ:

Стран.	Строка	Напечатано:	должно быть:
3	2 снизу	Крын.	Крынскаго
3	1 снизу	и ошибки:	, пожалуй, даже и ошибки:
6	5 сверху	въ главѣ	во главѣ
10	16 сверху	Новаковича.	Новаковича:
10	2 снизу	кайкавской	штокавской
13	17 сверху	въ разборѣ Кар- ловича, въ	въ
13	23 сверху	—	—,
14	14 снизу	романск.	романскихъ

О П Е Ч А Т К И.

Въ V вып. «Филол. Зап.» за 1880 г. въ отдѣлѣ „Библіографія“ (разборы сочиненій Клодича и Аппеля) замѣчены слѣдующія опечатки и ошибки:

Стран.	Строка	Напечатано:	должно быть:
1	8—9 сверху	Miklosich	Miklosich
2	7 снизу	5)	3)
3	16 снизу	42,)	42')
3	5 снизу	и какими-то	а какими-то
4	2 сверху	языковѣдѣнія	языковѣдѣнія,
4	11 снизу	стостороны	стороны
5	1 снизу	vāknu	vāknu
5	1 снизу	selū	celū
6	13 сверху	i igrać	и igrać
6	6 снизу	Imperat, i	Imperat. i
7	3 снизу	„растяженіе:“	„растяженіе“
10	11 сверху	мужескихъ	мужскихъ
11	11 сверху	памятниковъ	памятниковъ
11	14 сверху	заглавіе:	заглавіе
11	20 сверху	36—40:	36—40.
11	3 снизу	3-й	№ 3-й
12	11 снизу	Свенцян. у.	Свенцянского уѣзда
13	7 сверху	стр. 2)	стр. 2,
13	7 сверху	передне небное	передне-небное
13	11 сверху	стр. 2)	стр. 2
13	12 сверху	думанное	туманное
13	10 снизу	о въ а	о въ а
14	2—3 сверху	формы.	формы,
14	10 сверху	Любартов. у.	Любартовскаго уѣзда.

Табл. № III.

Распределение глаголов по 9-ти разрядамъ.

[illegible]

ПРОГРАММА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ.

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ. 1) Изложеніе и развитіе разныхъ вопросовъ по Русскому языку и Словесности; 2) пробныя и другія лекціи, или отрывки изъ нихъ по Рус. яз. и Сл., Поэзій, Исторіи литературы;—будутъ помѣщаться также цѣлые курсы, руководства или учебники.

II. ЗАМѢТКИ. Наблюденія надъ составомъ Рус. яз. и живымъ его употребленіемъ въ изустной рѣчи и въ литературѣ;—разныя мнѣнія, сужденія объ улучшеніи преподаванія;—разныя методы и программы;—указанія на разнорѣчія и излишества, на тотъ или другой недостатокъ въ руководствахъ и проч. и проч.

III. СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Изслѣдованія по Славянскимъ нарѣчіямъ (по языку и литературѣ), старинѣ и народности.

IV. КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ. 1) Критическіе разборы статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ; 2) библиографія учебныхъ руководствъ по Рус. яз. и Сл.; 3) разборы лучшихъ литературныхъ произведеній современныхъ нашихъ писателей относительно языка, съ указаніемъ содержанія и расположенія мыслей цѣлаго сочиненія или какой либо статьи, отличительныхъ особенностей, тонкостей, меткостей, силы выраженія и красотъ языка какъ въ словахъ, такъ и въ оборотахъ рѣчи; 4) библиографическій указатель книгъ и статей по Рус. яз. и Сл., отдѣльно вышедшихъ и помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

V. СМѢСЬ. Сюда войдутъ: 1) статьи, касающіяся свойствъ разговорнаго языка, въ особенности народнаго,—(народная словесность, народные говоры; 2) разныя филологическія и лингвистическія извѣстія, краткія замѣтки о языкѣ, письма, запросы, отвѣты, поправки и т. п.

VI. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Извлеченія изъ статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно чѣмъ либо замѣчательныхъ, или заимствованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ; 2) переводы и извлеченія изъ произведеній извѣстнѣйшихъ филологовъ и эстетиковъ; 3) обзоръ вновь выходящихъ замѣчательныхъ произведеній иностранныхъ филологовъ и лингвистовъ и 4) изслѣдованія по изученію общей сравнительной филологіи и лингвистики, старины и народности, классическихъ древностей, этнографіи, сравнительной міеологіи и народной психологіи.

Филологическія Записки издаются

въ **ВОРОНЕЖѢ**. Выходятъ безсрочными выпусками— по шести выпусковъ въ годъ.

Цѣна годовому изданію **6** руб. Подписка принимается: въ **ВОРОНЕЖѢ**: въ Редакціи Филологическихъ Записокъ.

Въ Редакціи также можно получать слѣдующія изданія:

Годовое изданіе «**Филологическихъ Записокъ**» за 1864 г., цѣна **5** р., за 1865 г. **3** р., за 1866 г. **5** р., за 1867 г. **6** р., за 1868 г. **5** р., за 1869—1880 г. по **6** р. каждый.

О происхожденіи языка, Э. Ренана. Пер. съ фр. А. Н. Чудинова. 1865. Цѣна съ перес. 1 р. сер.

Обзоръ Исторіи Чешской Литературы и Языка. Съ Чешскаго. Переводъ К. Медвѣдева и Н. Артемьева. 1866. Цѣна 40 к. съ пересылкою.

Наука о языкѣ. Новый рядъ чтеній Макса-Мюллера.—Шесть лекцій. Выпускъ I. Перев. съ Англ. Д. Лавренка и Г. Кайзера. 1868 г. Цѣна 1 р. 40 к. съ перес.

Наука о языкѣ. Выпускъ II, заключающій въ себѣ послѣднія шесть лекцій Макса-Мюллера—VII—XII. Пер. съ Англ. Г. Кайзера. Цѣна 1 р. 10 к. съ перес.

Искусство въ Италіи и Нидерландахъ. Лекціи Тэнна. Выпускъ II. 1871 г. Перев. съ франц. А. Н. Чудинова. Цѣна 1 р. за экз. съ пер.

Искусство въ Греціи, III вып. Цѣна 60 к.

Сборникъ классическихъ иностранныхъ произведеній, въ переводахъ русскихъ писателей, I томъ котораго составляютъ образцовыя произведенія Скандинавской поэзіи, изд. подъ редакціей А. Н. Чудинова 1875 г. Ц. 2 р. за экз.

Редакторъ-Издатель **А. Хованскій**.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ
ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВ-
НИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ.

Изд. А. Хованскимъ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ВЫПУСКЪ II.

1881.

Воронежъ.

Въ Типографіяхъ В. И. Исаева

и

Губернскаго Правленія.

СОДЕРЖАНІЕ II ВЫПУСКА.

Къ ученію о русскомъ глаголѣ. Подробности о морфологическомъ составѣ глагольной темы и замѣчанія о ея вокализмѣ у глаголовъ всѣхъ разрядовъ.—Выводы. III. (Продолженіе.)

В. М. Добровскаго.

Сравнительный Синтаксисъ имен., вин. и зват. падежей въ Санскр., zendѣ, греч. лат., нѣмец., лит., латыш. и слав. нарѣчійхъ С. Винит-ые съ неопредѣленнымъ. (Окончаніе. Съ некрологомъ А. В. Попова).

По поводу статьи „О постановкѣ языковъ въ гимназіяхъ“.

Г. М.

Къ вопросу о грамматическомъ разборѣ.

И. С. Соломоновскаго.

Два слова о существованіи идоловъ у Восточныхъ Славянъ.

И. Д. Четыркина.

БИБЛИОГРАФІЯ:

Методика обученія правописанію. Состав. Г. Дьяченко. Москва, 1881 г.

И. Д. Четыркина.

О занятіяхъ по критикѣ и миѳологіи Гомеровскаго эпоса. Отчетъ за время заграничной командировки 1879 г. А. Ф. Воеводскаго. Одесса, 1880 г.

Л. З. Колмачевскаго.

Одиссея Гомера, съ примѣчаніями Е. Шмида. Вып. III. Пѣсни VII—IX. Спб. 1880 г.

И. И. Мейера.

Развѣдки о доисторическихъ временахъ Русь-Славянскаго народа. А. С. Великанова. Т. 2-й. Вып. 1-й. Одесса, 1879 г.

Zbytky rýmovaných Alexandreid staročeských. Vydali Martin Hattala a Adolf Patera. Díl I. Texty a transskripcie, etc. V Praze, 1881.

И. А. Бодуэна-де-Куртенѣ.

Dr. Aug. Grabow, Ueber Nasalirung und Brechung der Vocale im Französischen. Eine sprachphysiologische Studie, etc. 1879.

Н. С. Кукуранова.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КЪ УЧЕНІЮ О РУССКОМЪ ГЛАГОЛѢ.

III.

Подробности о морфологическомъ составѣ глагольной темы и замѣчанія о ея вокализмѣ у глаголовъ всѣхъ разрядовъ.—Выводы.

Глагольные примѣты—это только часть глагольной темы. Для уясненія функціи цѣлой темы недостаточно знать одну глагольную примѣту; необходимо знать и прочія ея части: суффиксы, которые имѣются у многихъ глаголовъ между корнемъ и глагольною примѣтой, и приставки.

Вокализмъ темы (и обыкновенно корня) у глаголовъ разныхъ разрядовъ бываетъ неодинаковъ: фонетическія измѣненія въ темѣ, исключая эквивалентныхъ *) чередованій звуковъ, справляютъ тоже свою функцію, иногда одни сами по себѣ, а обыкновенно въ связи съ глагольною примѣтой.

Между разными разрядами глаголовъ есть соотвѣтствіе: знать это соотвѣтствіе необходимо какъ для уясненія функціи темы, такъ и для уясненія системы русскаго глагола.

Такимъ образомъ для всесторонняго уясненія функціи той или другой глагольной темы необходимо знать: 1) каждую морфологическую единицу, входящую въ ея составъ, 2) фонетическій ея видъ и 3) соотвѣтствующія темы другихъ разрядовъ.

*) пи—пей; пѣ—пой; ма—мън; коу—ков; ры—рой; сад—сѣд и др.

Составъ темы ради удобства будемъ обозначать формулою: Р—praefix (приставка); V—корень; S suffix (суффиксъ); U—verbalis suffix (глагольная примѣта).

I Разрядъ. Составъ темы: одинъ V или P+V: нес, принес.

Чтобы удобнѣе объять фонетическія измѣненія, которымъ подвергаются разныя темы глаголовъ I класса при образованіи формъ, не лишнимъ будетъ раздѣлить эти темы на 3 группы (какъ мы и поступили въ предъидущей статьѣ по отношенію ко всѣмъ вообще разрядовымъ темамъ):

1) Темы гласныя, у которыхъ коренной гласный звукъ не замкнутъ согласнымъ, остается открытымъ.

а) неизмѣняющіяся въ образованіи формъ: ду (дж), обу (об-оу).

б) измѣняющіяся: пи. пѣ. кры. мя (мѣ).

Примѣч. Въ старосл. яз. темы категорій дж, обоу тоже могли измѣняться: дѣм-ж, на-дѣм-ѣнъ; коу: ков-ж и коу-ж; соу: сов-ж и соу-ж и др. Зато темы пи и кры никогда не измѣнялись: пи-ж, пии, пиж щии; крыж, крыи, крыж щии.

2) Темы согласныя, у которыхъ гласный звукъ корня закрытъ согласнымъ:

заднеязычнымъ (гортаннымъ) к, г: нек. жег.

переднеязычнымъ мгновеннымъ д, т: вед. мет.

переднеязычнымъ длительнымъ з, с: вез. нес.

губнымъ б: греб.

3) Темы плавныя: мере—мер, поро—пор.

Примѣч. А. Плавныя темы приведенной категоріи, совершенно своеобразно измѣняющіяся при образованіи глагольных формъ, собственно суть гласныя темы, вполне аналогичныя темамъ мя (мѣ), ча (чѣ) и т. под. Между плавными темами I

разряда слѣдовало бы различать тоже, кромѣ гласныхъ, еще согласныя, когда плавная фонема бываетъ замкнута согласнымъ звукомъ: тол-ок. Но у насъ въ русскомъ языкѣ только и существуетъ одна эта тема, которая въ спряженіи сохранила измѣненія полногласной фонемы оло: тол-ку, тол-к-ущій, тол-к-и, тол-ч-е-ный, но тол-очъ (=тол-ок-ть), тол-ок-ъ, тол-ок-шій *). Въ старославянскомъ языкѣ плавныхъ закрытыхъ темъ I разр. было много: дѣлб (долбить), врѣг (бросать), влѣк (влечь, волочить), плѣв = плѣв (полоть), врѣх (молоть, ворошить): дѣлбѣсти, врѣшти, влѣшти, плѣшти, врѣшти — дѣлбѣж, врѣгж, влѣкж, плѣвж и плѣвж, врѣхж и др. Въ русскомъ большинство ихъ перешло въ другіе разряды.

Б. Мере мер, въ фонетическомъ отношеніи, суть эквивалентныя чередованія, все равно какъ и поро — пор, (какъ и сѣд — сѣд): ни усиленія, ни ослабленія въ этихъ измѣненіяхъ плавной фонемы видѣть нельзя (Потебня думалъ иначе: см. его статью „О полногласіи“). Вооб-

*) Въ Моск. губ. есть приѣвъ у одной пѣсни такой:

Дѣвки въ лѣсъ по хворостъ,
Я за ними пополозъ:
Саша, Маша, Душа, Груша,—
Я за ними пополозъ.

Въ литературѣ употребляется глаголъ ползти, до,—за,—по-ползти и пр. Но въ народномъ языкѣ существуетъ еще форма I разр. полозъ (дополозъ, заполозъ), приведенная между прочимъ У Даля въ Толк. Слов., которая удержала въ образованіи формъ измѣненія темы тол-ок. Отъ того же корня есть двѣ формы III разр.: употребляющаяся въ литературѣ и въ народномъ языкѣ форма ползать и употребляющаяся только въ народномъ языкѣ: полозять, — полозяю (у Даля: полозить): neubildung=вздять, лязгать и т. п.

ще фонетическая градація плавныхъ фонемъ такова, но нашему мнѣнію:

а) Слабая степень: мр, пр, тр, дл=старосл. мър, пър, тър, дъл или просто: мр, пр, какъ и въ русскомъ. Знаки ъ и ѓ, стоящіе передъ плавными, безгласны.

б) Чистый видъ: мере—мер—старосл. мръ, мѣр; мръ или мръ;=древнерус. мьрь, мьръ, мьръ, мьръ.

в) Первое усиленіе, съ одной стороны: мор, моро=старосл. мор, мра,
—съ другой стороны: мир.

г) Второе усиленіе: мар.

П р и м ѣ р ы:

а) мър-ж=мр-ж, пър-ж=пр-ж, тър-ж=тр-ж; дър-ати, бър-ати и пр. б) Рус. мертвый, умереть; вытертый, отпертый—тереть, переть. Старосл. мръ-ти, трѣ-ти; трѣ-лъ, отъпрѣть; влѣк-ж, влѣшти; тлѣк-ж, тлѣшти; смръть, смръть; бер-ж, дер-ж, рус. бер-у, дер-у. в) Рус. морить, моро-чить; выборъ, боро-на, боро-зда, боро-ться. Старосл. морити, мракъ; изборъ, бра-на, бра-да, бра-зда, брати-сѧ. г) Рус. рас-пар-ывать, за-кал-ывать, старосл. за-кал-ати.

Глаголы иду, буду образуютъ свои формы не только отъ разныхъ темъ, но и отъ разныхъ корней. Первый образуетъ „формы настоящего времени“ отъ √ ид: ид-у, ид-ущій, ид-и: неопр. накл. ид-ти: прошед. вр. отъ √ шед=старосл. шѣд: шелъ (=шѣ-лъ, вм. шѣд-лъ), прич. шед-шій. Второй образуетъ формы отъ √ √ ес, бжд и бы: есть, (е)сутъ: больше формъ наст. врем. отъ √ ес не образуется. Отъ √ бжд: буд-у, буд-

ущій, буд-ь; отъ $\sqrt{\text{бн}}$: бн-лѣ, бн-вшій; бы-ть.— Совершенно основательно замѣтилъ г. Бѣляевскій въ своей грамматикѣ, что форма идти, получивъ приставку, теряетъ звукъ ∂ : на-й-ти, со-й-ти, за-й-ти *), вы-й-ти

*) Бодуэнъ-де Куртенэ. рецензую сочиненія Карла Аппеля въ «Фил. Зап». 1880 г. вып. V, между прочимъ говоритъ: «Сокращеніе польск. im'ес' , igrас' , iz и т. п. въ m'ес' , grас' , z и т. п. произошло вѣроятно подъ влияніемъ не столько неударяемости i (какъ думаетъ К. Аппель), «сколько морфологической ассимиляціи (аналогіи) и. можетъ быть, свойственнаго всѣмъ языкамъ фонетическаго стремленія къ исчезновенію начальныхъ гласныхъ и даже цѣлыхъ слоговъ, не поддерживаемыхъ чутъемъ ихъ необходимости для полноты знаменательнаго корня. Ср. напр. подобнаго рода сокращеніе собственныхъ именъ во всѣхъ языкахъ (Лизавета, Ляксандеръ, Лексѣй и т. п.)». Но на это слѣдуетъ замѣтить, 1) что фонетическія измѣненія въ иностранныхъ словахъ—будутъ ли это собственные имена или нарицательныя, все равно—никонимъ образомъ нельзя ставить въ параллель съ фонетическими измѣненіями въ словахъ исконнаго славянскаго происхожденія (см. на стр. 5). Срав. напр., съ одной стороны, никакими фонетическими законами неоправдываемыя превращенія: Александръ, а,—Саша—Шурочка (гдѣ корень?); Петербургъ—Питеръ; Федотъ; аблакаты; Прасковья—Нараня—Наша (гдѣ корень?); съ другой стороны: Владиміръ—Володя—Володька; Вѣра—Вѣрочка—Вѣрушка; Надежда—Надя—Надинька; Любовь—Любка—Люба. Ясно, что даже въ собственныхъ именахъ, если они исконныя славянскія, въ рус. яз. искаженій большихъ не бываетъ: въ своихъ фонетическихъ измѣненіяхъ эти слова слѣдуютъ, какъ и нарицательныя, обыкновенно общимъ фонетическимъ законамъ. 2) Приписать исчезновеніе i въ m'ес' , grас' и т. п. тому лишь обстоятельству, что этотъ звукъ будто пересталъ быть необходимымъ для полноты знаменательнаго корня, опасно: это значить просто-на-просто уклониться отъ объясненія, не найти правила, а дать лазейку, могущую повлечь къ произволу въ другихъ случаяхъ.—Обратимъ вниманіе на слѣдующіе факты изъ русскаго языка:

рус. мой=старосл. мой=можетъ быть мойи, по никакъ не= мой, мойэй (моей)=старсл. моюѣ т. е. мойэйа; 2) мойэйж; 3) мойэн или мойэйи.

мо во изъ мойэво, мой во.

мо му изъ мойэму, мой му.

домой, долой изъ старосл. домовн, домойи; доловн, долойи.

край=старосл. краи, крайи.

бойэць: бойца; зайэць: зайца; достойэнь: достойна.

понять,=поймму: пойму; займше изъ зайэмище.

Изъ этихъ примѣровъ, кажется, можно заключить, что звукъ ∂ способствуетъ исчезновенію слѣдующаго за нимъ гласнаго звука, въ

и пр., но и придти, выдти. Что касается того факта, что звукъ *д* передъ *т* не перешелъ по-обыкновенію въ *с* (срав. вести, крас-ть, клас-ть), то на это слѣдуетъ замѣтить, что обыкновеніе это принадлежало старославянскому и древнерусскому языку; а теперь у насъ *д* передъ *т* можетъ и не переходить въ *с*: будто, будьте (=въ произношеніи бутто, бутѣе, какъ идти=итѣи). Итакъ форма идти есть новѣйшая и по образованію и по звуковому сочетанію. Въ польскомъ *isc*—образование новое, но звуковое сочетаніе, какъ въ старославянскомъ, =рус. вести; крас-ть.—бж: бы=сад: сѣд. т. е. ж и ы такъ же чередуются между собою, какъ чередуется *а* и *ю*. Что касается звука *д* въ бжд, ид, котораго въ ф. бы-ть и старосл. и-ти нѣтъ, то мы считаемъ его однимъ изъ согласныхъ звуковъ, съ помощію которыхъ образуются вторичные корни: $\sqrt{\text{пл}}$; вторичный плт : пятить, пж-ть (то, что попирается ногами, пнѣться); $\sqrt{\text{вѣд}}$ и $\sqrt{\text{вѣт}}$ имѣютъ по всей вѣроятности одинъ общій: $\sqrt{\text{вѣ}}$. $\sqrt{\text{вѣ}}$ бороз(да), мракъ суть вторичные по отношенію къ $\sqrt{\text{вѣ}}$ бер, мер. Быть можетъ, что это *д* (въ бжд, ид) происходитъ отъ знаменательнаго корня *дѣ* (=gr. *dh*, ursp. *dha*, лат. *fa-c*); но это нисколько не мѣшаетъ считать бжд и ид вторичными корнями.—Тоже самое можно сказать и по отношенію къ дад (въ ф. да-с-ть, дад-и-мъ и пр.); въ дад можно и не видѣть удвоенія корня да, а просто—распространеніе этого корня чрезъ звукъ *д*.

особенности *э*, *и*. Итакъ мы думаемъ, что въ польскихъ формахъ *imes*, *igras*, *iz* и т. п. пропадаетъ звукъ *і* тоже подъ влияніемъ паразитнаго *й*: *jimes*, *jigras*, *jiz*, потомъ: *jmes*, *jgras*, *jz* и наконецъ уже; *mes*, *gras*, *z* и т. п. Срав. мой эво. мой во, мово; поймать, поймать,=помать=въ произношеніи въ народномъ языкѣ пьмать.

Въ формахъ на-й-ти, за-й-ти и проч., стало быть, коренной гласный звукъ совсѣмъ исчезъ, а слѣдъ его бывшаго присутствія остался только лишь въ паразитномъ йотѣ.

Относительно вокализма корней, служащихъ темами глаголовъ I разряда, можно сдѣлать два замѣчанія: а) что гласные звуки открытыхъ и закрытыхъ корней замѣтно различны. Такъ въ открытыхъ корняхъ звука *е* и *о* ни разу не встрѣчается; наоборотъ, звукъ *е* есть преобладающій въ закрытыхъ корняхъ: плет, нес, вез, мет, вед и др. Звукъ *и* въ закрытыхъ корняхъ тоже совсѣмъ нѣтъ, между тѣмъ какъ въ открытыхъ онъ такъ же распространенъ, какъ и *е* въ закрытыхъ: би, пи, гни, ли, ви. Глаголь стричь въ разговорномъ языкѣ необразованныхъ людей произносится, стричь, что правильнѣе, если принять во вниманіе слова: стружки, стругать. б) Повидимому, большинство корней у глаголовъ I раз. имѣетъ чистый видъ: т. е. ни усиленія, ни ослабленія кореннаго вокала у большинства глаголовъ I раз. нѣтъ. Къ сожалѣнію, въ наукѣ русскаго и вообще славянскаго языка далеко не во всѣхъ случаяхъ опредѣлено, что считать за чистый корень. Да и вообще въ индоевропейской грамматикѣ ученіе о чистыхъ корняхъ еще не установилось (de-Saussure въ сочиненіи, о которомъ мы уже упоминали, преобразовываетъ все ученіе объ отношеніи вокализма родственныхъ корней въ индоевропейскихъ языкахъ).

Примѣчаніе. А. I разрядъ въ русскомъ языкѣ обнимаетъ меньше глаголовъ, чѣмъ въ старославянскомъ: у насъ многіе глаголы перешли въ другіе разряды. Такъ:

Во II: забнуть: забести.

Въ III: поживать: пожити; ковать; коути; сновать: сноути; совать: соути; чують: чоути; жрать: жрѣ-ти. Спать: соути (изъ съп-ти); черпать: чрѣ-ти (изъ чрѣпти, чрѣпти); бодать: бости; падать: пасти (но у-пасть).

Въ V: встрѣтить: сѣрѣсти; чтить: чести; долбить: длѣбсти.

Въ VIII: ревѣть: рюти; владѣть: власти; гудѣть: гжсти.

Корни, оканчивающіеся на зв. *y* (= *ou*), вообще, нужно замѣтить, всё исчезли изъ I разряда, или перейдя въ другіе разряды (ревѣть, ковать) или видоизмѣнивши звукъ *y* въ *ы*: плыть: плоути; слыть: слоути. Замѣчательно, что только въ этихъ двухъ глаголахъ зіяніе въ фф. наст. вр. не уничтожается чрезъ разложеніе *ы* въ *ой*, крѣ: крѣй-у. Очевидно, плыву и слыву = плов-ж, слов-ж, т. е. образованы по старой памяти отъ темъ плу, слу, но ассимилировали звукъ *o* звуку *ы* въ формахъ: плыть, слыть, плылъ, слылъ, плывшій и пр. Изъ корней на *ou* остался одинъ только $\sqrt{o}u$ въ сложныхъ глаголахъ: разуть, обуть.

В. Глаголь *вынуть* относится къ I разряду: въ немъ *ну* (*нж*) есть знаменательный корень; *нж* по отношенію къ *на* (*при-на-ти*) представляетъ усиленіе.

II разр. Составъ темы: $\sqrt{+}U$ или $P+\sqrt{+}U$:
толк-ну. вы-толк-ну.

Иногда однако въ составъ темы глаголовъ II разряда входитъ сверхъ глагольной примѣты другой, невербальный суффиксъ, такъ что тогда тема содержитъ въ себѣ: $\sqrt{+}S+U$ или $P+\sqrt{+}S+U$:

булт-ых-ну. раз-булт-ых-ну(ться).

Примѣч. А. Тѣ темы, которыя не содержатъ въ себѣ сверхъ глагольной примѣты другого какого нибудь суффикса, мы называемъ первообразными, а тѣ, которыя въ своемъ составѣ заключаютъ еще невербальный суффиксъ, — производными. Толкну есть первообразная тема II разряда; бултыхну есть производная тема того же разряда.

Б. У Миклошича дѣленіе глаголовъ на первичные (*primäre*, первообразные) и вторичные (*secundäre*, производные) въ своемъ основаніи представляетъ много сбивчивости и произ-

вола. Такъ, по его мнѣнію, глаголы оуглѣхнѣти, охрѣмнѣти, окрѣпнѣти, ослѣхнѣти, исѣхнѣти суть вторичные; избѣгнѣти, блѣснѣти—первичные. Въ III разр. братьи, зѣвати, рѣвати—первичные; събирати, призывать, сърывать—вторичные. Въ V: всѣ глаголы вторичные, производные: ходити, возити и т. п., по Миклошичу, такіе же производные глаголы, какъ окончить, одобрить и т. п. Въ VIII: имѣти—производный; блѣстѣти, дрѣзати—первообразные.

Намъ кажется, что въ морфологіи не можетъ быть другаго принципа кромѣ морфологическаго. Между тѣмъ Миклошичъ, дѣля темы на первичныя и вторичныя, прямо говоритъ, что основаніемъ для его дѣленія служитъ столько же составъ темы, сколько и значеніе. Отсюда и путаница въ его дѣленіи. Въ самомъ дѣлѣ, почему у него гл. оуглѣхнѣти—вторичный, а избѣгнѣти—первичный? въ томъ и другомъ глаголѣ примѣта нѣ примыкаетъ вѣдь прямо къ корню. Почему братьи, блѣстѣти—первичные, а избирати, ходити, имѣти—вторичные? Всѣ эти глаголы, по нашему мнѣнію, первообразные, потому что у нихъ у всѣхъ глагольная примѣта примыкаетъ прямо къ корню. Въ первообразности же образованія такихъ глаголовъ, какъ ослѣпнѣти, исѣхнѣти, охрѣмнѣти и сомнѣваться нельзя: не произошли же они въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто корня, отъ темъ прилагательныхъ (по Микл.) слѣпъ, соухъ, хромъ! Вообще никакой пользы никогда нельзя ожидать, если для одного и того же дѣйствія брать два различныхъ основанія.

А у Микл. замѣтно даже третье основаніе: историческое. Такъ у него глаголь имѣти только потому есть вторичный, что прежде него существовалъ только глаголь **ѡ-ти**, отъ котораго и произошелъ им-ѣ-ти. Но почему же им-ѣ-ти не произошелъ прямо отъ **У ѡ**, им чрезъ присоединеніе къ этому корню примѣты **ѣ**? едва ли такое производство можетъ встрѣтить возраженіе. — Намъ кажется, что основаніе для дѣленія темъ на производныя и первообразныя можетъ дать только наличный составъ темы: есть въ темѣ глагола невербальный суффиксъ, — глаголь производный; нѣтъ этого суффикса и не имѣется никакихъ слѣдовъ его присутствія въ составѣ темы, — глаголь первообразный. Хромать, охромѣть, охрѣмнѣти; подергавать, раздраж-а-ть, (=и-а-ть), изнашивать, овладѣ-ѣ-вать: всѣ эти глаголы — первообразныя, потому что ихъ разрядовая примѣта присоединена прямо къ корню. Толковать, раз-толк-ов-а-вать, бу-я-н-и-ть, оканѣ-ч-а-вать, туч-н-ѣ-ть, отуч-н-ѣ-вать: всѣ эти глаголы суть производныя, потому что ихъ разрядовая примѣта примыкаетъ не къ корню.

Во II разрядѣ глаголовъ производныхъ весьма мало. Больше ихъ встрѣчается только въ народномъ языкѣ: рѣз-а-нуть, толк-а-нуть, мах-а-нуть и др.; звукъ **а** въ этихъ глаголахъ, очевидно, есть примѣта III разр. (рѣз-а-ть, толкать, мах-а-ть), какъ это видно изъ формы р-ва-нуть: р-в-а-ть.

Вокализмъ глаголовъ II разряда не отличается отъ вокализма глаголовъ I класса: тряхнуть (=трахнѣти); трясти (трасти); бѣчь: избѣг-н-у-ть; дѣти: дѣнѣ-ти; грести: греб-н-у-ть; старосл. дѣлѣ-б-и-ти: рус. долб-н-у-ть; — старосл. почит-и; починѣ-ти (Микл.).

Передъ примѣтой ну (аж) часто выпадаютъ согласные звуки:

заднеязычные ж, з: трес(к)нуть, тро(г)нуть (но
рискнуть, избѣгнуть).

переднеязычные мгновенные д, м: взгля(д)нуть,
гло(т)нуть (но боднуть, мѣтнуть).

губные б, п: г(б)нуть, то(п)нуть (но гибнуть, тд-
пнуть ногой).

Иногда даже выпадаетъ гласный звукъ напр. въ гл.
о-ч-нуться вм о-чу-нуться.

На ряду съ формою клясть въ разговорѣ слышится, особенно въ простонарѣчьи, форма клянуть. Если обратимъ вниманіе на глаголь за-п-нуться (V па), который очевидно образованъ чрезъ форму наст. вр. за-пн-жсь, запнусь отъ гл. запатиса, то будетъ ясно, что форма клянуть, вм. кленуть, образовалась чрезъ форму наст. вр. глагола клати: клн-ж=клену: кленуть=въ произношеніи клянуть. Срав. соответствующія формы III разр.- проклипать, запинаться.

III разрядъ. Составъ темъ: 1) V+U или P+V+U; 2) V+S+U или P+V+S+U:

толк-а, рас-толк-а; толк-ов-а, рас-толк-ов-а.

1) Между первообразными глаголами III разр. слѣдуетъ различать а) такіе, которые могутъ употребляться безъ приставки и съ приставкой, и б) такіе, которые употребляются только лишь съ приставкой.

а) V+U и P+V+U: толкать: растолкать; писать: написать; ругать: выругать; желать: пожелать и пр.

б) P+V+U: выбивать; покрывать; надживать; обувать; начинать: избирать; засыпать (бирать, сыпать и под.—ить); загребать; переплетать и пр.

2) Глаголь производный имѣетъ въ своей темѣ:

а) суффиксы имени — существительнаго, прилагательнаго, числительнаго, — отъ котораго онъ произведенъ:

торг-ъ: торг-ов-ать.

гор-е: гор-ев-ать

зна-мень: зна-менов-ать.

блаж-енство: блаж-енствов-ать.

раб-ота: раб-от-ать.

треп-еть: треп-ет-ать и пр.

Примѣчаніе. Понятно, что такія производства, какъ работа: работать; трепеть: трепетать, весьма естественно наводятъ на мысль, что и глаголы махать, бѣгать, стучать и под. могли произойти отъ сущ. махъ, бѣгъ, стукъ, а не отъ \sqrt{V} мах, стук, бѣг. Но 1) зная, что гл. задира́ть произоше́лъ отъ усиленнаго корня дер (дрь), а не отъ сущ. зади́ра; что пи́сать, вяза́ть совсѣмъ не имѣютъ соотвѣствующихъ сущ. писѣ́ или писа́, вяза́ или вяза́, такъ что ихъ историко-этимологическое происхожде́ніе прямо отъ корня не должно подлежать сомнѣнію: зная это, мы никогда не можемъ положительно утверждать, чтобы глаголь махать и под. произоше́лъ отъ сущ. махъ, бѣга́ть отъ бѣгъ, стуча́ть отъ стукъ и т. п. Стало бытъ и съ точки зрѣнія историко-этимологической нѣтъ особыхъ уважительныхъ причинъ всѣ глаголы, у которыхъ составъ темы = $\sqrt{V} + а$ или $R + \sqrt{V} + а$, не считать первообразными: а морфологія требуетъ этого безусловно.

б) Нѣкоторые суффиксы появляются прямо въ темѣ глагола, помимо именъ:

ых: кол-ых-ать, булт-ых-аться

к, ик, ык, ак: и-к-ать (собст. знач. произносить „и!“),

по-ну-к-ать (произношеніемъ „ну!“ побуждать къ чему-

нибудь); дзе-к-ать, а-к-ать, о-к-ать (произносить въ

разговорѣ часто: „дз, а, о“); чир-ик-ать, пел-ик-ать;

мурл-ык-ать; кал'-ак-ать, бал'-ак-ать, мар-ак-ать и т. п. *).

Примѣчаніе. Глаголы ворочать, волочать, морочать, полозять, лазять, ѣздить, вѣшать и нѣк. др., подобно глаголамъ II разряда за-п-нуться, клануть, перешедшимъ во II разр. изъ V тоже чрезъ форму наст. вр. со вставкою а: вороч-у: вороч-а-ю; волоч-у: волоч-а-ю; мороч-у: мороч-а-ю; полоз-ю: полоз-я-ю; лаз-ю: лаз-я-ю; ѣзд-ю: ѣзд-я-ю; вѣш-у: вѣш-а-ю и нѣк. др.

Что касается вокализма темъ глаголовъ III разр., то объ этомъ должно замѣтить слѣдующее: 1) что въ производныхъ глаголахъ отъ именъ вокализмъ темъ глагольныхъ одинаковъ съ вокализмомъ темъ именныхъ; въ другихъ производныхъ глаголахъ не отъ именъ корень во всѣхъ разрядахъ остается въ одномъ и томъ же видѣ: бултыхать—бултыхнуть; 2) въ глаголахъ первообразныхъ корень является въ двойкомъ видѣ: а) въ такомъ, какой имѣютъ глаголы I разр. и б) въ усиленномъ.

Въ корняхъ открытыхъ усиленіе бываетъ съ гласнымъ а: начинать (а=ен т. е. ѣн), сжимать, заминаться. Закрытые корни съ бѣглымъ е или о могутъ быть въ III разрядѣ въ чистомъ и усиленномъ видѣ: V зѣв: зов-у: со-зыв-аю; V сѣл: по-сл-ать (по-сл-а-ти): по-сыл-ать; V сѣп: сп-ать (сп-а-ти): за-сп-ать; V бер: бр-ать (бр-а-ти): со-бир-ать;

*) Къ удовольствію ревнителей чистоты отечественнаго языка безобразный суффиксъ ир, являющійся въ темахъ глаголовъ иностраннаго происхожденія, кажется, мало-по-малу сталъ изгоняться. Такъ теперь нерѣдко пишутъ и говорятъ «формуловать, игноровать» вм. формулировать, игнорировать, какъ прежде. Желательно, чтобы и изъ другихъ глаголовъ этотъ суффиксъ изгонялся. Употребляемъ его только мы, образованные люди, а больше никто. Если мы привыкли говорить «диктовать, трактовать», то привыкнемъ и къ «дезинфектовать» (вм. дезинфицировать), третовать (вм. третировать), констовать (констатировать) и т. под.

√ дер: др-ать (дър-ати: дер-ж): с-дир-ать; √ стел: стьлати: стел-ж): по-стил-ать и т. п.

Примѣчаніе. Въ старославянскомъ языкѣ въ закрытыхъ корняхъ глаголовъ III разр. усиленію подвергались еще гласные е и о (небѣгли русск.): по-грѣб-ати: √ грѣб; лѣт-ати: √ лет; мѣт-ати: √ мет; за-плѣт-ати: √ плет; за-кал-ати: √ кол; по-бар-ати: √ бор (усиленіе корня бер=бръ, брь) и т. п. Въ русскомъ языкѣ буква е пишется во всѣхъ этихъ глаголахъ и въ III разрядѣ, какъ и въ I: грестъ: загре-бать; мести: сметать. Что же касается усиленія звука о, то оно удержано между прочимъ въ глаголѣ (по)-лаг-ать, (произ)раст-ать (√ лог изъ лег; рост). Въ другихъ случаяхъ удерживаютъ о: поборать.

Относительно согласныхъ звуковъ темы глаголовъ III разр. слѣдуетъ замѣтить: 1) что послѣ гласныхъ (открытыхъ) корней передъ примѣтой а появляются паразитные й или в: закры-в-ать, выпи-в-ать, задѣ-в-ать, задѣ-в-ать и пр.; сѣ-й-ать, —вѣ-й-ать, чу-й-ать, ма-й-аться (сѣять и пр.). 2) Весьма замѣчательно, что плавные и заднеязычные (гортанные) согласные звуки въ русскомъ и въ особенности въ старославянскомъ языкѣ являются въ смягченномъ видѣ: гул'-ать, тер'-ать, ныр'-ать, вал'-аться (въ „Домостроѣ: валалися“); пориц-ать, подвиз-аться, потряс-ать (ср. трях-нуть); блист-ать вм. блищ-ать (срав. иоудеисти вм. болѣе древней формы иоудеисци; людстии = людсции); рист-ати. (Еще мы дадимъ свое объясненіе этому факту смягченія согласныхъ. На видимую странность этого явленія недавно въ одной изъ своихъ статей обратилъ вниманіе г. Потебня).

Примѣчаніе. Для удобства производства глагольныхъ формъ нелишнимъ будетъ раздѣлить глаголы III разр. на 4 отдѣла:

1) Удерживающіе глагольную примѣту во всѣхъ глагольных формахъ: а) дергать, прыгать, швырять, создавать; б) созывать, собирать, посылать, переплетать, расцвѣтать. Исключается: давать: даю; создавать: создаю.

2) Выпускающіе глагольную примѣту въ формахъ настоящаго времени: а) писать, искать, лизать, вязать, хлестать; б) вѣять, сѣять, лаять, маяться; в) помиловать, горевать, толковать, ночевать, воевать.

3) Употребляющіеся въ формахъ наст. вр. съ примѣтою *а* и безъ нея: махать, пахать („пахая“ — только въ народномъ языкѣ). Сюда же можно отнести и вновь образованныя, позднѣйшія формы: мучать, ѣздить, морочать, если не употреблять для формъ мучу, ѣздю, морочу и под. особой формы неопр. накл. мучить, ѣздить, морочить и под.

4) Глаголы неправильные, изъ которыхъ большая часть образуетъ формы наст. времени отъ темъ I разряда: брать, драть, ткать, звать и под. Но гнать отъ гонить, спать отъ с(ъ)пѣть.

IV разрядъ. Обыкновенный составъ глагольной темы: $P + \sqrt{} + U$ или $P + \sqrt{} + S + U$:

вы-талк-ава. рас-толк-ов-ава.

Примѣчаніе. Въ формахъ настоящаго времени составъ темы никогда не бываетъ $\sqrt{} + U$ или $\sqrt{} + S + U$, т. е. безъ приставки. Иногда встрѣчаются, но весьма рѣдко, безприставочныя формы въ прошедшемъ и еще рѣже въ неопредѣленномъ наклоненіи: талкивалъ, видывалъ, дѣлывалъ; талкивать, видывать, дѣлывать; но на всѣ подобныя формы можно смотрѣть какъ на исключительныя; о нихъ никоимъ образомъ нельзя говорить какъ о типическихъ: употребленіе ихъ весьма ограниченное какъ въ современной литературѣ, такъ и въ народномъ языкѣ.

Такъ какъ примѣта глаголовъ IV разряда заключаетъ въ себѣ $a+a$, т. е. примѣту III разряда + еще a , такъ какъ, далѣе, большинство глаголовъ IV разр. имѣетъ соотвѣтствующую форму III разр. надписавать: надписать; расталкавать: растолкать; помахавать: помахать и т. п., то глаголы IV разряда, по самому составу своей примѣты, въ большинствѣ случаевъ являются производными и именно — отъ глаголовъ III разр. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ глаголахъ примѣта ава (а-в-а) является самостоятельной, потому что эти глаголы или вовсе не имѣютъ соотвѣтственной формы въ III разр. какъ рас-пар-авать (распороть, I р.), с-мал-авать (с-молоть, I р.) и др., — или если эта форма и есть, то она существуетъ какъ старославянская, по функціи совершенно равносильная русской формѣ IV разряда: за-кал-авать и закалатъ(ти), укладавать и укладать(ти) и др. Потому, въ современномъ русскомъ языкѣ, примѣту ава можно принимать за самостоятельную, съ помощію которой глаголъ можетъ образоваться и по-мимо формы III разряда. Производные глаголы IV класса имѣютъ составъ $P+V+S+ава$: раз-раб-от-а-ва-ть, рас-тол-к-ов-а-ва-ть. Но глаголовъ производныхъ въ этомъ разрядѣ очень мало.

Примѣч. Въ Остр. Еван (Восток.) есть только одна форма съ примѣтой ава: подъкопаважьтъ. Примѣта ава, слѣдуя за гласнымъ звукомъ корня, имѣетъ предъ собою паразитный й: раз-сѣй-вать, рас-кай-аваться, об-ла-й-авать. Всѣ такіе глаголы имѣютъ соотвѣтственную форму въ III разрядѣ: разсѣй-ать, раскайаться, облайать (разсѣять и пр.). По этому соотвѣтствію всегда легко можно отличить глаголъ IV разр. отъ подобнаго же, по своей примѣтѣ, глагола VП класса: скрайавать, опайавать, выдайавать: скроить, опонить, выдонить.

Относительно вокализма глаголовъ IV разряда слѣдуетъ замѣтить: а) что тутъ вовсе нѣтъ первообразныхъ глаголовъ, у которыхъ корень имѣетъ бѣглый звукъ *о* или *е* (=ъ или ъ): соп (съп), бер (бѣр), зов (зѣв), сол (съл) и т. п. б) Не бѣглый звукъ *о* (=старослав. *о*), подобно тому, какъ въ старосл. языкѣ у глаголовъ III разряда усиливается обыкновенно въ *а*: за-ка-ла-ва-ть: старослав. за-ка-ла-ти; сб-ра-са-ва-ть, за-ка-па-ва-ть (срав. старослав. подъ-ко-по-ва-ж-ть) рас-па-ра-ва-ть и пр. Иногда этого усиленія коренного *о* не бываетъ: зат-ро-га-ва-ть, на ряду съ болѣе искусственною формою затрогавать; никогда усиленію не подвергается звукъ *о* корня въ слогѣ *ов* изъ *у*: осно-вы-ва-ть, засо-ва-вать, зако-ва-вать и под. Въ производныхъ глаголахъ иногда усиленію подвергается звукъ *о* суффикса: зара-бат-а-вать на ряду впрочемъ съ зарабо-та-вать, но никогда: расто-лк-а-ва-вать, а всегда раста-лк-о-ва-вать (*ов* изъ *у*: толку-ю).

Удареніе всегда падаетъ на коренной звукъ у глаголовъ первообразныхъ и на суффиксъ у глаголовъ производныхъ: под-ка-пы-ва-ть, засѣ-вы-ва-ть, рас-пи-сы-ва-ть и пр.; иначе говоря, удареніе всегда бываетъ на слогѣ предшествующемъ примѣтъ *ава*. Прежде въ древнѣйшую эпоху русскаго языка, удареніе было на примѣтъ и усиленія гласнаго *о* не было: подъ-ко-па-ва-ж-ть. Недавно произносили и теперь отчасти произносятъ еще: рас-сѣ-я-ва-ть рас-ка-я-ва-ть-ся, вм. обыкновеннаго произношенія: рас-сѣ-и-ва-ть, рас-ка-и-ва-ть-ся.

V разрядъ. Составъ темъ:

✓+U или P+✓+U;

✓+S+U или P+✓+S+U:

мор-и, у-мор-и;

бу-я-и, раз-бу-я-и-и(ться).

Миклошичъ считаетъ всѣ глаголы съ примѣтою

и производными отъ именъ, но положительно безъ достаточныхъ основаній и даже вопреки нѣкоторымъ явленіямъ славянскихъ языковъ. Напр. если глаголь поить (=пой-ить) произошелъ отъ имени, то почему нѣтъ и не было существительнаго пой, а есть водоной, перепой, запой? Срав. еще: кроить: покрой; доить: удой; губить: нагуба, душегубъ; водить: отводъ, подвода; молить: мольба; просить: спросъ, запросъ; корить: укоръ и т. п. Мы думаемъ, что какъ имена существ., нами приведенныя, такъ и глаголы одинаково образовались прямо отъ корня. Сближеніе глагольной примѣты и съ санскр. ja (ya) въ винословныхъ глаголахъ, гдѣ этому ja всегда предшествуетъ еще a [въ славянскихъ глаголахъ, по Микл., это a (=ъ, а) будто исchezаетъ], тоже неосновательно, хотя бы въ виду того весьма важнаго факта, о которомъ упоминаетъ самъ Миклошичъ: именно, что тогда звукъ и, служащій глагольною примѣтой въ V разр., былъ бы „йотованнымъ“, т. е. =йи. Между тѣмъ носить, возить, водить, красить, купить, ломиться и пр. не позволяютъ такъ думать, значить, и тутъ Миклошичемъ руководило желаніе только сблизить въ лишемъ, еще одномъ, случаѣ славянскіе языки съ нѣкоторыми индоевропейскими.

Производные глаголы V разряда по большей части происходятъ отъ именъ прилагательныхъ и обыкновенно употребляются только съ приставкой:

Мил-остивъ: у-мил-остивить; дешевъ: удешевить; добръ: задоб-рить; зеленъ: озеленить; богатъ: обогатить; великъ: воз-вел-ичить и пр. Но

встрѣчается: гор-яч-ить, муд-р-ить, храб-р-иться и тому под.

Несомнѣнно, что нѣкоторые глаголы, по составу своему первообразны, тѣмъ не менѣ произошли отъ именъ: умилиться, заглавить, наскучить, оживить и т. п. произошли отъ именъ: милъ, глава, скука, живъ, а не отъ корней мил, глав, кук, жив. Но объ этомъ мы судимъ на основаніи симазіологическомъ, отчасти можемъ заключить по соображеніямъ историко-этимологическимъ, но ни какъ не на основаніи морфологическомъ, которыми мы руководствуемся единственно при дѣленіи глаголовъ на первообразныя и производныя.

Глаголъ с-на-б-дить имѣетъ корнемъ доб: вм. сна-доб-ить, сна-д-бить. Срав. надобный; надо вм. на-доб-но.

Въ первообразныхъ глаголахъ усиленію подвергаются гласные: *е* въ *о*, *о* (=ъ) въ *у*, *а* въ *ж* (он, ом), *и* въ *ь* (ой), *у* (ов) въ *ав*: √ нес: нос-ить; √ вез: воз-ить; √ плет: плот-ить. — √ бод (бѣд: бод-рь. бѣд-ѣти): буд-ить; √ сох (сѣх): суш-ить; √ глох (глѣх): глуш-ить. — √ гра (грануть): гром-ить; √ зва (зва-к-нуть): звон-ить; √ тра-с: тряс-ить; √ (в)аз; жз-ить; √ таг: тжж-ить. — √ лип: лѣп-ить; √ вис: вѣс-ить; √ тих (притихнуть): тѣш-ить. — √ слу: слав-ить; √ плу: плав-ить; √ тру: трав-ить. — Въ трехъ случаяхъ *ь* усиливается въ *а*: √ рѣз: раз-ить; √ лѣз: лаз-ить (и потомъ лазять, III разр.); √ сѣд: сад-ить. — Плавныя открытые корни имѣютъ фонему ор, ол, закрытые оро, оло: √ мер: мор-ить; √ тер: тор-ить; √ пер: спор-ить; √ дер: вз-дор-ить. √ мерк (смерк-аться): мороч-ить (=старосл. мрач-ити); √ велк (=влѣк, влѣк): волоч-ить (затѣмъ въ III разр. воло-чатъ);

√ верт: ворот-ить (въ III разр. ворочать); √ верх: ворош-ить и т. п.

Въ производныхъ глаголахъ гласные корня и суффиксовъ остаются въ томъ же видѣ, въ какомъ они бываютъ въ темѣ имени: возвеличить, ободриться, развеселить, удесятерить и т. д.

VI разрядъ. Составъ темы:

$P + \sqrt{ } + U$ или $P + \sqrt{ } + S + U$:

у-тѣш-а, о-доб-р-я.

Примѣч. Въ этомъ разрядѣ тоже, какъ и въ IV, нѣтъ глаголовъ съ составомъ темы: $\sqrt{ } + U$ или $\sqrt{ } + S + U$: тѣшать, добрать и т. п. Всѣ глаголы употребляются съ приставкою. Такіе глаголы, какъ прощать, вѣнчать, величать суть III разряда; быть можетъ они перешли изъ VI разряда въ III-й, отбросивъ приставку, но можетъ быть образовались какъ вѣшать, ѣздить, лазять и под.

По вокализму корней въ рус. языкѣ глаголы VI разряда ничѣмъ не отличаются отъ глаголовъ V класса. Въ старосл. языкѣ въ нихъ усиливалось коренное *о*: оукращати, понашати, възращати, напаяти и проч.; въ русскомъ: укрощать, воплощать.

VII разрядъ. Составъ темы:

$P + \sqrt{ } + U$ или $P + \sqrt{ } + S + U$:

по-хаж-ава, воз-велич-ава.

Здѣсь, точно такъ же, какъ въ IV и VI разрядѣ, безприставочныя формы глагола употребляются, какъ исключительныя: хажавать, говаривать, важавать; обыкновенно съ приставкой: расхажаваться, разговаривать, поваживать и пр.

По вокализму корней глаголы VII разряда отличаются отъ глаголовъ V и VI разряда только тѣмъ, что усиливаютъ *о* въ *а*; похажавать, поваживать, и даже

въ производныхъ глаголахъ: задабривать.

Примѣчаніе. Въ Остромир. Евангеліи встрѣчаются слѣдующія формы съ примѣтой ѡва: отъ вѣщаваше (4 раза), отъ вѣщаваеши (4 раза), скончаваахъся.

VIII разрядъ. Составъ темы.

$\sqrt{+U}$ или $P+V+U$;

$\sqrt{+S+U}$ или $P+\sqrt{+S+U}$;

висѣть, повисѣть;

добръ, подобръ.

Производные глаголы—большинство отъ именъ прилагательныхъ: покраснѣть, позеленѣть, подобръѣть, похрабрѣть, подешевѣть и пр. Отъ именъ существительныхъ чаще всего встрѣчаются глаголы съ суффиксомъ ник: важничать, плотничать, озорничать, вѣтренничать, безбожничать и мн. друг.

Примѣта ѡ, обыкновенно переходящая послѣ зубныхъ (шипящихъ) въ а—трещать, пищать, важничать, ветшать, бренчать, дрожать=трескѣть, пискѣть, важникѣть, ветхѣть, бренькѣть, дрогѣть—удерживается однако въ новѣйшихъ глаголахъ и въ этомъ случаѣ: похорошѣть, похужѣть, посвѣжѣть, погорячѣть и др. Послѣ гласныхъ корней ѡ обращается въ ѡ; но такихъ только два глагола: стоять и бояться. Что касается глагола стѡять, который Гротъ считаетъ глаголомъ по составу тождественнымъ съ стоять, то, кажется, предположеніе это вѣрно (хотя глаголъ стѡять могъ образоваться и съ помощію примѣты а): гласный звукъ о передъ примѣтой а ни въ одномъ глаголѣ III разряда не встрѣчается. Признать его глаголомъ V разряда (стѡбить) положительно не дозволяетъ функція.

По вокализму корней первообразные глаголы VIII разряда не отличаются отъ глаголовъ II разряда. Усиленія гласнаго корня во всякомъ случаѣ не бываетъ, срав. вер-

нутъ: вертѣть; дернуть: держать; дрогнуть: дрожать; повиснуть: висѣть. Далѣе: бдѣть, зрѣть. тлѣть и под. Въ производныхъ глаголахъ удерживаются гласные именной темы въ неизмѣнномъ видѣ: потѣснѣть, похрабрѣть. побѣлѣть, погрузнѣть подурнѣть, онѣмѣть и т. д.

IX разрядъ. Составъ темы:

Р—У—О: о-хладѣва.

Разрядъ весьма малочисленный. Производныхъ глаголовъ не встрѣчается. Вокализмъ одинаковъ съ глаголами VIII класса. Послѣ зубныхъ (шипящихъ) ѣва=ава (произносится и пишется ива), послѣ гласныхъ ява (произносится и пишется ива): под-держ-а-ва-ть, на-ста-а-ва-ть, по-ба-а-ва-ть-ся.

1). Сравнивъ теперь разряды глаголовъ по составу темъ, мы найдемъ, что глаголы съ сложными примѣтами отличаются отъ глаголовъ съ простыми примѣтами тѣмъ, что первые обыкновенно употребляются только съ приставками, между тѣмъ какъ вторые обыкновенно могутъ употребляться въ приставочной и безприставочной формѣ. Однако въ III разрядѣ (примѣта простая) есть цѣлый отдѣлъ глаголовъ, которые употребляются только съ приставками.

2). Сравнивъ разряды по вокализму корней въ первыхъ образныхъ глаголахъ, мы найдемъ, что между глаголами съ простыми примѣтами самое крайнее усиленіе вокаловъ бываетъ въ V разрядѣ. Въ III разрядѣ усиленію подвергаются только гласные е (ь) и о (ъ) въ отдѣлѣ глаголовъ, могущихъ употребляться только съ приставками *), но это усиленіе не то, что въ V классѣ. Срав. за-ды-х-

*) за-сых-ать, у-мирать, посылать, созывать, забирать задыхаться и пр. Въ народн. языкѣ, впрочемъ, слышится глаголъ тыкать безъ приставки.

а ть ся: души ть; умира ть: мор и ть; сди ра ть: вздо рить; за сы х а ть: су ш и ть, и под.

3). IV разрядъ отличается по вокализму корней отъ III только усиленіемъ звука *о* въ *а*; VI одинаковъ съ V; VII отличается отъ V тѣмъ же, чѣмъ IV отъ III; IX ничѣмъ не отличается отъ VIII.

Такимъ образомъ на основаніи морфологическаго состава тѣмъ разряды IV, VI, VII и IX можно назвать приставочными разрядами глаголовъ; III разрядъ — смѣшаннымъ; I, II, V и VIII, гдѣ большинство глаголовъ можетъ употребляться безъ приставки, — безиприставочными разрядами. По глагольнымъ примѣтамъ глаголы II, III, V и VIII разрядовъ можно назвать простыми; IV, VI, VII и IX — сложными.

На основаніи вокализма корней въ первообразныхъ глаголахъ V, VI, VII разряды можно назвать сильными; I, II, VIII, IX чистыми; III и IV разряды — средними. III разрядъ можно назвать и по вокализму корней — смѣшаннымъ.

Саратовъ,
15 Марта 1881.

Василій Добровскій.

(Продолженіе будетъ.)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СИНТАКСИСЪ

ИМЕН., ЗВАТ. И ВИНИТ. ПАДЕЖЕЙ ВЪ САНСКР., ЗЕНДЪ, ГРЕЧ.
ЛАТ., НѢМЕЦ., ЛИТ., ЛАТЫШ. И СЛАВ. НАРѢЧІЯХЪ.

С. Винительные съ неопределеннымъ.

(resp. именит. съ неопред.).

Можно считать общепризнаннымъ, что совокупность аrioевропейскихъ оборотовъ, извѣстныхъ подъ именемъ accus. cum infin., не представляетъ единства; она распадается главнымъ образомъ на два рода: въ однихъ (1) вин. является зависимымъ объектомъ при главномъ сказуемомъ; въ другихъ (2) вин. ни отъ чего не зависитъ (представляетъ именно тотъ независимый вин., который названъ у меня accus. commodi, см. независ. вин. отношенія Aa²). Такое разграниченіе принято Боппомъ, Курціусомъ и другими ¹⁹⁾.

¹⁹⁾ Указанное разграниченіе пытался уничтожить Миклошичъ въ изслѣдованіи Ueber Accus. cum infin. Онъ вовсе отрицаетъ зависимость вин. отъ глаголовъ и пытается всѣ обороты accus. c. inf подвести подъ одинъ принципъ: «субъектъ infinitiv'a никогда не выражается чрезъ именительный, но чрезъ вин. или дат.» (S. 505). Вин. съ неопр. онъ сравниваетъ съ такими оборотами, какъ «идти, убиту быть», Рыбн. 1, 62, польск. samemu chcieć wszystko czynić, to myśl szczególna; tobie się jeszcze odgązać!, te adhuc minari! (S. 492), Противъ такого смѣшенія можно возразить слѣдующее. 1) Положеніе, что «субъектъ infinitiv'a никогда не выражается чрезъ имен., но чрезъ вин. или дат.», есть поспѣшное обобщеніе. Вышеприведенный польскій примѣръ tobie się jeszcze odgązać! можетъ быть переданъ въ русск. лишь чрезъ «ты еще грозись!»; тоже въ нѣм: kerl, du betteln! Да и самъ Миклошичъ

1) Выдѣляя тѣ обороты вин. съ неопред., въ которыхъ вин. является независимымъ и рассматривая тѣ изъ нихъ, въ которыхъ вин. зависитъ, какъ объектъ, отъ сказуемаго, мы замѣчаемъ въ нихъ два довольно различныхъ вида: въ однихъ (а) неопредѣленное при вин. зависимомъ оказывается употребительнымъ во всѣхъ аріевроп. языкахъ, въ другихъ (б) неопредѣленное свойственно лишь латинскому, (въ нѣсколько меньшей степени) греческому и (еще въ меньшей степени) нѣмецкому; въ прочихъ же языкахъ на мѣстѣ неопред. въ подобныхъ оборотахъ рѣшительно преобладаетъ другой (предикативный) вин., а неопр. является лишь спорадически; сравнивая эти два вида оборотовъ со стороны значенія, мы замѣчаемъ, что въ первомъ видѣ (а) всегда болѣе-менѣе явственно въ неопред. накл. значеніе цѣли; во второмъ же (б) такого значенія незамѣтно.

въ Сравни. синтакс., говоря о восклицательномъ неопред. (S 852), прибавляетъ, что онъ сочиняется «съ имен., дат. или вин. субъекта», 2) Тѣ соображенія, на основаніи которыхъ Микл. отрицаетъ возможность присутствія независ. вин. при неопред., недостаточны для этого. Онъ возражаетъ Боппу и Курціусу: независимый вин. (именно вин. отношенія) неупотребителенъ въ лат. и готскомъ; между тѣмъ вин. съ неопред. въ этихъ языкахъ довольно обыкновенное явленіе. Но вѣдь существуютъ несомнѣнные случаи вин. независ. и въ этихъ языкахъ (ассис. сопп. гл. II 3Ab²). 3) Разграниченіе двухъ означенныхъ родовъ вин. съ неопред. является рѣшительно необходимымъ при сравненіи греч. и лат. вин. съ неопр. съ соответствующими оборотами скртскими, Zendскими и лето-славянскими: главной массѣ греческихъ и лат. вин. съ неопред. (см. 16) соответствуютъ въ прочихъ языкахъ обороты со вторыми вин.; другому же роду вин. съ неопред. (2) соответствуютъ дательные и (рѣже) вин. съ неопред.; при томъ въ этомъ второмъ родѣ винительные чередуются съ дательными, а въ первомъ родѣ (16) этого чередованія никогда не бываетъ. 4) Наконецъ, особенно убѣдительнымъ доказательствомъ того, что въ первомъ родѣ вин. съ неопр. винительные зависятъ отъ глаг.—сказуемыхъ, служитъ то, что при обращеніи этихъ оборотовъ въ страд. залогъ вин. переходятъ въ именительные и дѣлаются подлежащими (ср. ниже имен. съ неопр.); между тѣмъ во второмъ родѣ такого превращенія не бываетъ.

1а) Винительные съ неопр. при глаголахъ *хотѣть, желать, требовать, пускать, побуждать*, (кого къ чему, т. е. къ какому либо дѣйствию или состоянію), *предавать* (кого чему, собств. класть кого во что). Винит. въ подобныхъ оборотахъ есть несомнѣнный объектъ, а неопредѣленное — косвенный падежъ отглагольнаго существительнаго для означенія цѣли (вин. дат. или мѣстный, что въ данномъ случаѣ безразлично, такъ какъ всѣ эти падежи употребляются для означенія цѣли).

Въ скр. *mān gīvitum icchasi* — хочешь, чтобы я жилъ, букв. хочешь меня на жизнь, *cupis me vivere*, Sâv. 5, 100; *râgâ jaṣṭuṇ mano dadhe* — царь положилъ намѣреніе принести жертву, букв. положилъ мысль въ прине- сение ж. Bopp. Gloss. s. v. dhâ; *parâvṛgaṇ prândhaṇ çronaṇ çaksasa(e) etave kṛthaḥ* — П. слѣпого положили въ видѣніе, хромого въ шествіе, P—g den blinden sehend, den lahmen gehend gemacht habt, Benf. R. V. 1, 112, 8.

Въ зенд. *jêzi vaçen gṛvadhstem maêthmanem* — wenn sie läufigen Hund zur Begattung (bringen) wollen, собств. хотятъ къ оплодотворенію, s. v. *maêthman* (собственно отглагол. существ.); *aṣavanem tē aṣaonati âfrjêidjâi mraomī* — букв. я говорю тебѣ чистаго въ любовь отъ чистаго, т. е. чтобы чистый былъ любимъ чистымъ. Hübschm. s. 179.

Въ греч. вин. съ неопр. при *βούλομαι, θέλω*, Bensel.; *tōn dōs 'apoθn̄mevov dūnai dōmon* "Αἶδος εἶπω — его погибшаго дай погрузиться въ жилище Аида, Г 222; *ὄντινα θυμός 'εμοί μαχέσασθαι ἀνώγει* — кого духъ побуждаетъ сразиться со мною, Н 74; также *κελεύω* — приказываю кому дѣлать что (собств. поднимаю, побуждаю кого къ чему), *'εάω* — позволяю кому что (собств. пускаю кого къ чему, кор. *sa*, лат. *sino*, Fick. 2, 259); *κωλύω* — недопускаю.

Въ лат. *post verba voluntatis*, Шульцъ—*X. § 388, volo, cupio, jubeo, sino, patior, prohibeo; sine me vivere, Andr. 153.*

Въ нѣм., *got. baudans gataujith gahausan jah unrodjandans rodjan*—глухимъ творить слышати и нѣмымъ глаголати, *Марк. 7, 37; послѣ глг. желать, Grimm s. 115, 117; ahd. ih pat in queman=ich bat ihn kommen, Grimm s. 114, ср. Потѣбня, Изъ зап. 2, 224. Etwas fallen lassen*—собств. пускать нѣчто въ паденіе.

Въ лит. *ne dūk, déve, Laimužę lemti, tam' patim' kėme mergytę augti*—не дай, боже, чтобы судьба опредѣлила (букв. судьбу въ опредѣленіе), чтобы дѣвица росла въ той самой деревнѣ (т. е. не дай дѣвицу въ рощеніе), *Nesselm. 85; (гораздо чаще при давати болѣе поздній дат., какъ въ латыш. и слав.; ср. ниже 2).*

Въ слав. сѣтворите члвѣкы възлеци, *Остр. Иоан. 6, 10; пусти меня идти (=къ шествію); побуждать, принуждать кого идти (=нудить къ шествію).*

Такъ какъ въ этихъ оборотахъ понятіе, выражаемое неопред. наклоненіемъ, по свойству главнаго глагола означаетъ цѣль, то неопредѣленное при винительномъ является здѣсь наиболѣе умѣстнымъ (хотя и сюда отчасти проникли вторые предикативные вин., ср. выше вторые вин. с²) и потому этотъ видъ вин. съ неопр. свойственъ всѣмъ аріевр. языкамъ; далеко не то находимъ въ слѣдующемъ видѣ, въ которомъ при отсутствіи значенія цѣли неопр. накл. имѣло гораздо меньше шансовъ на распространеніе во всѣхъ языкахъ.

1b) Винительные съ неопред. *post verba*: α) *dicendi*, β) *sentiendi*, β²) *cognoscendi*, *putandi*, γ) *affectuum*. Нѣсколько труднѣе для объясненія этотъ второй видъ вин. съ неопред. И здѣсь «вин., находящійся при неопр., зависитъ собственно отъ глагола главнаго пред-

ложения» (Курц. § 567), такъ какъ въ болѣе древнихъ формаціяхъ языка выражались одинаково винительнымъ не „только ближайшій непосредственный предметъ воспріятія, познанія, рѣчи“, но и „дальнѣйшій, болѣе самостоятельный“ (Потебня, Изъ зап. 2, 219), напр. *juvatih saiprešajām āsa sikhandinan strī pumān vā iti vettum* — послалъ узнать о Сикхандинѣ (собств. С—а, вин.), женщина онъ, или мужчина, Amb. 22, 28 (Bf. 60), см. выше вин. объекта третьяго рода $\alpha\chi$ и β , также Потебня 2, — 219 223 ²⁰). Что касается предикативнаго слова при такихъ вин. объекта, то, какъ мы видѣли выше, оно можетъ выражаться при большей части этихъ глаголовъ чрезъ второй вин. (выше B b, c¹); кромѣ того можетъ составлять собою отдѣльное предположеніе, напр. *tān samācākšva kaljānīn jadi sāt mānuṣī* — скажи объ этой прекрасной, смертная ли она, Drāup. 4, 4; καὶ τὸν οἶόν εἶπέ, εἰ μεμάρηκε τῇν τέχνην, Курц. § 519, 2; помысли убогихъ, како лежать нынѣ... Потебня 2, 227. Но кромѣ этихъ способовъ выраженія въ латинскомъ, (рѣже) въ греческ. и др. нѣмецк. (и еще болѣе рѣдко) въ слав. предикативное слово выражается чрезъ неопр. накл.

Такое употребленіе неопред. наклоненія, хотя и не можетъ считаться во всѣхъ случаяхъ вполне объясненнымъ, но и не представляетъ чего-нибудь слишкомъ страннаго. Въ тѣхъ языкахъ, которые на мѣстѣ такого неопр. при вин. употребляютъ преимущественно или даже исключительно второй вин. причастія при первомъ вин. ²¹), замѣчается стремленіе уничтожить согласованіе второго (причастнаго)

²⁰) Курціусъ для объясненія этихъ вин. объекта принимаетъ совершенно ненаучное и противорѣчащее исторіи языка предположеніе о проlepsисѣ, §§ 567, 519, 2, 560, 2, Опроверженіе этого предположенія см. Потебня, Изъ зап. 2, 227, 228.

²¹) А это несомнѣнно болѣе общій способъ выраженія разсматриваемыхъ оборотовъ въ аріеврон. отрасли, болѣе древній и болѣе ясный, ср. Wilhelmus, De infin. p. 66 и Meyer, Kuhn's Zfschr. 22, 389.

вин. съ первымъ ²²). Такимъ образомъ въ лит., латыш. и отчасти слав. (Потебня, Изъ зап. 2, 243 — 248) на мѣстѣ вин. съ неопред. находимъ вин. съ дѣеприч., т. е. причастіями, потерявшими согласованіе: *ramatē szī, atjojent* — увидалъ его подѣзжаючи (какъ въ народѣ „видѣли молодцевъ поѣдуци“. Потеб. ib. 247, 246), т. е. въ то время какъ онъ подѣзжалъ, *въ подѣзжаніи*. Такъ какъ неопр. наклоненія по своему происхожденію представляютъ преимущественно мѣстные или (ближайшіе къ нимъ по происхожденію) дательные падежи отглагольныхъ существительныхъ, то употребленіе неопредѣленного на мѣстѣ второго причастнаго вин. было въ нѣкоторыхъ языкахъ такъ-же умѣстно, какъ въ другихъ языкахъ употребленіе дѣепричастія вмѣсто вин. причастія ²³); такимъ образомъ, *ὁράω* (*οἶδα*, λέγω, χαίρω, θαυμάζω) *σε* πίπτειν = *video* (*scio, dico, gaudeo, miror*) *te cadere* — первоначально значить *вижу (знаю, говорю) тебя въ паденіи; радуюсь, удивляюсь тебѣ, что ты въ паденіи* ²⁴).

²²) Причина такого стремленія ясна: пока второй вин. согласуется съ первымъ, до тѣхъ поръ онъ можетъ означать и признакъ данный (простое опредѣленіе), а не только возникающій (предикативную аппозицію).

²³) Объясненіе неопред. при вин. относится лишь косвенно къ предмету настоящаго изслѣдованія; поэтому болѣе подробное объясненіе дѣепричастнаго значенія неопред. оставляется для изслѣдованія объ остальныхъ косвенныхъ пад.

²⁴) Воппъ и нѣкоторые другіе первоначальное значеніе этого вида оборотовъ вин. съ неопр. объясняютъ такъ: *ich sah ihn fallen* = *ich sah ihn und Fallen*; *audio exercitum venire* = *audio exercitum et audio venire*, т. е. вин. и неопред. представляются двумя равносильными объектами. Но при такомъ пониманіи, 1) мы въ правѣ ожидать, что встрѣтимъ гдѣ-нибудь союзъ между вин. и неопр. (а такого союза еще никто нигдѣ не указалъ). 2) Въ такомъ случаѣ объяснялись бы только тѣ вин. съ неопр., въ которыхъ неопр. по происхожденію есть вин. пад. отглагольнаго сущ.; употребленіе же мѣстнаго или дат. въ значеніи вин. объекта было бы странной аномаліей (а между тѣмъ въ греч. и лат. неопред. почти исключительно мѣстные или дат.). 3) Самое зна-

Въ скр. и зендѣ этого вида вин. съ неопр. почти вовсе нѣтъ; лишь въ позднѣйшемъ скртѣ замѣчаются немногіе спорадическіе случаи, напр. *rāgānañ snātuñ tatra dadarṣa* — *regem ibi lavare vidit*, Wilhelm. p. 65; въ скр. переводѣ части Ветх. Зав. *dhūmam utthātuñ dadarṣa* — увидѣлъ, что поднимается дымъ. Быт. 19, 28. Подобныя спорадическіе вин. съ неопр. явились, вѣроятно, по аналогіи перваго вида (1a) вин. съ неопр.

Въ греч. при (α) λέγω, ἀγγέλλω, (β) δράω, ἀκούω, (β²) οἶδα, νομίζω, (γ) χαίρω, θαυμάζω и т. п. Курц. § 567, Havest. 2, 134, 135.

Въ лат. Шюльцъ—X. §§ 387 и 390.

Въ нѣм. преимущественно въ древнѣйшихъ нар. при глаг. (α) говорить, (β) ощущать, (β²) вѣрить, думать, Grimm. s. 115—121.

Въ лит., латыш. и слав. обыкновенно является вин. съ прич.; вин. съ неопр. изрѣдка является только въ слав. (Mikl. 858, 12), но и то въ такихъ нарѣчіяхъ, гдѣ его „не трудно объяснить заимствованіемъ“ (Пот. Изв. Зап. 2, 336).

1b²) *Первый и второй вин. съ неопред. существительнаго глагола.* Какъ указано было выше (вын. 18), скртъ и зендъ не знаютъ различія такихъ оборотовъ, какъ *dico, puto te celerem* и *dico, puto celerem esse*, такъ что въ этихъ языкахъ тому и другому обороту соответствуетъ два вин. На этомъ основаніи и въ другихъ язы-

ченіе *ich sah ihn fallen* = *vidi eum cadere* и *ich sah ihn und Fallen* существенно различно: первое значить *ich sah im Fallen*, *vidi eum in cadendo*, т. е. неопр. указываетъ состояніе въ какомъ воспринимается нами объектъ: понимать *ich sah ihn fallen* какъ *ich sah ihn und Fallen* такая же большая неточность, какъ переводить *utpattin* (или *utpattāu*) *bhiṣmañ manjate* чрезъ «она думаетъ о Бх. и о причинѣ», см. выше замѣны вторыхъ вин. и им. 1b² а.

какъ прибавленіе при второмъ вин. infin. εἶναι, esse, быти, слѣдуетъ считать болѣе позднимъ явленіемъ: какъ скоро при video te cadentem является оборотъ video te cadere, то вполне естественно и при video te miserum развитіе оборота video te miserum esse, собств. я вижу тебя несчастнымъ въ существованіи (im Unglücklichsein). Такое прибавленіе неопр. встрѣчаемъ и въ слав. нар. гораздо чаще, чѣмъ вин. съ неопр. этого вида (Пот. 2, 337); но оригинальность его происхожденія все-таки сомнительна.

Дальнѣйшая судьба вин. съ неопр. этого вида (1b). Неопредѣленное наклоненіе при дальнѣйшемъ своемъ развитіи переходитъ изъ категоріи имени въ категорію глагола, при чемъ забывается конечно и первоначальное его значеніе. Сообразно съ этимъ и обороты вин. съ неопр. продолжали употребляться не какъ сознательные обороты, а какъ традиція, какъ обороты, синтаксическая этимологія которыхъ (если такъ можно выразиться) забылась²⁵⁾. При дальнѣйшемъ развитіи языка значеніе этихъ оборотовъ затемнилось еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что забылось не только первоначальное значеніе неопредѣленного, но и первоначальная зависимость вин. отъ глагола. Многіе изъ глаголовъ, сочинявшихся въ болѣе древнее время съ вин. объекта, съ теченіемъ времени потеряли это сочиненіе (такъ aliquem, aliquid dicere, scire, audire—говорить, знать, слышать о комъ, о чемъ). Замѣчалось, напр., что вообще неупотребительны такіе обороты, какъ dico te въ смыслѣ *говорю о тебѣ*, но возможны такіе, какъ dico te cadere; отсюда дѣлалось то безсознательное умозаключеніе, что возможность употребленія въ подобныхъ случаяхъ вин. обусловливается присутствіемъ неопредѣленного, что слѣдовательно вин. ближе примыкаетъ къ неопред., чѣмъ къ главному глаголу. Такимъ образомъ этотъ видъ оборотовъ вин. съ неопр. сдѣлался неясной формулой, употреблявшеюся

²⁵⁾ О томъ, что при объясненіи употребленія неопред., слѣдуетъ имѣть въ виду такое забвеніе первоначальнаго значенія, ср. Jolly, Beitr. 7, 420.

послѣ сказуемыхъ съ извѣстнымъ значеніемъ, при чемъ вин. уже не создавался зависимымъ отъ глагола; по этому вин. съ неопред. могли являться и послѣ непереходныхъ глаголовъ, какъ λέγεται (Κῶρον νικῆσαι), apparet, elucet и даже послѣ именныхъ сказуемыхъ, какъ δηλόν ἐστι, ἐλπὶς ἐστι, manifestum, perspicuum est, verum est, spes est, opinio est и т. п. (Курц. § 357, Шульцъ—Х. § 389). При этомъ путаница еще больше увеличилась тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ совершенно другаго источника развивалось другое теченіе винительныхъ (независ.) съ неопред. Въ результатѣ оказалось то, что оба теченія въ языкахъ, развившихъ въ наибольшей степени употребленіе вин. въ неопред. (лат. и греч.) въ значительной степени смѣшались, такъ что лишь сравненіе съ сродными языками даетъ возможность различить первоначальные источники; а въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ точное разграниченіе вслѣдствіе указанныхъ причинъ вовсе невозможно, что впрочемъ вполне естественно, такъ какъ „въ ряду явленій языка, примыкающихъ по аналогіи къ извѣстному правилу, не всѣ члены одинаково близки къ нормѣ“ (Miklos. Ueber. acc. cum infin.).

1²ab) Именительные съ неопредѣленнымъ. Такъ какъ въ первомъ родѣ вин. съ неопр. (1a и b) вин. первоначально представляетъ завис. объектъ при дѣйств. глаг., то совершенно естественно, что такіе обороты могутъ превращаться въ страдательные, при чемъ вин. объекта долженъ сдѣлаться подлежащимъ, а неопр. остаться безъ перемѣны: если (a) κελεύω, ἐάω, κωλύω τινα πίπτειν=jubeo, sino, veto, prohibeo aliquem cadere значить собственно я побуждаю, пускаю, непускаю кого въ паденіе, къ паденію и если (b) λέγω, ἀγγέλλω, ὁράω, νομίζω τινα πίπτειν=dico, nuntio, video, puto aliquem cadere собственно значить я говорю, вижу, считаю кого въ паденію, то вполне естественны также обороты (a) κελεύεται, κωλύεται τις πίπτειν=jubetur, sinitur, prohibetur aliquis cadere—нѣкто побуждается, недопускается къ паденію и (b) λέγεται, ἀγγέλλεται, ὁράται, νομίζεται τις πίπτειν=dicitur, nuntia-

tur, videtur, putatur aliquis cadere — нѣкто говорится, видится, считается въ паденіи. ²⁶⁾

2) Винительные (независимые) съ неопр. Для объясненія этого второго рода вин. съ неопр. слѣдуетъ обратиться къ очень древнему общему всѣмъ аріевроп. языкамъ употребленію неопред. Неопред. издавна могло употребляться независимо, сохраняя свое падежное значеніе ²⁷⁾; такъ etavāi значитъ *къ шествію*, zum Gehen, zum Gang. Такое неопредѣленное можетъ быть или восклицательнымъ (a) или не восклицательнымъ (b). Въ первомъ случаѣ оно составляетъ собою совершенно отдѣльное предположеніе, при чемъ восклицаніе можетъ получать оттѣнки желанія, требованія, запрещенія (a²). Во второмъ случаѣ неопр. означаетъ необходимость или возможность (b¹) напр. οὐκ ἔστι φουεῖν — *нельзя избѣжать* (собств. *къ бѣгству* — *не есть*), при чемъ иногда примыкаетъ къ ближайшему предположенію и соединяется съ нимъ въ одно цѣлое; въ этомъ послѣднемъ случаѣ для означенія его связи могутъ являться при неопр. союзы (b²).

Что касается лица, или предмета вообще, къ которому относится дѣйствіе выражаемое неопредѣленнымъ, то оно могло обозначаться различно. Въ восклицательныхъ предположеніяхъ, какъ болѣе самостоятельныхъ, предметъ можетъ пониматься какъ отдѣльное подлежащее и сообразно съ

²⁶⁾ Такое чередованіе дѣйств. и страд. оборотовъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ того, что въ этомъ родѣ вин. съ неопр. вин. зависить какъ объектъ отъ главнаго глагола; ср. вын. 19, 4.

²⁷⁾ Это значеніе, говоритъ Дельбрюкъ, объясняется изъ основнаго значенія неопредѣленнаго, которое — будетъ ли оно дат., или мѣстный — означаетъ направленіе дѣйствія къ извѣстному пункту. Такая природа неопр. дѣлаетъ его прежде всего способнымъ (geeignet) служить дополненіемъ глагола; но естественно также, что иногда простое означеніе направленія служитъ выраженіемъ требованія, что также и мы знаемъ въ выраженіяхъ, какъ nach Hause — *домой*, zum Essen — *къ ѣдѣ, ѣсть!* Kuhn's Zft. 20; 234. Ср. также Wilhelmus, De infin. 90, 91.

этимъ выражаться именительнымъ или винит. восклицат. (ср. гл. 1, Ab. Имен. и вин. восклицат.), напр. *igānam bhumir abhi prabhûsani — sacrificantem terra adjuvet* (собств. *adjuvare!*), R. V. 10, 132, 1; *αὐτὸς μάχεσθαι* — самъ на сраженіе! Mikl. 851, Kerl, *du betteln!* ты еще угрожать! (Вин. восклицат. съ неопр. см. ниже примѣры). Но, такъ какъ именительный есть преимущественно падежъ подлежащаго при *verb. finit.* и такъ какъ обороты эти сообразно своему двойственному значенію должны были построиться такъ, чтобы примыкая къ ближайшему предложению, они не нарушали его цѣльности, то вслѣдствіе этого предметъ, къ которому относится дѣйствіе, умѣстнѣе было означать падежомъ отношенія, т. е. чрезъ *accus* или *dativ. commodi* ²⁸⁾; такое обозначеніе предмета проявляется уже и при восклицательныхъ неопр. (ср. провалиться мнѣ! ему умереть!), а при не восклицательныхъ составляетъ правило.

Въ скртѣ и зендѣ (b) вин. съ неопр. см. стр. ; но гораздо чаще на мѣстѣ вин. коммодальнаго находимъ дат. *devo hj asi no drce* — ты (еси) богъ для видѣнія, видѣть намъ, S. V. 1, 1, 1, 1, 10; *varunaḥ śakāra surjāja pantham anvetavāi* — В. положилъ широкій путь ходить солнцу.

Въ греч. а') *ἐμὲ παθεῖν...!* — мнѣ претерпѣть это! Aeschyl. Eumen. 835, Havest. s. 130, другіе примѣры *ibid.* а') *Ζεῦ πάτερ, ἦ Αἴαντα λαχεῖν, ἦ Τυδῆος υἱόν* — Отецъ Зевсъ! да вынетъ жребій (собств. выпадетъ по жребію) или Аяксъ, или сынъ Т. Н. 179. б') *οὐκ ἔστι φορεῖν βροτόν* — нельзя (не есть) избѣжать смерт-

²⁸⁾ См Независим. вин. 3 Аа². Что дат. (resp. вин.) при неопред. суть коммодальные падежи, очевидно изъ слѣдующаго сравненія: «мнѣ нужно идти», «мнѣ нужно» и «мнѣ идти» и т. п.; коммодальный падежъ остается однимъ и тѣмъ же во всѣхъ трехъ оборотахъ.

ному, М. 327; при δεῖ, χρή, χρειώ, καλόν ἐστι, ἐπιεικής ἐστί и т. п. Havest. 2, 126. b²) вин. съ неопр. можетъ являться въ соединеніи съ союзами ὥστε, πρίν, πάρος, Курц. § 565, ср. въ русск. дат. съ неопр. при *прежде чѣмъ*.

Въ лат. a¹) вин. восклицат. съ неопр. очень употребителенъ, особенно въ драмахъ, наприм. Andria 245, 425, 609, 689. Шульцъ—X. § 391; a²) гораздо рѣже встрѣчаются неопред. (съ имен. подлежащаго) для означенія требованія, Wilh. De infin. p. 92. b) при pudet, piget, poenitet, decet, dedecet, pulchrum, aequum est и т. п. Шульцъ—X. § 389.

Въ слав. вин. съ неопр. этого рода очень рѣдокъ, напр. въ серб. срам је мене у очи гледати—стыдно мнѣ смотрѣть въ глаза, Данич. 406. ср. лат. puditum est me in oculos spectare. Обыкновенно является дат. съ неопр. a²) мнѣ идти; b) при *нужно, должно* и т. п. глагольште въскрѣшенію не быти. Mikl. Ueber ass. c. inf. 493 собственно значить *говоря: не быть въскресенію*; b²) разумѣйте яко ми далече бога быти—scitote me procul a deo esse, ibid; пророци прорѣцаху, яко Богу родитися, Лавр. 37, 14.

Какъ указано выше (Дальнѣйшая судьба вин. съ неопр. 1b), въ лат. и греч. вин. съ неопр. типа 1b и 2b смѣшались между собою и въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ трудно различимы. Вообще же греч. и лат. вин. съ неопр. распадаются на три разряда: одни изъ нихъ соотвѣтствуютъ вин. съ неопр. другихъ аріевроп. яз. (1a); другіе—вин. со вторымъ вин. (1b); третьи—дат. съ неопр. (2).

СПЕЦИАЛИЗИРОВАНИЕ (ОГРАНИЧЕНИЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ) ВИНИТЕЛЬНЫХЪ ОБЪЕКТА.

Исторія развитія винительнаго представляетъ рядъ постепенныхъ вытѣсненій и ограниченій его употребленія. Начавши свое развитіе, какъ отдѣльный падежъ, съ роли общаго косвеннаго падежа, онъ, съ развитіемъ другихъ косвенныхъ падежей, уступаетъ имъ большую честь своихъ функций, какъ независимаго падежа, и дѣлается преимущественно падежомъ объекта. Но и, какъ падежъ объекта, онъ подвергается различнымъ ограниченіямъ: съ теченіемъ времени онъ дѣлается постепенно объектомъ (1) только при глаголахъ (тогда какъ въ болѣе древнее время онъ могъ быть объектомъ также и при именахъ), (2) при томъ только при переходныхъ (а не при непереходныхъ) и наконецъ (3) только при переходныхъ дѣйствительныхъ (*activa*, а не при *media* и *passiva*).

1) Ограниченіе употребленія винит. объекта чрезъ устраненіе объектовъ при именахъ существ. и прилагательныхъ.

Въ аріоевропейскихъ языкахъ по направленію къ древности замѣчается меньшая степень дифференцированія имени и глагола, чѣмъ въ болѣе позднее время: всякое существ. и прилаг. (кромя мѣстоименныхъ) въ болѣе древнее время сводится на имя — причастіе ²⁹⁾. Само собою понятно, что эти имена — причастія могли имѣть при себѣ тѣ-же падежи, какъ и сродные съ ними глаголы. Отсюда объясняется то явленіе, что во всѣхъ болѣе древнихъ формаціяхъ аріоевро-

²⁹⁾ Ср. Потебня. Изъ зап. 1, 111, 112; также Benfey, Kuhn' Zft. 9, 90, 91: «Въ индогерманскихъ языкахъ категорія существительныхъ только постепенно выдѣлилась изъ категорій прилагательныхъ и причастій», а «прилагательныя въ сущности стоятъ на той же ступени развитія, какъ и причастія». Такимъ образомъ существ. и прил. сводятся первоначально на причастія.

пейскихъ языковъ при именахъ существ. и прилагат. встрѣчаются тѣже вин. объекта, что и при глаголахъ одного съ ними корня. Такіе вин. объекта встрѣчаются при именахъ существ., означающихъ дѣйствіе (а, *nomina actionis*) и дѣйствителя (а², *nom. agentis*) и при именахъ прилаг. (b).

Въ скр. а) въ Ведахъ очень часто: *sanaje sahasrâ* — для достиженія, для доставленія тысячъ. R. V. 1, 116, 21, другіе прим. Regnier, *Etude sur...* 141; *tañ nivâraṇe* — для удержанія его, Nal. 7, 9; *suargañ vâ arj abhikañ-kṣajâ* — или даже желаніемъ неба, *Sîtâ* 48, 14 (Bf. 65). Сюда же принадлежатъ нѣкоторые странные съ перваго взгляда случаи вин. при perf. periphrast.: *sâvitri darçajâm âsa tañ nṛpam* — С. явилась этому царю (вин.) *Sâv.* 1, 8; *tañ devo darçajâm âsa* — ей (вин.) явился богъ, *Ambor.* 17, 7; такъ какъ *darçaja* имѣетъ фактивное значеніе, то эти обороты собственно значатъ: былъ въ заставленіе кого (вин.) видѣть, т. е. доставилъ кому возможность видѣть; подобнымъ образомъ *njâsajân êakrire çastrâñ pitaro bhṛgunandanam* — отцы заставили сына Бхргу бросить оружіе, *Amb.* 15, 31. а²) *jantâ vasûm* — податель сокровищъ, S. V. 1, 1, 2, 3, 5; *hantâ jo vṛtram* — убійца В. и другіе ведаич. прим. Regnier 138—140. *çatrûñ ghnatâ mata* — поразитель моихъ враговъ, *Arg.* 10, 73. b) *drdhâ êid âruḡah* — ломающіе всѣ твердыни, S. V. 2, 8, 3, 3, 2; другіе пр. Regnier 140; (при *arha* — достойный, см. стр.); сюда относятся многочисленные прилагат. на *u*, произведенныя отъ *v.* desiderativa: *tasja dârâkrijañ êikirṣuḥ* — желающій сдѣлать его женитьбу, *Amb.* 1, 8; *tvân didṛksuḥ* — желающій видѣть тебя, Nal. 7, 14, а; также 9, 15 и многіе другіе.

Въ зенд. а) *â vare nao vîçithahjâ* — для рѣшенія намъ хорошаго, *Jaçna* 30, 2, b; *vaêdhîm*

māthrem sṛeñtem — знаніе священнаго слова, s. v. vaēdhja; также s. v. patar, aiwiniti, agaṣta, nigatha, ah. a²) dāmis ašem—творецъ чистоты, Jaṣna 31, 7, b; nizbajēmi dāma dātem — призываю творца творенія, Vend. 19, 115; также s. v. sṛaṣuthar, nāidhjāo. b) aē-šācā thwā — желающіе тебя, s. v. aēša, также s. v. aiwivanjāo.

Въ греч. рѣдко; а) οἱ σύμμαχοι τεθνᾶσι τῷ δέει τοὺς τοιούτους ἀποστόλους — союзники умерли вслѣдствіе страха отъ такихъ пословъ, Курц. § 395, прим. а³) τὰ μετέωρα φροντιστής — мыслитель относительно небеснаго, Plat. apol. 18 В; ξυνίστωρ χαχά — свидѣтель золь; μάντις τάδε — предсказатель этого, Mathiä 943. б) σὲ φύξιμος οὐδεὶς — никто не (есть) могущій избѣжать тебя, ib.

Въ лат. только при именахъ на tis (a): domum reditionis spes — надежда на возвращеніе домой, Caesar Gall. 1, 5; quid tibi hanc digito tactio est? quid tibi hanc curatio est rem? Holtze 279.

Въ нѣм. сомнительно, Grimm s. 755, напр. а²) zerrer gotes rok.

Въ лит. только въ древнѣйшихъ памятникахъ встрѣчаются съ вин. nom. actionis (a) на imas, напр. ant iszkalbejima pasleptini Christaus — букв. для изреченія тайну Христа, Bezzenberger, Beiträge z. Gesch. d. lit. 239.

Въ слав. а) цсл. по принятіи ми отъ бога великій даръ; дание урокъ, Mikl. 376; нѣкоторые слѣды такого употребленія вин. въ серб. и польск. см. ibid.

Такъ какъ неопред. наклоненіе первоначально есть собственно отглагольное существ. въ косвенномъ пад., то и вин. при неопред. накл. во всѣхъ аріосвроп. языкахъ отно-

сятся собственно сюда къ виду а), который, какъ можно видѣть изъ сравненія, является наиболѣе распространеннымъ. Съ теченіемъ времени имя и глаголь болѣе дифференцируются (при чемъ причастіе и неопред. примыкаютъ къ категоріи глагола). Это дифференцированіе проявляется между прочимъ въ томъ, что имя и глаголь сочиняются съ различными дополненіями: глаголь преимущественно съ вин., имя преимущественно съ род.

2) Ограниченіе употребленія вин. объекта при глаголахъ чрезъ разграниченіе глаголовъ переходныхъ и непереходныхъ и средства для этого разграниченія.

Какъ показало рассмотрѣніе вин. зависимыхъ (гл. II), употребленіе винительныхъ объекта основывается на употребленіи винительныхъ независимыхъ. Первоначально не могло быть замѣтнаго различія между переходными и непереходными глаголами³⁰⁾. Такъ какъ постепенно создавалось, что одни вин. стоятъ въ болѣе тѣсной связи съ глаголами, а другіе въ менѣе тѣсной (т. е. присутствіе ихъ въ предложении не обуславливается присутствіемъ извѣстныхъ глаголовъ), то по закону дифференцированія должно было произойти болѣе строгое и замѣтное разграниченіе переходныхъ глаголовъ³¹⁾ (могущихъ обуславливать присутствіе винитель-

³⁰⁾ При объясненіи вин. завис. было указано значительное количество такихъ случаевъ, когда даже съ позднѣйшей точки зрѣнія трудно опредѣлить, имѣемъ ли мы въ извѣстномъ случаѣ переходные глаг. съ вин. завис., или непереходные съ вин. независ. Ср. также Grimm 4, 49 о томъ, что въ болѣе древніе періоды «активные значенія соприкасаются съ медіальными, непереходными съ непереходными».

³¹⁾ Употребляя слово «глаголовъ», я имѣю въ виду преимущественно позднѣйшія формаціи: вѣрнѣе было бы сказать «словъ вообще», такъ какъ присутствіе вин. объекта первоначально обуславливалось (а отчасти обуславливается и до настоящаго времени) не только переходными глаголами, но и существительными, прилагательными и страд. причастіями.

ныхъ) отъ непереходныхъ (не обусловливающихъ этого). Какъ показываютъ факты, языкъ употребилъ для этого два главныхъ приема: А) специализировалъ значеніе глаголовъ, оставивши только переходное значеніе, и создалъ новыя глагольныя темы съ переходнымъ значеніемъ (*verba factitiva* и *denominativa*); В) воспользовался встрѣчавшимися иногда при глаголахъ и объектахъ нарѣчіями, или частицами, присоединивши ихъ ближе или къ объекту, или къ глаголу: въ первомъ случаѣ они сдѣлались предлогами, управляющими, какъ говорятъ грамматики, падежами, при чемъ глаголы остаются непереходными; во второмъ — они слились съ глаголами въ видѣ префиксовъ въ одно слово, при чемъ глаголы являются переходными.

А) Специализированіе переходныхъ глаголовъ (а) и глаголы фактивныя (b) и отъименныя (c) *denominativa*.

а) Если какой-нибудь глаголъ могъ по своему значенію или обусловливать присутствіе вин. объекта или не обусловливалъ его, то простѣйшимъ средствомъ для устраненія такой неопредѣленности было: устранить одно изъ этихъ двухъ значеній и такимъ обр. сдѣлать глаголъ или переходнымъ въ потенціи ³²⁾, или непереходнымъ. При этомъ замѣчается, что глаголы дѣлаются переходными въ томъ случаѣ, когда склоняются къ значенію дѣйствія, направляющагося на другой предметъ ³³⁾. Такъ

³²⁾ Прибавленіе «въ потенціи» необходимо потому, что переходные глаг. имѣя способность сочиняться съ вин. объекта, въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ являться безъ объекта; непереходные же въ болѣе поздній періодъ языка никогда не могутъ являться съ вин. объекта.

³³⁾ Къ такому значенію въ болѣе позднихъ формаціяхъ склоняются всѣ переходные глаголы, какого бы происхожденія ни былъ являющійся при нихъ объектъ (т. е. независимо отъ того, означаетъ ли онъ первоначально цѣль движенія, или предметъ, сопровождающій дѣйствіе или поводъ дѣйствія; всѣ эти отбѣнки постепенно сглаживаются и забываются). При этомъ всѣ тѣ глаголы, которые не подходятъ подъ это значеніе, постепенно

напр. кор. пак, являющийся съ двумя значеніями идти — достигать и нести (ср. гл. II, вин. завис. втор. рода) въ греч., лит. и слав. сохраняетъ только второе значеніе и вмѣстѣ съ нимъ способность сочиняться съ вин.; въ скртѣ же и зендѣ онъ сохраняетъ первое значеніе, а для втораго употребляетъ фактитивную тему — па́саја.

б) Фактитивные глаголы означаютъ причиненіе того дѣйствія или состоянія, которое означается глагольнымъ корнемъ. Съ формальной стороны тема фактитивнаго глагола представляетъ глагольный корень усиленный и расширенный чрезъ аја или ја. Едва-ли можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, что фактитивныя темы первоначально не имѣли специально фактитивнаго значенія ³⁴⁾, а что языкъ въ этомъ случаѣ лишь постепенно воспользовался различными темами для различенія значенія ³⁵⁾. Это очевидно изъ того, что многіе глаголы и безъ такого измѣненія имѣютъ фактитивное значеніе, а съ другой стороны многіе глаголы и при такомъ измѣненіи остаются переходными (средними) глаголами ³⁶⁾.

устраняются изъ разряда переходныхъ глаголовъ и принимаютъ другіе объекты (не винит.). До сихъ поръ грамматика констатировала только это позднѣйшее значеніе переходныхъ глаголовъ, игнорируя болѣе древнія значенія, неподходящія подъ это опредѣленіе; ср. гл. II вин. завис.

³⁴⁾ «Не лишено вѣроятности, говорить Курціусъ, предположеніе, что строго-причинительное значеніе установилось только тогда, когда явились падежныя формы. Ибо причинительное значеніе основывается существенно на частомъ соединеніи глагола съ вин. вышшняго объекта». Zur Chronol. 245.

³⁵⁾ Подобно тому, какъ, напр., русск. языкъ воспользовался формами род. и мѣстнаго на у (отъ забытаго склоненія темъ на у) для разграниченія такихъ оттѣнковъ, какъ: *много сыру*, но *качество сыра*; *въ духу* (печномъ), но *въ духъ* (человѣческомъ) и т. п.

³⁶⁾ Ср. Schleicher § 209. Славянскіе, напр., глаголы на ѣти и ити предполагаютъ одну и ту же первоначальную форму на ајати, напр. онъ *бѣлѣтъ* и *бѣлѣтъ* возводятся къ одной и той же первоначальной формѣ bhalajati.

Параллельно и въ связи съ развитіемъ фактивныхъ глаголовъ шло развитіе болѣе поздняго значенія вин. объекта, какъ предмета на который направляется дѣйствіе подлежащаго, какъ объекта, которому причиняется извѣстное дѣйствіе или состояніе. Для развитія этого значенія всѣ три рода вин. представляли богатый матеріалъ. Такъ напр. *освѣщать кого* первоначально значить свѣтить на кого (завис. вин. 1Bb16²), ср. въ зенд. *tārajēiti mām*—жжетъ, жарить меня, *Justi s. v. tap*; скр. *paśajati, rārajati mām*—онъ заставляетъ меня прибывать, переходить, приносить, переправлять меня=несетъ мнѣ, *pīrartī mām*, т. е. первоначально идетъ, переправляется со мною (вин. зав. 2aa); заставляю кого двигаться=двигаю къмъ, двигаюсь съ къмъ (ib. 2ab); течъ чѣмъ (вин.)=истачать, изливать, лить что; *pība supūṅgam udagam*—напой полный желудокъ, *S. V. 1, 2, 1, 3, 10* собств. значить *ней, пока желудокъ (будетъ) полонъ* (вин. зав. 3b¹); зенд. *ukhšajā tanūm*—выращай тѣло, *Justi s. v. tanu*, собств. *wachs am leibe*.

b²) Двойные вин. при фактивныхъ глаг. Когда развились фактивные глаголы и получили извѣстное значеніе (заставлять кого дѣлать что или—находиться въ извѣстномъ состояніи), тогда явилась возможность образовывать фактивный глаг. почти отъ всякаго глагольнаго корня. Если глаголъ и безъ фактивного значенія былъ переходящимъ, т. е. могъ имѣть при себѣ вин. объекта, то сдѣлавшись фактивнымъ и удерживая при себѣ этотъ вин., онъ можетъ имѣть при себѣ еще другой вин. — вин. фактивного объекта:

Въ скр. *idañ cāstrāñ mām grāhajām āsa*—онъ далъ мнѣ этотъ законъ (собств. заставилъ взять), *Mām. 1, 58*; при обращеніи въ страд. оборотъ вин. фактивного объекта дѣлается именительнымъ, а вин. простаго объекта остается безъ измѣненія: *astrāṇāñ paramaṇ balāñ grahitā tvam mahendrena*—ты заставленъ Индрой взять великую силу оружія, т. е. тебѣ дана вел. с., *Arg 9, 34*.

Въ греч. ποτίσῃ ὑμᾶς ποτήριον ὕδατος = Остр. напоить вы чашж воды (грецизмъ), Mikl. 389, 23; ἀναμνήσκω—заставляю кого помнить что, Курц. § 402.

Въ лат. discipulos id unum moneo, Шульцъ—X. § 257, moneo = mānājāmi — заставляю кого думать что.

Въ нѣм. lehren=laisjan (fact. отъ leisan —узнавать что), заставлять кого узнавать что.

Въ лит. mokinti—учить, собств. заставлять кого мочь (mokėti), знать что, Schleich. Lit. Gr. s. 263.

Въ слав. только грецизмы Mikl. 389, 23.

с) Отыменные глаголы. Съ развитіемъ фактивныхъ глаголовъ по аналогіи съ ними образовалась масса отыменныхъ глаголовъ, которые могутъ имѣть при себѣ вин. пад., напр. tan rāgajati — онъ поступаетъ съ нимъ какъ царемъ (трактуетъ его какъ царя), miçrajati—смѣшиваетъ (при miçra — смѣшанный), kṛṣṇajati — дѣлаетъ чернымъ, чернить; κόλαφίσει—заушаетъ кого (наноситъ кому пощечину, beohrfeigt, отъ κόλαφος—Ohrfeige), χρυσόει—золотить (χρυσός); nominat (при nomen), finit, lenit (при finis, lenis); русск. бѣлить, чернить и т. п.

В) Глаголы, сложные съ предлогами. Сложеніе глаголовъ съ нарѣчными частицами является другимъ важнымъ средствомъ для разграниченія переходныхъ глаголовъ отъ непереходныхъ. Скртъ, зендъ и греческій (гомерическій, отчасти латинскій и готскій) представляютъ еще многочисленные случаи, когда нарѣчныя частицы, являющіяся въ позднѣйшее время или какъ глагольные префиксы, или какъ предлоги при косвенныхъ падежахъ, стоятъ еще совершенно отдѣльно, не примыкая близко ни къ глаголу, ни къ косвенному падежу. Подобно позднѣйшимъ нарѣчїямъ эти нарѣчныя частицы употреблялись (преимущественно при глаголахъ движенія) для болѣе точнаго опредѣленія значенія глаголовъ, не вліяя на падежъ объекта: падежъ объекта оставался тотъ-же и въ томъ случаѣ, когда такой

нарѣчной частицы не было. Такъ напр. въ болѣе древнихъ языкахъ, какъ мы видѣли выше, при глаголахъ движенія могъ стоять вин. цѣли движенія, напр. *grāmai gaśśhati*, *tañ gaśśati*—онъ идетъ въ деревню, по деревнѣ, онъ идетъ къ нему; для болѣе точнаго опредѣленія направленія движенія въ подобныхъ предложеніяхъ могутъ прибавляться нарѣчныя частицы, какъ *adhi*—къ, на, *prati*—прѣс, *anu*—за, *antar*—внутри, *pari*—пері. Въ греч., напр., при *ἔχων*, *ἔχω* въ гомерическомъ могутъ стоять вин. безъ предлога; но для болѣе точнаго опредѣленія движенія, особенно въ позднѣйшемъ языкѣ прибавляются *ἐς*, *ἐπί*, *κατά*, *πρός*, *ὕπό* (Bensel. s. v. *ἔχω*). Вообще въ гомерич. яз. очень часто предлоги, являющіеся въ болѣе позднемъ греч. какъ префиксы при глаголахъ, стоятъ еще отдѣльно ³⁷). Сохранились нѣкоторые слѣды подобнаго отношенія между глаголомъ, нарѣчной частицей и объектомъ и въ слав. нар.; они тѣмъ важнѣе для насъ, что даютъ возможность болѣе непосредственно представить это отношеніе. Въ Причит. собр. Барс. *мимо* встрѣчается еще какъ нарѣчіе: *мимо* пройдутъ оны нову эту горенку, 169, 138 (вин. *горенку* могъ бы стоять и при отсутствіи *мимо* ср. также 141, 11; 233, 19; 206, 23; въ друг. слав. нар.—въ пресл., серб. польск., чеш.—Mikl. 413, 41); изъ подобныхъ оборотовъ въ одну сторону развиваются глаголы, какъ *мимоити что* (праетеріре), въ другую—обороты, гдѣ нарѣчная частица примыкаетъ къ объекту и какъ бы управляетъ имъ ³⁸).

³⁷) Явленіе это принято называть *тмезисомъ* (τμήσις—раздѣленіе, терминъ неисторичный); изрѣдка явленіе это встрѣчается и у лат. писателей.

³⁸) Зависимость дѣлается полною, когда при *мимо* является на мѣстѣ вин.—род. Ср. подобный же переходъ изъ вин. въ род. при подыгъ, върху, (подыгъ все море, Бусл. Хр 117. 5, Mikl. 395. 35). Вообще род. въ подобныхъ случаяхъ новѣе винительнаго и апріорное предположеніе Курціуса, что «предлоги, будучи первоначально нарѣчіями, могли имѣть при себѣ прежде всего родит., какъ надежъ принадлежности» (Erläut. 175) далеко не вѣрно.

Такимъ образомъ обороты, значительно различающіеся въ позднѣйшее время, какъ напр. *urbem praeterire* и *praeter urbem ire* первоначально тождественны и возводятся къ одному первоначальному обороту *urbem ire praeter*, какъ греч. ὑπὲρ οὐδὸν ἐβήσето (гомер.) = позднѣйшему οὐδὸν ὑπερέβη и ὑπὲρ οὐδὸν ἔβη; такимъ же образомъ лит. *pro vartus ėjau* и русск. *я прошелъ ворота* первоначально тождественны и возводятся къ первоначальному обороту *ėjau—šelъ vartus—ворота pro—про (чрезъ)*.

Очень рано — уже въ ведическомъ скртѣ проявляется это — началось извѣстнаго рода притяженіе между этими тремя членами предложія: нарѣчная частица или сливается съ глаголомъ, приставляясь къ нему спереди, или примыкаетъ къ вин. пад. и вмѣстѣ съ нимъ составляетъ дополненіе къ глаголу. Между такими первоначально тождественными вин. языкъ постепенно дѣлаетъ слѣдующее различіе: одни вин. (при глаголахъ соединившихся съ нарѣчными частицами) продолжаютъ разсматриваться какъ вин. объекта, другіе (вин. съ нарѣчными частицами, сдѣлавшимися предлогами) приравниваются къ вин. независимымъ. Такъ оборотъ *находить, найти кого*—*invenire aliquem* оказывается переходнымъ, а первоначально тождественный съ нимъ оборотъ *ходить, идти на кого*—*venire in aliquem* — непереходнымъ³⁹⁾.

Так. обр., благодаря этому процессу, изъ массы вин., колебавшихся между значеніемъ зависимыхъ и независимыхъ, были исключены изъ категоріи вин. объекта всѣ тѣ вин., которые соединяются съ нарѣчными частицами (предлогами); винительные же при глаголахъ, соединившихся съ такими частицами сдѣлались вполне винительными объекта.

³⁹⁾ А обороты типа *идти кого* (въ значеніи *идти на кого, найти кого*) какъ въ скр. Вин. зав. 1B1a) вовсе устраняются: они соединяли въ себѣ значеніе обоихъ разграничиваемыхъ оборотовъ; существованіе ихъ мѣшало бы указанному разграниченію (вообще въ борьбѣ за существованіе промежуточные виды погибаютъ).

По аналогіи съ послѣдними вин. въ болѣе позднихъ формаціяхъ (особенно въ лето-славянской отрасли) развилась цѣлая масса *позднѣйшихъ вин., сложныхъ съ предлогами* ⁴⁰⁾.

3. Ограниченіе употребленія вин. объекта чрезъ болѣе строгое разграниченіе глаголовъ дѣйствительныхъ отъ медіальныхъ (*media*) и страдательныхъ.

Вопросъ о залогахъ имѣетъ двоякое отношеніе къ объясненію значеній винительнаго: А) такъ какъ *verba media* заключаютъ въ себѣ мѣстоименные падежи объекта ⁴¹⁾, то спрашивается, какое первоначально имѣли значеніе эти падежи объекта: В) въ какомъ отношеніи къ залогу стоитъ употребленіе вин. объекта.

А) *Verba media*. Въ аrioевроп. отрасли находятъ два главныхъ способа образованія *v. media*: въ скртѣ, зендѣ, греч. и отчасти германскомъ они заключаютъ въ себѣ „удвоенные приставленные къ концу глагольной темы“ мѣстоименные корни, при чемъ „первое мѣстоименіе функционировать какъ падежъ объекта, второе—какъ именительный“ (Schleich. Comp. § 268, 1); въ итало-кельтскихъ и лето-славянскихъ языкахъ *v. media* представляютъ соединеніе дѣйствительныхъ глаголовъ съ винительнымъ падежемъ возвратнаго мѣстоименія ($\sqrt{\text{sva}}$) безразлично для

⁴⁰⁾ Подробное изложеніе винительныхъ при глаголахъ, сложныхъ съ предлогами (нарѣчными частицами), по независящимъ отъ меня причинамъ на время откладывается.

⁴¹⁾ Удерживаю пока за неизмѣненіемъ болѣе удовлетворительнаго господствующее объясненіе аrio-греко-германскаго медіума, хотя оно и подорвано новограмматической школой («junggrammatische Richtung», ср. также пр. Фортунатова «Нѣсколько страницъ сравнит. грамм. индоевр. яз.» въ приложеніи къ *Sāmaveda-āraṇjaka-saṁhita*, стр. 48, 49). Если господствующее объясненіе и невѣрно, то оно во всякомъ случаѣ безвредно въ синтаксическомъ отношеніи, такъ какъ оба рода медіума вполне сходны по употребленію.

всѣхъ лицъ и чиселъ (ibid § 287). Все различіе между этими двумя способами образованія первоначально сводится на различіе оборотовъ *ты несешься* и *ты несешь тебя* ⁴²⁾.

Такое употребленіе мѣстоименнаго корня или вин. падежа мѣстоименія въ качествѣ падежа объекта безъ сомнѣнія очень древне; оно восходитъ, вѣроятно, къ дофлексивному періоду, такъ что въ этомъ случаѣ мѣстоименный корень безъ флексіи и падежъ мѣстоименнаго объекта съ флексіей (родоначальникъ винит.) уравниваются между собою. Сообразно съ этимъ и тѣ значенія, которыя сообщались глаголу этими мѣстоименными объектами должны соответствовать древнимъ значеніямъ винит. вообще. Но до сихъ поръ всѣ затрогивавшіе этотъ вопросъ исходили изъ того поспѣшнаго обобщенія, что древнѣйшее значеніе вини-

⁴²⁾ Асколи видитъ тутъ типъ итало-кельто-лито-славянскаго медиума въ скр. повел. âtm. 2 л. на *sva* (Beitr. 5, 96), такъ что *bhagasva* значить собственно *несись* (ѣре *é*); наоборотъ, въ *ейрѣгольскомъ* говорѣ литовскаго яз. встрѣчаются слѣды аrio-греко-германскаго типа: *сумидѣјау*, *суміскиніяу*—я набрался (собств. *набралъма*), *нащипался*, также *нуміскісіу*, *нуміпјове*, Юшкевичъ, Лит. п. 14. Вопросъ о томъ, какой изъ указанныхъ способъ образованія древнѣе, рѣшается обыкновенно въ пользу аrio-греко-германскаго типа, а итало-кельто-лито-славянскій медиумъ считается позднѣйшимъ новообразованіемъ (Сопр. § 268). Но, если обратить вниманіе на то, что употребленіе возвратнаго мѣстоименія исключительно только при третьемъ лицѣ вовсе не есть явленіе первоначальное (такъ скртъ, зендъ и лето-славянскіе языки не знаютъ того строгаго ограниченія употребленія возвратнаго мѣстоименія, какое представляетъ латинскій, см. напр. Amb 22, 3; Sittâ 48, 4; Nal. 5, 21; Bielenst. § 662; а образованіе медиума въ самомъ латинскомъ чрезъ прибавленіе возвратнаго мѣстоименія ко всѣмъ лицамъ и числамъ указываетъ на то, что и въ латинскомъ такое ограниченіе—явленіе позднѣйшее), то слѣдуетъ думать, что оба способа образованія медиума одинаково первоначальны. Для подтвержденія мнѣнія Шлейхера слѣдуетъ доказать, что въ древнѣйшіе періоды невозможно было употребленіе возвратнаго мѣстоименія при всѣхъ лицахъ

тельнаго есть значеніе объекта при переходныхъ глаголахъ; естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что значительная часть *v. media* не поддавалась объясненію.

а) При разсмотрѣніи двойныхъ вин. мы видѣли, что въ болѣе древнихъ языкахъ въ такихъ оборотахъ, какъ *класть кому что* (или *кого во что*), *давать*, *дѣлать кому что*, *надѣвать на кого что* (или *одѣвать кого во что*) употреблялись два вин. (Двойные вин. различного значенія с). Значеніе одного изъ этихъ двухъ вин. (обыкновен. вин. лица) можетъ имѣть мѣстоименный корень, являющійся въ видѣ возвратнаго мѣстоименія или заключенный въ среднемъ глаголѣ:

Въ скр. *dhā act.* класть, давать; *med.* класть себѣ, давать себѣ, приобретать, брать: *tanajai dhamahe*—мы получаемъ (*gewinnen*, Benf.) потомство, R. V. 1, 92, 13; *â-dâ med.* *sumere*, *capere*. Bopp. Gloss. s. v. *dâ+â*; *pratimuē med.* собств. опускаться во что, *sich einhüllen in...* mit Accus: *drugah pâcān sa muñciṣṭa*—der falle in des bösen Stricke, Benf. Gloss. zu *Sāma*—V. s. v. *muē+prati* (ср. зендск. *paṭismuē* и греч. *ἐνδύομαι*); *vas*, *med.* съ вин. одѣваться во что, Bopp.

Въ греч. *ὁ δῆμος τίθεται νόμους*—народъ постановляетъ (даетъ) себѣ законы, Курц. § 479; *ἐνδύομαι τι, ἀμφιέννυμι τι*.

Въ лат. (рѣдко) *Priamus inutile ferrum cingitur*, Virg.

Въ лит. *užsikabinti ką*—повѣситься на что или повѣсить на себя что, наприм. *užsikabino tinklą*—навѣсила на себя сѣть, Leseb. 117; *asz pasiremečiau tetužio kriksztą*—я хотѣлъ-бы опереться на (обнять) могильный крестъ отца, Ness. 65 (ср. *apsikabįčiau ant jės kaklelio*—я повѣсился бы на ея шею, ib. 86); *sopagus apsiavęs*—надѣвши сапоги, Les. 221; *ką užsi-rėdyt*—надѣть что на себя, Les. 126.

Въ латыш. платас визес апаѡс — я обулся въ широкіе лапти, Спрог. 110, 2.

Въ слав. (безъ вин. объекта) полагаются, надѣются, одѣваются, обуваться и т. п.

б) Подобнымъ образомъ изъ двойныхъ вин. объясняются средніе глаг. съ значеніемъ *удалять отъ себя что, лишаться чего* и т. п. (см. Двойные вин. 1b).

Въ скр. *krodhan vinajate* — онъ удаляетъ изъ себя гнѣвъ (но *krodhan vinajati* — удаляетъ гнѣвъ изъ другаго), Benf. Vollst. Gr. § 789, 11.

Въ греч. *οἰκεῖα στέρεσθαι* — *seines Eigenthumes beraubt sein*, Bensl.; также *ᾠφαίρεσθαι*; *ᾠποδίδωμαι τι* — давать что отъ себя; *ᾠδύομαι τι* — снимать съ себя что.

Въ лит. *кепурѣля нусимдамас* — шапочку снимаемая (собств. снимаюсь), Милл. и Форт. 186, 19; *rytsermėgę nusisiaute* — снялъ съ себя шляфрокъ, Les. 220; *barzą nusiskust* — сбрить себѣ бороду, ib. 216. *issinere jukto kurpates* — сняла (ср. *ᾠδύομαι*) юфтовые башмаки, Ness. 214.

Въ слав. (безъ вин. объекта) сѣвѣштіся, раздѣться, лишиться и т. п.

с) Съ развитіемъ древнихъ глаг. съ значеніемъ *класть себѣ что, дѣлать себѣ что* (а) по аналогіи съ ними могъ явиться цѣлый рядъ подобныхъ глаголовъ съ коммодальнымъ значеніемъ, какъ *παρίσθαι τι*, *parsigabenti* — доставлять себѣ что, *ᾠφέλκεσθαι τι* — притягивать себѣ что, *pasidaryti* — дѣлать себѣ что. Кромѣ этой аналогіи развитію этихъ глаголовъ еще болѣе содѣйствовало то обстоятельство, что въ болѣе древнихъ языкахъ существовалъ вин. коммодальный: всякій глаголъ съ вин. пад. возвратнаго мѣстоименія могъ получить значеніе дѣйствія для себя, въ свою пользу. (Вин. коммод. гл. 2, 3 Аа²).

Въ скр. *medium (atmanepadam)* употребляется, „когда дѣйствующее лицо дѣйствуетъ для

себя (вообще, а не для того чтобы получить известную плату), Benf. V. Gr. § 789 A.

Въ греч. *πориζομαι*, *ἐφέλχομαι*—и т. п. Курц. § 479, ср. *ἀποδίδομαι*—продавать, собств. отдавать что для своей выгоды.

Въ лит. *tavę parsigabęsiu*—возьму тебя себѣ, Leseb. 213; *dvarą nusipirka*—купилъ себѣ дворъ ib. 212; *vaikiną susilaukė*—дождались, получили себѣ ребенка, ib. 121; *melstis* съ вин. молиться.

Въ слав. съ вин. объекта очень рѣдко: я хочу у тебя свататься за молода Гордена Блудовича дочь твою возлюбленну Авдотью Чесовичну ⁴³⁾, Бусл. Истр. Гр. стр. 342, ср. въ лит. *ženikis bagotą szeitelę*—женись на богатой вдовѣ, Ness. 137; обыкновенно безъ вин. объекта: строиться, скупаться, проситься (ср. въ лит. *asz tik iszsimeidžu stubą*—я только прошу себѣ комнату, Les. 221), молиться (ср. лит. *melstis*).

с¹) Тотъ предметъ, который кто-либо кладетъ себѣ, дѣлаетъ себѣ, тѣмъ самымъ дѣлается его принадлежностью; съ другой стороны, кто удаляетъ отъ себя то, что прежде было при немъ, тотъ удаляетъ свое; такъ *построилъ, завелъ себѣ домъ* близко къ значенію *построилъ, завелъ свой домъ*; онъ *отрѣзываетъ себѣ* (отъ себя) *ногу* (*τέμνεται τὸν πόδα*) значитъ *отрѣзываетъ свою ногу*. Такимъ обр. средніе глаголы могутъ между прочимъ указывать на то, что

⁴³⁾ Такое же явленіе въ Словѣ о п. Иг. пред(ь)нюю славу сами похи(ы)тимъ а зад(ь)нюю ся сами подѣлимъ — подѣлимъ себѣ (или подѣлимся) заднюю; проф. Потѣбня поправляетъ *задъ-нею*; но въ виду приведеннаго выше примѣра и еще одного подобнаго (d), а также аналогіи литовскаго и другихъ яз., такой поправки, быть можетъ, и не нужно.

объектъ принадлежит дѣйствующему лицу составляет его часть или принадлежность ⁴⁴⁾).

Въ скр. *gân gânîte*—онъ знаетъ свою корову (а не чужую), *gân gânâti*—знаетъ корову (вообще); так. обр. *gân gânîte*=*suân gân gânâti*, Benf. V. Gr. § 789, 5; «*krodhañ vinajate*—онъ удаляетъ свой гнѣвъ (но гнѣвъ другого—*vinajati*)», *ibid.* II.

Въ греч. *παρέχεται*—давать изъ собственныхъ средствъ, свое; *τρέπονται τὰς γυνάμεις*—они измѣняютъ свои мнѣнія, Курц. § 481 b; *τοῦ πόδα τέμνεται*.

Въ лит. *užsideda galvą ant jos keliu*—положила (собака) свою голову на ея колѣни, Les. 119, букв. въздѣса главж; *pasided sermegele*—*da legt er seinen Rockchen*, Ness. 72; *atsipyne gelsvas kasates*—расплела свои бѣлокурыя волосы, *ib.* 214.

Въ слав. безъ вин. объекта: издерживаться, тратиться и т. п.

d) Значительная часть винительныхъ объекта, какъ мы видѣли выше (см. Вин. завис. комитат.), имѣла первоначально комитативное значеніе, близкое къ значенію творительнаго; посмотримъ, какъ отразилось это значеніе на среднихъ глаголахъ.

Комитативное значеніе возвратнаго объекта легко усматривается въ такихъ глаголахъ, какъ носиться, возиться, бросаться, пускаться, биться ⁴⁵⁾ и т. п. Въ языкахъ болѣе

⁴⁴⁾ Наоборотъ, въ латыш. нѣм, *puišit, savu draugu*—бери молодецъ себѣ друга, Спрог. 17, 1, собств. значить бери своего друга.

⁴⁵⁾ *Биться* въ такихъ оборотахъ, какъ *рыба бьется объ ледъ*, значить *бить собою*, а не *себя* (ср. въ чеш. *mucha začala sebou házet*—муха начала биться, бросаться и выкарабкалась, *Erben cit.* 18).

древней формациі при такихъ глаголахъ возможенъ еще другой вин. объекта.

Въ скр. *vjatibhavate 'rkam induh*—луна мѣняетъ собою солнце (заступаетъ мѣсто с.), Benf. V. Gr. § 289, IV; *suag, âtm.*—зенд. *gag*—обнимать, окружать, охватывать собою, напр. *bhâimim sasvage*—обнялъ Бх—ю, Nal. 24, 44.

Въ греч. *ἄμειβονται τινα*—смѣнять кого собою, *τὸν δ' ἀπαμειβόμενος*—смѣняя его собою (въ рѣчи) (часто у Гом.); *φερόμαι*—bei sich oder mit sich tragen, Bensl. s. v.; *προσπύσσομαι*—обнимать, обвивать собою, затѣмъ привѣтствовать, *πῶς δ' ἄρ' προσπύσσομαι αὐτόν*—какъ я стану привѣтствовать его, собств. охвачу его собою, γ²² (позже съ *dat.*—*instr.* напр. Antig. 1237).

Въ лат. *aliquem aequor*—равняю кого съ собою, сравниваюсь съ кѣмъ; *aliquem amplector*—обнимать кого, собств. оплетать кого собою.

Въ лит. *pons jį vežės*—панъ повезъ его съ собою, Les. 121, (букв. везеса и); *jis atsiņesze kartį*—онъ принеся съ собою шесть, ib. 163; *jė jį parsivede*—они повели его съ собою, ib. 190; *atsiveda vėns senuks balta ožka*—одинъ старикъ привелъ съ собою бѣлаго козла, ib. 128, (ср. млр. привѣлся съ козломъ); *obelį apsikabina*—онъ обнялъ собою яблоню, ib. 216.

Изъ такого основнаго комитативнаго значенія въ среднихъ глаголахъ развиваются слѣдующія два значенія: *взаимное* (α) и *обособительное* (β).

α) *Взаимные глаголы*. Часто при подобномъ значеніи глаголовъ дѣйствіе одинаково относится къ обоимъ предметамъ, т. е. каждый изъ двухъ предметовъ (или группъ предметовъ) является вмѣстѣ и субъектомъ и объектомъ, напр. *человѣкъ борется съ звѣремъ* значить *человѣкъ боретъ звѣря, а звѣрь человека*; въ такомъ случаѣ возвратный мѣстоименный объектъ, заключенный въ среднемъ гла-

голѣ получаетъ взаимное значеніе (другъ съ другомъ, другъ друга) и такіе средніе гл. называются *взаимными* ⁴⁶⁾. Второстепенный изъ двухъ предметовъ изрѣдка выражается именительнымъ ⁴⁷⁾; обыкновенно же является объектомъ, выражаясь въ болѣе древнихъ языкахъ винительнымъ, а въ болѣе новыхъ—творительнымъ (сначала безъ предлога, а потомъ съ предлогами, означающими сообщество).

Въ скр. имѣютъ медіальную форму (ātman.) „всѣ глаголы, означающіе взаимность, обмѣнъ, напр. vjatilunante—они рѣжутся; vjatribhavate 'rkam induḥ—луна мѣняется взаимно мѣстомъ съ солнцемъ, Benf. V. Gr. § 289, IV; na utsahe joddhum bhavantam—я не могу сражаться съ тобою, Amb. 9, 1.

Въ греч. μάχομαι, τιμὴν μάρναμαι, διαλέγομαι и т. п. обыкновенно съ dat.—instr.

Въ лат. altercor cum, inter и т. п.

Въ лит. возможенъ еще и вин.: aklu stumiesi vėns vėnā—букв. два слѣпца толкаются одинъ другаго, Les. 73; суситинка мергужѣля—букв. встрѣчается онъ дѣвицу, Милл. и Форт. 20. pesztis, susipeszti—драться, Lit. Gr. s. 304.

Въ латыш. вин. нерѣдокъ: rōk' роціню мазгайс, māc' масіню мѣлояс—рука (взаимно) моетъ (букв. моется) ручку, сестра угощаетъ (взаимно) сестрицу, Спрог. 246, 27; дів' упитес сатеcea, вѣна отру лайстіяс; дів' сердѣнес саті-

⁴⁶⁾ Миклошичъ выражаетъ это слѣдующимъ обр. «Медіумъ имѣетъ нерѣдко взаимное значеніе, когда дѣйствіе, исходящее отъ одного изъ субъектовъ, вслѣдствіе того что множественность субъектовъ понимается какъ единство, разсматривается какъ дѣйствующее на единство» 4, 271.

⁴⁷⁾ Является подлежащимъ, напр. человекъ и звѣрь борются; ср. въ латыш. ūdris, бобрис цикотейс—выдра боролась съ бобромъ, Спрог. 82, 2.

кас, вѣна ѡтру желойс — двѣ рѣчки сливаются, одна другую пополняетъ: сходятся двѣ сиротки, одна другой жалѣются, ib. 11, 32.

Въ слав. мнѣ извѣстенъ только одинъ примѣръ вин. при взаимномъ глаг.: слѣпецъ слѣпца ведутся, а оба въ яму впадутся, послов. Mikl. 271; обыкновенно твор. съ предл. съ: сражаться, меѣм сѣ потыкај се мноу — посражайся (собств. потыкайся) со мною мечемъ, Kral. 77; знаться, видѣться, перекинуться съ кѣмъ словомъ и т. п.

α²) *Полувзаимные глаголы.* Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить оттънокъ значенія, который можно назвать *полувзаимностью*. Въ глаголѣ напр. *перекликаться* взаимность значенія очевидна. Если сравнить съ этимъ глаголомъ *откликаться*, *отзываться*, то легко видѣть, что они означаютъ вторую половину дѣйствія, выражаемаго такими глаголами, какъ *перекликаться*: „А перекликается съ В“, значить — „А кричить къ В, В откликается ему“. Так. обр. *ся* изъ указателя взаимности дѣлается указателемъ того, что извѣстное дѣйствіе является отвѣтомъ на другое: възъвахъ васъ и не взвастеся, глаголахъ и ослушастеся, Бусл. Хр. 78, 37; подобнымъ обр. и въ глаг. *слушаться* — *ся* указываетъ на то, что лицо, которому говорятъ поступаетъ сообразно съ тѣмъ, что ему говорятъ, повинуется; отсюда ослушаться = неповиноваться; въ Лавр. лѣт. (подъ 1097 г.) Бонякъ „поча выти волчьскы и волкъ отвыся ему“. Такъ объясняется *ся* въ глаголахъ *отзываться*, *откликаться*, *отражаться*, *отдаваться*, *слушаться*, *ослушаться* и вѣроятно въ *отшутиться*, *отговориться*, *отказаться*, *отбиться*. Ср. въ лит. *atsisakyti* — отговариваться; латыш. *клаусѣс* — слушайся; въ греч. οὐκ ἄντεῖχάσσομαι σε — не уподоблю тебя взаимно (въ отвѣтъ на твое уподобленіе), Мено 80 с (при εἰχάζω — уподобляю).

β) Дѣйствіе, которое совершаетъ производитель дѣйствія самъ съ собою, есть дѣйствіе обособленное, замкнутое; изъ значенія обособленности легко развивается значеніе независимости, произвольности и отсюда бессмысленности дѣйствія.

Въ русск. играть, цѣлиться, рубиться (порубись дровъ, помолотись), гнить; жечься (крапива жжется), биться (онъ бьется, безъ повода), колоться, царапаться, лягаться, бросаться (онъ бросается камнями, безъ причины).

Въ лит. *pasimyslyti* — *sich besinnen*; *spardyti* — лягаться, *Les.* 184; *vėns vyruks užsigeide vandrūt* — одинъ человекъ захотѣлъ (букв. захотѣлся) путешествовать, *ib.* 241; *tas vaikins kožną dēn ant petu užsigeisdavo szikt* — тотъ мальчикъ каждый день за обѣдомъ хотѣлъ (ся) *sacare*, *ib.* 156.

Въ латыш. кулѣс пате — молотись сама (сама себѣ). *Спрог.* 252, 31.

Въ греч. *σχοπεῖσθαι* — обсуждать про себя, съ самимъ собою; *Курц.* § 480; *βουλευεσθαι* — совѣтоваться съ самимъ собою, соображать.

Сюдаже, вѣроятно, относятся многіе изъ глаголовъ, означающихъ аффекты.

β²) Обособительное значеніе медиума могло имѣть издавна еще и другое примѣненіе: такъ какъ разграниченіе глаголовъ переходныхъ и непереход. первоначально было незначительно, то употребленіе глагола въ медиальной формѣ могло указывать на то, что дѣйствіе глагола обособлено въ одномъ производителѣ дѣйствія, т. е. что данный глаголъ есть непереходный, не требующій объекта; такъ напр., если глаг. *πακ* могъ значить и *идти* и *нести* (идти съ чѣмъ), то прибавленіе возвратнаго объекта указывало на первое значеніе, какъ въ лат. *pauciscor* — *иду съ собою*. Так. обр. объяснялась бы масса глаголовъ непереходныхъ съ медиальною формою ⁴⁸⁾ какъ напр. *sete* = *κειται* лежитъ самъ собою; *patate* — *падаетъ собою*, не *падеся* — *οἷς ἐπεσε* (Бусл.

⁴⁸⁾ Вопросъ этотъ требуетъ болѣе тщательнаго изслѣдованія, состоящаго въ сравненіи по контексту значеній многочисленныхъ глаголовъ, колеблющихся между активной и медиальною формами.

Хр. 44, 18); se valè dym — валить дымъ, Kralody. 39 (валить не что-нибудь другое, а себя, собою).

А²⁾ V. media въ страдательномъ значеніи. Въ аrioевропейскихъ языкахъ страдательные ⁴⁹⁾ опредѣленно-личные глаголы (v. finita passiva) выражаются обыкновенно чрезъ medium (лишь въ немногихъ языкахъ немногія формы имѣютъ специально страдательное значеніе, но и эти формы основываются обыкновенно на медиальныхъ формахъ ⁵⁰⁾). На чемъ основано употребленіе v. media въ страдательномъ значеніи?

Медиальная форма указываетъ на то, что дѣйствіе, возникающее отъ субъекта, имѣетъ тотъ-же субъектъ и своимъ объектомъ; слѣдовательно, медиальная форма можетъ указывать на то, что слово, являющееся подлежащимъ, есть объектъ дѣйствія, означеннаго сказуемымъ (а это именно и означаютъ личные страдательные обороты, стр. 178); при этомъ, конечно, игнорируется то, что въ медиальномъ оборотѣ объектъ дѣйствія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и производитель дѣйствія ⁵¹⁾).

Медиальныя формы, получившія страдательное значеніе, по заложному значенію уравниваются съ страдат. при-

⁴⁹⁾ О первоначальномъ значеніи страд. оборотовъ, объ отношеніи ихъ къ дѣйствительнымъ, о двухъ главныхъ родахъ страд. оборотовъ см. гл. 2, Вин. завис. стр. 170—181.

⁵⁰⁾ Ср. гл. 2, вын. 53; исключеніе составляютъ греческіе аористъ и будущ. страдательнаго, имѣющіе активную форму.

⁵¹⁾ Так. обр. *преступникъ бросается* первоначально значить: съ преступникомъ происходитъ бросаніе, въ преступникѣ проявляется бросаніе, при чемъ игнорируется, — происходитъ ли бросаніе отъ самаго преступника, или его бросаетъ кто-либо другой. Штейнталь объясняетъ это игнорированіе изъ общаго закона, проявляющагося при развитіи значеній: «Въ страд. залогѣ страдательность апперципируется какъ медиальное дѣйствіе (Thätigkeit). Такъ какъ всегда внутренняя форма (Sprachform), какъ органъ апперцепціи, исчезаетъ изъ сознанія и остается въ немъ только апперцепцированное, то мы давно уже забыли, что въ страдательныхъ формахъ первоначально было нѣчто другое, чѣмъ страдательность» Zeitschr. f. Volkspss. 2, 246. Что въ страд.

частными. Такъ по аналогіи съ безлич. оборотами *gatum — itum* — хожено — являются обороты *gamjate, itur*, ходится (стр. 176); подобно безличнымъ причастнымъ страдательнымъ оборотамъ, которые могутъ имѣть при себѣ вин. объекта (гл. 2, 6 стр. 176), и безличные медіальные страд. обороты являются иногда съ вин. объекта, наприм.: *rozgъ izmetъsa*; где ся воду пыло; *dobrze się jadalo kasze*, Mikl. 363; *ut ei detur et aurum et vestem*, Holtze 274.

A²dβ) Безличные медіально-страдательные обороты въ лето-славянской отрасли получаютъ особый оттѣнокъ значенія, сходный съ указаннымъ выше (Adβ) ⁵²⁾: произвольности, бессмысленности, непонятности дѣйствія.

Въ русск. спится, сидится, лежится, ѣтся, пьется, зѣвается, хочется и т. п.

Въ латыш. *Ēstī man grībeys* — ѣсть мнѣ хочется; *galys grības* — мяса хочется, Спрог. 234, 39 и 124, 53.

Это изложеніе исчерпываетъ, мнѣ кажется, всѣ главные виды значенія медиума ⁵³⁾.

В) Отношеніе употребленія вин. объекта къ залогамъ, опредѣленіе глагола и роды его съ исторической точки зрѣнія. Подводя итоги

глаголахъ медіальнаго происхожденія очень рано забылось медіальное значеніе, видно изъ того, что уже въ древнѣйшихъ памятникахъ такіе глаголы, какъ *называться, считается*, сочиняются со вторымъ именительнымъ, а не винительнымъ: *bonus putatur*, мнѣнѣся имы, *tikisi wis žinaš* — мнѣнѣся все знаѣ (Потебня, Изъ зап. 2, 39, 45), хотя этимологически вѣриѣ было бы *putatur bonum* (= *putat se bonum*), мнѣнѣ ся имѣщѣ, *tikisi žinantj*.

⁵²⁾ Такъ какъ этотъ оттѣнокъ является лишь въ медіальныхъ страд. оборотахъ, а не причастныхъ и преимущественно въ лето-славянской вѣтви, то слѣдуетъ думать, что онъ и развился подъ вліяніемъ указаннаго оттѣнка медиума.

⁵³⁾ Отложено изложеніе нѣкоторыхъ медіальныхъ особенностей въ глаголахъ, сложныхъ съ предлогами, ср. вын. 40; про-

относительно употребленія вин. объекта при глаголахъ различныхъ залоговъ, мы находимъ слѣдующее:

1) Винительные объекта являются преимущественно при глаголахъ съ активными формами (*v. activa*), которые принято въ такомъ случаѣ называть переходными (*v. activa transitiva*).

2) *V. media*, хотя и заключаютъ въ себѣ мѣстоименный объектъ, но при обиліи двойныхъ вин., особенно въ болѣе древнихъ формаціяхъ аріевр. языковъ, могутъ имѣть при себѣ еще другой (обыкновенный) вин. объекта (см. Аа, b, c, c² и т. д. ⁵⁴); слѣдовательно, необходимо признать въ аріевроп. отрасли также и *v. media transitiva*.

3) *V. passiva*, какъ въ личныхъ, такъ и въ безличныхъ оборотахъ ⁵⁵) могутъ имѣть при себѣ вин. объекта, стр. 170—172; слѣдовательно возможны и *verba passiva transitiva*.

Но кромѣ того вин. объекта въ болѣе древнихъ формаціяхъ встрѣчаются также при существительныхъ и (рѣже) прилагательныхъ (гл. 3. Специализированіе вин. объекта 1); слѣдовательно, нѣкоторыя имена существ. и отчасти прилагательныя также могутъ быть переходными (*transit.*).

Отсюда слѣдуетъ, что транзитивность первоначально (и вообще въ болѣе древнихъ формаціяхъ) вовсе не составляетъ исключительной принадлежности дѣйствительнаго залога и не противоположна ни медіальности, ни страдательности, и даже не составляетъ исключительной принадлежно-

стые возвратные глаг., какъ мыться, тереться, двигаться, пускаться и т. п. не требуютъ иллюстраціи примѣрами, такъ какъ легко возводятся къ своему основному значенію.

⁵⁴) Лишь въ слав. нар. вин-ные объекта при *v. media* составляютъ рѣдкое явленіе; мнѣ пока извѣстно лишь пять примѣровъ при собственно медіумѣ (см. Ас, 43 вын., да; также: осмѣемся мы насмѣшку Васильюшкѣ, Рыби. Mikl. 387; чешск. *modliti se modlitbu*, ib 376); при медіумѣ, употребленномъ въ страд. значеніи, вин. объекта является гораздо чаще (А²).

⁵⁵) Въ славянскихъ нарѣчіяхъ часто и до настоящаго времени, особенно въ польскомъ.

сти глагола вообще, но свойственна въ значительной степени существительному и прилагательному; слѣдовательно, активность первоначально вовсе не тождественна съ транзитивностью, какъ учать грамматики. Но съ теченіемъ времени происходитъ слѣдующее. Между *verba activa transitive* и *v. activa intransit.* постепенно увеличивается различіе; при послѣднихъ (*v. act. intr.*) дѣлается невозможнымъ употребленіе вин. объекта, а вслѣдствіе этого дѣлаются отъ нихъ невозможными и личные страд. обороты. Так. обр. суживаніе употребленія вин. объекта идетъ параллельно съ суживаніемъ употребленія страд. оборотовъ. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что языкъ при дальнѣйшемъ развитіи начинаетъ избѣгать двойныхъ вин., вслѣдствіе чего сдѣлались невозможными и тѣ вин. въ страд. личныхъ оборотахъ, которые оставались винительными при обращеніи оборота изъ дѣйствительнаго въ страдательный (стр. 170), а остались лишь страд. безличные, при которыхъ только изрѣдка являются вин. объекта. Съ другой стороны, вслѣдствіе того же стремленія избѣгать двойныхъ вин. *v. media*, какъ уже заключающіе въ себѣ одинъ объектъ (мѣстоименный), перестаютъ сочетаться съ другимъ объектомъ и так. обр. медіальность начинаетъ препятствовать присутствію винительнаго объекта⁵⁶⁾. Если прибавить ко всему этому еще то, что имена существит. и прилагат. еще раньше теряютъ свое сочиненіе съ вин. объекта, то дѣлается совершенно яснымъ, что аріевроп. языки въ большей или меньшей степени приходятъ къ тому, что транзитивность дѣлается противоположною медіальности и страдательности и совпадаетъ съ активностью⁵⁷⁾.

Только послѣ изученія отношенія залоговъ къ употребленію вин. объекта, имѣющаго очень близкое отношеніе къ залогамъ, можно попытаться дать научное опредѣленіе за-

⁵⁶⁾ Въ слав. нар. это приводитъ наконецъ къ тому, что присоединеніе къ глаголу возвратнаго объекта *ся* лишаетъ его возможности сочиняться съ другимъ объектомъ въ вин. пад.

⁵⁷⁾ Слав. нар. уже почти пришли къ такому состоянію; лишь нѣкоторые рѣдкіе случаи вин. объекта при *media* и при

лога ⁵⁸⁾. Выше были указаны отличительные признаки дѣйствительнаго, страдат. и медіальнаго залогов; отвлекая частные признаки, мы получаемъ слѣдующее общее опредѣленіе: *Залогъ есть извѣстнаго рода отношеніе между производителемъ дѣйствія, объектомъ и подлежащимъ; слѣдовательно заложное значеніе есть такое формальное значеніе глагола, которымъ обуславливается отношеніе между производителемъ дѣйствія, объектомъ и подлежащимъ.* Сообразно съ этимъ

1. *Дѣйствительные* глаголы суть такіе, при которыхъ подлежащимъ является производитель дѣйствія; объекта можетъ или вовсе не быть (непереходные дѣйств.) или можетъ быть одинъ и даже (рѣдко) два (переходные дѣйств.).

2. *Медіальные* глаголы (v. media ⁵⁹⁾ суть такіе, при которыхъ производитель дѣйствія является вмѣстѣ и подлежащимъ и объектомъ, на что указываетъ медіальная форма или возвратный объектъ; другаго объекта при этомъ обыкновенно (особенно въ болѣе позднихъ формаціяхъ) не бываетъ

безличныхъ страд. причастіяхъ нарушаютъ правило; но на эти случаи смотреть какъ на аномаліи.

⁵⁸⁾ Мнѣ извѣстна только одна попытка научнаго опредѣленія залогов—проф. Потебни: «Залогъ есть такое формальное значеніе глагола (и даже слова вообще), которое дѣлаетъ необходимымъ отсутствіе объекта или его присутствіе и обуславливаетъ (въ послѣднемъ случаѣ) качество объекта» (изъ лекцій). Къ сожалѣнію, въ этомъ опредѣленіи упущено изъ виду, что въ болѣе древнихъ формаціяхъ, а отчасти и въ настоящее время, вин. объекта возможенъ при всѣхъ залогохъ.

⁵⁹⁾ Употребляю латинскій терминъ, такъ какъ въ русскомъ термине залоговъ сбивчивы и произвольны. V. media слѣдовало бы называть въ русскомъ *средними*, но средними глаголами принято называть непереходные дѣйствительные; можно бы называть по образцу греческихъ грамматиковъ *общимъ зал.*, но этотъ терминъ имѣетъ спеціальное значеніе; можно бы назвать *возвратными*, но возвратные глг. не обнимаютъ взаимныхъ. Нельзя не пожалѣть о томъ, что у насъ учащіеся для различныхъ языковъ принуждены усваивать различные термины залоговъ, что (не говоря уже о бесполезной затратѣ силъ) препятствуетъ по-

(непереход. media); но онъ можетъ и быть (переход. media). Одинъ изъ видовъ медиума составляютъ глаголы *взаимные*.

3. *Страдательные* глаголы суть такіе, при которыхъ производитель дѣйствія исполнѣ или въ значительной степени игнорируется, а подлежащимъ является или второстепенный съ логической точки зрѣнія предметъ, на которомъ проявляется дѣйствіе (являющійся въ дѣйствительныхъ обор. объектомъ), или грамматическаго подлежащаго вовсе нѣтъ; изрѣдка при нихъ возможенъ и вин. объекта, особенно во второмъ случаѣ (страдательные переходные глаголы).

Изъ даннаго опредѣленія залога очевидно, что объектъ и подлежащее составляютъ важные факторы въ развитіи залоговъ. Спрашивается, возможны ли такіе случаи, когда одинъ изъ этихъ факторовъ равняется нулю, т. е. отсутствуетъ въ предложеніи? Факты показываютъ, что воз-

ниманію соотвѣтствія между русскими залогомъ и залогомъ другихъ языковъ. Такъ какъ преимущества въ этомъ случаѣ стоятъ на сторонѣ терминологіи сравнит. языковѣдѣнія (и вмѣстѣ западноевропейской), то желательно было бы введеніе ея и въ учебникахъ. Сообразно съ этимъ въ русской грамматикѣ нужно бы сдѣлать измѣненія такого рода: основныхъ залоговъ три: дѣйств., страд. и средній; дѣйствит. глг. подраздѣляются на переходные (=дѣйствит. въ русск. гр.) и неперех. (=среднимъ въ русск. гр.); средніе гл. (обнимающіе возврат., взаимные и общіе глг. русск. гр.)—на возвратные и взаимные. Удобство термина *средній зал.* заключается въ томъ, что онъ указываетъ на отношеніе его къ дѣйствит. и страд.: средніе гл. представляютъ нѣчто среднее между дѣйствительными и страд., такъ какъ въ нихъ подлежащимъ является предметъ, который вмѣстѣ есть и производитель дѣйствія (признакъ дѣйств. зал.) и объектъ дѣйствія (признакъ страд.). Это отношеніе понимали уже древне-греческіе грамм., которымъ принадлежитъ и самое введеніе термина *средній*: τὰ γὰρ χαλοῦμενα μεσότητος σχήματα συνέμπτωσιν ἀνεδέξατο ἐνεργητικῆς καὶ παθητικῆς διαθέσεως. Apollon. L. III с. 7. Hermes, London 1751.

можны. Такъ, съ одной стороны, часто не бываетъ объекта при дѣйств. глаголахъ (неперех. дѣйств. глаг. ⁶⁰); съ другой стороны, нѣкоторые глаголы всѣхъ трехъ залоговъ имѣютъ такое значеніе, что не нуждаются въ подлежащемъ; такіе глаголы принято называть *безличными*. Итакъ

В²) Безличность есть такой частный случай отношенія между членами предложенія, когда сказуемое по своему значенію не нуждается въ подлежащемъ ⁶¹). Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда главнымъ предметомъ рѣчи является само дѣйствіе, а предметъ, который долженъ бы быть подлежащимъ или не указывается вовсе или представляется какъ нѣчто второстепенное. Относящіеся сюда глаголы означаютъ обыкновенно физическое, фізіологическое или психическое дѣйствіе, производитель котораго неизвѣстенъ. Сообразно съ этимъ такіе глаголы указываютъ лишь на дѣйствіе, не вызывая вопроса о производителѣ дѣйствія: *темнѣетъ, шумитъ, зудитъ* и т. п., просто значить *является темнота, происходитъ шумъ, зудъ* ⁶²). Въ безличныхъ глаг., говоритъ Штейнталь, „самому субъекту дана глагольная форма: *es dunkelt=Dunkel ist, wird*. Уже Гейзе замѣтилъ, что безличные глаг. представляютъ форму

⁶⁰) Глаголы, не имѣющіе при себѣ никакихъ дополненій, называются нѣкоторыми субъективными, а имѣющіе ихъ—объективными.

⁶¹) Т. е. когда оно не можетъ быть прибавлено даже искусственно безъ измѣненія значенія глаг. Так. обр. ученіе о безличности есть извѣстнаго рода дополненіе къ ученію о залогахъ. Мнѣ слѣдуетъ остановиться на безличности также и для того, чтобы подвести итоги тѣхъ объясненій безличныхъ оборотовъ, на которые приходилось наталкиваться при объясненіи значеній винительнаго. Кромѣ того безличные предложенія имѣютъ отношеніе и къ именительному, какъ представляющія отступленіе отъ извѣстной нормы (что во всякомъ предложеніи два главныхъ члена—подлежащее и сказуемое; поэтому Миклошичъ даетъ мѣсто безличнымъ предложеніямъ послѣ разсмотрѣнія употребленія именительнаго).

⁶²) Нѣкоторые безличные глаг. повидимому являются и въ личной формѣ; но на самомъ дѣлѣ это два различныхъ глагола,

предложенія, выражающаго существованіе (Existentialsatz), означающаго простое бытіе или превращеніе (Sein oder Werden), фактъ безъ субъекта, т. е. безъ отдѣльнаго субъекта, такъ какъ фактъ самъ по себѣ есть вмѣстѣ и субъектъ“⁶³⁾. Zeitschr. f. Vlksp. u. Spr. 2, 88.

abcd) Позднѣйшіе безличныя обороты. Отъ указанныхъ выше первоначальныхъ безличныхъ оборотовъ слѣдуетъ отличать другіе болѣе поздніе безличныя обороты, въ кото-

напр. *pluit* значить *идетъ дождь*, но *Jupiter pluit* значить *Ю. испускаетъ дождь*; такимъ же обр. *шумитъ*, какъ безличный глаголъ, значить *происходитъ шумъ*, а, какъ личный, — *производитъ шумъ*.

⁶³⁾ Само собою понятно, что нѣм. *es* при безличныхъ глаг. вовсе не есть подлежащее, что очевидно уже изъ того, что это *es* можетъ являться и въ личныхъ оборотахъ, когда обращается особенное вниманіе на сказуемое, а не на подлежащее. Это *es* представляетъ такую-же указательную частицу, какъ *воиъ*, *млр. оиъ*, *воио* и т. п. (Въ Харьковск. губ. многіе, говорящіе почти правильнымъ литературнымъ языкомъ, употребляютъ въ разговорѣ въ безличныхъ предл. мѣстоименіе *оно*, напр. оно уже свѣтаетъ). Подобнымъ обр. въ лат. при безличныхъ являются *hoc*, *haec* и т. п. напр. *lucescit hoc jam* = воно уже свѣта; *non te haec pudent?* (Holtze 23, 22). Послѣдній примѣръ показываетъ, что мѣстоименіе изъ указательной частицы дѣлается подлежащимъ; сказуемое въ такомъ случаѣ дѣлается личнымъ. Какъ скоро происходитъ эта перемѣна, то могутъ явиться и другія подлежащія (кромѣ мѣстоименій), напр. *et me quidem haec conditio nunc non roenitet*, Plaut. (Holtze 22). Так. обр. по аналогіи указательныхъ частицъ при безличныхъ глаг. могутъ явиться и другія подлежащія и глаголы эти могутъ сдѣлаться личными. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ личныхъ оборотахъ въ извѣстный періодъ подлежащее кажется вѣсьмъ слишкомъ извѣстнымъ и потому опускается, напр. *Ζεὺς, ὁ θεὸς ὤει* (у Гомера); но съ теченіемъ времени забывается, что въ данномъ случаѣ произошло опущеніе и данный глаг. приравнивается къ прочимъ безличнымъ; так. обр. *ὤει* отъ значенія *испускаетъ дождь* (съ подразумѣваемымъ подлежащимъ Зевсъ или богъ) переходитъ позже къ значенію *идетъ дождь* — *es regnet*. Вопросъ объ этихъ переходахъ безличныхъ оборотовъ въ личные и наоборотъ требуетъ болѣе тщательнаго изслѣдованія.

рыхъ по аналогіи съ различными обстоятельственными словами на мѣстѣ подлежащихъ являются косвенные падежи. Въ настоящемъ изслѣдованіи указаны только случаи появленія на мѣстѣ подлежащаго винительныхъ пад. Такъ мы видѣли, что на мѣстѣ подлежащаго иногда являются:

а) вин., означающіе продолженіе времени, (стр. 110, 1).

б и в²) вин. количества (стр. 123—125) и вин. именъ, означающихъ предметы, которые рассматриваются какъ количественная масса (стр. 128—129),

с) вин. коммодальные (стр. 154),

д) вин. комитативнаго объекта (стр. 212 слѣд.).

Этотъ родъ безличныхъ оборотовъ особенно распространенъ въ славянскихъ ⁶⁴⁾ нарѣч., но не чуждъ также и другимъ аріоевроп. языкамъ (ср. указанные выше стр.).

Систематизированіе и объясненіе значеній винительнаго въ аріоевроп. отрасли приводитъ къ такому выводу: то значеніе винительнаго, которое въ позднѣйшее время является главнымъ и считается нѣкоторыми основнымъ, есть значеніе позднѣйшее, явившееся подъ перекрестнымъ дѣйствіемъ разнаго рода вытѣсненій и ограниченій; прежде чѣмъ вин. пришелъ къ этому значенію, онъ оставилъ на пути своего развитія цѣлую массу болѣе древнихъ значеній, собраніе и группированіе которыхъ даетъ возможность возстановить исторію развитія этого падежа.

Въ заключеніе остается еще разъ возвратиться къ вопросу объ отношеніи именительнаго, зват. и вин. падежей къ остальнымъ пад. Въ началѣ этого изслѣдованія я выска-

⁶⁴⁾ Обиліе въ русскомъ языкѣ этого рода безличныхъ оборотовъ повело грамматиковъ къ неправильному заключенію, что подлежащее можетъ выражаться косвенными падежами. Последнимъ слѣдствіемъ этого неправильнаго взгляда является крайне ненаучная попытка г. Дмитревскаго отождествить подлежащее съ дополненіемъ. То положеніе, добытое языкознаніемъ, что подлежащимъ можетъ быть только имен. пад. (Steinthal, Logik, Grammatik und Psychologie, Потебня, Изъ запис. 1, 79 и слѣд.), для нашихъ грамматиковъ остается глаголомъ вопіющаго въ пустыни.

заль согласіе съ выводомъ Курціуса, сдѣланнымъ имъ на основаніи морфологическихъ данныхъ, о томъ, что имен., зват. и вин. представляютъ группу болѣе древнихъ и болѣе близкихъ между собою падежей и что вин. былъ нѣкогда общимъ косвеннымъ падежомъ. Изслѣдованіе этихъ падежей съ синтаксической стороны приводитъ къ тому-же выводу. Въ частности относительно винительнаго остается замѣтить слѣдующее:

Ниодинъ падежъ не примыкаетъ, съ одной стороны, такъ близко къ именительному, съ другой, не сближается такъ тѣсно по значеніямъ со всѣми остальными косвенными падежами, какъ вин. Что касается перваго положенія, то оно достаточно подтверждается данными приведенными выше (стр. 54—101). Для доказательства втораго положенія достаточно обратить вниманіе на слѣдующее. 1) *Мѣстный*, означая пребываніе на мѣстѣ и цѣль движенія, совпадаетъ съ значительною частью вин. 1 рода. 2) *Дательный* характеризуется соединеніемъ значеній цѣли движенія и коммодальности, т. е. соответствуетъ извѣстнымъ видамъ вин. 1 и 3 рода (1Bb и 3Aa²). 3) *Творительный* едва ли не цѣликомъ представляетъ собою специализированіе и усложненіе значенія винительнаго 2 рода (комитативность, орудіе и т. п.). Лишь *родительный* и въ значительной степени *аблативъ* въ главныхъ своихъ значеніяхъ не поддаются такому сведенію на значенія винительнаго; но все-же представляютъ немало случаевъ чередованія съ вин. (ср. род. и вин. недостигнутаго объекта, аблат. и вин. при v. affectuum, убѣгать, абл. и вин. основанія). На основаніи этихъ данныхъ можно заключать, что значенія большей части остальныхъ косвенныхъ пад., считающіяся основными, развились на почвѣ винительнаго и потомъ уже полуготовыя по законамъ дифференцированія были приурочены къ другимъ косвеннымъ пад. Но утверждать это положительно можно только послѣ изслѣдованія остальныхъ падежей.

А. Поповъ.

Александръ Васильевичъ Поповъ, сынъ священника, род. 16 Ноября 1855 г. въ с. Дружелюбовкѣ Купянскаго уѣзда, Харьковской губ. Окончивъ курсъ въ Купянскомъ Духовномъ Училищѣ, въ Августѣ 1871 г. поступилъ въ Харьковскую Духовную Семинарію, откуда, по переводѣ въ V кл., въ Августѣ 1875 г. въ Историко-Филологическій Факультетъ Харьковского Университета. Въ 1879 г. ему присуждена Факультетомъ золотая медаль за сочиненіе „Синтаксическія *) особенности винительнаго въ Санскритѣ“. Въ томъ же году онъ окончилъ курсъ со степенью кандидата и оставленъ при университетѣ стипендіатомъ для приготовления къ профессорскому званію по Сравнительному языковѣднію. Вскорѣ послѣ этого онъ началъ печатать (въ Фил. Зап. 1879, IV—VI) первое изъ предположенныхъ имъ синтаксическихъ изслѣдованій „Сравнит. синтаксисъ именит. зват. и винит. падсжей въ Санскритѣ, Зендѣ“ и пр., къ сожалѣнію оставшееся единственнымъ **). Оно должно было быть его магистерскою диссертациею. Къ магистерскому экзамену онъ былъ почти вполнѣ готовъ къ веснѣ 1880 г.

Уже въ первыхъ курсахъ университета онъ обратилъ на себя вниманіе преподавателей, въ томъ числѣ и пишущаго это, рѣдкою способностью и любовью къ языкознанію. Его планы будущей ученой дѣятельности были такъ обширны, что для исполненія ихъ понадобились бы многіе годы. По видимому все сулило ему продолжительную и счастливую жизнь и полезную, можетъ быть, славную дѣятельность. Казалось, его крѣпкое сложеніе и значительная физическая

*) Sic. Слѣдуетъ: синтаксическія. Тема *таксик* вымышленная, не русская и не греческая (*тахтіху́, тахтіхός* при *τάξις*).

**) До этого онъ напечаталъ «Разборъ Русской грамматики Гутникова» (Ф. З. 1878, VI) и „Оборотъ «что за»...“ (Фил. Зап. 1879, II).

II.

сила дадутъ ему вынести овладѣвавшія имъ по временамъ страстныя увлеченія преслѣдованіемъ своей мысли: по его словамъ, онъ любилъ работать „запоемъ“. Но

„вечеронька на столі, а смерть за плечима“.

Подкралась въ началѣ незамѣченная болѣзнь, показалаась кровь горломъ. Весною онъ прекратилъ было серьезныя занятія, но въ виду экзамена, не смотря на запрещеніе врача, возобновилъ ихъ въ Августѣ. Послѣдовало новое изліяніе крови и онъ умеръ 26 Сентября 1880 г., на горе жены и немногихъ близкихъ.

Какъ нестрѣчалъ, такъ вѣроятно уже и нестрѣчу другого такого.

А. Потебня.

Редакція „Филол. Зап.“ не можетъ не выразить своего искренняго сожалѣнія объ уtratѣ для науки такого многообѣщавшаго молодого дѣятеля, тѣмъ болѣе, что она лишилась въ немъ такого сотрудника, который принималъ въ изданіи нашемъ самое живое участіе. Кромѣ намѣченныхъ и частію начатыхъ имъ работъ, онъ имѣлъ въ виду составить краткую Санскритскую грамматику по методѣ, имъ самимъ придуманной, по которой ему самому, какъ онъ писалъ намъ, легко далось изученіе санскритскаго языка. Онъ уже трудился надъ составленіемъ этого учебника, но, къ сожалѣнію, едва ли эта работа осталась доступной кому либо, такъ какъ, по словамъ нѣкоторыхъ, онъ писалъ будто стенографическими знаками по своей методѣ.

Когда Александръ Васильевичъ окончилъ свой обширный трудъ (Сравнительный Синтаксисъ) и отослалъ къ намъ послѣдніе листы рукописи, сказалъ, какъ передаютъ: „ну, теперь можно и умереть“, и дѣйствительно на другой день его не стало!

Миръ праху твоему, усердный труженикъ науки!

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ: «О ПОСТАНОВКѢ ЯЗЫКОВЪ ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ». *)

Языкъ есть исповѣдь народа:
Въ немъ слышится его природа,
Его душа и быть родной.

Кн. Вяземскій.

Пора, пора бы обратить вниманіе на неправильность и неестественность существующей постановки языкоученія въ нашихъ гимназіяхъ! Пора бы ужъ русской школѣ стать на свои собственныя ноги, перейти на свою настоящую почву—на почву народности и національнаго самопознанія. Россія — земля самобытная; это истина доказанная. Но самобытность безъ самосознанія есть то же, что тѣло безъ души, капиталъ безъ оборота. Самосознаніе же не мыслимо безъ самоизученія и самопознанія, которое въ свою очередь не полно и не прочно безъ филологіи, безъ научнаго знанія своего отечественнаго слова, этого—какъ говорятъ—„средоточія, къ которому сходятся всѣ тончайшія нити родной старины, все великое и святое, все, чѣмъ крѣпится нравственная жизнь народа“ (Буслаевъ). Да къ тому же нѣтъ другаго языка, который бы отличался такою силою и мѣткостью выраженія, такою пластичною изобразительностью, какъ языкъ русскій въ своихъ истинно народныхъ проявленіяхъ, въ своемъ истинно народномъ творествѣ; а въ этомъ тоже его немаловажное педагогическое значеніе для нашего учащагося юношества. Вообще мы съ увѣренностію думаемъ, что статья г. Д. есть лишь точнѣйшая формулировка того, что составляетъ убѣжденіе всякаго безпристрастнаго человѣка, интересующагося судьбами русскаго просвѣщенія и воспитанія,—въ особенности результатами

*) Филол. Записки 1881 г. № 1.

болѣе обстоятельнаго и широкаго изученія дорогаго для насъ отечественнаго языка, который долженъ быть руководительнымъ свѣточемъ и при занятіяхъ иностранными языками, въ особенности мертвыми,—непроглядными для нашего времени. Если полезно и нужно изучать языки иностранные, то тѣмъ болѣе нужно налечь на филологическое и историческое изученіе своего роднаго языка и литературы, на сколько это доступно въ школѣ. Вотъ почему мы думаемъ, что ни одинъ педагогическій совѣтъ нашихъ гимназій не откажется подписаться подъ главнѣйшими выводами и пожеланіями этой раціональной статьи, на которую мы указываемъ, какъ на справедливое требованіе. Дай только Богъ, чтобы эти пожеланія не остались только пожеланіями, а увѣнчались бы если не полнымъ, то по крайней мѣрѣ хотя нѣкоторымъ удовлетвореніемъ.

Г. М.

КЪ ВОПРОСУ О ГРАММАТИЧЕСКОМЪ РАЗБОРѢ.

Въ своей замѣткѣ «Единственно научный способъ разбора словъ», помѣщенной въ VI вып. Филолог. Зап. за 1880 г., г. Желтовъ высказываетъ мнѣніе о необходимости замѣнить господствующій нынѣ въ школахъ грамматическій разборъ единственно научнымъ разборомъ — лингвистическимъ и, по возможности, филологическимъ. Не принадлежа къ сторонникамъ стараго способа разбора, я однакожь вовсе не раздѣляю взгляда почтеннаго автора на разборъ грамматическій, какъ на занятіе совершенно лишнее, и высказываемой имъ надежды, будто научный разборъ словъ оживить преподаваніе, распространить свѣдѣнія учащихся, озарить учениковъ свѣтомъ и т. п.

Едва ли нужно доказывать, что въ школѣ нельзя обойтись безъ нынѣшняго грамматич. разбора, такъ какъ безъ элементарныхъ грамматич. свѣдѣній, для примѣненія и укрѣпленія коихъ служить нынѣшній способъ разбора словъ и предложений, нѣтъ никакой возможности не только приступить къ филологическому разбору, но и вести преподаваніе языка вообще. Представьте себѣ учителя, который-бы вздумалъ уяснять строеніе, составъ и значеніе каждаго слова такимъ ученикамъ, которые вовсе не умѣютъ различать ни частей рѣчи (разрядовъ словъ), ни членовъ предложения, и не имѣютъ никакого понятія о грамматическихъ терминахъ — подлежащее, сказуемое, глаголъ, существительное и т. п. Не мѣдью-ли звенящею были-бы для учениковъ его толкованія? Но можетъ быть г. Желтовъ, нападая на «установившіеся у насъ нелѣпые приемы преподаванія и упроченія грамматическихъ познаній», думаетъ, что удобнѣе довести учащихся до этихъ по-

знаній путемъ лингвистическаго разбора словъ? Трудно допустить это. Ему, безъ сомнѣнія, извѣстно, что грамматическія категоріи не могутъ быть выведены ни изъ происхожденія, ни изъ состава и строенія словъ. Я скорѣе склоненъ понимать мысль г. Желтова такъ, что нынѣшняя постановка грамматики, какъ учебнаго предмета, не только неудовлетворительна, но и неправильна вообще, и что необходимо измѣнить ее въ томъ смыслѣ, чтобъ грамматика не забирала для себя всего школьнаго времени, а служила-бы только ступенью къ дѣйствительно научному изученію языка. Противъ такой точки зрѣнія я ничего не имѣю возразить, напротивъ нахожу ее единственно правильною.

Ни для кого не тайна, что то, что нынѣ преподается въ школахъ подъ именемъ грамматики, ни въ какомъ случаѣ не можетъ претендовать на названіе науки въ строгомъ смыслѣ. Къ наукѣ о языкѣ она относится совершенно такъ, какъ грамота къ ней самой: нельзя изучать грамматики, не умѣя читать и писать, нельзя изучать языка, не зная грамматики. Отношеніе это не нарушится даже и въ томъ, наиболѣе благоприятномъ случаѣ, если мы признаемъ грамматику наукой о формахъ языка: вѣдь и логика — наука о формахъ мышленія, однакожъ она остается наукой пропедевтической и вовсе не исчерпываетъ собою содержанія философіи. Грамматика, какъ и грамота, наука элементарная, практическая. Цѣль преподаванія ея — правильное и отчетливое изложеніе мыслей, хотя эта цѣль достигается не однимъ только изученіемъ грамматики, а иногда можетъ быть достигнута даже и безъ знакомства съ ней. Никому, конечно, кромѣ гоголевскаго Петрушки, не придетъ въ голову учиться грамотѣ для грамоты, точно также странно изучать грамматику для грамматики. А у насъ, если не ошибаюсь, именно такъ поставлено дѣло. Выражаясь фигурально, грамматика вышла изъ своихъ береговъ и устремилась въ пространство, мимо тѣхъ цѣлей, которыхъ она должна была достигать, и — въ результатъ получился разборъ

для процесса разбора. Можно въ теченіе восьми и болѣе лѣтъ заниматься съ учениками разборомъ и все таки нельзя быть спокойнымъ, что уже не встрѣтится въ языкѣ такой фразы, которой ученики не въ состояніи были-бы разобрать. Такое безмѣрное разширеніе грамматическихъ упражненій не только бесполезно, но положительно вредно для тѣхъ цѣлей, какихъ предположено достигнуть при помощи грамматики. Всѣхъ явленій языка этимъ не исчерпашь, но собственный языкъ ученика свяжешь и запугаешь его мысль, возбуждѣвъ въ немъ чувство полной безпомощности и увѣренность въ бессилии науки дать ему ключъ къ разбору всѣхъ предложеній на свѣтѣ. При такой постановкѣ дѣла у насъ въ школахъ изучается не языкъ при помощи грамматики, а грамматика при помощи языка. Въ высшей степени любопытно рассмотреть причину этого ненормальнаго явленія.

Въ своей книгѣ «Изъ записокъ по русской грам.» Проф. Потебня, разбирая нынѣшнія опредѣленія грамматическихъ категорій, нашелъ, что основанія ихъ заимствованы частію изъ области языка, частію изъ области мышленія, и ни тѣ ни другія не отличаются ясностію и опредѣленностію. Вотъ это-то смѣшеніе грамматики съ логикой безъ пониманія истинной роли той и другой въ дѣлѣ языкоученія и создало тотъ заколдованный кругъ, изъ коего учитель съ учениками никакъ не можетъ вырваться на свѣтъ Божій. Для примѣра возьмемъ грамматическое ученіе о дополненіи и опредѣленіи. Дополненіе отвѣчаетъ на вопросы косвенныхъ падежей и въ то же время относится только къ глаголу; опредѣленіе узнается по вопросамъ: *какой? который? чей? сколько?* и въ то же время присоединяется только къ существительному. Первый признакъ — вопросъ — очень часто не совпадаетъ со вторымъ — отношеніемъ къ слову извѣстнаго разряда: въ «горячая любовь къ отечеству» послѣднее слово не отвѣчаетъ на вопросъ: *какая любовь?* хотя по второму признаку оно должно быть опредѣленіемъ; въ пословицѣ «что рус-

скому здорово»... подчеркнутое слово отвѣчаетъ на вопросъ кому? но, относясь къ прилагательному «здорово», не можетъ быть названо дополненіемъ. Правда, грамматика Буслаева позволяетъ относить дополненія и къ именамъ, но только произведеннымъ отъ глагола. Спрашивается теперь: въ какомъ порядкѣ учитель долженъ проходить съ учениками грамматику? Если онъ начнетъ съ этимологіи (въ старинномъ значеніи), то погрѣшитъ противъ весьма основательнаго требованія современной методики — начинать съ синтаксическаго разбора простаго предложенія, ибо безъ умѣнья различать члены предложенія нельзя основательно различать частей рѣчи; начинать же съ синтаксиса нельзя безъ предварительнаго знакомства съ частями рѣчи. Такимъ образомъ выходитъ странный кругъ: чтобы изучать этимологию, нужно напередъ знать синтаксисъ, а чтобы изучать синтаксисъ, необходимо напередъ знать этимологию и приобрѣсти даже нѣкоторый навыкъ въ словообразованіи; словообразованія въ свою очередь нельзя постигнуть безъ этимологіи и синтаксиса. Предположимъ даже, что учитель, дѣлая поминутно диверсіи то къ синтаксису, то къ этимологіи, то къ словообразованію, кое-какъ нашелъ путь къ выходу изъ этого круга, но по мѣрѣ того, какъ онъ будетъ подвигаться дальше въ изученіи этихъ отдѣловъ грамматики, онъ самъ себѣ будетъ загораживать искомый выходъ, ибо то, что ученики успѣютъ узнать изъ этимологіи, будетъ дѣйствовать разрушительно на ихъ синтаксическія свѣдѣнія, и наоборотъ, пройденное изъ синтаксиса будетъ колебать этимологическія познанія. Пока ученикъ незнакомъ съ этимологіей, онъ безошибочно можетъ различать члены предложенія на основаніи однихъ вопросовъ, но познакомившись съ нею и узнавъ, что извѣстные члены предложенія присоединяются только къ тѣмъ, а не другимъ частямъ рѣчи, онъ начинаетъ сбиваться. И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Нѣтъ ничего удивительнаго по этому, что учитель заставляетъ учениковъ по цѣлымъ часамъ выкрикивать названія членовъ предложенія и

частей рѣчи; при такомъ положеніи дѣла достаточно на какойнибудь мѣсяцъ оставить учениковъ безъ упражненія въ разборѣ, чтобъ въ головахъ ихъ все перепуталось. А ревизоры бываютъ строгіе, крайне требовательные по части грамматики. Напутай ученикъ въ разборѣ, и учитель можетъ имѣть серьезную неприятность.

Весь вопросъ сводится не къ упраздненію разбора, а слѣдовательно и грамматики, а къ такому веденію преподаванія, чтобъ грамматика сама себя не упразднила въ головахъ учениковъ. Тогда можно будетъ грамматическому разбору удѣлить небольшую долю въ кругу занятій, чего желаетъ и редакція «Филологическихъ Записокъ». Для этого необходимо низвести грамматику на степень науки элементарной и подчинить ее исключительно практическимъ цѣлямъ. Синтаксическій разборъ нужно всецѣло слить съ логическимъ (указаніе отношенія словъ въ предложеніи) и задачей обоихъ признать практическое ознакомленіе учащихся съ правильной постройкой предложеній, уясненіе и повѣрку пониманія ихъ. Ученики должны различать члены предложенія только на основаніи вопросовъ, на которые они отвѣчаютъ, не касаясь этимологической формы словъ. Центр тяжести долженъ быть перенесенъ на этимологию, и синтаксисъ долженъ служить только пособіемъ для усвоенія этимологическихъ свѣдѣній. Все, что не имѣетъ пракческаго примѣненія, должно быть выброшено, и грамматика вся вообще должна быть проходима практически. Для этого учителю необходимо быть не только «ученымъ, стоящимъ въ уровень съ современнымъ положеніемъ филологіи и сравнительнаго языкознанія» (какъ требуетъ г. Желтовъ), но и хорошимъ методистомъ.

При такомъ веденіи преподаванія грамматическій разборъ сдѣлается смѣшнымъ анахронизмомъ уже на третьемъ — четвертомъ году обученія. Если къ тому времени ученики научатся практически владѣть языкомъ, то есть, правильно излагать на письмѣ свои и

чужія мысли, то преподавателю ничего другаго не останется, какъ перейти къ филологическому разбору, конечно, въ должныхъ предѣлахъ, которые еще необходимо указать.

На сколько лингвистическій разборъ словъ распространенъ-бы свѣдѣнія учениковъ по языку, теперь трудно судить; но вотъ чего можно опасаться: не попасть-бы намъ изъ огня да въ полымя, не замѣнить-бы не-научнаго грамматическаго разбора еще менѣе научнымъ—лингвистическимъ. Стояніе въ уровень съ современнымъ положеніемъ филологіи и знаніе послѣдняго слова науки, вмѣняемое г. Желтовымъ въ обязанность преподавателю, не всегда ручается за умѣнье повести дѣло и ни въ какомъ случаѣ не можетъ гарантировать преподавателя отъ субъективныхъ соображеній и личныхъ догадокъ, особенно въ такихъ вопросахъ, какъ происхожденіе и составъ слова. А въ средней и низшей школѣ неумѣстны вопросы и положенія, завѣдомо спорные. Относительно-же научнаго уровня современной русской филологіи я могу сослаться на лицо, пользующееся въ наукѣ довольно извѣстнымъ именемъ. Когда я предлагалъ покойному Колосову, тогда еще намѣревавшемуся издавать свой «Филологическій Вѣстникъ», посвятить педагогическій отдѣлъ своего журнала собранію матеріала для этимологическаго словаря, который могъ бы служить пособіемъ для преподавателей, онъ отвѣтилъ мнѣ буквально слѣдующее: «что до этимологическаго словаря, о которомъ Вы пишете, то я думаю, что для составленія его еще не пришло время. Этимологическому словарю, составленному для практическихъ цѣлей преподаванія, долженъ предшествовать таковой-же строго-научный словарь»...

И. Соломоновскій.

27-го Января
1881 г.

**ПО ПОВОДУ СТАТЬИ: «О ПОСТАНОВКѢ ЯЗЫКОВЪ
ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ».*)**

Языкъ есть исповѣдь народа:
Въ немъ слышится его природа,
Его душа и быть родной.

Кн. Вяземскій.

Пора, пора бы обратить вниманіе на неправильность и неестественность существующей постановки языкоученія въ нашихъ гимназіяхъ! Пора бы ужъ русской школѣ стать на свои собственныя ноги, перейти на свою настоящую почву—на почву народности и національнаго самопознанія. Россія—земля самобытная; это истина доказанная. Но самобытность безъ самосознанія есть то же, что тѣло безъ души, капиталъ безъ оборота. Самосознаніе же не мыслимо безъ самоизученія и самопознанія, которое въ свою очередь не полно и не прочно безъ филологіи, безъ научнаго знанія своего отечественнаго слова, этого—какъ говорятъ—„средоточія, къ которому сходятся всѣ тончайшія нити родной старины, все великое и святое, все, чѣмъ крѣпится нравственная жизнь народа“ (Буслаевъ). Да къ тому же нѣтъ другаго языка, который бы отличался такою силою и мѣткостью выраженія, такою пластичною изобразительностью, какъ языкъ русскій въ своихъ истинно народныхъ проявленіяхъ, въ своемъ истинно народномъ творествѣ; а въ этомъ тоже его немаловажное педагогическое значеніе для нашего учащагося юношества. Вообще мы съ увѣренностію думаемъ, что статья г. Д. есть лишь точнѣйшая формулировка того, что составляетъ убѣжденіе всякаго безпристрастнаго человѣка, интересующагося судьбами русскаго просвѣщенія и воспитанія,—въ особенности результатами

*) Филол. Записки 1881 г. № 1.

болѣе обстоятельнаго и широкаго изученія дорогаго для насъ отечественнаго языка, который долженъ быть руководителемъ свѣточемъ и при занятіяхъ иностранными языками, въ особенности мертвыми,—непроглядными для нашего времени. Если полезно и нужно изучать языки иностранные, то тѣмъ болѣе нужно налечь на филологическое и историческое изученіе своего роднаго языка и литературы, на сколько это доступно въ школѣ. Вотъ почему мы думаемъ, что ни одинъ педагогическій совѣтъ нашихъ гимназій не откажется подписаться подъ главнѣйшими выводами и пожеланіями этой рациональной статьи, на которую мы указываемъ, какъ на справедливое требованіе. Дай только Богъ, чтобы эти пожеланія не остались только пожеланіями, а увѣнчались бы если не полнымъ, то по крайней мѣрѣ хотя нѣкоторымъ удовлетвореніемъ.

Г. М.

КЪ ВОПРОСУ О ГРАММАТИЧЕСКОМЪ РАЗБОРѢ.

Въ своей замѣткѣ «Единственно научный способъ разбора словъ», помѣщенной въ VI вып. Филолог. Зап. за 1880 г., г. Желтовъ высказываетъ мнѣніе о необходимости замѣнить господствующій нынѣ въ школахъ грамматическій разборъ единственно научнымъ разборомъ — лингвистическимъ и, по возможности, филологическимъ. Не принадлежа къ сторонникамъ стараго способа разбора, я однакожь вовсе не раздѣляю взгляда почтеннаго автора на разборъ грамматическій, какъ на занятіе совершенно лишнее, и высказываемой имъ надежды, будто научный разборъ словъ оживить преподаваніе, распространить свѣдѣнія учащихся, озарить учениковъ свѣтомъ и т. п.

Едва ли нужно доказывать, что въ школѣ нельзя обойтись безъ нынѣшняго грамматич. разбора, такъ какъ безъ элементарныхъ грамматич. свѣдѣній, для примѣненія и укрѣпленія коихъ служить нынѣшній способъ разбора словъ и предложений, нѣтъ никакой возможности не только приступить къ филологическому разбору, но и вести преподаваніе языка вообще. Представьте себѣ учителя, который-бы вздумалъ уяснять строеніе, составъ и значеніе каждаго слова такимъ ученикамъ, которые вовсе не умѣютъ различать ни частей рѣчи (разрядовъ словъ), ни членовъ предложенія, и не имѣютъ никакого понятія о грамматическихъ терминахъ — подлежащее, сказуемое, глаголъ, существительное и т. п. Не мѣдью-ли звенящею были-бы для учениковъ его толкованія? Но можетъ быть г. Желтовъ, нападая на «установившіеся у насъ нелѣпые приемы преподаванія и упроченія грамматическихъ познаній», думаетъ, что удобнѣе довести учащихся до этихъ по-

знаній путемъ лингвистическаго разбора словъ? Трудно допустить это. Ему, безъ сомнѣнія, извѣстно, что грамматическія категоріи не могутъ быть выведены ни изъ происхожденія, ни изъ состава и строенія словъ. Я скорѣе склоненъ понимать мысль г. Желтова такъ, что нынѣшняя постановка грамматики, какъ учебнаго предмета, не только неудовлетворительна, но и неправильна вообще, и что необходимо измѣнить ее въ томъ смыслѣ, чтобъ грамматика не забирала для себя всего школьнаго времени, а служила-бы только ступенью къ дѣйствительно научному изученію языка. Противъ такой точки зрѣнія я ничего не имѣю возразить, напротивъ нахожу ее единственно правильною.

Ни для кого не тайна, что то, что нынѣ преподается въ школахъ подъ именемъ грамматики, ни въ какомъ случаѣ не можетъ претендовать на названіе науки въ строгомъ смыслѣ. Къ наукѣ о языкѣ она относится совершенно такъ, какъ грамота къ ней самой: нельзя изучать грамматики, не умѣя читать и писать, нельзя изучать языка, не зная грамматики. Отношеніе это не нарушится даже и въ томъ, наиболѣе благоприятномъ случаѣ, если мы признаемъ грамматику наукой о формахъ языка: вѣдь и логика — наука о формахъ мышленія, однакожъ она остается наукой пропедевтической и вовсе не исчерпываетъ собою содержанія философіи. Грамматика, какъ и грамота, наука элементарная, практическая. Цѣль преподаванія ея — правильное и отчетливое изложеніе мыслей, хотя эта цѣль достигается не однимъ только изученіемъ грамматики, а иногда можетъ быть достигнута даже и безъ знакомства съ ней. Никому, конечно, кромѣ гоголевскаго Петрушки, не придетъ въ голову учиться грамотѣ для грамоты, точно также странно изучать грамматику для грамматики. А у насъ, если не ошибаюсь, именно такъ поставлено дѣло. Выражаясь фигурально, грамматика вышла изъ своихъ береговъ и устремилась въ пространство, мимо тѣхъ цѣлей, которыхъ она должна была достигать, и — въ результатъ получился разборъ

для процесса разбора. Можно въ теченіе восьми и болѣе лѣтъ заниматься съ учениками разборомъ и все таки нельзя быть спокойнымъ, что уже не встрѣтится въ языкѣ такой фразы, которой ученики не въ состояніи были-бы разобрать. Такое безмѣрное разширеніе грамматическихъ упражненій не только бесполезно, но положительно вредно для тѣхъ цѣлей, какихъ предположено достигнуть при помощи грамматики. Всѣхъ явленій языка этимъ не исчерпашь, но собственный языкъ ученика свяжешь и запугаешь его мысль, возбуждѣвъ въ немъ чувство полной безпомощности и увѣренность въ безсиліи науки дать ему ключъ къ разбору всѣхъ предложеній на свѣтѣ. При такой постановкѣ дѣла у насъ въ школахъ изучается не языкъ при помощи грамматики, а грамматика при помощи языка. Въ высшей степени любопытно разсмотрѣть причину этого ненормального явленія.

Въ своей книгѣ «Изъ записокъ по русской грам.» Проф. Потебня, разбирая нынѣшнія опредѣленія грамматическихъ категорій, нашелъ, что основанія ихъ заимствованы частію изъ области языка, частію изъ области мышленія, и ни тѣ ни другія не отличаются ясностію и опредѣленностію. Вотъ это-то смѣшеніе грамматики съ логикой безъ пониманія истинной роли той и другой въ дѣлѣ языкоученія и создало тотъ заколдованный кругъ, изъ коего учитель съ учениками никакъ не можетъ вырваться на свѣтъ Божій. Для примѣра возьмемъ грамматическое ученіе о дополненіи и опредѣленіи. Дополненіе отвѣчаетъ на вопросы косвенныхъ падежей и въ то же время относится только къ глаголу; опредѣленіе узнается по вопросамъ: *какой? который? чей? сколько?* и въ то же время присоединяется только къ существительному. Первый признакъ — вопросъ — очень часто не совпадаетъ со вторымъ — отношеніемъ къ слову извѣстнаго разряда: въ «горячая любовь къ отечеству» послѣднее слово не отвѣчаетъ на вопросъ: *какая любовь?* хотя по второму признаку оно должно быть опредѣленіемъ; въ пословицѣ «что рус-

скому здорово»... подчеркнутое слово отвѣчаетъ на вопросъ кому? но, относясь къ прилагательному «здорово», не можетъ быть названо дополненіемъ. Правда, грамматика Буслаева позволяетъ относить дополненія и къ именамъ, но только произведеннымъ отъ глагола. Спрашивается теперь: въ какомъ порядкѣ учитель долженъ проходить съ учениками грамматику? Если онъ начнетъ съ этимологіи (въ старинномъ значеніи), то погрѣшитъ противъ весьма основательнаго требованія современной методики — начинать съ синтаксическаго разбора простаго предложенія, ибо безъ умѣнья различать члены предложенія нельзя основательно различать частей рѣчи; начинать же съ синтаксиса нельзя безъ предварительнаго знакомства съ частями рѣчи. Такимъ образомъ выходитъ странный кругъ: чтобы изучать этимологию, нужно напередъ знать синтаксисъ, а чтобы изучать синтаксисъ, необходимо напередъ знать этимологию и приобрести даже нѣкоторый навыкъ въ словообразованіи; словообразованія въ свою очередь нельзя постигнуть безъ этимологіи и синтаксиса. Предположимъ даже, что учитель, дѣлая поминутно диверсіи то къ синтаксису, то къ этимологіи, то къ словообразованію, кое-какъ нашелъ путь къ выходу изъ этого круга, но по мѣрѣ того, какъ онъ будетъ подвигаться дальше въ изученіи этихъ отдѣловъ грамматики, онъ самъ себѣ будетъ загораживать искомый выходъ, ибо то, что ученики успѣютъ узнать изъ этимологіи, будетъ дѣйствовать разрушительно на ихъ синтактическія свѣдѣнія, и наоборотъ, пройденное изъ синтаксиса будетъ колебать этимологическія познанія. Пока ученикъ незнакомъ съ этимологіей, онъ безошибочно можетъ различать члены предложенія на основаніи однихъ вопросовъ, но познакомившись съ нею и узнавъ, что извѣстные члены предложенія присоединяются только къ тѣмъ, а не другимъ частямъ рѣчи, онъ начинаетъ сбиваться. И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что учитель заставляетъ учениковъ по цѣлымъ часамъ выкрикивать названія членовъ предложенія и

частей рѣчи; при такомъ положеніи дѣла достаточно на какойнибудь мѣсяцъ оставить учениковъ безъ упражненія въ разборѣ, чтобъ въ головахъ ихъ все перепуталось. А ревизоры бываютъ строгіе, крайне требовательные по части грамматики. Напутай ученикъ въ разборѣ, и учитель можетъ имѣть серьезную неприятность.

Весь вопросъ сводится не къ упраздненію разбора, а слѣдовательно и грамматики, а къ такому веденію преподаванія, чтобъ грамматика сама себя не упразднила въ головахъ учениковъ. Тогда можно будетъ грамматическому разбору удѣлить небольшую долю въ кругу занятій, чего желаетъ и редація «Филологическихъ Записокъ». Для этого необходимо низвести грамматику на степень науки элементарной и подчинить ее исключительно практическимъ цѣлямъ. Синтаксическій разборъ нужно всецѣло слить съ логическимъ (указаніе отношенія словъ въ предложении) и задачей обоихъ признать практическое ознакомленіе учащихся съ правильной постройкой предложений, уясненіе и повѣрку пониманія ихъ. Ученики должны различать члены предложения только на основаніи вопросовъ, на которые они отвѣчаютъ, не касаясь этимологической формы словъ. Центр тяжести долженъ быть перенесенъ на этимологию, и синтаксисъ долженъ служить только пособіемъ для усвоенія этимологическихъ свѣдѣній. Все, что не имѣетъ практическаго примѣненія, должно быть выброшено, и грамматика вся вообще должна быть проходима практически. Для этого учителю необходимо быть не только «ученымъ, стоящимъ въ уровень съ современнымъ положеніемъ филологіи и сравнительнаго языкознанія» (какъ требуетъ г. Желтовъ), но и хорошимъ методистомъ.

При такомъ веденіи преподаванія грамматическій разборъ сдѣлается смѣшнымъ анахронизмомъ уже на третьемъ — четвертомъ году обученія. Если къ тому времени ученики научатся практически владѣть языкомъ, то есть, правильно излагать на письмѣ свои и

чужія мысли, то преподавателю ничего другого не останется, какъ перейти къ филологическому разбору, конечно, въ должныхъ предѣлахъ, которые еще необходимо указать.

На сколько лингвистическій разборъ словъ распространить-бы свѣдѣнія учениковъ по языку, теперь трудно судить; но вотъ чего можно опасаться: не попасть-бы намъ изъ огня да въ пылыя, не замѣнить-бы ненаучнаго грамматическаго разбора еще менѣе научнымъ—лингвистическимъ. Стояніе въ уровень съ современнымъ положеніемъ филологіи и знаніе послѣдняго слова науки, вмѣняемое г. Желтовымъ въ обязанность преподавателю, не всегда ручается за умѣнье повести дѣло и ни въ какомъ случаѣ не можетъ гарантировать преподавателя отъ субъективныхъ соображеній и личныхъ догадокъ, особенно въ такихъ вопросахъ, какъ происхожденіе и составъ слова. А въ средней и низшей школѣ неумѣстны вопросы и положенія, завѣдомо спорныя. Относительно-же научнаго уровня современной русской филологіи я могу сослаться на лицо, пользующееся въ наукѣ довольно извѣстнымъ именемъ. Когда я предлагалъ покойному Колосову, тогда еще намѣревавшемуся издавать свой «Филологическій Вѣстникъ», посвятить педагогическій отдѣлъ своего журнала собиранію матеріала для этимологическаго словаря, который могъ бы служить пособіемъ для преподавателей, онъ отвѣтилъ мнѣ буквально слѣдующее: «что до этимологическаго словаря, о которомъ Вы пишете, то я думаю, что для составленія его еще не пришло время. Этимологическому словарю, составленному для практическихъ цѣлей преподаванія, долженъ предшествовать таковой-же строго-научный словарь»...

И. Соломоновскій.

27-го Января
1881 г.

ДВА СЛОВА О СУЩЕСТВОВАНІИ ИДОЛОВЪ У ВОСТОЧ- НЫХЪ СЛАВЯНЪ.

Въ одномъ изъ органовъ мелкой провинціальной прессы, въ статьѣ археологическаго содержанія, мы встрѣтили между прочимъ слѣдующую, высказанную, въ видѣ примѣчанія, мысль, которая по нашему убѣжденію, недостойна современной исторической науки.

Авторъ статьи археологическаго содержанія г. П. въ примѣчаніи, говоря о курганахъ, передаетъ, что «въ с. Трегубовѣ Смол. губ. при дорогѣ стоитъ у рѣки Молохвы одинъ курганъ, о которомъ преданіе ведется такое: будто онъ служилъ мѣстомъ, гдѣ совершалось языческое жертвоприношеніе богу Молоху. — Дѣйстви-тельно, у насъ идолы ставились часто при водныхъ путяхъ и дорогахъ, земляныхъ возвышенностяхъ, холмахъ и курганахъ». Всѣмъ, конечно, не безызвѣстно, что Молохъ (Вааль), считаясь божествомъ Финикіянъ, въ спискѣ нашей русской мифологіи никогда не состоялъ. Археологическая наука допускаетъ только то, что промышленные Финикіянне развѣзжали по великому водному пути изъ Варягъ въ Греки, оставляя по себѣ по теченію Днѣпра памятники—камни. Впрочемъ, дѣло не въ этомъ. Откуда,—позволимъ себѣ спросить,—г. П. узналъ, что «дѣйстви-тельно у насъ идолы ставились (и даже) часто при водныхъ путяхъ и дорогахъ, при земляныхъ возвышенностяхъ, холмахъ и курганахъ?» Конечно, г. П. отвѣтитъ, что онъ знаетъ объ этомъ изъ лѣтописи. Дѣйстви-тельно, подъ 945 г. у Нестора говорится: «Заутра при-

зва Игорь слы и приде на холмъ, кде стояше Перунъ...» Подъ 980 г. у того—же лѣтописца значится: «И нача княжити Володимеръ въ Киевѣ единъ и постави кумиры на холму....», и далѣе: «пришедъ Добрыня Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ...» Но вѣдь и только же, г. П.?! Лѣтописи не представляютъ другихъ данныхъ для того, чтобы можно было утверждать о существованіи кумировъ въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Кіева и Новгорода, какъ главныхъ пунктовъ тогдашней административной и промышленной территоріи. Другое дѣло—сосѣднія съ русскими Славянами финскія племена: у нихъ почитаніе грубо изваянныхъ идоловъ было издавна во всеобщемъ употребленіи. Въ житіи Авраамія Ростовскаго говорится, что онъ, поселившись близъ Ростова, сокрушилъ идола, которому поклонялся «Чудской конецъ»; остатки древняго поклоненія Финновъ, нужно думать, и до сихъ поръ находятся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и извѣстны подъ именемъ болвановъ (Юмала или Укко) *).

Историческія свѣдѣнія, почерпнутыя изъ глубокой древности, не говорятъ о существованіи у восточныхъ Славянъ поклоненія идоламъ.

Скиѣы, не безъ основанія считаемыя историками за прародичей Славянъ, поклонялись, какъ видно изъ сказаній Геродота, огню, небу, землѣ, солнцу, лунѣ; у нихъ было множество гадателей и предсказателей, но кумировъ, храмовъ и жертвенниковъ они не строили. Скиѣы чествовали также отеческія могилы.

По свидѣтельствѣ Византійца Прокопія (VI в. по Р. Х.), Славяне признавали одного бога, создателя молніи, единымъ господомъ всего и приносили ему въ жертву быковъ и всякіе дары... Они поклонялись также рѣчкамъ и нимфамъ и нѣкоторымъ другимъ божест-

*) Пишущій эти строки, состоя членомъ IV Археологическаго съѣзда въ Казани, доставилъ съѣзду свой рефератъ о такомъ болванѣ.

вамъ. Объ идолахъ, храмахъ и жрецахъ у Проконія не говорится.

Нашъ честный, по выраженію Шлецера, лѣтописецъ Несторъ не упоминаетъ, чтобы Владиміръ въ другихъ мѣстахъ, заселенныхъ племенами восточныхъ Славянъ, кромѣ Кіева и Новгорода, велѣлъ ниспровергать идоловъ и ставить на тѣхъ мѣстахъ христіанскіе храмы.

Кирилъ Туровскій (пропов. XII в.), прославляя принятіе христіанства, говоритъ: «уже бо не нарекутся богомъ стихія, ни солнце, ни огонь». Этими словами проповѣдника ясно выражается поклоненіе нашихъ предковъ стихійнымъ божествамъ. Если, наконецъ, обратимся къ историкамъ и изслѣдователямъ нашего времени (С. М. Соловьеву, Афанасьеву, Гильфердингу и др.), то увидимъ, что всѣ эти люди серьезной науки отрицаютъ существованіе у восточныхъ Славянъ идоловъ, кромѣ, конечно, Кіева и Новгорода.

Такимъ образомъ, если не брать въ расчетъ Игоревъ Перуна и восьмилѣтняго пребыванія усатыхъ боговъ Варяжскаго издѣлія на холмахъ кіевскихъ и надъ Волховомъ въ Новгородѣ,—нужно придти къ тому заключенію, что мифологія у восточныхъ славянъ не развилась до выработаннаго антропоморфизма, какъ это мы видимъ у другихъ культурныхъ народовъ и даже у сосѣдей: съ запада—Литовцевъ, а съ сѣвера—Финновъ. Правда, мы встрѣчаемъ названія: Перуна, Сварога. Дажьбога, Мокоши и др., но все это слабо олицетворенныя силы природы; стихійно-безотчетное поклоненіе держалось глубоко въ массахъ народныхъ; даже въ Словѣ о полку Игоревѣ мы встрѣчаемъ обращеніе иѣвца къ силамъ природы.

Можно, однако, допустить, что Чуръ, покровитель границъ, изображался у нашихъ предковъ чурбаномъ (отрубкомъ). На этихъ-то чурбанахъ, или, по выраженію Нестора, «на столцѣ на путехъ» и ставили сож-

женные останки славянскія племена—Радимичи, Вятичи, Сѣверяне и Кривичи.

Позволяемъ себѣ думать, что г. П., по прочтеніи нашей замѣтки, придетъ къ тому заключенію, что у насъ, кромѣ Кіева и Новгорода, не ставились идолы, какъ изображенія чтимыхъ божествъ.

И. Четыркинъ.

10-го Декабря.
1880 г.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Методика обученія правописанію. Опытъ теоретико - практическаго руководства къ веденію письменныхъ и устныхъ орфографическихъ упражненій по Русскому языку. Для учительскихъ семинарій и институтовъ, учителей народныхъ школъ и другихъ низшихъ учебныхъ заведеній. Преподавателя 2-й Московской Гимназіи Григорія Дьяченко. Москва 1881 г.

Въ газетѣ „Русь“ мы встрѣтили нѣсколько строкъ, посвященныхъ изданію, указанному нами въ заглавіи. Мы не думаемъ, чтобы эту крошечную рецензію писалъ кто-либо близко стоящій къ наукѣ, имѣющей почтенное названіе языковѣдѣнія: никто изъ преподавателей Словесности не можетъ выразиться, что „практика и обычай—вотъ въ дѣйствительности главное основаніе той орфографіи, которой учать (?) и должны учить въ школахъ, орфографіи, требующейся конечно въ современномъ обществѣ“. (Русь № 5 1881 г.). Преподаватели русской Словесности руководятся въ большинствѣ случаевъ опредѣленными фонетическими законами и этимологіей языка, управляющими нашимъ правописаніемъ, и если дается мѣсто „практикѣ“ и „обычаю“, то только въ томъ случаѣ, когда „практика“ и „обычай“ правописанія данныхъ словъ на какомъ-либо основаніи (традиція, употребленіе образцовыми писателями) получили право гражданства. Если держаться „практики“ и „обычая“, то наши ученики могутъ усвоить правописаніе разныхъ выѣсокъ: въ хотъ късапожнику, белое хорчевня и т. п. Не можемъ не отмѣтить и слѣдующаго: въ началѣ рецензіи говорится: „такія книжки (какъ Методика г. Дьяченко) появляться должны. Съ похвальнымъ терпѣніемъ и стараніемъ, внимательно, со всѣхъ сторонъ (въ школъ, изучаю-

щей этимологію, нѣтъ „обычая“ писать совсѣхъ слитно) разсматриваетъ авторъ поставленную задачу, предлагаетъ много основательныхъ указаній, много практически полезныхъ пріемовъ“, и затѣмъ, въ концѣ статьи рецензентъ говоритъ: „вся книжка производитъ невольное впечатлѣніе крупновской пушки, направленной на муху“. Эффектно, но нелогично. Хвалить и порицать за одно и то-же основные законы мышленія не позволяютъ. Авторъ рецензіи въ № 5 „Руси“ пришелъ въ нѣкоторое смущеніе потому, что книга г. Дьяченко „предназначена для учителей“; но вѣдь г. Дьяченко пишетъ методику; методика же въ педагогіи должна указать, по возможности, всѣ выработанные наукой и опытомъ средства и способы, направленные къ тому, чтобы учитель лучше и скорѣе усвоилъ предметъ преподаванія; все это, г. рецензентъ, пріобрѣтается годами, усидчивымъ трудомъ и внимательнымъ наблюденіемъ, и вновь поступающій преподаватель далеко не уйдетъ въ дѣлѣ преподаванія безъ методикъ, которыя пишутся для учителей, а не для учениковъ. Итакъ „Методика“ г. Дьяченко не есть зарядъ крупновской пушки, направленной на муху, а обыкновенная педагогическая методика для молодыхъ, еще неопытныхъ преподавателей.

Общее впечатлѣніе, по прочтеніи труда г. Дьяченко, получается такое: авторъ знакомъ достаточно съ литературой своего предмета, и въ этомъ отношеніи книга его для преподавателя—новичка даже въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ можетъ служить очень полезнымъ пособіемъ; но есть и слабая сторона, по нашему мнѣнію, въ трудѣ г. Дьяченко: онъ очень часто приводитъ цитаты изъ авторовъ, которыми пользовался при изложеніи своей „Методики“. Конечно, опираться на авторитеты никогда не воспрещалось; но прочитанное необходимо продумать, переварить, составить новыя комбинаціи; безъ этого условія сочиненіе теряетъ характеръ самостоятельности и объективности.

Прежде всего отмѣтимъ въ сущности не очень важные, тѣмъ не менѣе вовсе нежелательные въ научномъ трудѣ недостатки; ихъ необходимо устранить при второмъ изданіи.

Стран. 6. „При изученіи ороографіи, необходимо достигать не только матеріальную цѣль“... Вмѣсто достигать правильнѣе употребить глаголь преслѣдовать.

„Форма обученія должна быть строго е(э)вристическая — наводительная“. Слово наводительная не существует; наводящая, а не наводительная...

Стран. 7... участвовать, а не «учавствовать». Элементъ *с* — излишній.

Стран. 52. Между предметами пищи и питья чело-вѣка помѣщены: соль, уксусъ, перецъ, горчица. Соль, конечно, необходимая приправа къ предметамъ пищи чело-вѣка; уксусъ, перецъ и горчица — пріятная приправа къ пицѣ; но особыхъ видовъ пищи означенныя вещества никогда не представляли.

Стран. 53. Вмѣсто «превращаютъ» лучше — измѣняютъ.

Стран. 55. „Какіе бываютъ дома? Новый, старый, малый, большой, публичныи (!)“ По нашему, „публичныи“ — выраженіе крайне неудобное. Намъ не удавалось видѣть подобной надписи у домовъ. Для избѣжанія недо-разумѣнія обыкновенно употребляется надпись: обще-ственный домъ, но не «публичный».... «здоровый, нездоровый», т. е. сухой, сырой?

„Какіе предметы мы познаемъ слухомъ? Громъ, стукъ, музыку, звуки и рѣчи чело-вѣка“... Что-либо одно: зву-ки или рѣчи, такъ какъ рѣчь для органа слуха есть только сочетаніе звуковъ.

„Какія бываютъ животныя? Волосатые, рогатые, кры-латые, сѣрые, безрогіе и проч.“. Нѣтъ согласованія опре-дѣлительныхъ словъ съ своимъ опредѣляемымъ.

„Что мы ощущаемъ? Теплоту, холодъ, голодъ, сонъ (!)“. Сонъ не подлежитъ ощущенію, такъ какъ есть временное успокоеніе виѣшнихъ чувствъ — проводниковъ ощущенія.

Стран. 59. Упражненіе 13. Подыскиваніе существи-тельныхъ къ глаголамъ — сказуемымъ и обратно. „Наприм. идетъ... влачится“... Къ послѣднему сказуемому поды-скать подлежащее трудновато.

Стран. 63. „Экипажы“ (!).

Стран. 66. „Берется какое-либо простое по содержанию и немногосложное по составу предложение, въ которомъ не встрѣчается никакихъ грамматическихъ правилъ“. Таковыхъ примѣровъ, къ которымъ нельзя было бы приложить «никакое грамматическое правило», намъ встрѣчать не случалось. Очевидно, здѣсь является недоразумѣніе вслѣдствіе недомолвки автора «Методики».

Стран. 73... „чтобы сблизить“... Сблизить, но не «сблизить».

Особенности бѣлорускаго и малороссійскаго нарѣчій рекомендуемъ автору „Методики“ совершенно опустить. Достаточно быть знакомымъ съ нарѣчіемъ господствующимъ, литературнымъ, и неправильности другихъ нарѣчій будутъ осязательно ясны. Въ примѣрахъ бѣлорускаго нарѣчія, представляемыхъ г. Дьяченко, видна смѣсь говора людей, получившихъ извѣстную долю образованія, но сохранившихъ акцентъ, — съ чисто народнымъ говоромъ; напр. «вясна, зямля» (въ Псковской губ. таковой говоръ не рѣдкость и среди болѣе или менѣе образованнаго класса), здѣсь же рядомъ: „цалушка, дзяреувня, бяжить“ и др., т. е. такія слова, которыя исключительно употребляются простонародіемъ.

Стран. 80. «Усиленіе *ъ* въ *и*: держати *вм*. держать». Въ данномъ случаѣ не усиленіе, а удержаніе древняго элемента суффикса неопред. накл. *ти*.

Стран. 112. „Ученикъ пишетъ: водка, употребляемая не въ мѣру, разрушительно дѣйствуетъ на организмъ человека“. Для учениковъ подобные примѣры не очень назидательны.

Стран. 108, 109. «Выдѣлить изъ данныхъ семействъ словъ корни ихъ и затѣмъ сказать о значеніи каждаго изъ нихъ... Напр. вода, водица, водянка, водной (водный, а не водной). Корень *вод*. Онъ означаетъ жидкое, водообразное (?) вещество. Бѣлый, бѣлье... Корень *бѣл*. Онъ означаетъ нѣчто (?) бѣлое... Смерть, умереть... Корень *мр*. Онъ означаетъ нѣчто (?) мрачное».

«Въ виду значительной трудности этого упражненія и важности» и проч... предлагаемыя г. Дьяченко упражненія

безспорно хороши, но не въ такомъ видѣ. Предлагаемъ нѣсколько аналогичныхъ примѣровъ: жена, женщина и проч. Корень *жен*. Онъ означаетъ нѣчто женственное. Дѣва, дѣвица и проч. Корень *дѣв*. Онъ означаетъ нѣчто дѣвственное. Ну какой толкъ изъ такого объясненія значенія корня? И выходитъ, что наше нѣчто равняется ничто.

Стран. 135. „Бишь (сокращенное отъ видишь)“. Это несправедливо.

Стран. 138. „Именьце“. Словопроизводство и словообразование неправильны. Въ Акад. Словарѣ—имѣнница, съ чѣмъ мы вполне согласны. «Исподволь»—исподоволь.

Стран. 139. „Колось“—колосъ.

Стран. 140. „Молодежь“—молодежь.

Стран. 142. „Свѣдѣніе и свѣденіе. Послѣднее начертаніе вѣриѣ“. Несправедливо. Если основа неопредѣленнаго накл. оканчивается на *н*, то существ. на *ніе* имѣютъ *н* предъ *ніе* (ѣніе): свѣдѣніе (отъ вѣдѣти—свѣдѣти), видѣніе, смотрѣніе.

Стран. 143. «Труть (огниво)». Невѣрно. Труть и огниво—два понятія, означающія совершенно различные предметы. Трутомъ называется приготовленный для высѣканія огня древесный грибокъ (*polyporus igniarius*), или же—полусожженная ветошка, употребляемая для той-же цѣли; а огнивомъ называется кусокъ стали, которою высѣкается огонь.

«Ужась и ужась». Ужась употреблялось въ древней литературѣ, а нынѣ употребительно только какъ выраженіе вульгарное. Въ образованномъ языкѣ и литературѣ употребляется: *ужасъ*.

Стран. 193. „Всѣ такіа слова (ниодинъ, нисколько и под.) выйдѣ (!) писать отдѣльно“. Дѣло идетъ не о выйдѣ, а о правильности.

Стран. 195. „Эти и имъ подобные случаи различнаго правописанія добросовѣстный и свѣдущій учитель всегда долженъ имѣть въ виду“... Жаль, если между преподавателями встрѣчаются люди недобросовѣстные и несвѣдущіе, жаль потому, что на преподавателяхъ лежитъ священная

обязанность не только обучать, но даже воспитывать молодое поколѣніе. *)

Стран. 201. „Задачъ“—задачъ.

Вотъ тѣ промахи и недомолвки, какіе мы замѣтили въ „Методиѣ“ г. Дьяченко.

Слогъ (стиль) „Методики“ не вездѣ безукоризненъ.

О выдающихся въ положительномъ или отрицательномъ (по нашему мнѣнію) смыслѣ научно-педагогическихъ взглядахъ автора «Методики» побесѣдуемъ въ другой разъ.

И. Четыркинъ.

1881 г.

Апрѣля 9-го.

О занятіяхъ по критикѣ и мифологіи гомеровскаго эпоса. Отчетъ за время заграничной командировки съ 1-го июня 1878 по 1-е июня 1879 г. Л. Ф. Воеводскаго. Одесса 1880 г.

Тщательные ученые труды г. Воеводскаго столь краснорѣчиво говорятъ сами за себя, что не нуждаются вовсе въ особой рекомендаціи. Мы намѣрены тѣмъ не менѣе обратить вниманіе читателей «Филологическихъ Записокъ» на поставленное въ заглавіи изслѣдованіе.

*) Когда я писалъ эти строки, мнѣ поданъ былъ 1-й вып. Филолог. Записокъ за 1881 г. Я полюбопытствовалъ наскоро просмотрѣть книгу. Вниманіе мое особенно остановила вторая половина первой траурной страницы. Здѣсь достопочтенный Редакторъ, А. А. Хованскій, говоритъ между прочимъ: «Теперь, послѣ совершившихся злодѣйскихъ покушеній на священную Особу Государя, всѣмъ намъ остается подумать о рациональномъ, гуманномъ воспитаніи молодого поколѣнія, воспитаніи, которое бы готовляло для жизни честныхъ и добрыхъ гражданъ, о воспитаніи, какого къ сожалѣнію, у насъ ни въ семьѣ, ни въ школѣ нѣтъ» Грустная, но неопровержимая истина!

Сколько намъ извѣстно, о послѣднемъ появились уже два краткихъ отзыва. Одинъ изъ нихъ помѣщенъ (какъ мы узнали случайно) въ варшавской газетѣ *Nowiny* за 1880 г. № 322, другой въ *Archiv für slavische Philologie...* hrsg. v. V. Jagić. т. V (1880) стр. 328.

Мы ограничимся краткимъ пересказомъ нѣкоторыхъ изъ основныхъ мыслей г. Воеводскаго.

Прежде всего авторъ указываетъ на несостоятельность современной критики по отношенію къ гомеровскому эпосу, который подвергался и подвергается самымъ разнообразнымъ толкованіямъ. Вопреки взгляду Грековъ, считавшихъ эпопеи Гомера непреложной истиной, исторіей, съ теченіемъ времени, ради поясненія неправдоподобныхъ повидимому и непонятныхъ или утратившихъ первоначальный смыслъ чертъ, ихъ стали относить къ области поэтического вымысла, а неблаговидности, шероховатости и антирелигіозныя черты, чуждыя этой области, устраняли или аллегорическимъ толкованіемъ, или допущеніемъ цѣлаго ряда позднѣйшихъ вставокъ и искаженій. *)

По отношенію ко всѣмъ вопросамъ гомеровскаго эпоса во взглядахъ ученыхъ господствуетъ полный разладъ. Только одинъ вопросъ является исключеніемъ, вопросъ, примиряющій самые крайніе взгляды, восстанавлиющій согласіе между всѣми учеными: всѣ признаютъ эпопеи Гомера неподражаемымъ образцомъ поэтического творчества, самородкомъ поэзіи.

Но именно этотъ вопросъ подвергнуть г. Воеводскимъ критической оцѣнкѣ. Основываясь на важномъ мифологическомъ значеніи гомеровскихъ эпопей, онъ

*) Любопытна сдѣланная авторомъ провѣрка заподозрѣнныхъ различными учеными мѣстъ въ *Одиссее*; отъ критическаго гоненія уцѣлѣло около 250 (? число это мы выводимъ сами по нѣкоторымъ даннымъ у автора) стиховъ въ IX-й рапсодіи и 26 стиховъ въ I-й (стр. 55).

доказываетъ (стр. 22), что то, что намъ кажется поэтическимъ, могло и не быть таковымъ на взглядъ древняго Грека. «Гомеровскія произведенія», говоритъ онъ, «представляются мнѣ не поэзіею, а сводомъ знанія древнѣйшихъ временъ Греціи, то есть, тогдашнею наукою. Но такъ какъ то, что мы называемъ мифами, есть въ сущности не что иное, какъ только положенія этой младенческой науки, то, приписывая гомеровскимъ эпопеямъ чисто научный характеръ, необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ выказать ихъ мифологическое значеніе» (стр. 23). Настаивая на томъ, что «гомеровскія эпопеи, во-первыхъ, не поэзія по своему первоначальному значенію, и что, во-вторыхъ, онѣ содержатъ богатый мифологическій матеріалъ», авторъ ставитъ себѣ задачей доказать, что *«гомеровскій эпосъ чуждъ всякой поэзіи, — понимая подъ послѣднимъ словомъ не то, что намъ кажется поэтическимъ, а то, что фактически вытекаетъ изъ поэтической интенціи и, такимъ образомъ, является настоящимъ, все равно, удачнымъ или неудачнымъ, продуктомъ такъ называемаго поэтического творчества»* (стр. 23). *)

Это главное положеніе г. Воеводскаго освѣщаетъ рядомъ частныхъ доказательствъ. Онъ указываетъ между прочимъ на то, что въ теченіе столькихъ вѣковъ гомеровскія эпопеи едва ли могли сохранить свое первоначальное значеніе; что если онѣ признаются теперь идеаломъ поэзіи, то въ старину могли имѣть только реальное значеніе, подтвержденіемъ чему можетъ служить и та полнота, въ которой дошли до насъ эти обширные памятники; затѣмъ, что послѣдніе удерживались въ па-

*) Взглядъ этотъ г. Воеводскій высказалъ еще въ 1875 г. въ своей вступительной лекціи: о такъ называемыхъ «Гомеровскихъ поэмахъ» (1876), въ Запискахъ Имп. Новороссійскаго Университета т. XIX; лекція эта можетъ служить отчасти дополненіемъ къ вышеизложенному взгляду.

мати только благодаря стихотворной формѣ. Далѣе, авторъ обращаетъ между прочимъ вниманіе на *параллелизмъ*, господствующій между отдѣльными частями Одиссеи. Прослѣживая этотъ параллелизмъ, «я находилъ», говоритъ авторъ, «миѳы во множествѣ варіантовъ и убѣдился, что въ передачѣ этихъ миѳовъ у Гомера все до мельчайшихъ чертъ строго обусловлено вѣрою въ реальность преданія, при раціоналистическомъ, прагматическомъ его пониманіи... Удалось раскрыть и первоначальный смыслъ основнаго миѳа Одиссеи, постоянно въ ней повторяемаго на всевозможные лады. Оказалось, что она состоитъ изъ разныхъ версій солнечнаго миѳа» (стр. 30). Всѣ варіанты этого миѳа, идентичность которыхъ уже не сознавалась, передавались какъ рядъ послѣдовательно разыгрывавшихся историческихъ событій; притомъ миѳы эти частью сообщались отъ имени Одиссея, если они обличали крайне чудесный оттѣнокъ, но тѣмъ не менѣе составляли твердую, непоколебимую вѣру народа, частью передавались лично отъ Гомера, если въ достовѣрности ихъ, по его убѣжденію, не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, частью, наконецъ, выдавались за измышленія Одиссея, если они не могли быть прилажены къ первымъ двумъ категоріямъ миѳовъ, но все-таки обнаруживали нѣкоторое притязаніе на право существованія. Обиліе версій основнаго миѳа не только способствуетъ раскрытію его первоначальнаго значенія, но проливаетъ также свѣтъ на семазіологію миѳа, т. е. на исторію видоизмѣненій значенія составныхъ частей миѳа. Основной миѳъ Одиссеи, по указанію г. Воеводскаго, есть миѳъ о Гигѣ, встрѣчающійся у Геродота въ формѣ историческаго разсказа. Сличеніе миѳа о Гигѣ съ болѣе первобытною формою того же миѳа у Платона приводитъ, по миѣнію г. Воеводскаго, къ заключенію, что при превращеніи миѳа въ историческій разсказъ въ послѣднемъ проявляется тотъ же процессъ, какой замѣчается у Гомера, причемъ «ни въ одномъ существенномъ пунктѣ приемы историка не отличаются отъ гомеровскихъ» (стр. 32).

Станемъ питать надежду, что обѣщанное «Введеніе въ міеологію Одиссея», въ которомъ авторъ намѣренъ подробно развить свои взгляды, не заставитъ долго ждать своего появленія.

Много поучительнаго встрѣчается также въ не одобрительномъ отзывѣ г. Воеводскаго о чтеніяхъ Кирхгоффа и доцента Геннинга (нынѣ экстра-орд. проф. по кафедрѣ новой нѣмецкой литературы въ Страсбургѣ).

Что касается теоріи «заимствованія» съ Востока сказочныхъ сюжетовъ (стр. 47 слл. 73. 77 слл.), присвоивающей себѣ право лишать самостоятельнаго значенія всякую сказку иной національности (кроме индѣйской), усматривать только въ восточныхъ версіяхъ самыя древнія черты и т. п., то г. Воеводскій вполне основательно вооружается противъ крайностей этой теоріи. Намъ въ свою очередь представится еще случай коснуться этого вопроса въ иной области народныхъ преданій; мы ограничимся здѣсь поѣтому приведеніемъ двухъ основныхъ требованій, разъясненіе и опредѣленіе которыхъ г. Воеводскій считаетъ безусловно необходимымъ даже и въ томъ случаѣ, если бы заимствованіе какой нибудь сказки или отдѣльной сказочной черты однимъ народомъ у другаго было неоспоримо доказано. «Тогда слѣдовало бы, кажется», говоритъ авторъ, «отвѣтить на два вопроса: во-первыхъ, чѣмъ она вызвана первоначально, каково ея происхожденіе и первоначальное значеніе? Во-вторыхъ, почему именно эта сказка, или эта сказочная черта, особенно если она «не существенна», «неважна», была заимствована, между тѣмъ какъ много другихъ вещей, повидимому гораздо болѣе существенныхъ, остались незаимствованными?» (стр. 79 сл.). Словомъ, по мнѣнію автора, не достаточно «констатировать голый фактъ» заимствованія, а необходимо стремиться къ раскрытію извѣстной законности въ толкованіи сказокъ, безъ которой не мыслимо правильное изученіе памятниковъ народной словесности.

Въ «дополнительныхъ примѣчаніяхъ» г. Воеводскій разсматриваетъ слѣдующіе вопросы: I. «Міеъ о повѣ-

шеніи Иры и толкованіе Преллера» (стр. 57—71). II. О «Нѣмецкой міеологіи» Якова Гримма, о «болѣзни языка» Макса Мюллера и о «теоріи заимствованій». Миѣ о Клеовіи и Витонѣ» (стр. 72—90). Мы коснемся только перваго миѣа.

Миѣ объ Ирѣ, которую Зевсъ повѣсилъ однажды подъ облака, связавъ ей руки золотыми узами и прикрѣпивъ къ ногамъ двѣ наковальни, авторъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Ира, т. е. «свѣтлая», означаетъ собственно луну, а подъ двумя наковальнями—согласно извѣстнымъ этимологическимъ соображеніямъ—подразумѣваются ея рога; такъ какъ луна, подобно другимъ небеснымъ свѣтиламъ, представлялась висящею, собственно вздернутой на небо солнцемъ (Зевсомъ), то миѣ этотъ, слѣдовательно, означаетъ въ сущности, что *«висящая на небѣ рогатая луна—Ира повѣшена туда самимъ солнцемъ—Зевсомъ»* (стр. 59).

Это простое объясненіе миѣа представляетъ рѣзкій контрастъ съ чудовищно-запутаннымъ и непонятнымъ толкованіемъ Преллера, (стр. 66 сл.), представляющимъ какъ бы pendant, впрочемъ довольно жалкій, къ строгопослѣдовательному анализу этого миѣа г. Воеводскаго.

Но чтобъ вѣрнѣе и правильнѣе оцѣнить предложенное объясненіе, необходимо, конечно, обратиться къ изслѣдованію г. Воеводскаго, гдѣ приведено множество подтверждающихъ его взглядъ доказательствъ. Послѣднія и числомъ, и качествомъ вполне отвѣчаютъ своей цѣли, хотя въ этой области,—гдѣ масса однородныхъ сказочныхъ мотивовъ, видоизмѣняющихся лишь на разные лады, можетъ встрѣтиться въ любомъ уголкѣ Стараго свѣта,—всегда, понятно, представится возможность присоединить извѣстное число новыхъ параллелей.

Такъ, напримѣръ, по поводу вздергиванія на небо небесныхъ свѣтилъ встрѣчается любопытный разсказъ у Karl Müllenhoff Sagen Märchen und Lieder... (1845) стр. 359 (№ CDLXXXI), гдѣ передается, что каждое утро солнце, прикрѣпленное къ канату, вздергивается на небо великаномъ, сидящимъ на краю вселен-

ной за деревяннымъ заборомъ, и каждый вечеръ опускается имъ внизъ. По другому варианту привязанное къ канату солнце хранится жителями Бюзума (мѣстечко въ Гольштиніи на берегу Нѣмецкаго моря) въ колокольнѣ, гдѣ послѣдніе сами помѣщаются, и каждое утро пускается ими вверхъ.

Къ разсказу о глупцѣ, который, желая доставить кормъ своей коровѣ, вздергиваетъ ее на (дерновую) крышу дома, можно присоединить еще вариантъ, помѣщенный у J. F. Campbell *Popular tales of the West Highlands II* (1860) стр. 386, и вариантъ, встрѣчающійся у Sadok Barasz *Bajki, Fraszki, Podania Przystowia i Pieśnina Rusi* (1866), стр. 72—73.

Солнечный герой, поступающій въ услуженіе въ замокъ, который покрытъ чернымъ сукномъ въ знакъ траура, встрѣчается, напримѣръ, у P. Asbjörn sen und Jörgen Moe *Norwegische Volksmärchen, deutsch v. Fr. Bresemann I* (1847) стр. 164.—Вообще же о городахъ и замкахъ, покрытыхъ чернымъ сукномъ, или о «черныхъ городахъ», какъ выражаются иногда сказки, упоминается весьма часто; ср., наприм., Cavallius und Stephens *Schwedische Volkssagen und Märchen, deutsch v. C. Oberleitner* (1848) стр. 82. 108. Kuhn u. Schwartz *Norddeutsche Sagen, Märchen und Gebräuche* (1848) стр. 340. Grimm *Kinder—u. Hausmärchen* (16. Aufl. 1879) № 60 (стр. 247). III³ (1856) стр. 105. Panzer *Beitrag zur deut. Mythol. II* (1855) стр. 94. 97. Schott *Walachische Märchen* (1845) стр. 140. Curtze *Volksüberlieferungen* (1860) стр. 22. E. Meier *Deutsche Volksmärchen aus Schwaben*³ стр. 205 (№ 58). G. Gaal *Ungarische Volksmärchen, übers. v. Stier* стр. 37. 87. Zingerle *Kinder—u. Hausmärchen aus Tirol* (1870)² стр. 126 (№ 25). Schleicher *Litauische Märchen* (1857) стр. 4. J. Haltrich *Deutsche Volksmärchen...* (1856) стр. 130. 152. Hahn *Griech. u. alban. Märchen* (1864) см. въ реестрѣ подъ слов. «Schwarzangestrichenes Schloss». *Zeitschrift für deut. My-*

thol. u. Sittenkunde II (1855) стр. 441. (312). Ey Harzmärchenbuch (1886) стр. 65. Grundtvig Dänische Volksmärchen, übers. v. W. Leo (1878) стр. 285, 297. Schambach u. Müller Niedersächsische Sagen u. Märchen (1855) стр. 376. Gonzenbach Sicilianische Märchen I (1870) стр. 302. Vernaleken Österreichische Kinder—u. Hausmärchen, neue Ausg. (1875) стр. 187 (№ 35). Pentamerone... übertr. v. F. Liebrecht I (1846) стр. 97. Veckenstedt Wendische Sagen, Märchen... (1880) стр. 76. K. Bartsch Sagen, Märchen u. Gebräuche aus Meklenburg I (1879) стр. 475. Comparetti Novelline popolari italiane (1875) стр. 80 (№ XIX). Sebrané spisy Boženy Němcové VI (1862) стр. 97 (=Waldau Böhmisches Märchenbuch [1860] стр. 477). Národní písně, pohádky, pověsti... pořádá komise pro sbírání písní... Rady druhé odděl. II. (1878) стр. 9. Valjavec Narodne pripovjedke (1858) стр. 121. Škultety a Dobšinský slovenské povesti (1858) стр. 3. Аѳанасьевъ Народныя русскія сказки I² (1873) стр. 436. Въ другихъ сказкахъ упоминавшіеся въ нихъ нѣкогда «черные» города исчезли; съ теченіемъ времени они скинули съ себя мрачный цвѣтъ, который перенесенъ былъ преимущественно на обитателей ихъ; послѣдніе двигались по улицамъ «черныхъ» нѣкогда городовъ, погруженные въ глубокую печаль, или пріодѣтые въ трауръ; срав. напр. Sébillot Contes populaires de la Haute—Bretagne (1880) стр. 126. Cosquin Contes populaires Lorrains въ Romania V. 1876 стр. 357. VII (1878) стр. 564, 567. VIII (1879) стр. 574. — Подобно «чернымъ» городамъ, встрѣчаются также «красные», «бѣлые» и «голубые» города.

Относительно казни посредствомъ повѣшенія за руки и прикрѣпленія къ ногамъ лодки, нагружаемой камнями до тѣхъ поръ, пока тѣло не разрывается на части, мы въ состояніи только добавить, что этотъ родъ казни существовалъ въ Дагомейскомъ королевствѣ, хотя, къ сожалѣнію, лишены возможности указать источникъ,

въ которомъ встрѣтили описаніе этой казни; точно также не можемъ указать источника, въ которомъ сообщается, что на Литвѣ (кажется въ XVII в.) шайка разбойниковъ примѣнила однажды этотъ родъ казни къ одному польскому сановнику, съ той только разницей, что лодка, нагружаемая камнями, была замѣнена непосредственно привязываніемъ камней къ ногамъ жертвы.

Въ заключеніе намъ остается еще разъ высказать пожеланіе, чтобъ г. Воеводскій не замедлилъ изданіемъ обѣщаннаго имъ «Введенія въ міѳологію Одиссеи».

Л. Колмачевскій.

Казань.

17-го Января 1881 г.

Одиссея Гомера, съ примѣчаніями Е. Шмида.

Выпускъ III. пѣсни VII—IX. Спб. 1880 г.

Относительно труда г. Шмида было высказано мною при появленіи I-го выпуска слѣдующее мнѣніе: „Это первый опытъ подобнаго рода на русскомъ языкѣ, и опытъ весьма удачный, свидѣтельствующій о весьма тщательной подготовкѣ къ подобному труду, и о правильномъ пониманіи дѣла, какъ съ научной, такъ и съ педагогической стороны.... Мы смѣло можемъ рекомендовать трудъ г. Шмида всѣмъ, занимающимся чтеніемъ Гомера, какъ весьма цѣнное пособіе... Несмотря на нѣкоторыя погрѣшности, онъ (г. Шмидъ) все-таки — призванный толкователь Гомера“ (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1878, Августъ, Отдѣлъ Классич. филологіи).

Появившійся въ прошломъ году III вып. опять оправдалъ и вновь подтвердилъ вышеприведенное сужденіе. Тѣ же качества, которыя при первомъ выпускѣ говорили въ пользу книги, встрѣчаются и въ этомъ послѣднемъ, и такимъ образомъ мы имѣемъ наконецъ хоть къ одному классическому автору вполне удовлетворительный комментарий.

Относительно подробностей, въ которыхъ я несогласенъ съ авторомъ, замѣчу слѣдующее:

η 33... „въ словахъ Аѳины - дѣвушки обнаруживается лишь дѣвическая робость“. Откуда, однако, это видно? — 40 примѣч. „ἐνόησαν понимай въ смыслѣ animadverterunt“ можетъ навести ученика на невѣрную мысль, будто аористъ можетъ имѣть такое же значеніе, какъ и plusquamperfectum; гораздо проще и яснѣе было бы сказать, что аористъ ἐνόησαν = русск. совершенному виду = замѣтили, или вовсе пропустить это замѣчаніе, такъ какъ значеніе аориста во всякомъ случаѣ уже должно быть извѣстно ученикамъ, приступающимъ къ чтенію Гомера. Κατὰ ἄστυ (ἐρχόμενον), по моему мнѣнію, значить не „подъ городомъ“, а „черезъ городъ, по городу“, такъ какъ λιμένες, ἄγοραί и τείχῃα — только части города, которыя, вмѣстѣ взятыя, и составляютъ городъ. По ст. 18. Аѳина встрѣтила Одиссея, ὅτε δὴ ἔμελλε πόλιν δύσεσθαι т. е. у входа въ городъ; послѣ ея рѣчи 28—36 онъ пошелъ за нею (38), слѣдов. въ ст. 40 онъ уже шелъ по городу. — 53. κίχῃται г. Шмидъ объясняетъ „въ смыслѣ повелѣнія“, въ чемъ нѣтъ надобности; κίχῃται = встрѣтишь. — 86. «ἐηλέεδατο со вставкою δ, для благозвучія, вм. ἐηλέατο», объясненіе слишкомъ механическое. Что δ здѣсь — коренное, доказываютъ формы какъ ἀπηλέσθησαν (Her. 3, 54) и др., см. Veitch: Greek verbs irreg. s. v. ἐλαύνω. — 164. Эпитетъ Зевса τερπικέραυνος г. Шмидъ производитъ отъ τρέπω, вопреки обыкновенному производству отъ τέρπειαι. Къ этому, повидимому, г. Шмида побудило мѣсто Verg. Aen. 4, 208 qui fulmina torquet; но Виргилій едва ли можетъ служить вполнѣ надежнымъ источникомъ для объясненія Гомеровскихъ выраженій; стоитъ припомнить его „vina coronant“. — 182. въ μελίφρονα οἶνον г. Шмидъ видитъ олицетвореніе вина, что едва ли справедливо. — 215. «δορπῆσαι т. е. продолжать начатый ужинъ». Не лучше ли „доужинать“?

§ 191. Эпитеты, относящіеся къ плаванію, здѣсь поставлены, будто бы, съ ироніей. Въ такомъ пониманіи,

однако, нѣтъ надобности; epitheta ornantia вѣдь употребляются безразлично, идутъ ли они въ данномъ мѣстѣ къ дѣлу или нѣтъ; ср. А 122 и др.—240. вм. Γῆσι лучше было бы написать σελήνῃσι.—499. «ὄρμηθεῖς подвинутый, θεοῦ со стороны бога». Но ὄρμηθεῖς = двинувшись, вышедши, при чемъ θεοῦ означаетъ исходную точку; ср. Фези: von der Gottheit, der Muse, ausgehend, d. h. von ihr angeregt.

29. ἔροχε, по г. Шмиду, imperfectum conatus, но не зачѣмъ объяснять его такимъ образомъ; она не хотѣла только удержатъ его, но и удерживала его на самомъ дѣлѣ.—52. Διός г. Шмидъ считаетъ за genitivus auctoris; по моему мнѣнію, это—genit. possessivus.—192. «οἶον, почему кажется еще выше»,—но скорѣе наоборотъ: потому именно что гора высока, она и φαίνεται οἶον.—198. «ἀμφιβεβήκει tuitus erat, прежде чѣмъ Одиссей разрушилъ городъ». Это примѣчаніе можетъ ввести ученика въ заблужденіе, будто греч. plusquamperf. имѣетъ значеніе латинскаго plusquamperfectum. ἀμφιβεβήκει = былъ защитникомъ (состояніе прошедшее).—279. «ἔσυχες tenuisti, на правилъ»; лучше „задержалъ, остановилъ“—302. «χεῖρ' ἐπιμασάμενος оцупавъ, оцупью отыскавъ смертельное мѣсто, потому что въ пещерѣ было темно». Но Одиссей, оцупывая Киклопа, подвергался опасности разбудить его; поэтому лучше мнѣ кажется объясненіе Ницца, который къ ἐπιμασάμενος подразумѣваетъ дополненіе εἶφος: „схвативъ мечъ рукою“. Еслибъ Одиссей хотѣлъ убить Киклопа, онъ могъ бы сдѣлать это и не оцупывая его, точно также какъ и нашелъ его глазъ, не оцупывая.—435. «στρεφθεῖς завернувшись, потому что онъ руки обмоталъ шерстью»,—но στρεφθεῖς скорѣе означаетъ „свернувшись“, такъ какъ Одиссей, держась подъ бараномъ, не могъ висѣть выпрямившись.—443. οἱ объясняется какъ dativus. ethicus. Но мнѣ кажется, что здѣсь лучше понять οἱ въ смыслѣ члена, съ указательнымъ значеніемъ: эти, они.—445. въ ποιῖνὰ φρονέοντι г. Шмидъ, по примѣру другихъ толкователей Гомера, видитъ „шутливое со-

поставленіе, точно будто умный замысел могъ еще болѣе отягощать барана“. Я никакого „шутливаго сопоставленія“ здѣсь не вижу; смыслъ цѣлаго мѣста мнѣ кажется яснымъ и безъ этого: „баранъ былъ отягощенъ шерстью, и много думающимъ „думу крѣпкую“. Одиссей, естественно, долженъ былъ своею тяжестью отягощать барана, также естественно и то, что у него были на умѣ многія думы, такъ какъ его положеніе было въ высшей степени критическое; но тяжесть и думы не имѣютъ никакого соотношенія. Принимая здѣсь вышеупомянутое „шутливое сопоставленіе“, мы, какъ я думаю, вносимъ въ произведеніе поэта то, чего у него нѣтъ. До шутокъ ли было тогда Одиссею!

Греческое Κίρκη г. Шмидъ передаетъ по русски „Цирцея“, а Κύκλωψ—„Циклопъ“. По моему мнѣнію, слѣдуетъ по-русски удерживать по возможности форму греческую. Если Κῆρος=Киръ, а Ὀδυσσεύς=Одиссей, то почему же Κίρκη не Кирка, а Κύκλωψ—не Киклопъ?

Въ заключеніе не могу не высказать одного замѣчанія. По дошедшимъ до меня частнымъ свѣдѣніямъ, г. Шмидъ не надѣется болѣе продолжать своего изданія, за недостаткомъ поддержки, такъ какъ книга не покупается. Если это правда, то это явленіе весьма прискорбное. Спрашивается, чѣмъ же мы руководимся при введеніи учебниковъ, если компиляціи, непригодность которыхъ сознается всѣми, расходятся ежегодно въ тысячахъ экземпляровъ, а книга, дѣйствительно хорошая, не можетъ быть окончена, такъ какъ ее не покупаютъ? Мы жалуемся, что у насъ нѣтъ пособій для изученія классиковъ, и когда одно превосходное пособіе появилось, то оно должно прекратиться въ самомъ началѣ, потому что его не поддерживаютъ! *Difficile est satiram non scribere*. Но къ чести нашихъ филологовъ будемъ надѣяться, что слухъ этотъ не оправдается, и что г. Шмидъ будетъ имѣть возможность издать не только всю Одиссею, но также и Иліаду.

И. Мейеръ.

Развѣдки о доисторическихъ временахъ
Русь-Славянскаго народа. А. С. Великанова.
Томъ второй. Выпускъ I-й. Одесса, 1879 г. 8-о,
XII+75 стр. *)

Для ознакомленія съ «методомъ» автора и съ его
взглядами на языкъ возьмемъ любое мѣсто изъ его со-
чиненія:

«6. Умѣстно будетъ здѣсь объяснить синтетич.
слово *западъ*, какъ сторону горизонта, противополож-
ную *востоку*.

«И то, и другое слово славянскіе филологи, кажет-
ся, производятъ отъ глаголовъ «востекать» и «западать».

«*Кханâ* (195), *запа* — ночь,

«*Да* (308), *дъ* — даятель, податель:

«*Запа-дъ* — ночи податель. Это несомнѣнно было
древнерусскимъ эпитетомъ Варуны, который былъ пред-
ставителемъ ночи и мрака, какъ Митра — неба (M. Mü-
ller, Orig. et développ. de la religion, 1879, p. 210).
Онъ почитался также правителемъ запада, владыкою
водъ и подводнаго царства, куда погружались души
умершихъ (Bernard, Diction. mythol.). Память о немъ
сохранилась въ нашихъ былинахъ подъ названьемъ «Во-
дяного» или «Морскаго царя», въ подводное царство
котораго попался Сатокъ за то, что забылъ приносить
ему жертвы. Первобытныя люди полагали, что солнце
раждается утромъ и умираетъ вечеромъ (M. Müller, ib.
212). Достигши запада, Индра «ринулъ солнце въ
мрачную бездну ночи». — «Да не снидутъ на насъ долгія
мраки или ночи». — «О Варуна! да не пойдемъ мы туда,
гдѣ свѣтъ исчезъ». (Ibid., p. 212, 256, 257). — Въ гим-
нахъ Варуны: «Не пресѣки моей нити, когда я занятъ
тканьемъ дѣлъ благочестія. — Не попусти намъ, прежде

*) Я рѣшился составить нижеслѣдующую замѣтку только
потому, что Редакція Ф. З. прислала мнѣ книгу г. Великанова
съ просьбой — полюбоваться и сказать что нибудь объ ней.

чѣмъ придетъ наше время, покинуть область свѣта». Pant. Brun. Rv. № 219: 5, 7).

«На слово *Кхана, запа* — ночь слѣдуетъ обратить вниманіе. Говорится напр.: «я *спалъ*, но *сонъ* мой не былъ покоенъ». Если не *спать*, то не будетъ *сна*; если нѣтъ *сна* — я не *сплю*. Логическое отношеніе этихъ двухъ словъ ясно, но этимологическ. происхожденіе ихъ различно. У насъ нѣтъ слова, которое бы начиналось слогомъ *зна*; даже въ предл. глаголахъ, *з*, въ предлогѣ *раз*, смягчается въ *с*, напр. рас-пустить. Поэтому древнее имя конкрета *запа*, ночь, при усѣченіи въ первомъ слогѣ *а*, перешло у насъ въ *сна*, вмѣсто *зна*; отсюда глаголь *сна-ти* *) (Вост. Остр. Ев.; Златоструй XII в.), такъ точно, какъ изъ *наца*, *ночь* образовалось: *начу-еть*, *наче-ва-ть*. Въ первобытныя времена человѣкъ не обращалъ ночи въ день, какъ это очень часто дѣлается теперь; а согласно съ естественнымъ отсутствіемъ свѣта, онъ проводилъ её въ *снѣ*. Основа послѣдняго слова — первоначальное имя конкрета *ша* или *са* (665) — сонъ; у насъ присоединенъ суф. пассивнаго состоянія *на*: *са-на*, *сѣнъ*, церковносл. *сѣнъ* (Вост.), отъ котораго, въ предл. глаголахъ *усну-ти*, *засну-ть*.

«7. Предъидущее изложеніе открываетъ аналогію между ночнымъ и смертнымъ мракомъ, что и выражено санскритскимъ *аста* (64) — заходъ солнца и также смерть; а у насъ — этимологическимъ значеніемъ слова *сумракъ*, которое вѣроятно, на древне-русскомъ языкѣ, было также эпитетомъ Варуны.

„*Су* — родитель; *Мара* (Gr. 1054) — смерть; суф. *ка* при дѣятельныхъ именахъ: *Су-мара-ка*, *Су-мѣра-кѣ* — родитель смерти. «*Сумракъ* ночи *мертвитъ* очи»“ (стр. 61—64).

Въ такомъ же вкусѣ написана вся книга. Это доказываетъ, что авторъ шутникъ большой руки, и что онъ отлично умѣетъ поддѣлываться подъ языкъ людей

*) «т. е. вести себя по естественному закону времени, лишоннаго свѣта: съпать, предаваться ночному покою».

съ своеобразною логикой, называемых сумасшедшими. Произведенія г. Великанова въ состояніи разгонять скуку и вызывать улыбку. Поэтому онъ и заслуживаетъ благодарности всѣхъ лингвистовъ какъ юмористъ, а ничуть не какъ лингвистъ.

Я даже и не предполагаю, что нашъ авторъ хочетъ выдать свое сочиненіе за *серьезный* лингвистическій трудъ. Еслибы же онъ былъ на столько наивенъ, то все-таки подобное заблужденіе, вполнѣ извинительное у автора, никогда не можетъ быть раздѣляемо серьезнымъ критикомъ. Иначе пришлось бы заводить ученый споръ со всѣми умственно-больными и доказывать имъ, что ихъ галлюцинаціи есть не истины, а просто галлюцинаціи.

Вмѣсто безполезныхъ споровъ я позволяю себѣ посовѣтовать г. Великанову обратить вниманіе

- 1) на «этимологию»: *Кавказ* = «кавказ-аз»,
кацап = «как-цап»,
кабинет = «как-бы-нѣтъ»,

- 2) на разложеніе польскаго *pieczętka* (печаточникъ) на *pieczęt-karz*, гдѣ *karz* = санскр. *kar* (дѣлать),

- 3) на разложеніе нѣмецкаго *fagot* на *fa-Gott*, почему и придумано тоже *fa-teufel*,

- 4) на разложеніе польскимъ ученымъ Jocher'омъ слова *Herkules* на *Herr-kulas*, т. е. «*pan kulas*» (господинъ хромой, господинъ колча),

- 5) на объясненіе однимъ нѣмцемъ польскихъ словъ
śłószarz черезъ «*schloss-arsch*»,
kominiarz » «*komm-in-arsch*»,
pisarz » «*piss-arsch*»,

- 6) на объясненіе однимъ французомъ польскихъ словъ

portki черезъ «*porte-cul*»,
sanki » «*sans-cul*»,
bryczka, bryczki черезъ «*brise-cul*»,
и т. д.

Этими выводами г. Великановъ значительно обогатить свой запасъ лингвистической юмористики.

Не мѣшало бы тоже всѣмъ «лингвистамъ» въ родѣ г. Великанова выучиться по-польски и старательно проштудировать книгу

«Mównictwo czyli poczęcie się i pierwotny rozwój mowy Bohów Sławian naszych praojców krótko, po prostu i dowodnie wyłożył Piotr Czarkowski Nauczyciel prywatny w Warszawie. Warszawa. Nakład i druk S. Orgelbranda. 1857».

Въ этой книгѣ находятся откровения, гораздо глубомысленнѣе откровений г. Великанова.

Во всякомъ же случаѣ указанное здѣсь сочиненіе г. Великанова съ лингвистикою имѣетъ столько общаго, сколько всякая неумѣлая пародія съ пародированнымъ подлинникомъ.

Варшава, августъ 1880 г.

Zbytky rýmovaných Alexandreid staročeských. Vydali Martin Hattala a Adolf Patera. Díl I. Texty a transskripce. V Praze. 1881. (Reliquiae metricarum Alexandreidon palaeo-bohemicarum.—Остатки рѣмованныхъ Александреидъ староческихъ). 8-o maj, XXVI+96 стр.

Книга эта представляетъ изданіе одного изъ важнѣйшихъ старочешскихъ памятниковъ. Напечатавъ подлинный текстъ съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей его правописанія, издатели вполнѣ удовлетворили требованіямъ строгой филологической критики. Имѣя передъ глазами этотъ подлинный текстъ, каждый читатель въ состояніи составить себѣ самостоятельное понятіе о произношеніи нарѣчія, свойственнаго писцамъ обнародованныхъ старинныхъ отрывковъ, не стѣсняясь прилагаемою транскрипціею.

Что касается этой послѣдней (транскрипціи), то наврядъ-ли можно съ нею согласиться. Она совершенна

однимъ только г. Гатталою, принимающимъ на себя всю отвѣтственность за нее (см. стр. XXII), и руководившимся при ея исполненіи нѣкоторыми предразсудками, предвзятыми мыслями и вообще соображеніями, которыя не должны бы быть допускаемы при вполнѣ объективномъ отношеніи къ дѣлу. Г. Гаттала навязываетъ старочешскому языку кое что такое, чего въ немъ навѣрно не было и быть не могло. Транскрипція г. Гатталы не обозначаетъ нѣкоторыхъ особенностей произношенія, которыя сами напрашиваются, такъ сказать, на обозначеніе. Съ другой же стороны, она отличаетъ такіе оттѣнки, на отличеніе которыхъ одно правописаніе рукописей не даетъ никакого права.

При транскрипціи древнихъ памятниковъ какого бы то ни было языка могутъ быть логически оправданы только два пути: или транскрибировать вполнѣ согласно съ правописаніемъ памятника, или же (имѣя въ виду содержаніе, а не языкъ) руководствоваться современнымъ произношеніемъ, совершенно не обращая вниманія на то, что встрѣчается въ рукописи. Средній, эклектическій путь, съ сильнымъ участіемъ субъективизма во взглядѣ на особенности древняго языка, можетъ быть оправданъ однимъ только личнымъ вкусомъ издателя.

О своей транскрипціи говоритъ г. Гаттала въ предисловіи (стр. III—XXVI), которое всецѣло ему принадлежитъ, и въ которомъ, со свойственнымъ ему многословіемъ и желаніемъ при всякомъ удобномъ случаѣ выдвинуть себя на первый планъ, онъ распространяется вообще объ издаваемомъ памятникѣ и сообщаетъ свѣдѣнія, несомнѣнно интересныя и необходимыя для изучающихъ старочешскіе Александреиды.

Г. Патерѣ принадлежитъ только честь старательнаго изданія самихъ текстовъ, что и исполнено имъ со свойственнымъ ему мастерствомъ и добросовѣстностью.

И. Бодуэнъ-де-Куртенѣ.

Казань, апрѣль 1881 г.

Dr. Aug. Grabow, Ueber Nasalirung und Brechung der Vocale im Französischen. Eine sprachphysiologische Studie. (Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen. Herausgegeben von Ludwig Herrig. Braunschweig. 1879. B. LXII. S. 93—107).

Въ своей статьѣ г. Грабовъ старается разрѣшить два вопроса:

- 1) Почему явились во французскомъ языкѣ носовые? и
- 2) Почему въ словѣ *vingt* лат. *in* осталось, а въ словѣ *trente* оно перешло въ *en*?

Несомнѣнно, что вопросы эти очень важны для фонетики французскаго языка, а потому и небезынтересно познакомиться съ тѣми теоріями, которыя предлагаетъ г. Грабовъ для ихъ рѣшенія.

Г. Грабовъ не думаетъ, чтобы VN-ые *) во франц. языкѣ могли явиться какъ дальнѣйшее развитіе лат. языка, потому что тогда подобное же явленіе должно бы было быть во всѣхъ романскихъ языкахъ. Относительно кельтскаго неизвѣстно, были ли въ немъ VN-ые. Относительно Бретонскаго извѣстно, что въ немъ были VN-ые, но онъ по своей незначительности не могъ повліять на всю область распространенія франц. языка. Такое вліяніе гораздо скорѣй могли оказать Франки, которые явились въ значительномъ числѣ и въ качествѣ господствующаго народа могли сильно повліять на языкъ. А что подъ вліяніемъ Франковъ могло появиться носовое произношеніе, можно думать потому, что ихъ соплеменники въ баварскомъ Рейнпфальцѣ и теперь имѣютъ такое произношеніе.

Такому объясненію, по мнѣнію г. Грабова, не противорѣчитъ существованіе носоваго произношенія въ другихъ романскихъ языкахъ, въ португальскомъ и нѣкоторыхъ діалектахъ сѣверной Италіи; носовое произношеніе въ этихъ языкахъ объясняется имъ также вліяніемъ разныхъ пришлыхъ народовъ. Самъ г. Грабовъ находитъ, что это предпо-

*) VN значитъ *vocalis nasalis* (гласный носовой).

ложенеі недостаточно основательно и не выдерживаетъ строгой критики, но онъ все таки думаетъ, что оно вѣроятнѣе чѣмъ мнѣніе, что VN-ые развились прямо изъ латинскаго.

Переходя къ рѣшенію другого вопроса, г. Грабовъ останавливается надъ тѣмъ явленіемъ, что во всѣхъ языкахъ, развившихъ носовое произношеніе, только гласные а, ä (е), о, ö (eu) дѣлаются носовыми, а никогда — і, ü, u. По его мнѣнію, это явленіе находится въ зависимости отъ положенія голосовыхъ органовъ при произношеніи VN-ыхъ. Токъ воздуха, идущій во время произношенія черезъ гортань, можетъ направляться по тремъ путямъ:

1) можетъ идти весь прямо въ открытый ротъ, какъ при произношеніи чистыхъ гласныхъ;

2) или въ носъ, какъ при произношеніи задне-язычнаго носоваго согласнаго (въ *lange*), при чемъ мягкое нѣбо закрываетъ совсѣмъ ротъ;

3) или, наконецъ, въ одно время и въ ротъ, и въ носъ, какъ это бываетъ при произношеніи VN-ыхъ, когда мягкое нѣбо немного опущено, но ни носъ, ни ротъ не закрыты плотно. При послѣднемъ изъ вышеописанныхъ положеній рта и языка всего удобнѣе произношеніе гласныхъ а, ä (е), о, ö (eu). Напротивъ, произносить гласные і, ü, u при такомъ положеніи очень трудно. Кому извѣстно положеніе органовъ рѣчи при произношеніи і, ü, u, тотъ знаетъ, что при этомъ требуется очень сильное напряженіе мускуловъ лица и языка и очень трудно бываетъ опустить мягкое нѣбо, безъ чего эти гласные не могутъ получить носоваго оттѣнка.

Такъ какъ только гласные а и о легко принимаютъ носовой оттѣнокъ, то очень понятно, почему лат. *ap* и *op* перешли во французскій безъ большихъ измѣненій. Слѣшкомъ высокіе гласные, т. е. близкіе къ і, должны были принять болѣе низкій тонъ; такимъ образомъ лат. *in* перешло въ *ein* (*ei*=ä, е), напр:

pingere—*peindre*

cingere—*ceindre*

vincere—*vaincre*.

Въ этихъ словахъ и въ письменности отразилось измѣненіе звука і, въ другихъ же словахъ і на письмѣ осталось,

хотя утратило свое первоначальное произношеніе: fin (выговар. fain). Лат. en хотя и сохраняется, но часто приобретаетъ болѣе низкій тонъ гласнаго *a* и переходитъ въ an, напр.

genre

gendre

gentil

femme

лат. lingua сначала laingue (Liv. d. rois p. 40),

затѣмъ langue

„ cingulum „ cingle или saingle—sangle.

Носовое *ü* должно было понизиться въ носовое *ö* (eu). Если бы *ü* сдѣлалось носовымъ, то un должно бы произноситься какъ u въ une, съ носовымъ пазвукомъ Лат. краткое *ü*, какъ только сдѣлалось носовымъ, возвысилось въ *o*, такимъ образомъ получилось

изъ лат. tuum—ton

„ plumbum—plomb

„ numerus—nombre

„ deunde—dont

„ ungula—ongle.

Но слова новѣйшаго происхожденія, и не имѣющія носоваго произношенія, сохраняютъ *u*: numero, humilier (humble). Но этого однако недостаточно, чтобы объяснить перемѣну гласныхъ въ словахъ: vingt и trente, embarbé и imberbe, гдѣ in, en, em, im образовались изъ лат. in. О такомъ различномъ измѣненіи in по романскимъ звуковымъ законамъ не можетъ быть рѣчи. Вотъ еще нѣсколько примѣровъ такого рода:

dignus—digne ; dignari—daigner

ille — il ; illa — elle.

Такое различное измѣненіе одного и того же гласнаго *i*. Грабовъ находитъ возможнымъ объяснить звуковыми законами нѣмецкаго языка, извѣстными подъ названіями Brechung и Umlaut. Эти звуковые законы основаны на извѣстной музыкальности нѣмецкаго языка, вслѣдствіе которой гласные въ рядомъ стоящихъ слогахъ не могутъ имѣть разницы болѣе, чѣмъ на пол-октавы. Такъ какъ разница

между звуками *i* и *a*, по изслѣдованію г. Грабова *), составляетъ октаву, то, являясь въ рядомъ стоящихъ слогахъ, одинъ изъ нихъ, *a*, переходитъ въ *e*. Если слогъ съ *a* является послѣ слога съ *i*, то въ такомъ случаѣ измѣненіе *a* въ *e* называется *Brechung*, напр. изъ готск. *hilfat*—*helfat* и наконецъ *ihr helfet* (*a* изъ *hilfist*—*hilfst*), если же наоборотъ, то переходъ звука *a* называется *Umlaut*, напр.: *kraft*, прилаг. *kraftic*—*kräftig*.

Diez въ своей *Grammatik der Romanischen Sprachen* (I, стр. 180), хотя и замѣчалъ подобныя явленія, но объяснял ихъ аттракціей или предпочтеніемъ одного гласнаго другому. Конечно, это объясненіе является натяжкой; мысль же г. Грабова примѣнить звуковые законы нѣмецкаго языка къ объясненію явленій француз.—очень остроумна.

Раньше, когда вліяніе Франковъ было сильнѣе, законъ этотъ дѣйствовалъ болѣе, чѣмъ теперь. Это видно изъ сравненія словъ древнѣйшаго образованія съ словами болѣе новаго образованія.

Послѣдовательность звуковъ *i*—*a*.

Лат.	новѣйш.	древнѣйш.
<i>infans</i>	<i>infantile</i>	<i>enfant</i>
» <i>Britannia</i>	» <i>britannique</i>	» <i>Brétagne</i>
» <i>firmare</i>	» <i>affirmatif</i>	» <i>fermer</i>
» <i>virtus</i>	» <i>virtuel</i>	» <i>vertu</i>
» <i>littera</i>	» <i>litterature</i>	» <i>lettre</i> .

Послѣдовательность звуковъ *a*—*i*.

Лат.	новѣйш.	древнѣйш.
<i>qualis</i>	<i>qualité</i>	<i>quel</i>
» <i>captivus</i>	» <i>captif</i>	» <i>chétif</i>
» <i>clavis</i>	» <i>clavicule</i>	» <i>clef</i>
» <i>navis</i>	» <i>naviguer</i>	» <i>nef</i>
» <i>minax</i>	»	» <i>menace</i> .

Изъ этихъ примѣровъ видно, что во франц. языкѣ можно допустить дѣйствіе этихъ законовъ взаимной зависимости гласныхъ въ рядомъ стоящихъ слогахъ, если не теперь, то по крайней мѣрѣ въ отдаленномъ періодѣ образованія этого языка. Теперь становится понятнымъ, почему изъ

*) Die Musik in der Deutschen Sprache. Leipzig, Otto Wigand, 1879 s. 15 ff.

illa	образовалось	elle
missa	»	messe
triginta	»	trente
dignari	»	daigner
imbarbatus	»	embarbé,

а изъ

viginti	—	vingt
dignus	—	digne, dignitas—dignité
imberbis	—	imberbe.

Кромѣ вышеприведенныхъ словъ, подобную перемѣну звуковъ имѣютъ слова:

I. Рядъ звуковъ i—а, Brechung (преломленіе звука).

Лат. crista	фр. crête
» firmare	» fermer
» siccare	» secher
» circulus	» cercle
» siccus	» sec
» virga	» verge
» piscator	» pêcheur, но piscina—piscine
» sinapis	» sinapi и sénévé
» giga(nt)s	» géant
» sinistratus	» sénestré, но sinister—sinistre.

II. Рядъ звуковъ а—і, Umlaut (перегласованіе).

1) Лат. caput (capit)—фр. chef.

2) Окончаніе alis, которое въ однихъ словахъ остается какъ al: naval, annal, général, а въ другихъ переходитъ въ el, напр.: tel, annuel, réel, mortel (mortalité), formel (formalité), spirituel, mutuel, naturel.

3) Окончанія — arius и aris, которыя преобразовались въ aire и ier:

Лат. primarius	—	фр. primaire и premier
» voluntarius	»	volontaire и volontiers
» statuarius	»	statuaire.

Кромѣ того слова: argentier; legionnaire, sicaire, capillaire, militaire, vulgaire; articulaire.

Н. Кукурановъ.

Казань, январь 1881 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАВІЯ:

Два новыя сочиненія проф. Н. И. Карѣва:

1) Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ до 1789 г. Цѣна 1 р. Главный складъ книги въ магазинѣ А. Ланга на Кузнецкомъ мосту, — въ Москвѣ.

2) Введеніе въ курсъ исторіи новѣйшаго времени. Цѣна 50 к. Складъ брошюры въ Магазинѣ Васильева, на Страстномъ бульварѣ, въ Москвѣ.

УПОТРЕБЛЕНІЕ ЗНАКОВЪ ПРЕПИНАНІЯ ВЪ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОЙ РѢЧИ.

Пособіе при преподаваніи русскаго языка въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а равно и для желающихъ самостоятельно изучать этотъ отдѣлъ грамматики. Составилъ В. А. Кендзерскій. Харьковъ, 1879 г.

Одобрено Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія, какъ учебное пособіе.

Съ требованіями обращаться можно въ Воронежъ — въ книжный магазинъ Аносова и кн. маг. Селлинга; а также къ автору въ Острогожскъ. Цѣна за экз. 90 коп.

О П Ы Т Ъ С И Н Т А К С И С А РУССКАГО ЯЗЫКА.

Съ статьей о періодахъ, разсмотрѣнныхъ съ новой точки зрѣнія и образцомъ синтаксическаго разбора). Сост. по плану монографіи „Практическія замѣтки о рус. Синтаксисѣ“ А. Дмитревскій.

Цѣна 50 коп. за экз., а съ перес. 60 коп. Продается въ книжныхъ магазинахъ — въ С.-Петербургѣ у Стасюлевича, въ Москвѣ — у Глазунова, въ Харьковѣ — у Сыхра, въ Корочѣ — у автора, въ Воронежѣ — въ Редакціи Фил. Записокъ.

О П Ы Т Ъ С Б Л И Ж Е Н І Я

Славяно-русскихъ глаголовъ съ греко-латинскими
по формамъ и корнямъ.

Продается въ Москвѣ на Воздвиженкѣ въ книжномъ магазинѣ «Сотрудникъ школъ» и у Глазунова. Цѣна 1 р. 25 за экз. съ перес.

НАЧАЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ

изъ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ

съ приложеніемъ церковно-славянской азбуки и коренныхъ словъ съ буквой „ъ“.

У Ч Е Б Н И К Ъ

для приготовит. класса гимназій и прогимназій Мин. Нар. Пр.

Составилъ И. Д. Четыркинъ. Воронежъ, 1880 года.

Учебникъ этотъ одобренъ Учебнымъ Комитетомъ М. Н. Пр. для употребленія въ приготовительныхъ классахъ гимназій и прогимназій

Цѣна съ перес. 25 к. за экз. (при требованіи не менѣе 5—10 экз.) и 30 к. при требованіи одного экземпля.

Получать можно отъ автора въ Рославлѣ (Смол. губ.) и въ Воронежѣ въ Редакціи „Филол. Записокъ“.

СИНТАКСИСЪ ВЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОБРАЗЦАХЪ И ПОСЛОВИЦАХЪ.

Съ руководящими вопросами для практическихъ занятій (по русскому языку). Хрестоматія. Сост. Ѳ. Г. Савенко. 1879 года. Ц. 85 к. за экземпляръ.

Книга эта одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія какъ учебное пособіе при занятіяхъ рус. грамматикой въ сред. учеб. заведеніяхъ.

Складъ этой книги находится въ Воронежѣ — въ Редакціи Филолог. Записокъ, также въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ — Мамонтова и въ Центральномъ книжномъ магазинѣ.

ПРОГРАММА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ.

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ. 1) Изложеніе и развитіе разныхъ вопросовъ по Русскому языку и Словесности; 2) пробныя и другія лекціи, или отрывки изъ нихъ по Рус. яз. и Сл., Поэзіи, Исторіи литературы;—будутъ помѣщаться также цѣлые курсы, руководства или учебники.

II. ЗАМѢТКИ. Наблюденія надъ составомъ Рус. яз. и живымъ его употребленіемъ въ изустной рѣчи и въ литературѣ;—разныя мнѣнія, сужденія объ улучшеніи преподаванія;—разныя методы и программы;—указанія на разнорѣчія и излишества, на тотъ или другой недостатокъ въ руководствахъ и проч. и проч.

III. СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Изслѣдованія по Славянскимъ нарѣчіямъ (по языку и литературѣ), старинѣ и народности.

IV. КРИТИКА и БИБЛОГРАФІЯ. 1) Критическіе разборы статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ; 2) библиографія учебныхъ руководствъ по Рус. яз. и Сл.; 3) разборы лучшихъ литературныхъ произведеній современныхъ нашихъ писателей относительно языка, съ указаніемъ содержанія и расположенія мыслей цѣлаго сочиненія или какой либо статьи, отличительныхъ особенностей, тонкостей, меткостей, силы выраженія и красота языка какъ въ словахъ, такъ и въ оборотахъ рѣчи; 4) библиографическій указатель книгъ и статей по Рус. яз. и Сл., отдѣльно вышедшихъ и помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

V. СМѢСЬ. Сюда войдутъ: 1) статьи, касающіяся свойствъ разговорнаго языка, въ особенности народнаго,—(народная словесность, народные говоры; 2) разныя филологическія и лингвистическія извѣстія, краткія замѣтки о языкѣ, письма, запросы, отвѣты, поправки и т. п.

VI. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Извлеченія изъ статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно чѣмъ либо замѣчательныхъ, или заимствование нѣкоторыхъ изъ нихъ; 2) переводы и извлеченія изъ произведеній извѣстнѣйшихъ филологовъ и эстетиковъ; 3) обзоръ вновь выходящихъ замѣчательныхъ произведеній иностранныхъ филологовъ и лингвистовъ и 4) изслѣдованія по изученію общей сравнительной филологіи и лингвистики, старины и народности, классическихъ древностей, этнографіи, сравнительной міеологіи и народной психологіи.

Филологическія Записки издаются

въ **ВОРОНЕЖѢ**. Выходятъ безсрочными выпусками—
по шести выпусковъ въ годъ.

Цѣна годовому изданію **6** руб. Подписка принимается:
въ **ВОРОНЕЖѢ**: въ Редакціи Филологическихъ
Записокъ.

Въ Редакціи также можно получать слѣдующія изданія:

Годовое изданіе «**Филологическихъ Записокъ**» за
1864 г., цѣна **5** р., за 1865 г. **3** р., за 1866 г. **5** р., за
1867 г. **6** р., за 1868 г. **5** р., за 1869—1880 г. по **6** р.
каждый.

О происхожденіи языка, Э. Ренана. Пер. съ фр.
А. Н. Чудинова. 1865. Цѣна съ перес. 1 р. сер.

Обзоръ Исторіи Чешской Литературы и Языка. Съ
Чешскаго. Переводъ К. Медвѣдева и Н. Артемьева. 1866.
Цѣна 40 к. съ пересылкою.

Наука о языкѣ. Новый рядъ чтеній Макса-Мюллера.
—Шесть лекцій. Выпускъ I. Перев. съ Англ. Д. Лав-
ренка и Г. Кайзера. 1868 г. Цѣна 1 р. 40 к. съ перес.

Наука о языкѣ. Выпускъ II, заключающій въ себѣ
послѣднія шесть лекцій Макса-Мюллера—VII—XII. Пер.
съ Англ. Г. Кайзера. Цѣна 1 р. 10 к. съ перес.

Искусство въ Италіи и Нидерландахъ. Лекціи Тэна.
Выпускъ II. 1871 г. Перев. съ франц. А. Н. Чудинова.
Цѣна 1 р. за экз. съ пер.

Искусство въ Греціи, III вып. Цѣна 60 к.

Сборникъ классическихъ иностранныхъ произведеній,
въ переводахъ русскихъ писателей, I томъ котораго состав-
ляютъ **Образцовыя произведенія Скандинавской поэзіи**,
изд. подъ редакціей А. Н. Чудинова 1875 г. Ц. 2 р. за экз.

Редакторъ-Издатель **А. Хованскій**.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНИЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ
ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВ-
НИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ.

Изд. А. Хованскимъ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ВЫПУСКЪ III.

1881.

Воронежъ.

Въ Типографіяхъ В. И. Исаева

и

Губернскаго Правленія.

СОДЕРЖАНІЕ III ВЫПУСКА.

Къ ученію о русскомъ глаголѣ. IV. (Продолженіе.)

В. М. Добровскаго.

Изученіе безграмотныхъ написаній.

В. А. Богородицкаго.

Этимологія слова человѣкъ.

И. Д. Четыркина.

Отъ Реданціи. Къ вопросу о грамматическомъ разборѣ.

* *

По древней письменности. Рукописный памятникъ Смоленскаго Авраміевскаго монастыря и его литературное значеніе. Повѣсть (сказаніе) о Святомъ и побѣдоносномъ мученикѣ Меркуріи, чудотворцѣ Смоленскомъ. (Продолженіе.)

С. П. Писарева.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Предметъ и задачи филологіи. I отд. Названіе, понятіе и объемъ филологіи. Сочиненіе В. Фрейнда, подъ заглавіемъ „Wie studirt man Philologie“).

Перев. А. В. Говорова.

ОБЪЯВЛЕНІЕ о выходѣ въ свѣтъ отдѣльнымъ оттискомъ изъ Фил. Зап. слѣдующаго изданія:

(См. на 3-й стр. обертки).

КЪ УЧЕНІЮ О РУССКОМЪ ГЛАГОЛѢ.

IV.

О взаимномъ соотвѣтствіи разрядовъ и глаголовъ.—Отношеніе между разрядовыми темами.—Разряды основные, дополнительные, смѣшанный, боковой.—О взаимномъ соотвѣтствіи глаголовъ основныхъ и дополнительныхъ.—О дополнительныхъ и основныхъ разрядахъ старо-сл. языка.—О взаимномъ соотвѣтствіи глаголовъ разныхъ основныхъ разрядовъ.—О соотвѣтствіи боковомъ.

Въ предъидущей статьѣ, группируя разряды глаголовъ по признакамъ морфологическаго состава разрядовыхъ темъ, мы между прочимъ назвали разряды I, II, V, VIII безприставочными—на томъ основаніи, что глаголы, относящіеся къ этимъ разрядамъ, могутъ въ составѣ своей глагольной темы не имѣть приставки; разряды же IV, VI, VII, IX мы назвали приставочными, потому что глаголы, относящіеся къ этимъ разрядамъ, въ „формахъ настоящаго времени“ *) всегда имѣютъ приставку.

Примѣч. Въ безприставочныхъ разрядахъ тоже есть глаголы, употребляющіеся только съ приставками: I: *обуть*; II: *издохнуть*; V: *побѣдить*; VIII: *одолѣть*. Но нужно замѣтить, что во всѣхъ разрядахъ, которые мы назвали безприставочными, громадное большинство глаголовъ можетъ употребляться какъ съ приставкою такъ и безъ приставки. Глаголы, не имѣющіе безприставочной формы, являются какъ исключенія. Такъ въ I разрядѣ, кромѣ приведеннаго корня, являющагося всегда въ сопровожденіи приставки, есть еще только слѣдующія темы при-

*) Ниже, въ слѣдующихъ статьяхъ, мы увидимъ, что формы, названныя Миклошичемъ «формами настоящаго времени», не имѣютъ достаточныхъ основаній, чтобы называться такъ.

ставочныя: начать, почить, взять (приставки можно мѣнять), запрячь; въ VIII разрядѣ другого глагола изъ категоріи первообразныхъ ($\sqrt{+U}$ или $P+\sqrt{+U}$) мы не нашли подобнаго глаголу одолѣть; (т. е. который бы употреблялся только съ приставкой къ темѣ); больше такихъ глаголовъ встрѣчается въ V и II разрядахъ. Что касается производныхъ глаголовъ VIII и V разряда, какъ бездѣльничать, обогатить, то ихъ приставки никоимъ образомъ нельзя равнять съ приставками глаголовъ первообразныхъ во всѣхъ случаяхъ; многія приставки принадлежатъ въ производныхъ глаголахъ темамъ именъ: бездѣльникъ (но богатъ); въ бездѣльничать не глагольная приставка слѣдовательно, а именная. Срав. невѣжничать, озорничать, безчестить, увѣчить, уродовать: *невѣжникъ, озорникъ, безчестіе, увѣчье, уродъ. Мы, конечно, имѣемъ въ виду только глагольныя приставки, а не такія, которыя уже были въ темѣ имени, отъ котораго глаголъ произведенъ. Такимъ образомъ упомянутые глаголы: невѣжничать, озорничать, бездѣльничать, безчестить, уродовать, увѣчить и т. п., какъ не имѣющіе глагольныхъ приставокъ, должны быть отнесены къ безприставочнымъ глаголамъ. Принявъ это во вниманіе, мы найдемъ ничтожное количество глаголовъ, употребляющихся только съ приставкою въ темѣ, въ разрядахъ безприставочныхъ; да и они-то, глядишь, когда-нибудь могли употребляться безъ приставки или употребляются и нынѣ гдѣ-нибудь въ областной рѣчи. — Что касается разрядовъ приставочныхъ: IV, VI, VII, IX, то слѣдуетъ

замѣтить, а) что ниодинъ глаголъ въ разрядахъ IV, VП, IX не употребляется безъ приставки въ „формахъ настоящаго времени“; б) многіе глаголы VI разряда по происхожденію и образованію перешли въ III разрядъ и стали употребляться безъ приставки; они и функцію имѣютъ глаголовъ III разряда: блуждаю, являюсь, кривляюсь, строжаю, роняю, рождаю, ровняю, кончаю, прощаю и нѣк. др. Этотъ переходъ въ III разрядъ, вслѣдствіе сходства примѣтъ III и VI разряда, могъ произойти легко: вѣдь потому и образовался VП разрядъ, по функціи = VI, чтобы рѣзче отличить сложные глаголы отъ простыхъ III разряда, такъ какъ звукъ *й*, оставляющій слѣдъ своего присутствія въ смягченіи предъидущаго согласнаго и отличающій примѣту VI разряда отъ примѣты III, не есть надежный отличительный признакъ. Срав. гл. III разр. по-гулять, за-сѣять, об-лаять и др. съ подобными же глаголами VI разряда: умолять, на-гнѣнояться и др. Вообще, присутствіе приставки въ темѣ глаголовъ IV, VI, VП и IX разрядовъ въ „формахъ настоящаго времени“ обязательно.

Затѣмъ, такъ какъ къ III разряду относятся глаголы частію такіе, которые не могутъ употребляться безъ приставки въ темѣ, частію такіе, которые свободно могутъ употребляться безъ приставки, то этотъ разрядъ мы называли смѣшаннымъ.

Сравнивь теперь между собою по составу темы раз-

ряды I, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, мы найдемъ между ихъ темами слѣдующее равенство отношеній:

1) I: III=III: IV=V: VI=VI: VII=VIII: IX;—

2) I: IV=V: VII.

1) загреб: загреб+а=подписа: подписа+ва=одобри: одобри+а=обѣлиа: обѣлиа+ва=овладѣ: овладѣ+ва;—

2) распор: распар+ава=обѣли: обѣли+ава.

То есть:

1. а) тема I разряда, имѣющая приставку, входитъ въ составъ темы III разряда, гдѣ къ темѣ I разряда прибавляется звукъ а (ва);—

б) тема III разряда, имѣющая приставку, входитъ въ составъ темы IV разряда, гдѣ къ темѣ III разряда присоединяется звукъ а (ва);—

в) тема V разряда, имѣющая приставку, входитъ въ составъ темы VI разряда, гдѣ къ темѣ V разряда присоединяется звукъ а;—

г) тема VI разряда, имѣющая приставку, входитъ въ составъ темы VII разряда, гдѣ къ темѣ VI разряда прибавляется звукъ а;—

д) тема VIII разряда, имѣющая приставку, входитъ въ составъ темы IX разряда, гдѣ къ темѣ VIII разряда прибавляется звукъ а (ва).

2. а) Тема I разряда, имѣющая приставку, входитъ въ составъ темы IV разряда, гдѣ къ темѣ I разряда прибавляется ава;—

б) тема V разряда, имѣющая приставку, входитъ въ составъ темы VII разряда, гдѣ къ темѣ V разряда прибавляется ава.

Слѣдовательно:

Разр. I	есть основной	по отношенію къ III и IV	разр.
Разр. III	„ основной	„ „ къ IV	„
Разр. V	„ основной	„ „ къ VI и VII	„
Разр. VI	„ основной	„ „ къ VII	„
Разр. VIII	„ основной	„ „ къ IX	„

Наоборотъ:

Разр. III	есть дополнител.	*) по отнош. къ I	разр.
Разр. IV	„ дополнител.	„ „ къ III и I	„
Разр. VI	„ дополнител.	„ „ къ V	„
Разр. VII	„ дополнител.	„ „ къ VI и V	„
Разр. IX	„ дополнител.	„ „ къ VIII	„

Итакъ:

1. Разряды I, V, VIII суть только основныя;—
2. Разряды IV, VII, IX суть только дополнителныя;—и
3. Разряды III и VI суть дополнительно-основныя..

Разрядъ II не могъ войти членомъ ни одного изъ равенствъ, потому что тема его не входитъ въ составъ темы никакого другаго разряда. Это—разрядъ, стоящій внѣ соотвѣтствія по составу темы: разрядъ боковой.

Обращаемся снова къ равенствамъ отношеній. Если предположить, что то соотвѣтствіе между разрядами, о которомъ мы заключаемъ а priori на основаніи состава разрядовыхъ темъ, оправдывается на дѣлѣ и имѣетъ полное приложеніе по отношенію къ каждому глаголу основнаго

*) Терминъ «дополнительный» мы предпочли термину «производный» 1) потому, что глаголы дополнительные не только «производятся» отъ основныхъ, но и не могутъ безъ нихъ существовать: дополняютъ ихъ; 2) потому, что въ дополнительныхъ разрядахъ мы различаемъ все-таки глаголы первообразныя и производныя, такъ что на первый взглядъ показалось бы негѣнымъ въ «производныхъ» разрядахъ говорить о первообразныхъ глаголахъ.

разряда, то тогда бы мы пришли къ слѣдующимъ положеніямъ:

а) Каждый глаголь I разряда съ приставкою въ темѣ имѣеть два соотвѣтственныхъ дополнительныхъ: въ III и IV разрядѣ (по одному въ каждомъ).

б) Каждый глаголь III разряда съ приставкой въ темѣ имѣеть одинъ соотвѣтственный дополнительный въ IV разрядѣ.

в) Каждый глаголь V разряда съ приставкой въ темѣ имѣеть два соотвѣтственныхъ дополнительныхъ: въ VI и VII разрядѣ.

г) Каждый глаголь VI разряда (съ приставкой въ темѣ) имѣеть одинъ соотвѣтственный дополнительный: въ VII разрядѣ.

д) Наконецъ, каждый глаголь VIII разряда съ приставкой въ темѣ имѣеть одинъ соотвѣтственный дополнительный: въ IX разрядѣ.

Таковы априорныя заключенія о взаимномъ соотвѣтствіи разрядовъ и глаголовъ,—заключенія, подсказываемыя составомъ разрядовыхъ глагольныхъ темъ. На самомъ дѣлѣ эти заключенія имѣють значительныя отступленія. Слѣдуетъ принять во вниманіе, что

а) Глаголы VI разряда не служатъ основными для глаголовъ VII разряда: почти всегда бываетъ такъ, что глаголь VII разряда имѣеть соотвѣтственный въ V, тогда какъ въ VI разрядѣ соотвѣтственнаго вовсе нѣтъ.

б) Глаголь I и V разряда имѣеть обыкновенно не два, а одинъ соотвѣтственный себѣ глаголь въ одномъ изъ дополнительныхъ разрядовъ.

в) Не всякій основной глаголь съ приставкой въ темѣ имѣеть соотвѣтственный себѣ дополнительный.

Вслѣдствіе этого

а) приходится исключить VI разрядъ изъ числа раз-

рядовъ основныхъ, такъ что вышеприведенное апіорное дѣленіе разрядовъ приметъ такой видъ:

1. Разряды I, V, VIII суть основныя;—
2. Разряды IV, VI, VII, IX суть дополнительныя;—
3. Разрядъ III есть дополнительно-основной, то есть смѣшанный;—
4. Разрядъ II есть боковой.

Примѣч. Терминъ III разряда „смѣшанный“ мы предпочитаемъ термину „дополнительно-основной“, такъ какъ III разрядъ по извѣстному признаку уже разъ названъ былъ нами смѣшаннымъ. — Такимъ образомъ дѣленіе разрядовъ по соотвѣтствію, если исключить разрядъ II, вполнѣ дальше совпадаетъ съ дѣленіемъ ихъ на приставочные и безприставочные. — Глаголы основныхъ разрядовъ будемъ называть основными, глаголы дополнительныхъ разрядовъ — дополнительными. Основные глаголы всегда совпадаютъ съ безприставочными (т. е. могущими употребляться безъ приставки въ формахъ настоящаго времени), дополнительные глаголы всегда совпадаютъ съ приставочными (т. е. безъ приставки въ темѣ никогда не употребляющимися въ фф. наст. вр.).

β) Выключивъ VI разрядъ изъ числа основныхъ, мы уничтожаемъ ео ipso одно изъ пяти, приведенныхъ выше, апіорныхъ положеній (четвертое подъ буквой г); а принявъ во вниманіе еще двѣ поправки (относительно числа дополнительныхъ глаголовъ для I и V разряда и относительно того, что не всякій основной глаголъ имѣетъ себѣ соотвѣтственный дополнительный), мы должны остальные четыре положенія видоизмѣнить такъ:

А) Глаголь І разряда съ приставкою въ темѣ имѣеть соотвѣтственный себѣ дополнительный или въ III или въ IV разрядѣ.

Б) Глаголь III разряда съ приставкою въ темѣ (основной) имѣеть соотвѣтственный себѣ дополнительный въ IV разрядѣ.

В) Глаголь V разряда съ приставкою въ темѣ имѣеть соотвѣтственный себѣ дополнительный или въ VI или въ VII разрядѣ.

Г) Наконецъ, глаголь VIII разряда съ приставкою въ темѣ имѣеть соотвѣтственный себѣ дополнительный въ IX разрядѣ.

Примѣч. Какъ увидимъ ниже, приставочные глаголы III разряда не могутъ имѣть дополнительныхъ себѣ въ IV разрядѣ, потому что они сами дополнительные. Могутъ имѣть слѣд. дополнительные глаголы въ IV разрядѣ только основные, безприставочные глаголы III разряда.

Обратимся теперь къ частностямъ, чтобы повѣрить и уяснить эти общія положенія.

А.

Всякій глаголь І разряда съ приставкою въ темѣ имѣеть дополнительный соотвѣтственный себѣ.

1) Дополнительные глаголы къ глаголамъ І разряда обыкновенно бываютъ въ III разрядѣ. Напр.

по-гребу	-	-	-	-	по-гребѣю
от-влеку	-	-	-	-	от-влекѣю
за-пью	-	-	-	-	за-пивѣю
за-крою	-	-	-	-	за-крывѣю
при-жму	-	-	-	-	при-жимаю

у-мру - - - - - у-мираю
со-жгу - - - - - со-жигаю и пр.

2. Плавные глаголы съ фонемою *оро—оло* (*ор-ол*) имѣютъ корреспонденты въ IV разрядѣ:

рас-порю (пороть) - - - рас-параваю
за-колю - - - - - за-калаваю

Примѣч. „Закалаю есть форма старославянская.

3. Глаголы *Р+к'расть* и *Р+класть* имѣютъ соотвѣтственныя формы въ III и IV разрядѣ:

рас-краду - - рас-крадаю и рас-крадаваю
под-кладу - - под-кладáю и под-кладаваю.

Примѣч. *Р+класть*, *Р+кладать* предпочтительно замѣняются однако глаголомъ *Р+ложить*, *Р+лагать*.

Фонетическія замѣтки. 1) При переходѣ глаголовъ I разряда въ III бываетъ въ русскомъ языкѣ усиленіе *е* бѣглаго (=стел. *ѡ*) въ *и*: умираю, сожигаю и под.; въ *ем*, *ен* (*ьм*, *ьн*), возникающихъ изъ *а*, который разлагается предъ глагольною примѣтою *а*, звукъ *е* есть тоже бѣглый: при-жимаю (при-жму=при-жму=при-ж~~а~~-у).—При переходѣ глаголовъ гласныхъ въ III разрядъ зіяніе всегда уничтожается паразитнымъ *ѡ*, а не *й*: задувать, вышивать, покрывать; срав. сѣй~~а~~ть, вѣй~~а~~ть и под. (но *а*, какъ мы уже замѣтили, для уничтоженія зіянія разлагается и усиливается: понимать, пожинать, начинать, разминать).

Это усиленіе *е* (*ь*) и *а* мы называемъ среднимъ въ отличіе отъ сильнаго въ V разрядѣ, гдѣ *е* (=ѣ и *ь*) переходитъ въ *о*. Къ среднему усиленію кромѣ *е* (*ь*) и *а* (когда онъ разлагается) способенъ еще звукъ *о* бѣглый (=ь);

сильное усиленіе *о* (ъ) есть *у* (оу); а въ этомъ случаѣ переходить въ *ж* (рус. *я, а—у*).

Въ старосл. языкѣ усиливался зв. *є* и *о* при переходѣ глаголовъ изъ I разр. въ III: *є* въ *ю*, *о* въ *а*: *гнєсти—оугнѣтати*, *пєшти—припѣкати*, *мєсти: отмѣтати*, поэтому и *жєшті—сѣжагати*; *колєж—закалаж*.

2) При переходѣ въ VI разрядъ въ плавной фонемѣ *ор*, *ол* зв. *о* усиливается въ *а*. См. выше.

Уклоненія отъ общаго положенія. 1) Глаголы *дать*, *дѣть* имѣютъ въ III разрядѣ соотвѣтственныя формы безприставочныя: *давать*, *дѣвать*.

2) *Р+несу*, *Р+веду*, *Р+везу* имѣютъ соотвѣтственныя себѣ дополнительные глаголы не въ III и не въ IV разрядѣ, а въ V:

под-несу	-	-	-	-	под-ношу
от-везу	-	-	-	-	от-вожу
раз-веду	-	-	-	-	раз-вожу.

Примѣч. Однако гл. *носить*, *водить*, *возить* въ то же время и основные: 1) они свободно употребляются безъ приставки; 2) съ приставкой нѣкоторые имѣютъ въ свою очередь дополнительные глаголы въ VП разрядѣ и въ VI: *изношу—изнашаваю*, *провожу—провожаю* и др.

В.

Глаголы III разряда распадаются на дополнительные и основные.

I. Глаголы дополнительные. По признакамъ морфологическимъ и фонетическимъ дополнительные глаголы III разряда отъ основныхъ можно отличить: 1) по соотвѣтствію. Всѣ глаголы, имѣющіе соотвѣтственные себѣ въ I разрядѣ, суть дополнительные. Исключаются *падать* и

бѣгать: они основные и возникли вслѣдствіе того, что гл. I разр. наст. и бѣчь не употребляются безъ приставки, а бѣчь даже и съ приставкой въ литературномъ языкѣ не употребляется въ нѣкоторыхъ случаяхъ. 2) Всѣ дополнительные глаголы во всѣхъ формахъ удареніе имѣютъ надъ примѣтой: срав. пробѣгаю и пробѣгаю; присѣдаю, сожигая, выпивая и пр. 3) Исключая давать, дѣвать, бывать, всѣ остальные дополнительные глаголы употребляются только съ приставкой: срав. брать и забирать, драть и сдирать, спать и засыпать, ткать и затыкать: *борать, *бирать, *сыпать, *тыкать глаголовъ нѣтъ. 4) Зіаніе всегда уничтожается съ помощію *в*: срав. засѣвать и засѣивать, развѣвать и развѣивать. 5) Въ формахъ наст. времени примѣта *а* не выпадаетъ: срав. улыбаюсь, заступаю и напишу, попляшу и др. По всѣмъ этимъ признакамъ въ совокупности почти всегда можно отличить, не принимая во вниманіе функціи (что особенно важно для иностранца), глаголъ дополнительный III разряда отъ основнаго.

Уклоненія отъ общаго положенія. По морфологическому своему составу глаголы III разряда могли бы быть дополнительными лишь только по отношенію къ глаголамъ I разряда. Но мы находимъ значительное количество дополнительныхъ глаголовъ, не имѣющихъ соответствующихъ основныхъ въ I разрядѣ: эти глаголы имѣютъ соответственные основные или въ другихъ основныхъ разрядахъ (V, VIII) или во II или наконецъ въ самомъ III. Съ точки зрѣнія морфологій эти глаголы мы можемъ считать основными потому, что большинство ихъ можетъ употребляться безъ приставки, потому что они не имѣютъ средняго усиленія, тогда какъ дополнительные всѣ усиливаютъ *е* (ь) и *о* (ь) въ *и* и *ы*; срав. зарубаю—рублю, покупаю—куплю; издыхаю—издохну, разрываю—(разо)рву, посылаю—(по)шлю, по-

стилаю—(по)стелю и под.; наконецъ, имѣя дополнительные (приставочныя) формы въ III разрядѣ, эти глаголы уже не имѣютъ ихъ въ тѣхъ, въ которыхъ слѣдовало ожидать: слѣд. и въ своихъ разрядахъ они, по соотвѣтствію дополнительныхъ формъ, составляютъ исключеніе: по-купляю, зарубляю, наступляю (наступить—наступаю) не употребляются, а равно и покупаю, зарубляю, наступляю и под. Точно также: забирать, обдирать, посылать и пр.—такихъ формъ въ IV разрядѣ нѣтъ.

1) Слѣдующіе глаголы имѣютъ корреспонденты во II разрядѣ. *)

за-сыхаю	-	-	-	сохну
за-мерзаю	-	-	-	мерзну
по-грязаю	-	-	-	(по)грязну
при-липаю	-	-	-	липну
о-кисаю	-	-	-	кисну
на-мокаю	-	-	-	мокну
с-меркаюсь	-	-	-	меркну
о-зябаю	-	-	-	зябну
о-стываю	-	-	-	стыну
у-топаю	-	-	-	топу
по-тухаю	-	-	-	тухну
у-тихаю	-	-	-	(у)тихну
по-гибаю	-	-	-	гибну
рас-пухаю	-	-	-	пухну
по-никаю	-	-	-	(по)никну

Нужно замѣтить, что и основные глаголы II разряда потеряли свои безприставочныя формы:

вос-кресаю	-	-	-	вос-кресну
из-сякаю	-	-	-	из-сякну

*) Эти глаголы II разряда, служащіе вмѣсто основныхъ, мы будемъ называть основными, какъ и глаголы I, V, VIII и частью III разряда.

из-дыхаю	-	-	-	из-дохну
у-лыбаю	-	-	-	у-быбнусь
на-мекаю	-	-	-	на-мекну
при-выкаю	-	-	-	при-выкну
о-кунаю	-	-	-	о-куну
от-вергаю	-	-	-	от-вергну
при-сягаю	-	-	-	при-сягну
от-рицаю	-	-	-	(от-рину, стрел.)
про-сынаю	-	-	-	про-сну(сь)

Примѣч. Глаголь *от-рицать* лучше считать дополнительнымъ къ гл. I разр.: *от-речь(ся)*.

2) въ III разрядѣ:

а) дополнительные имѣютъ среднее усиленіе въ корнѣ:

из-бираю	-	-	-	беру: брать.
с-дираю	-	-	-	деру: драть.
на-стилаю	-	-	-	стелю: стлать.
по-сылаю	-	-	-	шлю: слать.
на-зываю	-	-	-	зову: звать.
за-тыкаю	-	-	-	тычу и тку: ты'кать и ткать.

Примѣч. Какъ уже извѣстно, *беру, деру, зову, тку* и под. суть формы I разряда съ неопредѣленнымъ по III разряду: это глаголы съ двумя темами (см. выше ст. II и ниже ст. V).

β) по-двигаю	-	-	-	двигаю
ра(з)-зѣваю	-	-	-	зѣваю (разину).
за-сѣваю	-	-	-	сѣю: сѣять.
под-стрекаю	-	-	-	стрекаю (стрекну),
пере-кликаю	-	-	-	кликаю (кричу).
у-смѣхаюсь	-	-	-	смѣюсь: смѣяться.

3) Въ V разрядѣ:

за-рубаю	-	-	-	рублю: рубить
по-купаю	-	-	-	куплю: купить

по-ступаю	-	-	-	-	(по)поступлю: (по)ступить.
по-лагаю	-	-	-	-	по-ложу: по-ложить.
про-нзаю	-	-	-	-	про-нжу: про-нзить.
до-пускаю	-	-	-	-	пущу: пустить и пускать.
у-скользяю	-	-	-	-	скользю: скользить.

4) Наконецъ, въ VІІІ разрядѣ:

до-гораю	-	-	-	-	горю: горѣть.
со-драгаюсь	-	-	-	-	дрожу: дрожать
об-(в)ладаю	-	-	-	-	владѣю.
об-зираю	-	-	-	-	(обо)зрю: зрѣть.
у-молкаю	-	-	-	-	молчу: молчать
за-кипаю	-	-	-	-	киплю: кипѣть.
про-сыпаю	-	-	-	-	сплю: спишь и др.

Примѣч. (Со)драгаться съ усиленіемъ *о* въ *а* по старословянскому, а равно и (по)лагать (см. выше).—Обозрѣть имѣть болѣе употребительную дополнительную форму правильную, въ ІХ разрядѣ: обозрѣвать. Глаголы зѣвать, тыкать, стрекать, кликать, а также бѣгать, падать, пускать, очевидно, отбросили свои приставки и стали употребляться въ качествѣ основныхъ; нѣкоторые изъ нихъ въ свою очередь, какъ основные, имѣютъ дополнительные формы въ ІV разрядѣ: по-зѣвывать, закликавать, пропускавать; срав. выносить и вынашивать (VІІ).

Чѣмъ же объяснить, что глаголы ІІІ разряда бываютъ дополнительными къ глаголамъ ІІ, ІІІ, V, VІІІ разрядовъ? Это будетъ понятно, если мы примемъ во вниманіе фактъ, который мы констатировали выше: что въ рускомъ языкѣ многіе глаголы І разряда исчезли изъ него и перешли въ другіе разряды: рю-ти: ревѣть; коути: ковать; забсти: забнуть и др. Слѣдуетъ полагать, что дополнительные глаголы ІІІ разряда всѣ имѣли когда-

то основныя формы въ I разрядѣ, но онѣ исчезли изъ него, перейдя въ тѣ разряды, въ которыхъ мы ихъ видимъ теперь. Такъ глаголѣ о-зябать собственно есть дополнительный не къ зябнуть, а къ зябсти; обладать не къ о-владѣть, а къ власти и т. д.

II. Основные глаголы III разряда. Изъ нихъ весьма мало встрѣчается такихъ, которые бы не имѣли безприставочной формы, напр. оправдать, обнародовать; удареніе могутъ имѣть на примѣтъ и не на примѣтъ: толкать, прыгать, желать, нюхать, шептать, ханать, канать и т. д.; зянїе между примѣтой и гласнымъ корня уничтожаютъ посредствомъ звука й: сѣйать, лайать, кайаться, смѣяться (гл. зѣвать происходитъ отъ зѣ-в-ѣ): въ формахъ настоящаго времени многіе выпускаютъ примѣту: пишу, сѣю, помилую и др.

а) Согласно съ общимъ положеніемъ основные глаголы III разряда имѣютъ дополнительные формы въ разрядѣ IV:

до-дѣлаю	-	-	-	-	до-дѣлаваю
за-воюю	-	-	-	-	за-воеваю
раз-сѣю	-	-	-	-	раз-сѣяваю
рас-чешу	-	-	-	-	рас-чесаваю
от-кажу	-	-	-	-	от-казаваю
от-хватаю	-	-	-	-	от-хватаваю
за-работать	-	-	-	-	за-работаваю

Примѣч. Очень многіе глаголы III разряда, особенно изъ производныхъ, совсѣмъ не имѣютъ дополнительныхъ формъ: завтракать, обѣдать, бесѣдовать, чувствовать, дѣйствовать и мн. др. При переходѣ въ IV разрядъ иногда зв. о темы III разряда усиливается, иногда нѣтъ: за-капаваю: за-копаю, вы-талка-

ваю: толкаю; но за-трогаваю: трогаю,
за-хлопаваю: хлопаю и др.

б) Уклоненіе отъ общаго положенія представляють 1) перечисленные выше глаголы, имѣющіе свои дополнительные формы въ своемъ же разрядѣ, причемъ бываетъ среднее усиленіе е(ь) и о(ъ): слать—посылать, брать—избирать и др. См. выше. 2) Глаголь гнать: из-гонять, въ VI разр.

В.

Обыкновенно бываетъ такъ, что если какой-нибудь глаголь V разряда имѣетъ дополнительную форму въ VI разрядѣ, то ужъ не имѣетъ ея въ VП:

а) о-живить	-	-	-	о-живляю
об-луплю	-	-	-	об-лупляю
о-травлю	-	-	-	о-травляю
у-молю	-	-	-	у-моляю
о-кружу	-	-	-	о-кружаю
до-вѣрю	-	-	-	до-вѣряю
при-готовлю	-	-	-	при-готовляю
в-люблюсь	-	-	-	в-любляюсь и т. п.

б) раз-говорюсь	-	-	раз-говаряваю
раз-горожу	-	-	раз-гораживаю
от-ворочу	-	-	от-вораживаю(сь)
от-вѣшу	-	-	от-вѣшаваю
с-глажу	-	-	с-глаживаю
про-кучу	-	-	про-кучаваю
о-кончу	-	-	о-канчаваю

в) Но бываютъ дополнительные формы и въ обоихъ разрядахъ, при чемъ по большей части приставки мѣняются въ IV и VI разрядахъ:

по-золочу	-	-	-	позлащаю и по-золачиваю
-----------	---	---	---	-------------------------

при-гвозжу - - -	при-гвозждаю и за-гвазжаваю
по-гложу - - -	по-гложу и про-глаголю
о-добру - - -	о-добряю и за-дабрю
по-браню - - -	воз-браню и по-браняю
с-гною - - -	на-гноятся и с-гнаивать
у-важу - - -	у-важаю и от-важаюсь.

Примѣч. Въ этомъ случаѣ большинство формъ VI разряда существуютъ какъ старославянскія или древнерусскія, въ особенности если обѣ формы VI и VII имѣютъ одну и ту же приставку.

Уклоненіе отъ общаго положенія представляютъ перечисленные нами выше глаголы, имѣющіе дополнительные формы въ III разрядѣ: закупить—закупáю, зарубить—зарубáю и нѣк. др. (См. В: I, 3).

Въ V разрядѣ есть много глаголовъ, которые не употребляются безъ приставки: помрачить, вооружить, утолить, облегчить, усоветить, поздравить, упразднить, оскорбить, продолжить и др. Изъ этихъ примѣровъ видно, что безприставочныя формы отсутствуютъ у тѣхъ основныхъ глаголовъ V разряда, которые произведены отъ именъ.—Равнымъ образомъ, нѣкоторые не имѣютъ вовсе дополнительныхъ формъ грезить, буянить, женить, прослезиться и нѣк. др., но такихъ очень мало.

Фонетическая замѣтка. Звукъ *о* въ темѣ V разряда усиливается въ *а* въ VII разрядѣ: останавливать, задабривать, озолачивать, скашивать и пр. Въ ст.-сл. языкѣ при переходѣ въ VI разр. усиливался зв *о* въ *а*.

Г.

Весьма немногіе глаголы VІІІ разряда имѣють дополнителныя формы и, если имѣють, то согласно съ общимъ положеніемъ обыкновенно въ ІХ разрядѣ:

о-хладѣю - - - -	о-хладѣваю.
пре-терплю - - - -	пре-терпѣваю
вы-лежу - - - -	вы-лежаю
по-боюсь - - - -	по-бояваюсь
вы-стою - - - -	вы-стояваю и др.

Уклоненіе отъ общаго положенія представляютъ глаголы:

а) раз-говѣюсь - - - -	раз-говляюсь, VІ разр.
б) вы-сидѣть - - - -	вы-сигаваю, VІІ разр.
о-смотрѣть - - - -	о-сматриваю — „ —
вы-здоровлю - - - -	вы-здравляваю — „ —
в) храплю - - - -	всхрапываю, ІV разр.
глядѣть - - - -	взглядывать
молчать - - - -	помалкиваю
кричать - - - -	всерикаваю
скрипѣть - - - -	по-скрипываю
свистѣть - - - -	по-свистываю
вертѣть - - - -	по-вертываю
бренчать - - - -	по-брякаваю и нѣк. др.

а) Дополнительные глаголы ІІІ разряда имѣють соотвѣтственные основныя въ І разрядѣ.

б) Дополнительные глаголы ІV разряда имѣють соотвѣтственные основныя въ І или въ ІІІ разрядѣ.

в) Дополнительные глаголы VІ и VІІ раз-

рядовъ имѣють соотвѣтственные основные въ V разрядѣ.

г) Дополнительные глаголы IX разряда имѣють соотвѣтственные основные въ VIII разрядѣ.

Эти обратныя положенія уже ясны изъ предъидущаго.

А. Трудновато иногда бываетъ (для иностранца) по однимъ морфологическимъ и фонетическимъ признакамъ отличить глаголы дополнительные отъ основныхъ въ III разрядѣ. — Большинство дополнительныхъ глаголовъ имѣетъ по общему положенію основные формы въ I разрядѣ. Уклоненія перечислены выше (см. Б: I, 1—2—3—4).

Б. Почти всѣ глаголы IV разряда суть дополнительные къ глаголамъ III разряда. Какіе глаголы имѣють основныя формы въ I разрядѣ, объ этомъ см. выше (подъ А). Уклоненіе представляютъ немногіе глаголы, имѣющіе соотвѣтственные основные въ VIII разр. (см. Г: в).

В. Глаголы VI разряда, по общему положенію, всѣ дѣйствительно имѣють свои основныя формы въ V разрядѣ, исключая гл. „разговляться“; VII разряда тоже всѣ имѣють свои основныя формы въ V разрядѣ, кромѣ немногихъ (см. выше: Г, б, гдѣ говорится о VIII разр.).

Г. Всѣ безъ исключенія глаголы IX разряда дѣйствительно имѣють свои основныя формы въ VIII разр. Уклоненій нѣтъ.

Кромѣ того, нужно замѣтить, что дополнительные глаголы не могутъ существовать безъ основныхъ. Это правило, не имѣющее исключеній. При этомъ нужно имѣть въ виду, что основные глаголы сохраняютъ тѣ же самыя приставки, которыя находятся въ тѣхъ дополнительныхъ глаголахъ. Отъ послѣдняго положенія отступленія чрезвычайно рѣдки, напр.

VI: (у)вѣщать - - - - - от-вѣтить

IV: завѣдавать - - - - - от-вѣдать

Примѣч. Существующія въ разговорѣ формы „завѣдую, завѣдующій“ указываютъ на тему III разряда: „завѣдовать“. Но функція говорить за форму IV разряда; форма III разр. образовалась по аналогіи къ глаголамъ III разр. на овать; баловать, листовать и пр.

Такимъ образомъ мы видимъ, что соотвѣтствіе между основными и дополнительными глаголами проведено весьма правильно. Уклоненія, которыя мы перечислили, весьма незначительны сравнительно съ общимъ числомъ русскихъ глаголовъ.

Судя по тому, что въ Остромировомъ Евангеліи встрѣчается только одинъ глаголъ съ примѣтой ава (подкопаважть) и два съ примѣтой ява (отъвѣщати и съконъчаваахъ); принявъ во вниманіе, что эти глаголы могли быть образованы на русскій ладъ послѣ,—равно какъ и одинъ глаголъ съ примѣтою ѣва (разоумѣвають): мы можемъ заключить, что въ настоящемъ старославянскомъ языкѣ, въ чистомъ его видѣ, свободномъ отъ всякихъ позднѣйшихъ вліяній теперь существующихъ славян. языковъ, не было вовсе глаголовъ съ примѣтами ава, ява, ѣва. Слѣдовательно, въ немъ было только 6 разрядовъ, соотвѣтствующихъ русскимъ: I, II, III, V, VI, VIII. Исключивъ боковой разрядъ (II), мы получимъ всего только 5 разрядовъ, входящихъ въ русское слово въ равенство отношеній между основными и дополнительными темами: I, III, V, VI, VIII. Изъ этихъ разрядовъ можно составить одно только равенство отношеній по составу ихъ темъ:

$$I: III=V: VI$$

III и VIII разряды соотвѣтствующихъ себѣ дополнительныхъ, стало быть, не имѣли вовсе.

Слѣдующіе примѣры подтверждаютъ,* что дѣйствительно въ старосл. языкѣ Остромирова Евангелія было развито вышеприведенное соотвѣтствіе.

III. а) оумывати - -	I. оумыиши
оубиваѣщихъ - - -	оубиѣтъ
съкрывайте - - -	съкрыхъ
съжагаѣтсѧ - - -	съжѣши
съближдаите - - -	съближдѣте
събираѣ - - -	съберетъ
прѣбываѣ - - -	прѣбѣдетъ
призываѣтъ - - -	призвати, призовѣте.
приемлите, -и ма и - -	приимете (примѣти)
помѣтаите - - -	метѣхъ
посѣкаѣтъ - - -	посѣчеши
посылаѣ - - -	послѣхъ
побиваѣще - - -	побиѣтъ
погрѣбати - - -	погрѣти
почитаите - - -	почтѣте
падаѣтъ - - -	падѣтъ
отъвръзаѣтъ - - -	отъвръзѣтсѧ
обрѣтаѣтъ - - -	обращѣтъ
обладаѣще - - -	владѣхъ.
начинаите - - -	начнѣте
нарицаете - - -	наречѣтсѧ
вмѣтаете - - -	вмѣтѣте, и нѣк. др.

VI. б) сѣмѣиѣтсѧ -	V. вѣзмѣтитсѧ
сѣмѣиѣхъ - - -	сѣмѣитсѧ
сѣкроушаѣ - - -	сѣкроушитсѧ
сѣвръшаѣ - - -	сѣвръшѣхъ
разлѣчаѣтъ - - -	отлѣчатъ
противлѣжнѣтсѧ - -	противѣтсѧ
просвѣщаѣтъ - - -	просвѣтѣтсѧ
приключѣѣ - - -	приключѣшихъсѧ
приближаѣтсѧ - - -	приблѣжитсѧ
пооучатсѧ - - -	наоучите
помыслихъ - - -	помыслихъ
отпоущаете - - -	отпоустите

оставляѣтъ	-	-	-	оставить
напѣл'ниѣтъ	-	-	-	напѣл'нить
крѣщаѣтъ	-	-	-	крѣститъ(ся).
искоушаѣтъ	-	-	-	искоушиши
въсхѣщаѣтъ	-	-	-	въсхѣтитъ
въскрѣшаѣтъ	-	-	-	въскрѣшж
въпрашаѣтъ	-	-	-	въпросити
въмѣщаѣтъся	-	-	-	въмѣститъ
възвѣщаѣтъ	-	-	-	възвѣщж
възвращаѣтъся	-	-	-	възвращжся
величаѣтъ	-	-	-	величити
являѣши	-	-	-	явится, и нѣк. др.

Примѣч. крѣщаѣтъ — крѣститъ, величаѣтъ — величити, падаѣтъ — падѣтъ: соотвѣтствіе безприставочныхъ формъ. Въ стсл. такое соотвѣтствіе довольно обыкновенно. Это до нѣкоторой степени можетъ объяснить намъ между прочимъ, почему въ русскомъ языкѣ существуетъ гл. III разряда величать безъ приставки (на ряду съ у-величить), „кончать“ (кончить) и нѣк. др. Мы эти глаголы относимъ всѣ къ III разряду, какъ такіе, которые не имѣютъ главнаго признака глаголовъ съ сложными примѣтами: невозможности употребляться съ приставкою въ формахъ наст. времени. *)

Далѣе встрѣчается слѣдующее соотвѣтствіе:

III. а) съѣзаж	-	-	III. съѣжж: (съѣзати)
съѣздаж	-	-	съѣждж: (съѣдати)

*) Глаголы Остр. Евангелія «крѣщати» и «величати» и под. показываютъ, что не всѣ русскіе глаголы типа «лазять, ѣздить» такого поздняго образованія, какъ эти послѣдніе. Говоря объ общеглагольной темѣ (ст. II «Къ уч. о рус. гл.»), мы упустили этотъ фактъ изъ вниманія, давши поводъ думать читателю, что всѣ глаголы эти — очень недавнее произведеніе рус. языка. Между тѣмъ приходится между ними различать въ свою очередь глаголы древняго происхожденія и новѣйшаго. Глаголы древняго происхожденія

сѣвазѣжѣ - - -	сѣважѣте: (сѣвазати)
посѣлаж - - -	посѣлж: (посѣлати)
помѣтаите - - -	мѣсѣмъ: (мѣтати)
вѣзискаѣте - - -	вѣзисѣте: (вѣзискати)
вѣзливаж - - -	вѣзлиж: (вѣзлити)
б) вѣстрыгажѣ - П.	вѣстрыгѣте: (вѣстрыгати)
погѣбѣжѣ - - -	погѣбѣмъ: (погѣбѣти)
в) оправѣдажѣ - V.	оправѣдитѣся.
г) прозиражѣ - VIII.	прозри: (прозрѣти)
повѣдажѣ - - -	повѣлите: (повѣдѣти)
проповѣдаите - - -	проповѣдите: (проповѣдѣти)

Эти примѣры отчасти могутъ указать на то, какъ III и VIII классы обходились безъ дополнительныхъ въ старослав. языкѣ. Но теперь дѣло не въ этомъ пока: важно то, что въ старославянскомъ языкѣ эпохи болѣе ранней, чѣмъ къ какой относится Острог. Евангеліе, приблизительно въ X вѣкѣ, безъ сомнѣнія не было вовсе разрядовъ, соотвѣтствующихъ нашимъ IV, VII, IX. Въ болѣе позднихъ памятникахъ старославянскаго языка, понятно, эти разряды мало-по-малу стали возникать подъ вліяніемъ теперь существующихъ славянскихъ языковъ, въ которыхъ во всѣхъ дѣйствительно существуютъ всѣ тѣ разряды, которые существуютъ и въ нашемъ языкѣ (см. Vergl. Gr. Миклошича). Но въ какой степени тамъ развито соотвѣтствіе между основными и дополнительными разрядами, это предоставляемъ рѣшить специалистамъ, владѣющимъ славянскими языками практически.

образовались совершенно также, какъ образуются глаголы VI разряда и давнымъ давно по функци и по другимъ признакамъ перешли въ III разрядъ, вслѣдствіе чего стали основными. получивъ возможность образовывать дополнительные глаголы (въ VI разр., но собственно въ VII): величать || возвеличивать. Глаголы новѣйшаго происхожденія произошли изъ глаголовъ V разряда дѣйствительно чрезъ механическую вставку звука *a* въ формахъ наст. времени. Что эта вставка недавняя, объ этомъ говоритъ небное (русское) смягченіе *o*, *z* (безъ перехода *o* въ *ж* или *жo*, *z* въ *жz*) въ *дз* яю, *лаз* яю.

Перейдемъ теперь къ соотвѣтствію другаго рода: между простыми разрядами. Но надо замѣтить, что соотвѣтствіе это далеко не въ такой степени развито, какъ предыдущее: между основными и дополнительными разрядами и глаголами. Последнее почти постоянно (исключая соотвѣтствія между VIII и IX), первое — отрывочно, спорадично.

Сначала рассмотримъ соотвѣтствіе между основными разрядами, затѣмъ между основными съ одной стороны и боковымъ съ другой.

А) Между основными разрядами чаще встрѣчаются взаимно-соотвѣтствующие глаголы въ I и V; въ VIII и V, гораздо рѣже: между III и V, III и VIII.

1. Между I и V:

а) нести	- - -	носить
плести	- - -	(с)плотить
вести	- - -	водить
течь	- - -	точить
везти	- - -	возить
б) пить	- - -	поить (=пойить)
гнить	- - -	гноить (=гнойить)
почить	- - -	покоить (покойить)
в) сѣсть	- - -	садить
лѣзть	- - -	лазить (лазять: позднѣе).
г) умереть	- - -	уморить
тереть	- - -	(на)торить
вле(ѣ)чь	- - -	волочить (волочать: позднѣе).
д) трасти	- - -	трѣсать
е) забыть	- - -	забавить
плыть	- - -	плавить
слыть	- - -	славить

Примѣч. Такимъ образомъ при переходѣ глаголовъ I разр. въ V они подвергаются усиленію, которое свойственно разряду V, какъ разряду сильно-му: *е* переходитъ въ *о*, *и* въ *ѣ*(=ой), *ѣ* въ *а*, плавныя фонемы *ер*(е), *ел*(е), (=рѣ, лѣ) — въ *ор*(о), *ол*(о), *а* въ *ж*, *оу* въ *ав* (при простомъ разложеніи, эквивалентномъ *оу* переходитъ въ *ов*). Это свойственно вообще большинству (кроме позднѣйшихъ) *) первообразныхъ глаголовъ: порочить, пророчить, морочить; укоротить, вздорить, спорить, жзить (ср. *взаты*) и под. — То же самое наблюдается въ общемъ при переходѣ изъ прочихъ разрядовъ, которые мы называемъ чистыми, въ V. — *о*(ъ) и *е*(ь), подвергающіеся среднему усиленію въ дополнительныхъ глаголахъ III разряда, здѣсь усиливаются въ *оу* и *о*.

2. Между VIII и V:

громѣть	- - -	громить
звенѣть	- - -	звонить
вертѣть	- - -	воротить (позднѣе: <i>ворочать</i>)
висѣть	- - -	вѣсить
слабѣть	- - -	слабить
дрожать	- - -	раздражить
дышать	- - -	душить
слышать	- - -	слушать (форма, заставляющая предполагать другую болѣе древнюю форму: * <i>слушить</i>).
толстѣть	- - -	утолстить
чернѣть	- - -	чернить
длиннѣть	- - -	удлиннить

*) Напр. *чтигъ*, *стелить*, *мелить* вм. *чес-ть*, *стать*, *молоть*; *чинить* вм. *чати*; *поминь*, и др.

бѣлѣть	-	-	-	бѣлить
полнѣть	-	-	-	по-полнить
свѣжѣть	-	-	-	о-свѣжить
густѣть	-	-	-	с-густить
тупѣть	-	-	-	тупить
о-хладѣть	-	-	-	о-хладить
жалѣть	-	-	-	с-жалился
о-живѣть	-	-	-	о-живить и мн. др.

Примѣч. α) Изъ этихъ примѣровъ видно, что соотвѣтствіе развито особенно между тѣми глаголами VІІІ и V разряда, которые произошли отъ именъ. Многіе изъ этихъ глаголовъ, произведенныхъ отъ именъ, по морфологическому составу своему первообразны ($\sqrt{V}+U$ или $P+\sqrt{V}+U$), но фонетическій видъ ихъ корня остается тотъ же, какой онъ имѣетъ въ имени. Въ другихъ первообразныхъ глаголахъ, видимо образованныхъ прямо отъ корня, бываетъ сильное усиленіе гласныхъ въ V разрядѣ (гремѣть—громить).

β) Глаголы дышать и слышать по фонетическому виду корней, имѣющихъ среднее усиленіе, принадлежатъ къ ІІІ разряду глаголовъ дополнительныхъ, но по этому признаку конечно нельзя ихъ относить къ этому ІІІ классу (а слѣдовательно и къ первому спряженію): а) они потеряли главный признакъ дополнительныхъ глаголовъ и употребляются свободно безъ приставки въ формахъ наст. времени; б) есть особая дополнительная форма ІІІ разряда: вы-дыхаю, за-дыхаюсь, не употребляющаяся безъ приставки; в) если и есть форма въ Остр. Ев. дышетъ; то вѣдь тамъ же встрѣчается и форма дыхающоу, которая въ русскомъ языкѣ

исключительно принадлежить глаголамъ дополнительнымъ-приставочнымъ; но въ Остр. Еванг. не встрѣчается позднѣйшей формы дышати: слѣдовательно глаголь дышать есть *neubildung*, относящійся къ вы-дыхать, какъ горѣть къ сгорать, обозрѣть къ озираться. Такихъ новыхъ образований пропасть, тьматьмушая, и если на всѣ смотрѣть съ исторической точки, то тогда бы пришлось всѣ разряды подвести къ одному, двумъ и много тремъ; г) что же касается глагола слышать, то онъ уже въ эпоху Остр. Евангелія составлялъ *neubildung*, такъ что въ высшей степени нераціонально было бы возстановлять доостромировское правописаніе слышетъ, слышемъ, слышущіе; между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что въ болѣе раннюю эпоху были формы *слышетъ, *слышжшии, *слыхаетъ и под., какъ въ Остр. Ев. находимъ дышетъ, дышажщоу: объ этомъ дастъ знать фонетическій видъ корня. Чистый его видъ: слѣх. д) Наконецъ, въ пользу причисленія къ VIII разряду, а не къ III, глаголовъ: дышу, слышу—говорить и ихъ функція въ безприставочной и приставочной формѣ (см. ст. V).

3) Между III и V:

бросать	-	-	-	бросить
глотать	-	-	-	про-глотить
кусать	-	-	-	от-кусить
катать	-	-	-	катить
кранать	-	-	-	кропить
капать	-	-	-	копить
таскать	-	-	-	тащить
ласкать	-	-	-	ластиться (мѣстн. въ Моск. губ.)

коротать - - -	у-коротить, со кратить.
ломать - - -	ломиться.
(о)простать - -	простить
попрекать - - -	перечить (мѣстн. въ Моск. губ. преимущ.)
хватать - - -	хватить
пугать - - -	рас-пудить, Пск. губ. (Даль.)

Примѣч. Это соотвѣтствіе основныхъ глаголовъ должно различать отъ соотвѣтствія между дополнительными глаголами III разряда и основными V. Какъ основные, приведенные глаголы III и V разр. должны бы были всѣ имѣть дополнительные въ соотвѣтствующихъ разрядахъ (глаголы III разр. — въ IV, глаголы V въ VI или въ VII); но замѣчательно, что глаголы бросить, откусить, катить, тащить, хватить имѣютъ дополнительными для себя тѣ же самые глаголы, какіе имѣютъ соотвѣтствующіе имъ глаголы III разр., т. е. въ разрядѣ IV: бросить — бросать: с-брасавать; откусить — кусать: откусавать; катить — катать: с-катавать(ся) и т. д. Достоверно, что нѣкоторые изъ основныхъ глаголовъ V разряда, имѣющихъ параллельные себѣ основные же глаголы въ III разрядѣ, появились въ V разр. тѣмъ же путемъ, какимъ во II разрядѣ явились глаголы: запнуться, тянуть, какъ появились въ III разр. гл. брать, звать и др. Такъ какъ глаголь III разряда напр. кусать могъ имѣть прежде двѣ формы наст. времени: кусаю и кушу (от-кушу), и такъ какъ вторая форма ничѣмъ не отличается отъ такихъ, какъ ношу, прошу и под. то отъ ней и образовался глаголь во V разр. от-кусить, при-кусить и т. п. Тоже са-

мое нужно сказать о глаголѣ бросить (бросаю—брошу), хватить (хватаю—хвачу). О такомъ процессѣ перехода глаголовъ изъ III разряда въ V можетъ говорить новое образованіе: стелить.—Глаголъ ошибиться, основной къ ошибаться, образовался какъ бы прямо отъ темы I разряда ошиб: ошибусь, а не *ошиблюсь. Что же касается глаголовъ пудить и простить, то они имѣютъ соответственные безприставочные пужать и прощать, перешедшіе изъ VI разр. въ III.

4) Между III и VIII:

свистать	- - -	свистѣть
блистать	- - -	блестѣть
стучать	- - -	стучать
пискать	- - -	пищать
брякать	- - -	бренчать
визгать	- - -	визжать
трескаться	- - -	трещать
летать	- - -	летѣть
брызгать	- - -	брызжать
видать,	- - -	видѣть
владать	- - -	владѣть.

Примѣч. Съ увѣренностью можно предположить, что многіе, если не все, основные глаголы III разряда, соответствующіе глаголамъ разряда VIII, могли быть сначала дополнительными къ глаголамъ VIII разряда и потомъ стали употребляться, на ряду съ послѣдними, какъ основные: владать и об(в)ладать, летать и про-летать (ср. В, 4). Поэтому нѣкоторыя формы IV разряда, послѣ того какъ формы III разряда перестали служить дополнительными къ глаголамъ VIII разряда, ста-

ли служить дополнительными одновременно къ глаголамъ III и VIII разрядовъ. „Посвистывать“, служащій дополнительной формою къ „свистать“, служить дополненіемъ и къ свистѣть. Равнымъ образомъ:

поблескавать	къ	блистать	и	къ	блестѣть
постукавать	„	стукать	и	„	стучать
пописывать	„	пискать	и	„	пищать
побрякать	„	брякать	и	„	бренчать
взвизгивать	„	визгать	и	„	визжать
потрескивать	„	трескать	и	„	трещать
возлѣтывать	„	летать	и	„	летѣть

Иногда посредствующихъ формъ III разряда не бываетъ вовсе и тогда формы IV разряда прямо служатъ дополнительными къ формамъ разряда VIII:

глядѣть	-	-	-	взглядавать
кричать	-	-	-	вскрикивать и нѣк. др.

Б. Выше мы уже видѣли, что глаголы II разряда отчасти служатъ основными для глаголовъ дополнительныхъ разряда III. Всѣ почти остальные глаголы II разряда имѣютъ соотвѣтствующіе себѣ въ основныхъ глаголахъ III разряда. Стало быть почти всѣ глаголы II разряда существуютъ для глаголовъ III разряда: меньшинство—въ качествѣ боковыхъ—основныхъ, большинство—въ качествѣ боковыхъ—дополнительныхъ. Такимъ образомъ боковое соотвѣтствіе имѣютъ, за рѣдкими исключеніями, только лишь глаголы III разряда.

зѣвать	-	-	-	зѣвнуть
щипать	-	-	-	щипнуть
хлопать	-	-	-	хлопнуть
капать	-	-	-	капнуть

копáть	- - -	копнуть
нырять	- - -	нырнуть
скакать	- - -	скакнуть
толкать	- - -	толкнуть
чихать	- - -	ч(и)хнуть
совать	- - -	сунуть
икать	- - -	икнуть и т. д.

Но бываетъ и такъ, хотя рѣдко, что въ III разрядѣ не бываетъ ни между основными, ни между дополнительными соотвѣствующихъ формъ, а между тѣмъ во II разрядѣ все-таки глаголъ существуетъ. Въ этомъ случаѣ онъ имѣетъ соотвѣствующій въ VIII разрядѣ:

крикнуть	- - -	кричать
взглянуть	- - -	глядѣть
дрогнуть	- - -	дрожать
(от)виснуть	- - -	висѣть
скрипнуть	- - -	скрипѣть и нѣк. др.

Затѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторые глаголы II разряда столь же удобно могутъ считаться боковыми по отношенію къ III, какъ и по отношенію къ VIII:

пискнуть	- - -	пискать и пищать
визгнуть	- - -	визгать и визжать
свис(т)нуть	- - -	свистать и свистѣть
(вз)летнуть	- - -	летать и летѣть и др.

Какъ уклоненіе отъ общаго правила, слѣдуетъ замѣтить соотвѣстствіе:

а) дунуть	- - -	дуть
кольнуть	- - -	колоть
гребнуть	- - -	грести
стричь	- - -	стригнуть
б) шевельнуть	- - -	шевелить
пыльнуть	- - -	пылить

и, быть можетъ, нѣкоторыхъ другихъ глаголовъ V разр.

Примѣч. Глаголы „обмануть“ и „помянуть“ представляютъ своеобразное образованіе. Послѣдній глаголѣ, впрочемъ, подобно глаголамъ „запнуться“ и „княнуть“ по всей вѣроятности появился во II разрядѣ изъ I „по-м-а-ти“ (ср. на-м-а-ть): по-м-ь-н-ж или по-м-е-н-ж и потомъ: по-мен-у-ть т. е. по-ме-ну-ть, помя-ну-ть; а потому „помянуть: поминать; запнуться, княнуть: запинаться, (про)клинать=замять: заминать; прижать: прижимать“. Что же касается глагола „обмануть“, то соотвѣтствующій ему въ IV разр. дополнительный глаголѣ „обманывать (авать)“ указываетъ на гл. III разр. *обманать: *обманаю, *обманю, обману (неб-

I	II	III	IV	V
сѣсть	—	присѣдать	—	садить
—	дрогнуть	содрагаться	вздрагавать	раздражить
лечь	прилечь	прилегать	—	положить
—	вернуть	вертать	повертывать	воротить
—	меркнуть	смеркаться	—	морочить
—	привыкнуть	привыкать	—	учить
—	звякнуть	звякать	позвякивать	звонить

ность зв. *и* потерялась); изъ „обману“ затѣмъ образовалось неопр. наклоненіе „обмануть“ (срав. Микл. II, 467. Миклошичъ думаетъ, что корень глагола „обмануть“ есть *ма*; но форма IV разр. „об-манава-ть,“ затѣмъ глаголъ „ман-ить“ указываютъ довольно ясно на *у/ман*).

Если между основными классами бываетъ соотвѣтствіе, если между основными и дополнительными это соотвѣтствіе почти постоянно, то понятно, что соотвѣтствіе глаголовъ можетъ пройти иногда почти чрезъ всѣ разряды. Напр.

VI	VP	VIII	IX
насаждать	усаживать	сидѣть	(высиживать, по VP).
раздражать	—	дрожать	—
(полагать, IV)	—	лежать	вылеживать
возвращать	поварачавать	вертѣть	—
омрачать	оморочавать	(мерцать)	—
обучать	заучавать	—	—
—	отзвонявать	звенѣть	—

Василій Добровскій.

(Продолженіе будетъ).

ИЗУЧЕНІЕ МАЛОГРАМОТНЫХЪ НАПИСАНІЙ. *)

ГЛАВА I.

Почему оно нужно.

§ 1.

Чувство слуха, какъ и другія чувства,—относительно. Наше ухо привыкаетъ къ тѣмъ звукамъ и сочетаніямъ ихъ, которые мы обыкновенно слышимъ. Когда же приходится слышать чуждый намъ говоръ, то по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ мы будемъ воспринимать его соотвѣтственно тѣмъ звукамъ и соединеніямъ ихъ, къ которымъ привыкло наше ухо. И чѣмъ болѣе этотъ говоръ по звукамъ и ихъ комбинаціямъ отличается отъ нашего, тѣмъ съ большей неточностью мы будемъ воспринимать его. ¹⁾

*) Приношу благодарность моему учителю проф. Н. А. Бодуэну-де-Куртенѣ, сообщившему мнѣ свой матеріалъ по изслѣдуемому мною вопросу.

¹⁾ Ср. простонародное заимствованіе иностранныхъ словъ: слово заимствуется сообразно звукамъ и сочетаніямъ звуковъ, свойственнымъ тому языку, въ который оно заимствуется.

Ср. автоморфизмъ въ нашихъ сужденіяхъ. Мы не имѣемъ возможности объяснять свойства другаго человѣка иначе, какъ въ формѣ своихъ собственныхъ чувствъ и понятій. И наши автоморфическія сужденія тѣмъ дальше отстоятъ отъ истины, чѣмъ болѣе нашъ собственный умъ отличается отъ того ума, о которомъ мы должны составить себѣ понятіе. (Спенсеръ, Изученіе социологіи, переводъ съ англ. подъ редакціей Гольдсмита, СПб., 1874, стр. 169—175).

Лѣтомъ 1879 года я прибылъ въ деревню Бѣлое ²⁾ и сталъ прислушиваться къ говору этой деревни. На мѣстѣ основно-русскаго *о* въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному, я слышалъ сначала звукъ средній между *а* и *о*, какъ это имѣетъ мѣсто въ моемъ произношеніи, и только когда мое ухо сроднилось съ говоромъ этой деревни, я сталъ слышать въ такихъ случаяхъ довольно ясное *о*.

Одинъ американецъ, долго жившій въ Константинополѣ, писалъ, что только одно турецкое слово, навѣрное, изображено имъ вполне точно; слово это — „bactshtasch“ (взятка). Онъ такъ часто его слышалъ, что ухо привыкло къ звукамъ этого слова, а языкъ къ выговариванію его; поэтому онъ увѣренъ, что и на сотую долю не можетъ ошибиться въ произношеніи его. А между тѣмъ слово, о которомъ говоритъ этотъ изслѣдователь, произносится „bakhshish“. ³⁾

Въ подобныхъ случаяхъ написанія малограмотныхъ, говорящихъ изслѣдуемымъ говоромъ, могутъ приносить большую пользу изслѣдователю: онъ наблюдаетъ, какъ обозначаются изслѣдуемые звуки и ихъ соединенія самими говорящими на этомъ говорѣ. ⁴⁾

§ 2.

Такъ какъ малограмотныя написанія болѣе или менѣе отражаютъ произношеніе писавшаго, то ими можно пользоваться какъ пособіемъ при изученіи говоровъ: изъ нихъ можно выбирать матеріалъ по фонетикѣ, морфології и т. д. изслѣдуемаго говора.

²⁾ Въ 30-ти верстахъ отъ Казани.

³⁾ Max Müller, Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache, II, 1866, p. 159—160.

⁴⁾ Какъ на опытъ подобнаго примѣненія малограмотныхъ написаній я указалъ бы на мое изслѣдованіе: Гласные безъ ударенія въ русскомъ языкѣ (Рус. Фил. Вѣстн., Варшава, 1880, № 3, тоже отдѣльнымъ оттискомъ).

§ 3.

Въ малограмотныхъ написаніяхъ замѣчаются явленія однородныя съ явленіями правописанія и языка; изслѣдованіе первыхъ можетъ пролить свѣтъ на послѣднія (и наоборотъ). Въ самомъ дѣлѣ, составъ малограмотныхъ написаній, какъ увидимъ ниже, начиная съ алфавита и кончая дифференцированіемъ, представляетъ сходство съ правописаніемъ, хотя, какъ увидимъ, можно опредѣлить и различіе между ними. Далѣе, такъ какъ и органъ рѣчи и органъ письма оба устроены изъ мышцъ, приводимыхъ въ движеніе черезъ посредство нервовъ, и такъ какъ оба они выражаютъ идеи словъ, только одинъ посредствомъ рѣчи, а другой посредствомъ письма,—то явленія письма представляютъ значительное сходство съ явленіями языка и со стороны физической, и со стороны психической.

§ 4.

При изученіи современныхъ намъ малограмотныхъ написаній мы имѣемъ возможность наблюдать за письмомъ малограмотнаго, спрашивать его, попросить написать то или другое слово, вслушиваться—какъ онъ произноситъ. Такое изученіе будетъ способствовать правильному пониманію древнихъ малограмотныхъ написаній, при изслѣдованіи которыхъ мы лишены возможности производить подобныя наблюденія и опыты, и обыкновенно затрудняемся опредѣлить, что выражала извѣстная буква или соединеніе буквъ.

Представленное преимущество изученія современныхъ намъ малограмотныхъ написаній передъ древними аналогично съ преимуществомъ изслѣдованія живыхъ языковъ передъ изслѣдованіемъ языковъ древнихъ. При изученіи живыхъ языковъ мы можемъ довести свои наблюденія до высокаго совершенства, между тѣмъ какъ изслѣдованіе древнихъ языковъ затрудняется неточною письменною передачей.

ГЛАВА II.

Элементы малограмотныхъ написаній.

§ 5.

Для того чтобы составить себѣ болѣе ясное понятіе о малограмотныхъ написаніяхъ, рассмотримъ со вниманіемъ ихъ элементы.

Необходимо замѣтить, что въ малограмотныхъ написаніяхъ нѣкоторыя буквы нерѣдко очень мало различаются между собою, такъ что очень легко одну букву принять за другую. Конечно, для избѣжанія подобныхъ ошибокъ слѣдуетъ предварительно ознакомиться съ видомъ буквъ въ изслѣдуемомъ малограмотномъ написаніи.

а. Алфавитъ.

§ 6.

Алфавитъ въ малограмотныхъ написаніяхъ, вообще, тотъ же, что и въ правописаніи. Я укажу только на нѣкоторыя особенности малограмотныхъ написаній въ этомъ отношеніи.

Одинъ грамотникъ вовсе не писалъ буквы ъ, а между тѣмъ произносилъ ее, читая печатныя книги. Чтобы убѣдиться, знакомъ ли онъ съ рукописнымъ начертаніемъ этой буквы, я написалъ ее и спросилъ, знаетъ ли онъ эту букву; оказалось, что знаетъ. Тогда я полюбознѣствовалъ узнать, почему онъ не пишетъ этого знака. Нашъ грамотникъ отвѣчалъ, что онъ пишетъ по-просту, безъ этой буквы, и многіе такъ пишутъ, въ печатныхъ же книгахъ буква эта употребляется.

Такъ же онъ говорилъ и про букву і, которая тоже не встрѣчалась въ его написаніяхъ.

§ 7.

Другой грамотникъ той же деревни Бѣлаго изобра-

жалъ согласный *j* (*й*) буквою *и*⁵⁾; это происходило отъ того, что, обучая его письму, я случайно позабылъ показать ему букву *й*.

§ 8.

Въ одной серіи малограмотныхъ писемъ я встрѣтилъ два знака для гласнаго *е*: *ε* и *e*; первый знакъ употребляется въ началѣ слова, второй — въ серединѣ и въ концѣ.

ГЛАВА III.

б. Графика.

§ 9.

Въ написаніяхъ

да || дя

буквы *а* и *я* обозначаютъ одинъ и тотъ же гласный звукъ, съ тою разницею, что буква *а* показываетъ, что согласный, предшествующій обозначаемому ею гласному звуку, — твердъ, а буква *я* показываетъ, что согласный, предшествующій такому же гласному, — мягокъ.

На сколько сильна привычка къ такому способу графики — выражать твердость и мягкость согласнаго въ знакъ слѣдующаго гласнаго, можно между прочимъ судить по слѣдующимъ словамъ Бѣлинскаго:

«Возьмите слово: плече, — и произносите на концѣ острое *ё*: вы выговорите его такъ, какъ оно въ самомъ дѣлѣ выговаривается ...; но въ словѣ *лицо* какъ ни старайтесь выговаривать *ё*, не выговорите, а если выговорите, вамъ самимъ будетъ смѣшно своего усилія, равно какъ и звука, который вымучите вы изъ своихъ губъ». ⁶⁾

Вмѣсто того, чтобы говорить о мягкомъ произношеніи звуковъ *ч* и *ц*, Бѣлинскій говоритъ о буквѣ *ё*, привыкши

⁵⁾ Такое написаніе малограмотнаго соотвѣтствуетъ близости звуковъ *i* и *j*.

⁶⁾ Сочиненія В. Бѣлинскаго. X. 1860. стр. 131.

обозначать ею особенность мягкаго произношенія, которое въ дѣйствительности принадлежитъ предшествующему согласному.

§ 10.

Въ написаніяхъ

ды || ди

буквы *ы* и *и* обозначаютъ каждая своеобразный гласный; сходство съ предъидущимъ заключается въ томъ, что — какъ буква *ы* указываетъ на твердость согласнаго, который предшествуетъ обозначаемому ею гласному, такъ буква *и* указываетъ на мягкость такого согласнаго.

Особенность представляютъ написанія:

ша, шу || ши, ча, чу || чи.

жа, жу || жи.

Согласные *ш* и *ж* — тверды, *ч* — согласный мягкій. Поэтому при полной послѣдовательности русскаго письма ожидалось бы написанія:

шы, жы (вм. ши, жи),

чя, чю (вм. ча, чу).

Эти-то ожидаемыя написанія мы и встрѣчаемъ въ малограмотностяхъ. Они такимъ образомъ представляютъ самостоятельное примѣненіе малограмотными разсмотрѣннаго нами основнаго принципа русской графики.

ГЛАВА IV.

в. Приблизительное обозначеніе звуковъ.

§ 11.

Если малограмотный не имѣетъ въ распоряженіи буквы, которая бы специально обозначала данный звукъ, то онъ пользуется буквою, обозначающею ближайшій звукъ.

§ 12.

Строго говоря, въ русскомъ письмѣ изъ гласныхъ только ударенные имѣютъ особыя начертанія. Въ самомъ дѣлѣ, когда учатъ произношенію буквъ, то — называютъ ли букву, означающую гласный звукъ, однимъ звукомъ („а“, „о“...), или же дѣлимъ словомъ („азъ“, „онъ“...) — всегда гласный звукъ въ названіи такой буквы произносится съ удареніемъ. Слѣд., уже съ самаго начала привыкаешь къ обозначенію только гласныхъ ударяемыхъ. А между тѣмъ звуки неударяемыхъ гласныхъ вовсе не тождественны съ соотвѣтствующими ударенными гласными.

Приблизительное обозначеніе гласныхъ безъ ударенія имѣетъ мѣсто какъ въ малограмотныхъ написаніяхъ, такъ и въ общеупотребительной орфографіи (правописаніи).

§ 13.

Въ русскомъ письмѣ нѣтъ такого знака для гласнаго **о**, который бы указывалъ на мягкое произношеніе предшествующаго согласнаго ⁷⁾. При такой недостаткѣ, сочетанія изъ гласнаго **о** и предшествующаго мягкаго согласнаго въ нѣкоторыхъ малограмотныхъ написаніяхъ обозначаются такъ же, какъ если бы гласному **о** предшествовалъ твердый согласный, напр.

жывоѡтѡ = 1) животъ

2) живеть.

Если же гласному **о** предшествуетъ согласный **ј**, то такое сочетаніе выражается посредствомъ одной буквы **о**, напр.

отѡѡ

моѡ

.....

§ 14.

Малограмотный, не знавшій буквы **ѣ**, обозначалъ звукъ **ј** буквою **и** (см. § 7).

⁷⁾ Буква **ѣ** употребляется весьма рѣдко, или даже вовсе не употребляется.

ГЛАВА V.

г. Вліяніе правописанія.

§ 15.

Въ письмахъ одного малограмотнаго я встрѣчаю написанія:

отъ ея

отъ нея. ⁸⁾

Не отражаетъ ли такое написаніе, какъ *ея*, произношенія малограмотнаго? Я справился съ его произношеніемъ, и оказалось, что произноситъ онъ „jějó“. ⁹⁾

Можетъ быть онъ иначе не умѣлъ написать конечнаго сочетанія „jó“ и только приблизительно обозначилъ его такимъ образомъ? Такое предположеніе не оправдывается дѣйствительностью: малограмотный пишетъ

твое

.....,

букву же *я* употребляетъ въ подобныхъ случаяхъ только въ разсматриваемомъ словѣ.

Мы замѣчаемъ, что разсматриваемыя написанія согласны съ ореографіей, и намъ остается объяснить ихъ вліяніемъ этой послѣдней.

§ 16.

Итакъ, въ малограмотныхъ написаніяхъ можетъ сказываться вліяніе ореографіи: малограмотный замѣчаетъ, на примѣръ при чтеніи книгъ, написанія словъ, запоминаетъ эти написанія и употребляетъ ихъ при письмѣ.

Написанія же, установившіяся въ ореографіи, или соотвѣтствуютъ произношенію, или же не соотвѣтствуютъ.

⁸⁾ Оба написанія въ одномъ и томъ же значеніи — *отъ нея*; относительно *е* см. § 8.

⁹⁾ *є* въ научной транскрипціи служитъ для обозначенія узкаго *е*.

Написанія перваго рода не составляютъ трудности при обученіи, если пишущій уже научился писать слова согласно съ произношеніемъ. Я не буду распространяться о такихъ написаніяхъ.

Написанія втораго рода, напротивъ, представляютъ затрудненіе для учащагося, такъ какъ ему нужно запоминать написанія, которыя не соотвѣтствуютъ произношенію. Да и замѣтивши разъ подобное написаніе извѣстнаго слова, учащійся можетъ не припомнить этого написанія, когда придется писать соотвѣтствующее слово. Нужны продолжительныя упражненія, чтобы такія написанія и соотвѣтствующія имъ слова ассоціировались въ такой степени, чтобы слово вызывало соотвѣтствующее ему орфографическое написаніе.¹⁰⁾

Разсматривая упражненія учениковъ приготовительнаго класса гимназій, заключающія въ себѣ изложеніе своими словами одного разсказа, я замѣтилъ, что въ одной и той же работѣ сначала написано

зотлаался,

а затѣмъ

сотлаался.

¹⁰⁾ Итакъ, разница между малограмотнымъ и вполне грамотнымъ — количественная. А такъ какъ нѣкоторые малограмотные не только не имѣютъ полного знакомства съ орфографіей, но даже не знакомы съ нѣкоторыми буквами алфавита и ихъ примѣненіемъ, то отсюда происходитъ то, что въ написаніяхъ малограмотнаго проявляется болѣе творчества, чѣмъ при письмѣ вполне грамотнаго (ср. §§ 7, 8, 10, 13); послѣдній усвоилъ правила орфографіи во всѣхъ деталяхъ и только примѣняетъ ихъ. — Чѣмъ слабѣе проявляется въ малограмотномъ памятникѣ вліяніе орфографіи, тѣмъ менѣе въ немъ фонетическаго элемента; чѣмъ менѣе малограмотный знакомъ съ орфографіей, тѣмъ лучше его письмо отражаетъ его произношеніе и, слѣдовательно тѣмъ болѣе оно цѣнно при изслѣдованіи говора малограмотнаго лица.

Ученикъ позабылъ правило правописанія, такъ какъ не навъкъ еще въ примѣненіи этого правила, и написалъ слово такъ, какъ произносить его; немного далѣе онъ пишетъ то же самое слово уже согласно съ ореографіей. Встрѣчается и такъ, что ученикъ, написавши слово согласно съ произношеніемъ, замѣчаетъ ошибку и поправляетъ ее согласно съ правиломъ, напр.

с
(з)дѣлался.

Примѣчаніе. На такого рода явленія слѣдуетъ обратить вниманіе изслѣдователямъ древнихъ памятниковъ, обыкновенно склоннымъ думать при чередованіи буквъ въ написаніи какого-нибудь слова, что ни та, ни другая буква не обозначаетъ въ точности звука, который будто-бы долженъ занимать средину между звуками, обозначенными посредствомъ этихъ буквъ.

Безъ сомнѣнія, разныя малограмотныя лица не одно и то же число разъ замѣчали какое-нибудь написаніе, принятое въ ореографіи, и не одинаково хорошо запоминали его; кромѣ того, они замѣчали не одни и тѣ же написанія: одному случалось замѣчать одни написанія, другому — другія и т. д. Поэтому въ написаніяхъ разныхъ малограмотныхъ лицъ вліяніе правописанія представляетъ большое разнообразіе.

Такъ же разнообразно проявляется вліяніе ореографіи (книжное вліяніе) и на произношеніи разныхъ лицъ.

§ 17.

Я знакомъ съ старушкой-грамотницей, которая, благодаря своей любознательности, почти самоучкой научилась читать и писать. Она очень много читала и писала, замѣчая, какъ пишутся слова. Въ разговорахъ съ нею я старался разузнать сложившіяся у нея представленія о написаніи словъ.

Представлю соображенія нашей грамотницы, касающіяся употребленія буквъ *ъ* и *е*.

„Въ *серединѣ* въ однихъ словахъ пишется *ѣ*, въ другихъ — *е*“. Она запомнила, что „черезъ *ятѣ*“ пишутся, напримѣръ, слова:

цвѣтъ

цвѣла

нѣтъ

и др.

„На *концѣ* надо писать *ѣ*, если слово выражаетъ — къ кому относится, напр. *тебѣ*“.

Представленныя соображенія малограмотной, до которыхъ она дошла сама, болѣе или менѣе сходны съ соотвѣтствующими правилами правописанія.

Но между ея соображеніями есть и такія, которыя отличаются совершенной своеобразностью.

Какъ я уже сказалъ, наша грамотница замѣтила, что въ такихъ формахъ, какъ „тебѣ“, на концѣ пишутъ *ѣ*; но ей показалось, что въ словѣ

„мнѣ“

пишется *е*; а сообразно съ этимъ, въ словѣ

„вели“

надо писать *ѣ*, если „тебя“ (его) вели, а если вели „меня“, то — *е*.¹¹⁾

При этомъ надо замѣтить, что въ ея письмахъ слово „мнѣ“ постоянно пишется черезъ *ѣ*.

Такимъ образомъ объясненіе малограмотнаго не оправдывается его написаніями. Это зависитъ отъ того, что обык-

¹¹⁾ Вотъ какъ старушка-грамотница сама написала мнѣ про составленное ею правило: «*ятѣ я пишу потому если отъношусь къ тебѣ, вѣ и т под. е пишу потому если отънось собственно къ себѣ(ѣ) ко мнѣ и т. д. и это неправильно по привычкѣ моей*».

²⁾ По привычкѣ наша грамотница въ словѣ «себѣ» на концѣ написала *ѣ*, но, подъ вліяніемъ своей теоріи, переправила эту букву на *е*; подъ вліяніемъ той же теоріи, она написала *е* и въ слѣдующемъ словѣ «мнѣ».

новенно мы пишемъ безсознательно, по привычкѣ, не отдавая себѣ отчета въ каждой написанной буквѣ. Въ самомъ дѣлѣ, когда я спрашивалъ нашу грамотницу, какъ пишется извѣстное слово, она въ такихъ случаяхъ обыкновенно брала бумагу и писала это слово, „какъ рука возьметъ“, по ея собственному выраженію.

Итакъ, въ приведенномъ соображеніи малограмотной проявилась творческая сила фантазіи. Тѣмъ не менѣе разсмотрѣніе подобныхъ соображеній лицъ малограмотныхъ имѣетъ важное значеніе, представляя ихъ способъ мышленія о явленіяхъ письма.

Къ сказанному считаю не лишнимъ прибавить своеобразныя написанія ученика приготовительнаго класса гимназіи.

сказалъ „!Милые мои дѣти, я дарю вамъ...“

Мнѣ кажется, ученикъ поставилъ не на мѣстѣ знакъ восклицанія просто потому, что не вполне понялъ слышанное имъ правило: онъ зналъ, что при обращеніи пишется знакъ восклицанія, но не зналъ, на какомъ мѣстѣ ставится этотъ знакъ.

Подобнаго же рода недоразумѣніемъ слѣдуетъ объяснить постановку двоеточія и кавычекъ:

увидѣлъ: „что половину...“

увидѣлъ: „что дерево...“

§ 18.

Закончу эту главу критическимъ замѣчаніемъ.

«Ударенное *ій* въ бѣлорусскомъ далеко не такъ устойчиво, какъ *ій*:

1. въ однихъ случаяхъ оно сохранилось безъ измѣненія.
2. въ другихъ напротивъ того, оно является въ измѣненномъ видѣ *-ей*». ¹²⁾

¹²⁾ Аппель, О бѣлорусскомъ нарѣчій (Рус. Фил. Вѣстн., Варшава, 1880, № 2, стр. 211; въ отдѣльномъ оттискѣ стр. 15).

Въ доказательство авторъ приводитъ примѣры изъ сборниковъ бѣлорусскихъ пѣсенъ, напр.

бій || пей.

Онъ однако упустилъ изъ виду то обстоятельство, что собиратели пѣсенъ могли иногда записывать слова согласно съ правописаніемъ, вопреки произношенію. Казалось бы, что въ данномъ случаѣ написанія съ *-ей* — орфографическія, а написанія съ *-ій* — фонетическія.

ГЛАВА VI.

Д. Аналогія.

§ 19.

Мнѣ встрѣтилось малограмотное написаніе

зказываютъ.

Не написана ли въ немъ начальная буква *з* фонетически, т. е. согласно съ произношеніемъ? Нѣтъ, потому что въ началѣ слова, обозначеннаго рассматриваемымъ нами написаніемъ, произносится звукъ *с*, а не *з*.

Можетъ быть, малограмотный не зналъ буквы *с* и потому приблизительно обозначилъ звукъ *с* буквою *з*? Такого объясненія нельзя принять потому, что въ написаніяхъ нашего малограмотнаго встрѣчается буква *с*.

Не вліяніе ли правописанія? Нѣтъ, малограмотный написалъ бы въ такомъ случаѣ букву *с*.

Обратимъ вниманіе на то, что у того же малограмотнаго мы встрѣчаемъ такіа написанія, какъ

зделала

гдѣ буква *з* написана согласно съ произношеніемъ. Притомъ, начальный звукъ обоихъ словъ (*с*, resp. *з*) ассоціированъ съ одинаковымъ оттѣнкомъ значенія. Такъ какъ малограмотному приводилось при идеѣ этого оттѣнка значенія пи-

сать букву *з* (напр. *зделала*), то, когда ему случилось писать слово

сказываютъ,

возникшая у него въ мысли такая же идея, идея того же оттѣнка значенія, вызвала ассоціировавшееся съ нею написаніе буквы *з* ¹³⁾, при нѣкоторомъ несходствѣ соотвѣтствующаго звука въ томъ и другомъ словѣ.

Представленный процессъ возникновенія буквы *з* въ написаніи

сказываютъ

носитъ названіе „аналогіи“, „ассоціаціи формъ“ (Formassociation), „морфологической ассимиляціи“.

Дѣйствіе аналогіи проявляется также въ правописаніи, языкѣ и мышленіи.

Проявленіе аналогіи въ орфографіи мы можемъ видѣть на написаніи словъ, только что разсматривавшихся нами. Подъ вліяніемъ написанія такихъ словъ, какъ

сказываютъ,

и такихъ сложеній, гдѣ нашъ префиксъ является въ видѣ со - ,

идея значенія этого префикса ассоціировалась съ идеей буквы *с*. Поэтому, когда приходится писать такія слова, какъ *сдѣлала*,

идея значенія этого префикса, хотя онъ и звучитъ какъ *з*, вызываетъ ассоціировавшееся съ нею написаніе буквы *с*.

Дѣйствіе аналогіи въ области языка можно видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ. Вмѣсто „будочникъ“ можно слышать произношеніе

„буточникъ“.

¹³⁾ Кромѣ того, и нѣкоторые другіе префиксы—

раз — разо

из — изо

вз, воз — воо —

могли въ умѣ писавшаго ассоціироваться съ буквою *з*. Это также могло способствовать появленію разсматриваемаго написанія съ буквою *з*.

Въ словѣ „будка“ звонкій согласный д, находясь передъ глухимъ и, измѣнился въ соотвѣтствующій глухой согласный т, такъ что слово это произносится „бутка“. Благодаря такому произношенію, идея значенія этого слова ассоціировалась съ произношеніемъ звука т, а не д. Подъ вліяніемъ этой ассоціаціи звукъ т является и въ родственномъ словѣ „буточникъ“.

Слѣдующій примѣръ можетъ служить иллюстраціей проявленія аналогіи въ мышленіи. Человѣкъ, по имени Гаргревсъ, замѣтилъ, что горныя породы Новаго Южнаго Валлиса сходны съ горными породами Калифорніи, гдѣ ему случалось добывать золото. Онъ заключилъ, что и въ Австраліи должно быть золото. Послѣ нѣсколькихъ опытовъ онъ нашелъ, что былъ правъ въ своихъ предположеніяхъ.¹⁴⁾ Въ умѣ Гаргревса ассоціировалась идея горныхъ породъ Калифорніи съ идеей присутствія въ этихъ горахъ золота; затѣмъ идея горныхъ породъ Новаго Южнаго Валлиса, будучи сходна съ идеей горныхъ породъ Калифорніи, вызываетъ ассоціировавшуюся съ нею идею присутствія въ этихъ горахъ золота.

Разсмотрѣвши процессъ аналогіи, я предложилъ бы читателю самому попробовать объяснить слѣдующія малограмотныя написанія:

бесъматери
бесовсево.

§ 20.

Въ предъидущемъ параграфѣ мы видѣли, что дѣйствіе аналогіи въ области письма и языка возможно при нѣкоторомъ несходствѣ звуковъ. При какомъ именно несходствѣ, — вопросъ этотъ можетъ быть предметомъ особаго изслѣдованія. Я ограничусь разсмотрѣніемъ лишь немногихъ примѣровъ.

¹⁴⁾ Джевонсъ, Основанія логики, переводъ Дебольской, Спб., 1878, § 4.

Старушка-грамотница говорила мнѣ, что въ словѣ
везъ

слѣдуетъ писать букву з такъ же, какъ въ словѣ
везла.

Между тѣмъ въ одномъ случаѣ произносится глухой согласный (с), въ другомъ—звонкій (з). Вообще, различіе звуковъ по звонкости или глухости не мѣшаетъ проявленію аналогіи въ написаніи.

Въ словѣ

входъ,

по замѣчанію нашей грамотницы, нужно писать букву д, потому что имѣется слово

входилъ,

а не „вхотилъ“. Въ первомъ словѣ произносится т, во второмъ—д'. Звуки эти различаются уже не только по звонкости или глухости, но еще по твердости или мягкости. И при такомъ различіи возможна аналогія въ написаніи.

Изъ области языка рассмотримъ слѣдующій примѣръ. Рядомъ съ формой вопросительнаго (resp. относительнаго) мѣстоименія

ково

имѣется вопросительная (resp. относительная) частица

коуда.

Оба слова сходны между собою по значенію вопросительности (resp. относительности). Идея этого значенія, ассоциировавшись съ сочетаніемъ

ков-.

вызываетъ, въ силу ассоціаціи, такое же произношеніе и въ томъ случаѣ, когда приходится произнести разсматриваемую частицу. Такимъ-то образомъ произошло произношеніе

ковда.

Звуки в и γ различаются между собою тѣмъ, что первый—губной, второй—задне-язычный; но ихъ сближаетъ то, что оба они—спиранты, звонкіе, твердые. Вотъ при какихъ условіяхъ произошла аналогическая замѣна коу- посредствомъ ков-.

Подобное изслѣдованіе аналогическихъ замѣнъ покажетъ, при какомъ звуковомъ сходствѣ и несходствѣ можетъ происходить дѣйствіе аналогіи. Оно такимъ образомъ будетъ способствовать раскрытію законовъ дѣйствія аналогіи.

Процессъ, который мы рассматриваемъ, можно графически представить слѣдующимъ образомъ (воспользуемся послѣднимъ разобраннымъ нами примѣромъ):

И. з. ¹⁵⁾ ← И. з.

ков- (коу-)

Направленіе стрѣлки показываетъ, что съ извѣстной идеей ассимилируется другая. Черты, идущія внизъ, указываютъ, съ какими звуками, или сочетаніями звуковъ ассоціированы рассматриваемыя идеи.

§ 21.

Въ нѣмецкомъ языкѣ п передъ слѣдующимъ задне-язычнымъ согласнымъ стало тоже задне-язычнымъ, напр. въ словѣ

Ding.

Однако въ префиксахъ, напр.

an-gekommen

Un-geduld,

произносится передне-язычное п.

Особенность эту можно объяснить слѣдующимъ образомъ. Когда за подобными префиксами слѣдуетъ или гласный, или согласный передне-язычный, то п сохраняется передне-язычнымъ. Благодаря подобнаго рода случаямъ, идеи значенія этихъ префиксовъ ассоціировались съ произношеніемъ передне-язычнаго п. Подъ вліяніемъ этой ассоціаціи, такое же произношеніе вызывается и передъ согласнымъ задне-язычнымъ.

¹⁵⁾ И. з. = идея извѣстнаго значенія (вопросительности, гесп. относительности).

Такого рода аналогія, препятствующая дѣйствію звуковыхъ законовъ, носитъ названіе „прогибитивной“.¹⁶⁾ Она отличается отъ аналогіи „продуктивной“, подъ вліяніемъ которой звукъ не удерживается, но замѣняется другимъ, напр. когда вм. коуда.

Интересный случай прогибитивнаго дѣйствія ассоціаціи идей представляютъ звукоподражанія. Возьмемъ для примѣра нѣмецкое слово

Kukuk.

Первоначальное k^1 въ нѣмецкомъ отражается въ видѣ h , первоначальное k^2 —въ видѣ w (ср. лат. *когни* || нѣм. *Ногн*; лат. *quis* || нѣм. *weg*). Однако такого измѣненія не произошло въ рассматриваемомъ нами словѣ: въ немъ звукъ k поддерживается впечатлѣніями сходнаго звука, получаемыми отъ крика этой птицы.¹⁷⁾

Дѣйствіе прогибитивной аналогіи въ области малограмотностей и ороографіи мы уже видѣли на приведенномъ выше соображеніи старушки-грамотницы о томъ, почему пишется *входъ*, а не *вхотъ*, а также на такихъ ороографическихкихъ написаніяхъ, какъ *сдѣлала*, а не *здѣлала*.

Вернемся теперь къ вопросу „о вліяніи правописанія“, который мы рассматривали въ особой главѣ. Когда мы учимся письму, то сначала привыкаемъ писать согласно съ произношеніемъ, благодаря чему звуки и ихъ сочетанія ассоціируются съ соотвѣтствующими фонетическими написаніями. Затѣмъ мы знакомимся съ тѣми или другими особенностями ороографіи, несогласными съ произношеніемъ; но привычка къ написаніямъ фонетическимъ обыкновенно мѣшаетъ примѣнять ихъ при письмѣ. По мѣрѣ того, какъ мы болѣе и

¹⁶⁾ См. Бодуэн-де-Куртенэ, Опыт фонетики Резьянскихъ говоровъ, §§ 31, 32, 100.

¹⁷⁾ Ср. Потебня, О нѣкоторыхъ случаяхъ вліянія небности на согласные звуки, Р. Ф. В., 1879, № 3, стр. 5.

Бодуэн-де-Куртенэ, Нѣсколько словъ о культурѣ первобытныхъ и древнихъ Словянъ, Р. Ф. В., 1879, № 4, стр. 182 (въ отдѣльномъ оттискѣ стр. 18).

болѣе привыкаемъ къ ореографическимъ написаніямъ, по мѣрѣ того, какъ усиливаются ассоціаціи между звуками или сочетаніями звуковъ и ихъ ореографическими изображеніями, мы начинаемъ писать согласно съ ореографіей, хотя все еще продолжаемъ употреблять и фонетическія написанія, къ которымъ мы тоже привыкли. Наконецъ, вполне грамотный уже такъ привыкаетъ къ написаніямъ, установившимся въ ореографіи, что, когда ему требуется написать то или другое слово, онъ пишетъ его совершенно правильно. Такимъ образомъ теперь уже привычка къ ореографическимъ написаніямъ служитъ препятствіемъ появленію въ такихъ случаяхъ написаній фонетическихъ, между тѣмъ какъ въ самомъ началѣ привычка писать фонетически мѣшала употреблять написанія ореографическія.

Итакъ, привычка къ ореографическимъ написаніямъ весьма сильна у человѣка вполне грамотнаго. Благодаря этой привычкѣ, правописаніе развивается не параллельно съ развитіемъ языка: оно измѣняется болѣе медленно, нежели языкъ. Произношеніе извѣстнаго слова измѣнилось, а между тѣмъ это слово продолжаетъ писаться по-прежнему такъ, какъ привыкли его писать.

Не можетъ ли общеупотребительное правописаніе всегда быть чисто фонетическимъ? Такъ какъ языкъ не есть ничто неизмѣнное, но постоянно, хотя и медленно, развивается, то написанія, которыя для даннаго времени—фонетическія, съ теченіемъ времени перестаютъ быть такими. Можно возразить, что, какъ скоро написаніе перестало быть фонетическимъ, его тотчасъ же могутъ замѣнить другимъ, которое отражало бы произношеніе. Возражая такъ, мы упускаемъ изъ виду силу привычки, благодаря которой написаніе, переставши быть фонетическимъ, продолжаетъ еще сохраняться болѣе или менѣе продолжительное время. Кроме того, положимъ, звукъ немного измѣнился, но вѣдь на письмѣ минимальные отгѣнки звуковъ не обозначаются, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые отгѣнки могутъ быть опредѣлены только съ помощью физическихъ приборовъ.

Выше я показалъ продуктивное и прогибитивное дѣйствіе ассоціаціи идей на примѣрахъ
ковда || angekommen.

Теперь я укажу нѣкоторую параллель изъ области аккомодациі звуковъ.

Древне-греческій согласный *p*, подъ вліяніемъ предшествующаго *m*, постепенно измѣнился ¹⁵⁾ въ соотвѣствующій звонкій (*b*); рядомъ съ этимъ, древне-греческій согласный *b*, обыкновенно отражающійся въ ново-греческомъ яч видѣ соотвѣствующаго спиранта (*v*), подъ защитою предшествующаго *m* сохраняется неизмѣненнымъ. Напр.:

др.-гр. ἔμπορος || н.-гр. émboros
> ῥόμβος || > kómbos

§ 22.

Было бы очень важно имѣть собраніе такихъ малограмотныхъ написаній, какъ

Въовторникъ.

Это написаніе показываетъ, что писавшему представлялось это слово состоящимъ изъ въ+овторникъ. вмѣстѣ съ тѣмъ мы замѣчаемъ consensus между приведеннымъ написаніемъ малограмотнаго и произношеніемъ его: онъ говорить „овторникъ“.

Какимъ же образомъ явилось произношеніе „овторникъ“?

Идея огня ассоціировалась съ произношеніемъ „огонь“. Если эта идея получаетъ отгѣнокъ значенія, свойственный префиксу „въ“, то, такимъ образомъ усложненная, она ассоціировалась съ произношеніемъ „вогонь“. Отношеніе между словами „огонь“ и „вогонь“ такое, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ произношенія, одно слово начинается съ звука *o*, а другое съ сочетанія *vo*.

¹⁵⁾ Мое сравненіе, однако, не совсѣмъ подходитъ къ дѣлу въ одномъ отношеніи. При продуктивномъ дѣйствіи ассоціаціи идей звукъ или сочетаніе звуковъ не *измѣняется*, но *замѣняется* другимъ звукомъ или сочетаніемъ звуковъ.

Идея вторника, усложненная идеей значенія того же префикса „въ“, ассоціировалась съ произношеніемъ „вовторникъ“. Легко замѣтить, что въ словахъ „вогонь“ и „вовторникъ“ рядомъ съ извѣстнымъ сходствомъ въ значеніи (одинъ и тотъ же префиксъ) имѣется нѣкоторое сходство въ произношеніи ихъ: оба слова начинаются сочетаніемъ *во-*. Подъ вліяніемъ этого сходства, болѣе простая идея вторника вызываетъ слово „овторникъ“, начинающееся звукомъ *о-* такъ же, какъ слово „огонь“.

вогонь: огонь = вовторникъ: *x*

x = овторникъ. ¹⁹⁾

Къ разсматриваемой категоріи относятся, между прочимъ, малограмотныя написанія:

нъзартира

зтрадайтъ

отъравляйтъ.

ГЛАВА VII.

е. Дифференцированіе.

§ 23.

Я уже приводилъ слова старушки-грамотницы, что на концѣ въ словѣ „тебѣ“ надо писать *ь*, а въ словѣ „мнѣ“ — *е*; въ словѣ „вели“ (вести) слѣдуетъ писать *е*, если вели „меня“, а если вели „его“, то — *ь*.

Разсмотримъ это соображеніе нашей грамотницы.

Съ одной стороны, грамотницѣ представлялось нѣкоторое различіе въ значеніи слова „вели“ сообразно съ

¹⁹⁾ Разное происхожденіе *во-* въ томъ и другомъ словѣ (*во-огонь* || *во-вторникъ*) не помѣшало дѣйствию аналогіи.

Итакъ, въ словѣ «*во-вторникъ*» *о*, послѣдній звукъ префикса, абсорбировался (поглотился) корнемъ, перешелъ къ корню, черезъ посредство пропорціональной аналогіи.

тѣмъ, соединяется ли оно со словомъ „меня“, или же со словомъ „его“ (resp. „тебя“). Съ другой стороны, она чувствовала нѣкоторую связь между словомъ „вели“—съ одной стороны и словами „мнѣ“, „тебѣ“—съ другой, такъ какъ въ томъ и другомъ случаѣ размышленіе грамотницы касалось одного и того же вопроса—какую букву слѣдуетъ писать въ этихъ словахъ: *e*, или *н*; а кромѣ того, глаголъ „вели“ легко можетъ соединяться со словами „меня“, „тебя“ (resp. „его“). Подъ вліяніемъ указаннаго чутія различія и связи произошло уподобленіе написанія слова „вели“ написанію слова „мнѣ“, или же „тебѣ“. Въ результатѣ такого уподобленія (аналогіи) является разное написаніе слова „вели“, дифференцированіе написанія этого слова. ²⁰⁾

Мы видѣли (§ 8), что старушка-грамотница употребляетъ два знака для гласнаго *e*: *э* и *е*; первый знакъ—въ началѣ слова, второй—въ серединѣ и въ концѣ. Дѣло въ томъ, что малограмотному въ началѣ словъ, въ *известныхъ случаяхъ*, встрѣчалось „прописное“ (большое) *э*; подъ вліяніемъ этихъ случаевъ въ умѣ малограмотнаго идея этой буквы ассоціировалась съ идеей *вообще* начального звука *э* (или *ё*). Вотъ какъ произошло своеобразное употребленіе малограмотнымъ буквы *э*. Если бы не было возможности подобнымъ образомъ дифференцировать эти буквы (*э* и *е*), то одна изъ нихъ могла бы устраниваться. Въ самомъ дѣлѣ, малограмотный, который не умѣлъ различить случаевъ, когда употребляется *н*, а когда *е*, (также *и* и *і*), пользовался при письмѣ только одною изъ этихъ буквъ, хотя умѣлъ писать ту и другую (§ 6).

§ 24.

Дифференцированіе проявляется также въ правописаніи. Напр., слово „что“ можетъ имѣть разное значеніе—или мѣ-

²⁰⁾ Итакъ, нѣтъ основанія считать процессы аналогіи и дифференцированія противоположными; въ сущности, процессъ дифференцированія сводится къ процессу аналогіи.

стоименія, или союза. Чутье этого различія отразилось на письмѣ, сообразно съ имѣющимися въ письменности средствами. Средствомъ дифференцированія послужила постановка, или же непостановка ударенія:

что || что.

Дифференцированіе проявляется тоже въ другихъ письменностяхъ, напр.

греч. τίς || τὶς

ὅτι || ὅ τι

фр. ou || ou

là || la

нѣм. das || dass и т. п. ²¹⁾

§ 25.

Процессъ дифференцированія мы можемъ наблюдать и въ языкѣ. Творит. пад. слова „кругъ“—„крѹгомъ“; когда же эта форма имѣетъ значеніе частицы, то является въ видѣ „крѹгомъ“ (ср. также: вѣрхомъ || верхомъ, бѣгомъ || бѣгомъ). Опять мы замѣчаемъ, что дифференцированіе произошло *по аналогіи* къ тому, что имѣется въ языкѣ: окончаніе -омъ является какъ съ удареніемъ, такъ и безъ ударенія.

Если въ языкѣ имѣются два слова съ одинаковымъ значеніемъ и ни то, ни другое изъ нихъ не имѣетъ спеціального оттѣнка, то одно изъ этихъ словъ исчезаетъ. Такъ, напр., въ общерусскомъ (литературномъ) языкѣ исчезло слово „льзя“, потому что рядомъ съ нимъ имѣлось не отличавшееся отъ него по значенію слово „можно“. Между тѣмъ форма „нельзя“ сохраняется, благодаря неупотребительности выраженія „неможно“.

²¹⁾ Ср. Angermann, Bemerkungen über den Differenzierungstrieb (въ Sprachwiss. Abhandl. aus G. Curtius' gram. Gesellsch., Leipzig, 1874), p. 4—5.

ГЛАВА VIII.

ж. Скрещеніе элементовъ.

§ 26.

Старушка-грамотница букву *е* пишетъ въ началѣ слова, а букву *е* въ серединѣ и въ концѣ.

Однако, буква *е* встрѣчается иногда и внутри слова, напр.

<i>доехали</i>	<i>поѣдитъ</i>
<i>поѣхатъ</i>	<i>приѣхавшы</i>

Легко замѣтить, что приведенныя слова—сложныя. Въ началѣ соответствующихъ простыхъ словъ старушка-грамотница привыкла писать *е*; иначе говоря, эти простые слова ассоціировались съ написаніемъ буквы *е*; подъ вліяніемъ этой ассоціаціи, наша грамотница пишетъ въ этихъ словахъ букву *е* и въ томъ случаѣ, когда они сложны съ предлогомъ.

На разсмотрѣнныхъ примѣрахъ мы видимъ дѣйствіе аналогіи относительно алфавита.

Аналогія и алфавитъ.

§ 27.

Въ русской графикѣ знакъ гласнаго обозначаетъ еще твердость или мягкость предшествующаго согласнаго, напр.

ды, дя.

Этотъ принципъ проведенъ въ русской графикѣ непослѣдовательно; въ ней имѣются обозначенія:

ши (а не *шы*)

жи (не *жы*)

ча (не *чя*).

Въ малограмотныхъ написаніяхъ мы можемъ не встрѣтить такой непослѣдовательности: малограмотные, по аналогіи къ такимъ написаніямъ, какъ *ды, дя*, пишутъ

шы, жы, чя.

Аналогія и графика.

§ 28.

Между написаніями старушки-грамотницы встрѣчаются:

увидемя *спрашевайшз*
тревожесть *истенный*.

Буква *е* иногда приблизительно обозначаетъ неударенный гласный болѣе или менѣе близкій къ *і*, напр. „можетъ“, „мѣченый“ и т. п. По аналогіи къ подобнымъ случаямъ приблизительнаго обозначенія наша грамотница написала букву *е* также въ словѣ „увидимся“ (*увидемя*) и др., гдѣ тоже слышится неударенный, не вполне ясный гласный *і*.

Аналогія и приблизительное обозначеніе звуковъ.

§ 29.

Написанія старушки-грамотницы

отъ ея
отъ нея

мы объяснили вліяніемъ правописанія (см. § 15).

Форма В. ед. разсматриваемаго нами слова произносится совершенно такъ же, какъ форма Р. ед., пишется же иначе, именно—„ее“. Но наша грамотница, замѣтившая, что слово „jejó“ (иногда) пишутъ „ея“, распространила это написаніе и на форму В. ед., которая въ произношеніи ничѣмъ не отличается отъ формы Р. ед. Сюда относятся написанія:

заменила ея
я ея просила

.....

Итакъ, въ этихъ написаніяхъ старушки-грамотницы слѣдуетъ видѣть скрещеніе вліяній орфографіи и аналогіи.

ГЛАВА IX.

Описки.

§ 30.

«... е на мѣстѣ глухого звука въ суффиксахъ, пропавшаго въ другихъ нарѣчіяхъ, вѣроятно должно быть отнесено къ числу мѣстныхъ особенностей сѣверно-великорусскаго нарѣчія». ²²⁾

Между примѣрами, приведенными въ подтвержденіе такого соображенія, встрѣчается
сердцецеиъ.

Легко замѣтить, что въ этомъ написаніи слогъ *це* по ошибкѣ написанъ лишній разъ. Поэтому слово это слѣдуетъ прочитать „сердцецеиъ“: передъ *-цеиъ* вовсе не оказывается суффиксальнаго *е*.

Въ обыденной жизни можно встрѣтить ошибки, аналогичныя указанной опискѣ. Наливающему чай случается положить въ стаканъ лишній разъ сахаръ, охотнику въ ружье двойной зарядъ и т. п.

§ 31.

своеобразное (своеобразное)

Когда писалась буква *е*, въ мысли уже прошла идея слѣдующей буквы *о* и явилась идея дальнѣйшей буквы *б*; эта послѣдняя буква и написалась вслѣдъ за *е*.

Въ написаніи
сказа (сказалъ)

пропущенъ (не дописанъ) конецъ слова.

Случается также пропускъ цѣлаго слова.

²²⁾ Владиміровъ, Нѣсколько данныхъ для изученія сѣверно-великорусскаго нарѣчія въ XVI и XVII ст. (по рукописямъ соловцевской библіотеки), Казань, 1878, стр. 14 (=Записки Казанскаго унив., 1878, ноябрь-декабрь, стр. 728).

§ 32.

работъ (работать)

.....

За однимъ *т* слѣдуетъ буква *а*, за слѣдующимъ — *ь*. Когда писалось первое изъ этихъ *т*, въ мысли уже проходили идеи слѣдующихъ буквъ *и*, между прочимъ, слѣдующаго *т*—идея сходная съ идеей предшествующаго *т*.—Вслѣдствіе совпаденія этихъ двухъ идей написанное *т* является рефлексомъ идеи слѣдующаго *т*, а потому далѣе пишется не *а*, но *ь*.

Итакъ: ассоціація идей.

По принятому нами способу мы можемъ обозначить разсмотрѣнный нами процессъ слѣдующимъ образомъ:

И. *т*. ²³⁾ → И. *т*

(И. *а*) И. *ь*

Вообще, нужно помнить о большомъ разнообразіи ассоціацій идей. Ассоціаціи происходятъ между идеями значенія и произношенія, значенія и написанія, произношенія и написанія, между идеями звуковъ слова, между идеями буквъ, составляющихъ написаніе слова, наконецъ могутъ быть цѣлыя системы ассоціацій.

Ошибки, подобныя разсмотрѣнной опискѣ, случаются и въ произношеніи. Такъ, одинъ мой знакомый вм. „Максимиліянь Ива́нычъ“ произнесъ „Максимиліянычъ“.

Вообще „голосовой органъ есть органъ движенія, представляющій всѣ тѣ же явленія, которыя вообще относятся къ каждому двигательному органу“. ²⁴⁾

²³⁾ И. *т*—идея буквы *т*. Черта внизъ показываетъ, что съ этой идеей ассоциирована другая идея—буквы *а*.

²⁴⁾ Bain, The Senses and the Intellect, p. 325 (Цитата сдѣлана по сочиненію Ушинскаго, Человѣкъ какъ предметъ воспитанія², Спб., 1871, т. I, стр. 128).

§ 33.

твойхъ . . .

Часто приходится писать слова съ сочетаніями буквъ — ай, яй, ой и т. п. (напр. дай...). Сочетанія ай, яи... пишутся совершенно такъ же, какъ и предыдущія, только безъ такъ называемой „краткой“. Поэтому одна работа легко переходитъ въ другую.

Ассоціація идей.

И. и \leftarrow И. и ²⁵⁾

И. „краткой“

Нужно было написать печатное А, вмѣсто котораго написалось Л. Описка эта случилась у моего товарища, который незадолго передъ этимъ готовился къ репетиціи по славянскимъ нарѣчіямъ и часто писалъ эту славянскую букву.

Подобнаго рода явленія встрѣчаются нерѣдко въ обыденной жизни. Мнѣ часто приходилось рѣзать бумагу для билетиковъ, на которыхъ я записываю свои лингвистическіе матеріалы. Разъ вздумалъ я сдѣлать небольшую тетрадку и сталъ для этого разрѣзывать бумагу. Но какая досада! Оказалось, что, забывшись, я разрѣзалъ бумагу на билетки.

Аналогичныя явленія происходятъ и въ области языка. Мнѣ кажется, подобнымъ образомъ можно объяснить измѣненіе е (=ст.-сл. ѣ, ѣ) въ о при удареніи и слѣдующемъ твердомъ согласномъ, напр.

в'о л (вѣлъ)

л'о т (лѣтъ).

²⁵⁾ Такимъ образомъ болѣе общая формула ассоціаціи идей будетъ такая:

A \leftarrow A

B (C)

или же 0 (нуль).

При произнесеніи гласнаго *æ* ²⁶⁾ поверхность языка находится ближе къ нёбу, чѣмъ при произнесеніи слѣдующаго твердаго согласнаго. Поэтому, съ теченіемъ времени поверхность языка при произнесеніи *æ* постепенно болѣе и болѣе удаляется отъ нёба, такъ что уложеніе языка переходитъ въ область гласнаго *о*. При произнесеніи же *о* уложеніе языка, свойственное этому гласному, всегда соединяется съ сжуженіемъ губъ, а потому переходъ уложенія языка въ область гласнаго *о* вызываетъ соответствующее сжуженіе губъ, и такимъ-то образомъ гласный *æ* измѣняется въ *о*.

Подобнымъ же образомъ можно объяснить «лабиализацію» глубокихъ задне-язычныхъ согласныхъ. При произнесеніи лабиальнаго гласнаго и имѣется сжуженіе губъ—дѣйствіе задней части языка; при произнесеніи же глубокихъ задне-язычныхъ согласныхъ имѣется только дѣйствіе задней части языка, но оно вызываетъ и соответствующее сжуженіе губъ.

Въ ново-греческомъ языкѣ согласный *b* имѣется только въ соединеніи *mb*; вслѣдствіе привычки къ такому соединенію, передъ согласнымъ *b* вызывается обычный его спутникъ *m* и въ такихъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ никакого этимологическаго *m*, напр.

н.-гр. *lembida* || др.-гр. *λεπίς* лезвие ножа, и т. п. ²⁷⁾

Одинъ гимназистъ, учась географіи, привыкъ къ выраженію „Черное море“, почему вм. „изъ Чернаго озера“ ²⁸⁾ ошибкой сказалъ „изъ Чернаго моря“.

§ 34.

jej reprezentantami (вм. *reprezentanci*) *są jedynymi filarami* (польск.) ²⁹⁾

впечатлѣніями сходными (вм. *сходнаго*) *звука*.

²⁶⁾ *æ*—знакъ для широкаго *e*.

²⁷⁾ Foy, Lautsystem der Griechischen Vulgärsprache, p. 68—69.

²⁸⁾ Названіе незначительнаго мѣстнаго озера.

²⁹⁾ по русски: «ея представители являются (суть) единственными столбами».

Здѣсь мы видимъ, что вмѣсто одного окончанія написалось другое—того падежа, въ какомъ имѣются сосѣднія слова или слово (слѣдующіе или предшествующее). Такого рода описки, мнѣ кажется, весьма поучительны.

Такъ какъ въ этомъ случаѣ одно окончаніе подставляется вмѣсто другаго, то это указываетъ на то, что падежныя окончанія чувствуются особою морфологическою частью словъ, а кромѣ того показываетъ, что именно чувствуется окончаніемъ.

Подобныя ошибки случаются и въ произношеніи, напр.

„занятій вашихъ этихъ (вм. этимъ) предметомъ“...

„горбатаго одного (вм. одна) могила исправить“.

§ 35.

Сдѣлаю одно методологическое замѣчаніе.

Разъ, угорѣвши, я прогуливался. Встрѣтясь съ своимъ знакомымъ, говорю ему про свой угаръ и что я

„пройти хочу“

(вм. „пройтись хочу“). Рассказывая этотъ случай, я вовсе не утверждаю, что непременно угаръ былъ причиною этой ошибки, я хочу только сказать, что, замѣчая такимъ образомъ сопутствующія обстоятельства, мы мало по малу откроемъ дѣйствительныя причины изслѣдуемыхъ явленій.

Другой примѣръ. Кому-то хотѣлось спать, и онъ сказалъ:

„спаза глазать хотять“ (вм. „глаза спать хотять“). ³⁰⁾

Подобнаго рода наблюденія можно производить также при изслѣдованіи другихъ явленій языка. Одинъ мальчикъ особенно часто дѣлалъ такія ошибки въ произношеніи, какъ

„елю“

вм. „ели“ (по аналогіи къ такимъ словамъ, какъ „коню“).

³⁰⁾ Ср. Штейнбергъ, Мозгъ и слово, Спб., 1870, стр. 85—87.

Ушинскій, Человѣкъ какъ предметъ воспитанія², стр. 129, пунктъ 12.

Этотъ мальчикъ имѣлъ весьма слабую память. Это-то обстоятельство, мнѣ кажется, и можетъ объяснить частое ошибочное проявленіе аналогіи въ его рѣчи: при слабости памяти, онъ не всегда запоминалъ, какъ каждое слово измѣняется, и потому часто измѣнялъ слова ошибочно по образцу нѣсколько сходныхъ съ ними.³¹⁾

Чѣмъ болѣе обстоятельствъ, сопутствующихъ извѣстному языковому явленію, мы будемъ подмѣчать, тѣмъ точнѣе будетъ наше изслѣдованіе. А сколько вопросовъ для такихъ изслѣдованій! Дѣйствіе на рѣчь алкоголя и тому подобныхъ веществъ, разныхъ болѣзненныхъ состояній, разныхъ чувствованій и т. д.

Прибавленіе.

§ 36.

Если возможна нѣкоторая доля предвидѣнія, значить есть и наука.

Даже механика, наиболѣе совершенная изъ абстрактныхъ наукъ, относительно конкретнаго явленія, нѣсколько сложнаго, позволяетъ дѣлать болѣею частію одни только общія предсказанія, и только отчасти спеціальныя.³²⁾

То же самое можно сказать касательно языковѣдѣнія.

Если одна система склоненія, спряженія и т. п. становятся сходной въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ другой системой, то возможно, что это сходство распространится и на другіе случаи. Для примѣра возьмемъ русскія существительныя, оканчивающіяся въ Им. ед. на мягкій согласный. Они склоняются по двумъ склоненіямъ—мужескому и женскому. Нѣкоторые падежи одного склоненія сходны съ соотвѣтствующими падежами другаго. Зная это обстоятельство, мы можемъ предвидѣть, что слова, склоняющіяся по одному склоненію, могутъ перейти въ другое. Дѣйствительно, я слышалъ, какъ одинъ мальчикъ говорилъ «къ елю» вмѣсто

³¹⁾ Подобныя наблюденія могутъ также служить матеріаломъ для предсказанія измѣненій, могущихъ совершиться въ языкѣ. (См. Прибавленіе).

³²⁾ Спенсеръ, Изученіе соціологій, стр. 80—81.

«къ еди». Предвидѣть, что въ произношеніи именно этого мальчика проявится смѣшеніе этихъ двухъ системъ склоненія именно въ этомъ словѣ, я не могъ, не потому, чтобы результаты были въ чемъ-нибудь несогласны съ закономъ, но потому, что нельзя добыть данныхъ, на которыхъ должно основываться наше предсказаніе.

Подобнаго же рода предвидѣнія возможны и по отношенію къ малограмотнымъ написаніямъ.

Разсматривая написанія старушки-грамотницы, я замѣтилъ, что она послѣ *и* и *ж* пишетъ *ы*, напр.:

приехавшы,

вашыхъ

мужыковъ.

.....

Далѣе я замѣтилъ, что въ ея написаніяхъ сказывается довольно сильно вліяніе ореографіи. Я могъ поэтому съ нѣкоторой вѣроятностью предвидѣть, что встрѣчу въ письмахъ нашей грамотницы такіа написанія, въ которыхъ подъ вліяніемъ правописанія будетъ написано въ подобномъ случаѣ *и*. Дѣйствительно, я встрѣчаю написаніе

тужила.

Но могъ ли я предвидѣть, что именно на этомъ словѣ проявится вліяніе ореографіи?

В. Богородицкій.

Казань, Май 1881 г.

ЭТИМОЛОГІЯ СЛОВА «ЧЕЛОВѢКЪ».

Производство слова „человѣкъ“, предложенное Миклошичемъ (отъ корня *сгу*) заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, большаго вниманія, нежели этимологія того же слова, предлагаемая другими филологами.

Обращаемся прежде всего къ славянскимъ нарѣчіямъ. Какъ произносится въ нихъ русское „человѣкъ“? Въ др.-бол. *члвкъ*, въ сербск. (по В. Караджичу) *човѣк*, въ хорватск. (нарѣчіе приморское, чавакское) *človek*, въ словено-хорватск. (кайкавскомъ) *človek*, въ словенск. (хорутанск. или краинск.) *človek*, въ угро-словенск. *cslovek*, въ словацк. *človek*, въ чешск. *človek*, въ сербо-лужицк. (верхнемъ) *člowěk*, въ ниже-лужицк. *clowek*, въ польскомъ *człowiek*.

Такимъ образомъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ корень одинъ и тотъ же—*члвк* безъ *е*, кромѣ языковъ русскаго и новоболгарскаго, въ которыхъ элементъ *е* нельзя считать принадлежащимъ корню.

Русское названіе „человѣкъ“ (вмѣсто „члвкъ“) равно названію „словакъ“ (словенинъ). Въ названіяхъ народовъ: „Словене“ (Хорутане) и „Словаки“ уцѣлѣло до сихъ поръ то первоначальное названіе, которое, при началѣ обособившейся жизни Славянъ (Словенъ), было присуще всѣмъ племенамъ славянскимъ: „и отъ тѣхъ (Дунайскихъ) Словѣнъ, говоритъ Несторъ, разидошася по землѣ и прозвашася имени своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ“; и только „Словѣни“, сѣвшіе около Ильменя, „прозвашася своимъ именемъ“.

„Словакъ“ состоитъ изъ корня *слоу* и суфф. *акъ*; кор. *слоу*=скр. *сгу* (изъ *кгу*), греч. *χλο*. На почвѣ языка Словенъ первоначальный корень *кгу* потерялъ два измѣненія. Многія слова славянскаго языка (и литовскаго), имѣвшія въ своихъ корняхъ скр. *с* (изъ *к*), явились съ *с* (*с*) въ кор-

нѣ: **сѣто**, скр. *ṣata* (изъ *kata*), греч. *ἑ-κατόν*; **цвѣтъ**, скр. *ṣvit*, чешск. *květ*, малор. *квіт*; **дѣсать**, скр. *daśan*, греч. *δέκα*; такъ и въ словѣ „словакъ“ коренное *с=ṣ* (изъ *к*). Но „словакъ“ въ славянскихъ нарѣчіяхъ потерпѣло звуковое измѣненіе и въ другомъ направленіи. Нижне-лужицкое „*slowek* (цловѣкъ) есть промежуточная форма между корнемъ *ṣgu* (изъ *kru*) и болѣе распространеннымъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ: **уловѣкъ**, *človek* и проч. Коренное *к* (*kru*) измѣнилось въ *ц*, какъ въ выше приведенныхъ примѣрахъ (**цвѣтъ** изъ *ṣvit*, *květ* и пр.), и такъ какъ *ц* примыкаетъ тѣсно къ небному *у*, а оба звука соотвѣтствуютъ первоначальному *к*, то легко на почвѣ слав. нарѣчій могли образоваться изъ корня *ṣgu* (*kru*) производныя слова: **цловѣкъ**, **уловѣкъ**, не вытѣсняя совершенно и названія „словакъ“.

Затѣмъ, какимъ образомъ изъ суф. **акъ** явился суф. **ѣкъ**? Если всмотримся въ суффиксы словъ „человѣкъ“, „словакъ“ въ различныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, то увидимъ, что гласная суффикса (**акъ**) а является то въ видѣ твердаго или мягкаго *е*, то въ видѣ *је*, *і* и наконецъ *ѣ*. Звукъ, изображаемый чрезъ *ѣ*, въ славянскихъ нарѣчіяхъ представляетъ чрезвычайное колебаніе: у Сербовъ наприм., нѣкоторые слова съ первоначальнымъ *ѣ* (изгнанномъ В. Караджичемъ) изображаются и произносятся, смотря по мѣстности, нѣсколькими способами (свет, свѣтъ, свит, свиѣтъ). Чрезвычайно важно для нашего вопроса то, что въ словенскомъ нарѣчій *ѣ* произносится почти какъ *еа* (протяжн. *е*, изображ. Миклошичемъ *ê*).

Мы не ставимъ себѣ задачею выяснить генетически превращеніе одного звука въ другой, такъ какъ фонетическая связь этихъ звуковъ и обоюдная возможность перехода одного звука въ другой для филолога очевидна.

Итакъ „человѣкъ“ (словакъ) значить: обладающій даромъ слова, говорящій, чѣмъ, конечно, существенно и отличается человѣкъ отъ другихъ особей животнаго міра.

И. Четыркинъ.

Января 4-го
1881 года.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

КЪ ВОПРОСУ О ГРАММАТИЧЕСКОМЪ РАЗБОРѢ.

Вопросъ, затронутый г. Желтовымъ о новомъ видѣ грамматическаго разбора (Фил. Зап. 1880 г. Вып. VI.), какъ о болѣе научномъ морфологическомъ и фонетическомъ занятіи, знакомящемъ учащихся съ разумнымъ пониманіемъ формъ языка и живымъ его употребленіемъ,—вопросъ насущный, важный, на который педагогика не можетъ не обратить вниманія. Не отрицая вовсе теперь употребляющагося этимологическаго и синтаксическаго разбора (требующаго впрочемъ только научнаго характера), скажемъ, что предложенный г. Желтовымъ приемъ разбора интересуется насъ въ особенности тѣмъ, что онъ представляетъ чисто филологическія научныя требованія. При современномъ развитіи языкознанія введеніе въ учебную практику подобнаго упражненія въ разборъ крайне необходимо и желательно.

Но спрашивается: какъ вести подобнаго рода упражненія? Недостаточно отыскивать или указывать одни только составныя части слова—корни, префиксы, суффиксы, но на основаніи перехода звуковъ, требуемаго фонетическими законами, слѣдуетъ приводить въ сопоставленіе и сближеніе нѣсколько и другихъ словесныхъ формъ, имѣющихъ одинаковые корни, одинаковое или подобное значеніе. Это такая обширная и интересная область языкознанія, въ которой сфера мыслительности учащихся болѣе и болѣе можетъ расширяться, а съ нею и сфера понятій;—отсюда можетъ уясняться самое строеніе, значеніе и живое употребленіе формъ языка въ разговорной и письменной рѣчи. Наконецъ подобнаго рода упражненія въ разсматриваніи корней и прочихъ составныхъ частей слова могутъ оказывать громадное вліяніе и на правописаніе учащихся, которое отъ того сдѣ-

ляется для нихъ болѣе осмысленнымъ. — При занятіяхъ синтаксическимъ разборомъ, оставивъ слишкомъ продолжительную и безцѣльную погоню за подлежащимъ и сказуемымъ, слѣдуетъ болѣе всего обращать вниманіе на правильное и стройное сочетаніе словъ въ предложеніи, на взаимное отношеніе ихъ между собою и на зависимость ихъ другъ отъ друга. При чемъ необходимо указывать и разъяснять основаніе, на которомъ зиждется внѣшняя стройность словесныхъ выраженій, — почему та, а не другая форма слова употреблена въ данномъ предвиженіи, — вотъ главная суть въ синтаксическомъ ученіи. Сюда не лишне будетъ примкнуть и перефразировку предложеній.

Что же касается до сопоставленія словъ русскихъ съ словами классическихъ и другихъ языковъ, то, полагаемъ, въ школѣ достаточно будетъ ограничиться сопоставленіемъ русскихъ словъ съ старославянскими и по возможности съ словами другихъ родственныхъ славянскихъ языковъ. Старославянскій языкъ для насъ тоже въ этомъ отношеніи, что и классическіе языки. При этомъ нужно замѣтить, — не слѣдуетъ только вдаваться въ область слишкомъ отдаленныхъ разысканій, гаданій и предположеній, а нужно оставаться въ границахъ возможнаго и доступнаго для школы.

При разсматриваніи коренныхъ словъ очень важно сопоставлять какъ производныя, такъ и синонимическія, и противоположнаго значенія; важно также различать существенное и переносное (метафорическое) ихъ значенія, символическое и разные оттѣнки ихъ, а это въ свою очередь поведетъ къ тому, что пріучить учащихся поступать осмотрительно, — какъ, когда, при какихъ случаяхъ и въ какомъ значеніи лучше употреблять то или другое слово. Наконецъ все это, взятое нами въ совокупности, вполне можетъ заинтересовать учащихся, а это самое главное, — и возбудитъ въ нихъ охоту и любовь къ осмысленному изученію роднаго языка.

Но какъ достигнуть того, чтобы подобное занятіе разборомъ было во 1-хъ болѣе цѣлесообразно, просто и доступно, во 2-хъ чтобы преподаватели, стоя на высотѣ уровня науки, держались единства взгляда на подобныя занятія и въ 3-хъ чтобы не зайти далеко въ лабиринтъ увлеченія?

Извѣстно, что на корни словъ и развитіе ихъ и вообще на словопроизводство одни смотрятъ слишкомъ строго, другіе вдаются въ произволъ, а потому часто и расходятся между собою во взглядахъ. Чтобы достигнуть по возможности желаемого соглашенія, мы пришли къ слѣдующему убѣжденію: для подобныхъ практическихъ занятій въ школѣ слѣдуетъ выработать какое либо пособие, хотя бы напр. для образца небольшой этимологическій словопроизводственный словарь, которымъ каждый преподаватель могъ бы съ удобствомъ пользоваться. Что есть настоящая надобность въ подобномъ краткомъ словарѣ для школы, объ этомъ излишне было бы и говорить. *) Или, наконецъ, вмѣсто предполагаемаго словаря не достаточно ли будетъ представить образцы развитія коренныхъ и производныхъ словъ въ видѣ этюдовъ, гдѣ бы слова расположены были по группамъ а) одного корня и значенія съ производственными и съ переноснымъ значеніемъ и б) сродныхъ корней;

напр.

Кор. *тѣм*: отсюда *тѣм-а*, *тем-ъ* *тем-н-ый*, *тем-н-ѣ-ть*, *тем-нот-а* и проч.; въ перенос. зн. *тем-н-ый* (человѣкъ), *за-тѣм-и-ть*—*за-тѣм-и-ло* (въ умѣ)—забылось; *тѣма*—*тмущая* = многое - множество и пр.

Кор. *мр*: *мр-ак-ъ*, *мр-ачн-ый*, *су-мр-ак-ъ*, *су-мр-ачн-ый*, *су-мер-к-и*, *с-мер-ка-ться*; съ словомъ *су-мр-акъ* въ родствѣ—*па-с-мур-н-ый* (день), *х-мар-ый* и пр.; въ перенос. зн. *по-мр-ачен-іе* (ума)—забывчивость, безпамятство, *па-с-мур-н-ый* (человѣкъ) и пр.

Кор. *мър*: *мер-е-ть*, *мер-тв-ый*, *у-мир-а-ть*, *с-мер-т-ъ*, *с-мер-тн-ый*, *с-мер-тель-ный*, *мор-ъ*, *мор-и-ть*, *мор-ов-ой*, об-

*) Составленія же полнаго словаря будемъ ожидать отъ Академіи Наукъ. Къ общему нашему удовольствію мы только что прочли во II кн. «Записокъ Имп. Ак. Наукъ» на 1881 г., заявленіе, что задачу составленія подобнаго словаря принялъ на себя Академикъ П. В. Ягичъ, подъ заглавіемъ «Сравнительный Словарь Славянскихъ языковъ (Linguarum Slavicarum lexicon comparativum)», гдѣ и изложена имъ подробная программа.

мор-окъ и пр.; въ перенос. зн. *мер-т-вый* (узелъ), смерть какъ больно=очень, сильно. Охота смертная да участь горькая. Посл.

Во главѣ каждой группы словъ должно стать коренное слово старославянское. Также полезно было бы сопоставлять съ приводимыми словами слова и изъ другихъ славянскихъ языковъ, и вообще сопровождать данныя слова объясненіями значеній ихъ.

Вотъ наши наброски, на которые въ интересахъ дѣла желательно было бы предварительно выслушать мнѣнія и указанія преподавателей, какъ компетентныхъ лицъ, болѣе насъ заинтересованныхъ дѣломъ преподаванія. Для подобныхъ обсужденій страницы нашего изданія всегда открыты.

РУКОПИСНЫЙ ПАМЯТНИКЪ СМОЛЕНСКАГО АВРА- МІЕВСКАГО МОНАСТЫРЯ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗНАЧЕНІЕ.

Мѣсяца Ноемврія в кѣ день;

Повѣсть (сказаніе) о святомъ и побѣдонос-
номъ мученике меркуріи чюдотворце Смолен-
скомъ. како побѣди царя батыя, и свободи
градъ Смоленскъ влѣто отъ созданія мира.
sſms. *)

Главизна чюдесъ нынѣ намъ является и преславныхъ
дѣяніи і освобожденію граду нашему Смоленску ꙗже быша
иногда предстательствомъ, и заступленіемъ пресвятыя пре-
благословенныя владычицы нашея богородицы и присно дѣвы
маріи. ксему нынѣ и память воспоминается, вѣрнаго и
істиннаго раба ея,—святаго меркурія чюдотворца смолен-
скаго, Его же есть гробъ во градѣ Смоленскѣ, имже бысть
преславное чудо и освобожденіе граду нашему. предста-
тельствомъ и защищеніемъ пресвятыя владычицы нашея бого-
родицы. аще и многою лѣностію и многимъ небреженіемъ
родъ человѣческій болезнующій сице великаго чюдеси заб-
венію предаде. и погубивъ разумъ истинный о чюдесехъ
небрегоша. сними же и сіе преславное чудо много лѣта
взабвеніи пребываше. нынѣ же вси людіе богати и убози,
чиноначалницы и властители, и все соборное множество мно-
гихъ народовъ. наипаче же вы иже есте жителіе града
сего, воспріемше впамять свою, повести сея чюдесъ испол-
нимся. како молитвами и предстательствомъ пресвятыя бого-
родицы градъ сей чюдесно защищаемъ бываетъ отовсякихъ

*) Передаемъ подлинникъ съ строгимъ соблюденіемъ пунктуа-
ціи его и правописанія.

злыхъ и противныхъ навѣтовъже и нашествій милостію вышняго. онихже слышати или глаголати да не будетъ намъ лѣбно. но во трезвеніи бодрено сіе великаго чюдеси исполнившися, воздадимъ Богу благодареніе, и пресвятую богородицу прославимъ. ꙗже нынѣ и всегда вѣримъ рабомъ своимъ меркуріемъ чюдотвореніе являти можетъ, зане, праведный и посмерти живеть. ꙗко да граду нашему во время нужды защищеніе и заступленіе будетъ. нынѣ и всегда родъ христіанскій избавляя и сохраняя отъ всякія порочныя напасти и гоненія. точію должны есмы еіе хранити ꙗко да всегда впамяти содержимъ сія великія и неизреченныя дары бога вседержителя.

Вта бо времена и лѣта подвижесе веліе. іне изчетное множество агарянскихъ народовъ попустивши богу на вся страны предѣлъ христіанскихъ. начаше прежде отъ богоспасаемаго града кіева. и на вся страны христіанскія, еже быть намъ, страшнымъ съ праведнымъ гнѣвомъ господнимъ, грѣхъ ради нашихъ ꙗко умножиліся бяху законопреступленіе злыхъ нечистотъ. блуженія же и іныхъ мерзскихъ дѣяній вродѣ человѣческомъ. ꙗже подвигоша на гнѣвъ христа спасителя своего и на ярость. грѣхъ бо ради человѣческихъ гнѣвъ сей праведный посланъ бысть. неточію напредреченный богоспасаемый градъ кіевъ. но и нався страны предѣлъ христіанскихъ, и нався грады внихже христосъ именуемъ баше. веліе и неизреченное разрушеніе, и забраніе в плѣнъ и работу христіанъ руками злыхъ и безбожныхъ кровь христіанскихъ людей піющихъ, агарянъ. но и на церкви божія сичево бѣ разрушеніе и запустеніе. ꙗко внихъ дивимъ звѣрямъ плодитися, великаго ради запустенія, и плененіе людей, киновіи бо вся и монастыри, и вся святія мѣста не милостивно до основанія бяху разрушены и разметаны. освященнымъже всякаго степени нестерпимыя и неизчетныя труды ругательно возлагаема бяху. ихъ же мучительствомъ немилостивно умерщвляху. честнымъ инокомъ, мужеска и женска пола грозно главы усѣкаху; и мучительское ругательство дѣяху. но и дѣтей отъ персей матерей ихъ отъемлюще, и о землю біюще немилостивно умерщвляху, и оружіемъ убиваху. чистота же дѣвиць блудно поругаема

бяху. такожде и дѣвамъ ангельска чина, блудно ругахуся. сие ꙗко мнози отъ нихъ не могуще носити ругательства, своими руками убивахуся, убѣгающе сквернаго сего мучительства, и ругательства. безмилости бо отовсюду варвари аки скоть предъ собою власы главными купно связующе заганаху, іостріемъ бодуще аки на скоть кричаху. втабо времена вси людїе народовъ христїанскихъ в великомъ инестерпимомъ мучительствѣ и гоненїи бяху. великаго ради нашествїя безбожныхъ агарянъ настраны предѣловъ христїанскихъ, ꙗко разширился баше на всѣ страны градовъ христїанскихъ, ихъ безбожный и мерзкокурительный законъ татарскїй. вто время и земля вся возмутися, немогуще носити сие зѣльнаго христїанъ крови пролитїя. ꙗже вся видяще и слышавше дерковъ божія, мати наша по вселенной сущая. ꙗко всеце зѣльномъ утѣсненїи и гоненїи сцады своими обрѣташася отъ безбожныхъ агарянъ. иже сие усילוваху изпразднити, отъ земля силу бреста христова. ꙗко да и память христїанская отъземля искоренится, и изпразднится во вѣки. отъ болезни сердца возопи плачуще и рыдающе глаголя. кто азъ есмь ꙗже вижу чада моя живо дивїими зверми поглащаема. к праведному и всемилостивому богу и спасу нашему Исусу христу изглубины сердца возопи глаголя сие. Боже сотворивый небо иземлю, и вся видимая иневидимая. сотвори милость надлюдми рода христїанскаго отвори праведный гнѣвъ твой изми отъ рукъ мучительскихъ родъ христїанскїй. дабудетъ милосердіе твое наднами, установи гнѣвъ твой в странахъ достоянїя своего; молитвъ ради пречистыя и преблагословенныя владычицы нашея богородицы и присно дѣвы марїи. Ея же предстательства в бѣдахъ и защищенїя вси роди христїанстїи всегда независтно ощущаху, ꙗко ты еси единъ богъ нашъ показуй милосердіе свое надсогрѣшившими предъ тобою. и тогда бысть егда веліе и неизчетное нашествїе безбожныхъ агарянъ. со всесквернымъ и богомерзскимъ царемъ ихъ батыемъ отъ негож мало прежде убїенъ бысть, благовѣрный и христолюбивый князь михаилъ черниговскїй, и боголюбивый бояринъ его оеодоръ, за христа бога и православную христїанскую вѣру. Въ лѣто отъ созданїя мира 7115. бысть онъ приходъ

сего богомерзскаго мучителя, и гонителя христіанскія вѣры. иже пришедъ ко граду кіеву выгубилъ до основанія вѣру христову. и оттуду устремися, преходя вся мѣста и вся грады христіанскія ругающимся не милостивно надъ христіяны аки надскотомъ, губяще грады и веси. превращающе церкви, и ламлюще монастыри, и скверняща ихъ. богу грѣхъ ради нашихъ попускающе, яко никто же нигдѣ же того безбожному стремленію противу стати возможе. но вся его злоковарныя мысли и дѣла по его безбожной воли дѣяхуся. онихже аще воспоминая глаголати, то отъ великія скорби внутрененя наши исполнятся болѣзни. презелнаго ради искорененія вѣры христовы. тогда встранахъ христіанскихъ. но іязыкъ оцѣнѣвати будетъ; немоуще скончати слова грознаго, ради нашествія нахристіанъ, и превращенія церквей божіихъ. но и гортанъ изсыхати будетъ не могуще испустити гласа. но мы держащеся прежде реченнаго словесе, елико силъ нашихъ будетъ сотворимъ слово о побѣдѣ на враговъ нашихъ, великаго побѣдоносца и освободителя града нашего святаго меркурія смоленскаго чюдотворца. втоже бо время онъ злый мучитель безбожный царь батый умысливъ в своемъ лукавомъ сердцы. яко да втайне нощію прійдетъ на погубленія богоспасаемаго града смоленска. снимъ же нѣкто бѣ исполинъ. богатырь именуемъ съ сыномъ своимъ, его же имени повѣсть умолча. той пріиде з безбожнымъ царемъ батыемъ внощи на мѣсто нарицаемыи долгій мость. и ста сомножествомъ воинствъ на мѣстѣ нарицаемомъ долгомостіе, на немже бысть чюдотворная побѣда и освобожденіе града нашего смоленска. за помощію и всесилнымъ воеводствомъ пресвятыя владычицы нашае богородицы. Іаже прежде повелѣ къ себѣ прійти стражови церкви своей. сама к нему глаголющи отъ святаго образа своего сіце глаголя. гряди тебѣ глаголю крабу моему меркурію, иже живетъ онамо в подолѣ и дворъ каковъ есть сказа ему, его же дворъ во градѣ смоленску. ты же шедъ рцы ему сіце, меркурій меркурии гряди скоро яко госпожа зоветъ тя со всякимъ оружіемъ ратнымъ. егда же ко двору его прідеши не толцы во врата, но его же узриши посреди двора стояща, рцы ему сія словеса. стражъ же церковный егда

услыша сія словеса отъ образа пресвятыя богородицы, побѣже скоро на прежде реченное мѣсто, і абіе позна дворъ святаго меркурія, и отъ далече узрѣ святаго посредѣ двора стояща со всякимъ приготованіемъ ратнымъ. иже стояше руцѣ воздѣвъ квысотѣ Богу молящеся и напомощъ свою призываша пресвятую дѣву богородицу, и тоя ходатайствомъ и всесилною помощію укрепляшеся да подасть ся ему побѣда на враги и одоленіе на безбожныхъ агарянъ. і избавленіе отъ паденія наипаче же церкви святыхъ. Сей стражъ внегда пришедъ и ста предвраты, и рече ко святому глаголя, меркуріе, меркуріе гряди скоро се госпожа зоветъ тя со всякимъ оружіемъ во время брани потребнымъ. о немже мноу ꙗко прежде моего пришествія втебѣ отъ аггела господня тебѣ возвестися. еже егда услыша святыи меркурій, і абіе отвори врата і иде купно съ церковнымъ стражемъ на гору въ церкви пресвятыя богородицы, и вшедъ въ церковь соборную видѣ свѣщу горящу предъ образомъ пресвятыя дѣвы богородицы, отъ него же гласъ бысть, церковному стражу. кнему же прибѣгъ святыи меркурій падъ лицемъ на землю свеликимъ пролітіемъ слезъ.

Пресвятая же богородица рече ему отъ того образа глаголя. рабе мой вѣрный Меркурій се посылаю тя, да прогониши враговъ отъ града сего и да явиши страшень здѣ домъ мой врагомъ христіанскимъ, ꙗко ты еси на службу сію взять есть отъ нѣдръ римскія власти. бѣбо святыи отъ области римскія, сынъ нѣкоего князя. но горяи духомъ бѣ любитель православныя вѣры іерусалимскія і истинныя сынъ святаго сіона. и житіе непорочно имѣяше. чистоту бо тѣло своего сохрани живый аггельско. и еще воюности лѣтъ своихъ прииде отъ рима въ смоленскъ, и прилѣпися кнѣвому тогда обладателю града сего. наипачеже посмотренію божію на се истое дѣло еже свободити градъ сей отъ нашествія безбожныхъ агарянъ сѣмо призванъ есть. ꙗко да тѣмъ ꙗвится сіце побѣдоносное освобожденіе церкви божія, и града нашего смоленска. кнему же паки рече богородица гряди спѣшно противу великаго множества безбожныхъ варваръ, и всесквернаго ихъ царя батыя, и самохвальнаго ихъ исполина, грядущихъ на превращеніе дому моего. и погу-

бленія града сего, и на пролитія крови христіанскія. и іскорененія останька славы божія. ꙗко того мучителя гордость зѣло мерзска ми есть, но и крови пролитія болѣе терпѣти не могу. но молихъ бо ся сыну и богу моему, да сотворить милость въ достояніи своемъ. и недасть болѣе христіанска народа впоруганіе безбожнымъ. и осквернити церкви моей и отвратити гнѣвъ свой праведный, еже престати пролитія крови христіанскія. ты же прошедъ врата гради прямо на мѣсто нарицаемое долгій мостъ. и тамо обрящещи великое множество варваръ ихже предасть богъ вруцѣ твои внощъ сію но и силнаго исполина побѣдивъ отсеци главу. ꙗко сама азъ готова есмь вспомошь тѣбѣ но и осемъ вѣждь ꙗко и ты утружденъ сый обратишися ко граду смоленску, и близъ града сый кровь свою за церковь мою излиывъ вѣнецъ побѣды отъ вседержителя бога во святѣй троицы единого приимеши: ꙗко симже образомъ и царь градъ избавленъ бысть отъ рубъ вражїихъ. такожде бо и богомерскій мучитель и законопреступникъ и уліанъ побѣжденъ бысть, отъ прежде бывшаго мученика христова меркурія свободителя царяграда; и бысть Егда услыша гласъ сей святой меркурій отъ иконы пресвятыя богородицы великіа радости исполнившеся и падъ наземлю предъ образомъ пресвятыя богородицы; і абіе изыйде сквозе врата, Его же и стражіе градстїи не видѣша, ниже обладатель града сего вѣдати можаша. ниже епископъ иже бѣ въ то время во градѣ семъ. неточію бо исшествіе изъ града святаго меркурія отъ нихъ утаено бысть, но и пришествіе царя батия имъ бѣ не вѣдомо. Егда же святой меркурій прїйде на прежде реченное мѣсто нарицаемое долгій мостъ. возложи на ся знаменіе креста христова, и призвавъ на помощь пресвятую богородицу глаголя сїце. Пресвятая дѣво царице небесныхъ силъ предстани нынѣ вспомошь мою. и воспрїимъ мечъ свой, вниде посреди полковъ татарскихъ и тако прежде силному исполинови отсече главу мечемъ своимъ. посемъ все великое множество варваръ біюще мечемъ и мужественно посекающе даже до дня. Егда же день бысть познаша варвари ꙗко не мнози побиваютъ ихъ, осмѣлилися быша. видяще же сїце велие и страшное своихъ варваръ побитіе. наипаче же сил-

наго ихъ исполина главу отсечену паки убоаяся. Се же видѣвъ батыи со оставшимъ воинствомъ своимъ устремися ко граду отчаявъ срама ради свой окаяный животъ, впогону за святымъ меркуріемъ. и видѣ святого стояща на молитвѣ и славяща бога. яко сподоби его богъ побѣдити врага, и побити множество безбожныхъ агарянъ: вѣдуще же яко и самому святому оубіену быти должно есть. якоже ю предрече пресвятая богородица. молящееся богу и пречистой богородице, да смирѣ душа его ко славѣ небесной пріята будетъ, глагола сие. Се желаю срадоу уметь за церковь Божию, и за вѣру христову, ирече аминь. Тогда абіе по молитвѣ бысть небесе гласъ глаголющъ. Радуйся рабе мой вѣрный, о нихже просилъ еси вся ти дана будутъ. и домъ мой сохранию отъ рукъ варварскихъ невредимъ иродъ христіанскій избавлю и градъ сохранию и свободу, отъ нашествія иноплемненныхъ, тѣло же твое положено будетъ честно на горѣ вцѣркви моей. Отнюдуже святой меркурій бысть исполненъ великія радости. и егда узрѣ множество варваръ ко граду приближающихся, поиде паки противныхъ поганъ побѣждати. и такожде же силою всемогущаго бога нагна ихъ бѣюще. Они же въ бѣгство устремишася вопіюще великими гласы. горе горе, яко не можемъ стати противу нестерпимаго страха. видимбо надсобою молніеносныхъ мужей бѣющихъ насъ, имже противу зрѣти не можемъ. наипаче же чудесно намъ и ужасно являється, яко видимъ велію и страшную жену стоящую на воздухѣхъ, отъ нея же аки отъ солнце лучи сіяютъ. яже и мертвыя призываетъ на пагубу нашу и послунають ея, и убиваютъ насъ. посемъ святой меркурій утружденъ сый преклонъ главу свою кземли моляшеся богу еже сотвори повинуюся воли и суду божію. втой часъ абіе прибѣжавъ нѣкто отъ поганыхъ исполку татарскаго ко святому меркурію, сынъ онаго исполина его же уби святой меркурій. и на томже мѣстѣ отсѣче главу святому меркурію мечемъ своимъ. и сие святой мученикъ меркурій сконча животъ свой за церковь Божию. той же мучитель убивъ святого отъ великаго страха боязнию объять, назадъ за своими въ бѣгство устремися. Зѣло бо велиимъ страхомъ тогда варвари содручашася и мнози бѣгуще и мѣ-

сто нанемже стояли бяху мимо текуще бѣжаху. Се же видѣвъ безбожный царь батый ꙗко сиде веліе побіеніе бысть варваръ. и силнаго исполина главѣ отсѣченой бывше. остатокъ войска поемъ съ собою побѣже въ свояси. немогуще ниже смѣюще, и мыслию приблизитися ко граду смоленску и стого же нарицаемый долгіи мостъ страшною боязнію объять побѣже въ свою ему землю; святыи же мученикъ меркурій, воставъ отъ земли, воспріимъ главу свою понесе нарукахъ своихъ ко граду. и сїце вѣсмъ народомъ ꙗже вто время радующесѧ изграда изыдоша на стретеніе его сказа о всемъ. главу бо свою нарукахъ держаше ꙗко вся ꙗзыкомъ исповѣда. ꙗко вся сїя быша посмотренію божію молитвами же и ходатайствомъ пречистыя богородицы и присно дѣвы маріи. и сїце сказавъ вся бывшая тамже близъ града главу свою изрукъ испустивъ, на землю самъ паде снею, и кровь отъ обоуду истече. и тако на томже мѣстѣ вознаменіе тоя великія побѣды и освобожденіе града смоленска даже и до днесъ близъ подъ самымъ градомъ столпъ стоящъ видимъ, оттуду же и тѣло святаго мученика людіе воспріимше свеликою честію и псалмопѣніемъ и пѣсньми духовными во градъ несоша. и егда же принесоша и вѣрковъ соборную, успенія пресвятыя богородицы, положиша во гробѣ по лѣвую страну входящую вѣрковъ близъ крилоса. по семъ святыи мученикъ ꙗвился томужде стражу церковному сидящъ наконѣ и глаголющъ сїце, рцы жителемъ града сего да поставятъ надъ гробомъ моимъ оружїя моя, сїречь, мечъ, копїе, и щитъ. ꙗже вся свеликою радостію людіе сотвориша, славяще и хваляще бога вседержителя, и пресвятую богородицу. и святаго мученика меркурія. да молится христу богу нашему, и пречистой его матери, задуша наша; Богу нашему слава, Всегда нынѣ и присно и вѣвѣки вѣкомъ Аминь;

Опредѣлимъ теперь, когда составленъ подлинникъ этого памятника, чтобы знать, какого вѣка взгляды и направленіе умовъ онъ изображаетъ собою.

Упомянутое о томъ, что цѣлъ былъ еще дворъ св. Меркурія, когда авторъ писалъ эту повѣсть; не прекратилъ сво-

его существованія и столпъ, поставленный на томъ мѣстѣ, гдѣ кончилъ жизнь свою св. Меркурій,—эти два обстоятельства указываютъ, что авторъ не слишкомъ былъ удаленъ по времени отъ бывшаго событія, которое онъ описываетъ. Затѣмъ, въ Минейной редакціи съ особенной выразительностію упоминается, наряду съ Кіевомъ и Москва: „пришедъ онъ (Батый) къ Кіеву и преодолѣлъ его, а оттуда проходилъ многіе города, полоня ихъ, даже и до самой Москвы, и тамъ поплѣнилъ“. Въ Смоленскомъ спискѣ и помину нѣтъ о Москвѣ. Значить, во время автора Москва была еще незначительнымъ городомъ въ ряду другихъ городовъ, не такова, какъ Кіевъ, о которомъ авторъ упоминаетъ. Въ лѣтописной и Минейной редакціяхъ вводится также терминъ: „самодержецъ города Смоленска“, у насъ параллельно этому мѣсту стоитъ: „обладатель града сего.“ Нашъ списокъ, сохраняющій древнія черты, безсомнѣнія, принесъ намъ подлинный терминъ оригинала, въ которомъ не сказано было: „самодержецъ“ потому, что такого термина въ то время на Руси и не существовало: составитель повѣсти жилъ раньше, чѣмъ когда образовалось это названіе. Однако при немъ уже было имя обладателя града: „прилѣпился (св. Меркурій) къ нѣкоему тогда обладателю града“; не дошло до автора извѣстій и о нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствахъ событія.

Подробности дѣла Смольняне могли скоро забыть, потому что въ это время отвлекаемы были другими событіями. Тотчасъ, послѣ нашествія татаръ, начинаются частыя нападенія Литовцевъ на Смоленское княжество; начинается внутренняя неурядица Смоленскихъ князей между собою, несогласіе ихъ съ гражданами и т. д. Словомъ—происходили постоянныя войны: въ 1270 году, напр., Смольняне ходили подъ Новгородъ; совершается частая смѣна князей въ Смоленскѣ: въ періодъ времени отъ 1238 до 1300 г. Смоленская исторія насчитываетъ въ Смоленскѣ до девяти князей; одинъ князь управлялъ вмѣсто другаго, какъ намѣстникъ, наприм: Константинъ Мстиславичъ—вмѣсто Всеволода Мстиславича; Александръ Глѣбовичъ (съ 1281 года въ продолженіе 18 лѣтъ) вмѣсто Ѳедора Ростиславича, который самъ жилъ въ

Ярославль (Истор. гор. Смол. Никитина гл. VII). Въ это время и могло сложиться названіе „обладатель града“, какъ упомянуто въ повѣсти.

Хотя подробности дѣла св. Меркурія при такихъ обстоятельствахъ и забывались; но самый фактъ жилъ въ народѣ, болѣе и болѣе получалъ цѣны, уразумѣвался смыслъ его и значеніе и, какъ отрадное явленіе въ эту мрачную татарскую эпоху, былъ идеализированъ и, наконецъ, получилъ освященіе Церковію. Съ этимъ обстоятельствомъ, вѣроятно, и связано составленіе нашей повѣсти, о чемъ даетъ намѣкъ начало ея: „Главизна чюдесъ нынѣ является и преславныхъ дѣяній... Сіе преславное чюдо много лѣта взыбвеніи пребываше; нынѣ же вси людие богати и убози, чиноначальницы и властителие, и все соборное множество многихъ народовъ. наипаче же вы иже есте жителіе града сего, восприимше въ память свою повѣсти сея чудесъ исполнимся“. Но когда совершилась канонизація св. Меркурія, объ этомъ не сохранилось свѣдѣній.—Послѣ пораженія татаръ на Долгомостьѣ, въ повѣсти говорится, что „они не могуще, ниже смѣюще и мыслію приблизитися ко граду“; но въ 1339 г. они, подъ предводительствомъ Товдубія, въ союзѣ съ войскомъ, посланнымъ Московскимъ княземъ, снова подходили къ Смоленску. Если бы повѣсть Смоленская составлена была послѣ этого года, то въ ней не могло и быть такого выраженія; съ того времени и Москва начинаетъ давать знать о себѣ Смоленску, пріобрѣтая важное значеніе въ ряду городовъ Руси.

На основаніи этого, а также и по вышесказаннымъ причинамъ, приурочиваемъ время составленія Смоленской повѣсти къ началу XIV вѣка.

(Продолженіе будетъ.)

С. Писаревъ.

ПРЕДМЕТЪ И ЗАДАЧИ ФИЛОЛОГІИ.

(Переводъ съ Нѣмецкаго). *)

ОТЪ АВТОРА.

Изданное мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ сочиненіе, подъ заглавіемъ «Prima»**), встрѣтило искреннее сочувствіе въ средѣ моихъ слушателей, которые для успѣшнаго окончанія гимназическаго курса нуждались въ моемъ совѣтѣ и какомъ-либо болѣе или менѣе подробномъ педагогическомъ руководствѣ.

Поводомъ къ настоящему сочиненію, ближайшимъ и главнымъ образомъ, послужилъ также рядъ устныхъ и письменныхъ вопросовъ, съ которыми молодые слушатели мои обращались ко мнѣ и на которые я, сколько возможно, старался отвѣчать. Такъ какъ вопросы эти преимущественно касались сущности и характера, объема или метода самой филологической науки, то мнѣ казалось достойнымъ труда заняться рѣшеніемъ общаго вопроса о томъ, какъ бы слишкомъ непродолжительный трехъ- (много уже четырехъ-) лѣтній курсъ ученія употребить съ возможно бѣльшимъ успѣхомъ для передачи обширнаго научно-филологическаго матеріала, и затѣмъ обработать этотъ матеріалъ въ систематически-состав-

*) Это—переводъ съ 4-го изд. (1880 г.) сочиненія извѣстнаго германскаго филолога Вильг. Фрейнда подъ заглавіемъ: «Wie studirt man Philologie?» (Eine Hodegetik für Jünger dieser Wissenschaft, von Wilhelm Freund.)

**) Руководство при подготовкѣ къ выпускнымъ гимназическимъ экзаменамъ.

ленную, въ видѣ обзорѣнія, годегетику, съ помощью которой молодой филологъ могъ бы еще скорѣе открыть себѣ доступъ къ храму науки и съ умѣньемъ потомъ воспользоваться ея богатыми сокровищами.

Своевременное ориентированье въ своей наукѣ для филолога несравненно нужнѣе и важнѣе, чѣмъ для изучающихъ, напримѣръ, богословіе, юриспруденцію и медицину. Филологъ не приступаетъ, подобно этимъ послѣднимъ, прямо къ содержанію и цѣли опредѣленно разграниченной науки. Онъ, напротивъ, начинаетъ дѣло съ такой наукой, одно уже многозначачщее имя которой даетъ поводъ къ весьма разнообразнымъ пониманіямъ ея сущности, и положеніе которой въ составѣ наукъ такъ называемаго «филологическаго факультета» во многихъ отношеніяхъ такъ мало обособлено, что ея многостороннія точки соприкосновенія съ исторіей, политикой, философіей, эстетикой, съ общей и сравнительной наукой о языкѣ, весьма легко могутъ подвергнутъ опасности прежде не ориентировавшагося потерять изъ виду за преслѣдованіемъ многостороннихъ развѣтвленій главную цѣль свою.

Въ отношеніи къ годегетической цѣли этого сочиненія я раздѣляю матеріалъ его на слѣдующіе пять отдѣловъ:

- I отдѣлъ: Имя, понятіе и объемъ филологіи.
- II » Отдѣльныя дисциплины филологіи.
- III » Раздѣленіе работы изучающихъ филологію на 6 семестровъ.
- IV » Библіотека изучающаго филологію.
- V » Представители филологической науки въ древнее и новое время.

І О Т Д Ъ Л Ъ.

Названіе, понятіе и объёмъ филологіи.

Плодотворная умственная жизнь Эллиновъ обогатила ихъ языкъ тремя полновѣсными словами, въ которыхъ ему можетъ позавидовать всякій другой языкъ міра. Эти три слова — троякое обозначеніе ихъ живаго интереса — къ любознательности, къ наукѣ и къ разговору: *φιλομαθία*, *φιλοσοφία*, *φιλολογία*.

Изъ этихъ трехъ словъ послѣднее есть произведеніе специально-аттическаго духа: врожденная Аттікамъ страсть къ рѣчамъ и диспутамъ изобрѣла для преданныхъ ей мѣткое названіе «словоохотливый», «словолюбителъ», *φιλόλογος*. Слово *φιλόλογος* = *ὁ φιλῶν λόγους* означаетъ именно какъ того, кто самъ любитъ говорить, такъ и того, кто охотно слушаетъ рѣчи.

Въ первомъ отношеніи, «охотно — и много-рѣчивыя» Аѣины въ законахъ Платона (до Платона слово это еще не встрѣчается) — въ противоположность «скупому на слова» Лакедемону и Криту (*βραχύλογος*) — называются «словоохотливыми», *φιλόλογος*. *Νόμοι* 1. p. 641, e. (Аѣинянь говоритъ Спартанцу и Критянину): *τὴν πόλιν ἅπαντες ἡμῶν Ἕλληνες ὑπολαμβάνουσιν ὡς φιλόλογός τε ἐστὶ καὶ πολύλογος, Λακεδαιμόνα δὲ καὶ Κρήτην, τὴν μὲν βραχύλογον, τὴν δὲ πολύνοισαν μᾶλλον ἢ πολυλογίαν ἀσχοῦσαν.*

Гораздо чаще словомъ *φιλόλογος* называется тотъ, кто любитъ слушать рѣчь. Такъ самъ Сократъ за любовь свою къ рѣчамъ другихъ, къ собесѣдованію, называетъ себя *φιλόλογος*. *Plat Phaedr.* p. 236, e: *Φαίδρ. Ὅμνυμι γὰρ σοι, ἦ μὲν, ἔάν μοι μὴ εἴπῃς τὸν λόγον... μηδέποτε σοι ἕτερον λόγον μηδὲνα μηδενὸς μὴδ' ἐπιδείξειν μὴδ' ἐξαγγελεῖν.*

Σωκρ. Βαβαί, ὦ μιαρέ, ὡς εὖ' ἀνεῦρες τὴν ἀνάγκην ἀνδρὶ φιλόλογῳ ποιεῖν ὃ ἂν κελεύης.

Равнымъ образомъ Сократъ называетъ Θεοдора, вызывающаго его на разговоръ, φιλόλογος. Plat. Theaet. p. 161, a:

Σωκρ. Φιλόλογός γ' εἴ ἀτεχνῶς καὶ χρηστός, ὦ Θεόδωρε, ὅτι με οἶσι λογῶν τινὰ εἶναι θυλάχον (мѣшокъ наполненный рѣчами) καὶ ῥαδίως ἐξελόντα ἐρεῖν etc.

Наконецъ Лахэсъ въ блистательномъ изложеніи объясняетъ прекрасную гармонію между рѣчью и мыслью, такъ что онъ, смотря по обстоятельствамъ, бываетъ или «любителемъ рѣчи», или «ея ненавистникомъ», φιλόλογος или μισόλογος. Онъ говоритъ (Plat. Lach. p. 188, c. ff):

Καὶ γὰρ ἂν δόξαιμι τῷ φιλόλογος εἶναι καὶ αὐτὸ μισόλογος. ὅταν μὲν γὰρ ἀκούω ἀνδρὸς περὶ ἀρετῆς διαλεγόμενου ἢ περὶ τινος σοφίας ὡς ἀληθῶς ὄντος ἀνδρὸς καὶ ἀξίου τῶν λόγων ὧν λέγει, χαίρω ὑπερφυῶς, θεώμενος ἅμα τὸν τε λέγοντα καὶ τὰ λεγόμενα ὅτι πρέποντα ἀλλήλοις καὶ ἀρμότοντά ἐστι.... ὁ μὲν οὖν τοιοῦτος χαίρειν με ποιεῖ φθεγγόμενος καὶ δοκεῖν ὁπποῦν φιλόλογον εἶναι. οὕτω σφόδρα ἀποδέχομαι παρ' αὐτοῦ τὰ λεγόμενα. ὁ δὲ τάναντία τούτου πράττων λυπεῖ με, ὅσῳ ἂν δοκῇ ἄμεινον λέγειν, τοσοῦτῳ μᾶλλον, καὶ ποιεῖ αὐτὸ δοκεῖν εἶναι μισόλογον.

Слово φιλοлогія, какъ производное отъ φιλόλογος, означаетъ, слѣдовательно, «любовь къ рѣчи, къ разговору». Plat. Theaet. p. 146, a (слова Сократа, приглашавшаго друзей къ выраженію ихъ мнѣнія):

Τί σιγᾶτε; οὐ τί που, ὦ Θεόδωρε, ἐγὼ ὑπὸ φιλολογίας ἀγροικίζομαι, προθυμούμενος ἡμᾶς ποιῆσαι διαλέγεσθαι καὶ φίλους τε καὶ προσηγόρους ἀλλήλους γίγνεσθαι; («изъ любви къ рѣчи не выказалъ ли я отчасти невѣжества?»)

Такъ какъ подразумѣваемые здѣсь рѣчи имѣли содержаніемъ своимъ преимущественно предметы знанія, предметы научнаго изслѣдованія и литературы, то φιλόλογος являлся поэтому любителемъ такого изслѣдованія и вообще любителемъ научнаго образованія

(=ὁ σπουδάζων περὶ παιδείας по объясненію Фриниха, р. 392 ed. Lobeck) наравнѣ съ φιλόσοφος въ первоначальномъ общемъ значеніи этого слова. Plat. Republ. 9 р. 582, e:

Ἀνάγκη, ἃ ὁ φιλόσοφος τε καὶ ὁ φιλόλογος ἐπαινεῖ, ἀληθέστατα εἶναι.

Такихъ философовъ — филологовъ мы видимъ въ лицѣ Сократа и его учениковъ, когда онъ (Xenoph. Memor. 1, 6, 14) рассказываетъ, «что онъ раскрываетъ сокровища древнихъ мудрецовъ, оставленыя ими въ сочиненіяхъ, и вмѣстѣ съ своими друзьями прочитываетъ ихъ, и если что понравится имъ, они заимствуютъ это»:

Καὶ τοὺς θησαυροὺς τῶν πάλαι σοφῶν ἀνδρῶν, οὓς ἔχειναι κατέλιπον ἐν βιβλίοις γράψαντες, ἀνελίττων κοινῇ σὺν τοῖς φίλοις διέρχομαι, καὶ, ἂν τι ὀρώμεν ἀγαθόν, ἐκλεγόμεθα.

Въ какой мѣрѣ обладалъ духовными сокровищами своихъ мудрыхъ предшественниковъ величайшій изъ учениковъ Сократа, божественный Платонъ, какъ истинный φιλόλογος, это показываютъ его діалоги, въ которыхъ нѣтъ почти ни одной страницы, свободной отъ намековъ и ссылокъ на изрѣченіе какого-либо значительнаго греческаго поэта или мыслителя, начиная съ Гомера и до его соотечественниковъ.

Затѣмъ, величайшій ученикъ Платона, недостижимый Аристотель, обнимавшій своимъ умомъ всѣ области человѣческаго знанія, перечитавшій всѣ сочиненія древнѣйшаго и своего времени и превратившій ихъ въ свой умственный капиталъ, — Аристотель, какъ никто никогда, былъ ὁ φιλόσοφος τε καὶ ὁ φιλόλογος въ самомъ широкомъ смыслѣ слова.

Но пока греческій народъ жилъ своей политической самостоятельностью и греческая литература находилась въ полномъ кипучемъ разливѣ, любовь къ этой литературѣ, φιλολογία, въ большей или меньшей мѣрѣ, была обща всѣмъ образованнымъ людямъ: филологіи, какъ особенной науки, поэтому еще не было.

Только когда Греція лишилась своей самостоятельности, а съ ней вмѣстѣ изсякъ и потокъ духовной жизни, греческія духовныя произведенія, *θησαυροὶ τῶν πάλαι σοφῶν*, какъ наслѣдіе, завѣщанное глубокимъ и великимъ прошлымъ, сначала въ Александріи, сдѣлались предметомъ обширнаго и основательнаго изученія, и тогда имя *φιλόλογος* постепенно становилось названіемъ (однозначашимъ съ *γραμματικός*, см. ниже) особаго класса ученыхъ, которые занимались научною разработкою греческой литературы: изъ любителя литературы *φιλόλογος* сталъ ученымъ по литературѣ.

Ученые богатой Александрійской библіотеки и музея, между которыми особенно выдавались одинъ за другимъ Каллимахъ (процвѣталъ въ 250 г., ум. въ 236), Эратосфенъ (род. 276, ум. въ 196), Аристофанъ Византійскій (род. въ 260, ум. въ 180) и Аристархъ (род. въ 222, ум. въ 150 до Р. Х.), должны были выполнить тройкую задачу въ отношеніи къ греческой литературѣ: во-первыхъ, во многихъ тысячахъ рукописей, собранныхъ изъ всѣхъ странъ, они должны были отдѣлать дѣйствительно подлинное отъ недостовернаго и подложнаго; во-вторыхъ—возстановить языкъ прежнихъ столѣтій съ его особенностями морфологическими и лексическими и, наконецъ, въ-третьихъ — выяснить темныя мѣста въ сохранившихся сочиненіяхъ. Задачею ихъ, слѣдовательно, была, по нашему обычному техническому выраженію, критика, грамматика и герменевтика. Первые еще не твердые шаги въ этомъ направленіи были сдѣланы уже въ цвѣтущее время греческой литературы философами (именно стоиками) и софистами; состояніе и содержаніе гомерическихъ пѣсней и пристрастіе грековъ къ лингвистико-философскимъ изслѣдованіямъ и объясненіямъ очень рано дали толчокъ къ этому. Уже въ школьномъ преподаваніи, слѣдовавшемъ за элементарнымъ обученіемъ чтенію и письму (*τὰ γράμματα διδάσκειν*) учитель (*ὁ γραμματιστής*) ста-

рался читать съ учениками Гомера по исправленному тексту и объяснять его какъ со стороны языка, такъ и со стороны содержанія (формально и реально). Такимъ образомъ понятіе *γραμματικὴ τέχνη* или просто *γραμματική*, которое первоначально означало только «знаніе грамоты» (*γράμματα*), съ александрійскаго періода расширилось до языкознанія и знанія литературы, а *γραμματικός* стало названіемъ такого языковѣда или филолога, который былъ въ состояніи объяснять формально и реально древнихъ писателей, съ необходимой критической провѣркой подлинности ихъ сочиненій.

Точно также, какъ понятіе *γραμματικός*, въ александрійскомъ вѣкѣ расширилось и понятіе *φιλόλογος*. Подъ послѣднимъ стали понимать теперь такого ученаго, который приобрѣлъ многостороннія свѣдѣнія въ сохранившихся отъ древнихъ наукахъ, *multiplex variaque doctrina* (какъ говоритъ Светоній *de illustr. grammatic. cap. 10*), который былъ, слѣдовательно, по другому названію полигисторъ.

Въ этомъ смыслѣ и Эратосфенъ, названный за свою всестороннюю и основательную ученость «пентаэлонъ въ наукѣ», самъ придавалъ себѣ названіе *φιλόλογος* (Svet. 1. 1.: *Eratosthenes primus cognomen Philologi sibi vindicavit*; подробн. о немъ см. ниже въ 5 отд. Nr. 1.).

Съ именьшею ревностью, чѣмъ въ Александріи, ученые занимались филологическо-грамматическими изслѣдованіями и въ Пергамѣ, столицѣ пергамскаго царства. Тамошніе цари, «увлекаемые высокимъ наслажденіемъ филологіи» (*magnis philologiae dulcedinibus inducti*, Vitrus. praef. 7), приглашали ученыхъ въ основанную ими въ Пергамѣ и весьма богато снабженную бібліотеку.

Ученѣйшимъ изъ этихъ пергамскихъ филологовъ считается Кратесъ изъ Маллоса въ Киликіи. (*Κράτης Μάλλωτης*), младшій современникъ Аристарха; его многочисленныя (за исключеніемъ немно-

гихъ фрагментовъ утраченныя) сочиненія относились къ критикѣ текста и объясненію Гомера, къ объясненію гезіодической теогоніи, трагедій Эврипида, комедій Аристофана, къ аттическому діалекту и т. д.; равнымъ образомъ къ географическимъ и натуръ-историческимъ предметамъ, даже къ земледѣлію. Онъ написалъ также списки (Πίνακες) ученыхъ трудовъ и ихъ авторовъ, въ особенности о драмахъ и драматургахъ, распредѣливъ ихъ по отдѣламъ. Но величайшею заслугою его было введеніе филологическихъ занятій въ Римѣ въ 167 г. до Р. Х., когда онъ былъ посланъ туда въ Сенатъ царемъ Атталомъ II Филадельфомъ, и, по случаю перелома ноги долгое время задержанный въ Римѣ, прочиталъ тамъ рядъ литературныхъ лекцій и этимъ пробудилъ въ Римлянахъ живой интересъ къ ихъ собственной литературѣ. Сравни. Svet. 1. 1. cap. 2.

Получившая съ этого времени свое начало и, по примѣру Грековъ, названная просто грамматикой, римская филологія, соотвѣтственно римскому національному характеру, направила свою главную дѣятельность къ изслѣдованію и объясненію римскихъ древностей и древнихъ памятниковъ языка, относящихся къ культу и правовѣднію, а также—къ объясненіямъ замѣчательнѣйшихъ древнихъ римскихъ поэтовъ (Нэвія и Эннія, а позднѣе Люцілія и др.). Съ большей любовью также разрабатывалось и языкознаніе. Результаты изслѣдованій были изложены въ обширныхъ сборникахъ сочиненій и систематически-составленныхъ энциклопедіяхъ. Первый римскій грамматикъ, приложившій къ себѣ названіе *philologus*, Атей Претекстатъ (*Ateius Praetextatus*), современникъ и другъ историковъ Саллюстія и Азинія Поллія, составилъ такой сборникъ подъ именемъ «Υλη», состоявшій будто-бы изъ 800 книгъ (Подробн. о немъ ниже въ 5 отд. №. 5).

Величайшій римскій филологъ и полигисторъ, М. Теренцій Варронъ (*M. Terentius Varro*) изъ Реаты въ Сабинской области (род. 116, ум. 26 до Р. Х. см. ниже 5 отд., №. 4), названный Цицерономъ

diligentissimus investigator antiquitatis, Квинтиллианомъ *vir Romanorum eruditissimus*, Плутархомъ ἄνῃρ Ρωμαίων ἐν ἱστορίᾳ βιβλιαχότατος, въ своихъ болѣе 70 разнообразныхъ произведеніяхъ (около 600 книгъ), объялъ почти всѣ области человѣческаго знанія. Его трудъ *Disciplinarum libri novem* былъ первой римской энциклопедіей, которая, какъ общая сложность предметовъ высшаго преподаванія, излагала девять *artes liberales*, именно 1) грамматику, 2) діалектику, 3) реторику, 4) геометрію, 5) ариѳметику, 6) астрологию, 7) музыку, 8) медицину и 9) архитектуру.

По образцу этого Варроновскаго труда, не задолго до разрушенія Западной Римской имперіи (въ 430 г. по Р. X.), Мартіанъ Капелла (*Martianus Capella*), изъ Мадавры въ Африкѣ, написалъ *Satirae libri novem*, первые двѣ книги написаны на высокопарнѣйшемъ африкано-латинскомъ языкѣ съ особымъ заглавіемъ *De nuptiis Philologiae et Mercurii*; послѣднія представляютъ собою опытъ компендія преподаванія семи *artes liberales* (первые семь Варроновскихъ девяти *artes*), который (компендіи) почти на всемъ протяженіи среднихъ вѣковъ держался въ качествѣ энциклопедическаго учебника при школьномъ преподаваніи и высшемъ образованіи; «семь свободныхъ искусствъ» этого компендія были раздѣлены на 2 части: *Trivium* (Грамматика, Діалектика, Реторика) и *Quadrivium* (Музыка, Ариѳметика, Геометрія и Астрономія).

Какимъ образомъ во время философа Сенеки научная дѣятельность филолога различалась отъ дѣятельности грамматика и философа — очень хорошо видно изъ слѣдующаго мѣста въ письмахъ Сенеки (108 § 29 и д.):

«Non est, quod mireris ex eadem materia suis quemque studiis apta colligere: in eodem prato bos herbam quaerit, canis leporem, ciconia lacertam. Cum Ciceronis librum de republica prendit hinc philo-

logus aliquis, hinc grammaticus, hinc philosophiae deditus, alius alio curam suam mittit: philosophus admiratur contra justitiam dici tam multa potuisse, cum ad hanc eandem lectionem philologus accessit, hoc subnotat: duos Romanos reges esse quorum alter patrem non habet, alter matrem: nam de Servii matre dubitatur. Anci pater nullus: Numae nepos dicitur. Praeterea notat eum, quem nos dictatorem dicimus et in historiis ita nominari legimus, apud antiquos magistrum populi vocatum; hodieque id exstat in auguralibus libris et testimonium est, quod, qui ab illo nominatur, magister equitum est. Aequae notat Romulum perisse solis defectione; provocationem ad populum etiam a regibus fuisse: id ita in pontificalibus libris et alii putant et Fenestella. Eisdem libros cum grammaticus explicuit, primum verba expressa, reapse dici a Cicerone, id est re ipsa, in commentarium refert; nec minus seipse, id est se ipse. deinde transit ad ea, quae consuetudo saeculi mutavit, tamquam ait Cicero: «quoniam sumus ab ipsa calce eius interpellatione revocati», hanc quam nunc in circocretam vocamus, calcem antiqui dicebant. Deinde Ennianos colligit versus et in primis illos de Africano scriptos:

....«cui nemo civis neque hostis

quivit pro factis reddere operae pretium»,

ex eo se ait intelligere, apud antiquos non tantum auxilium significasse sed operam. ait enim Ennius neminem potuisse Scipioni neque civem, neque hostem reddere operae pretium. Felicem deinde se putat, quod invenerit, unde visum sit Vergilio dicere:

....«quem super ingens

porta tonat coeli».

Ennium hoc ait Homero subripuisse, Ennio Vergilium. esse enim apud Ciceronem in his ipsis de re publica hoc epigramma Ennii:

«Si fas endo plagas coelestium ascendere cuiquam est
mi soli coeli maxima porta patet».

Въ теченіе бѣльшей половины среднихъ вѣковъ, въ періодъ, продолжавшійся болѣе осьми столѣтій, филологія погружена была въ глубокій сонъ. Только въ половинѣ XIV-го столѣтія одному пламенному поэтическому уму удалось пробудить ее къ новой дѣятельности, вдохнуть въ ея оцѣпенѣлыя члены свѣжую жизненную силу.

Это былъ Франческо Петрарка (Francesco Petrarca род. 1304, ум. 1374). Полный любви къ глубокому прошлому Рима и въ завидной степени обладавшій положительнымъ знаніемъ, Франческо, въ сочиненіяхъ, написанныхъ образцовымъ латинскимъ слогомъ, не только засвидѣтельствовалъ о своемъ собственномъ воодушевленіи классической древностію, но и сумѣлъ сообщить это воодушевленіе даровитѣйшимъ изъ своихъ соотечественниковъ.

Въ тѣсномъ дружественномъ союзѣ и въ одномъ направленіи съ нимъ трудился безсмертный поэтъ «Декамероны» Жіованни Боккачіо (Giovanni Boccaccio, род. 1313, ум. 1375); онъ былъ первый изъ Итальянцевъ, который досталъ себѣ списокъ съ Гомеровыхъ поэмъ изъ Греціи, и убѣдительною образомъ рекомендовалъ изученіе греческаго языка своимъ современникамъ. Уже въ томъ же самомъ XIV столѣтіи, а еще болѣе въ слѣдующемъ, особенно когда, по низверженіи Греческой имперіи, ученые греки (Хризолѣръ, Θεодоръ Газа, оба Ласкариса, Димитрій Халкондиль, Маркъ Музурось) и изобрѣтеніе книгопечатанія сдѣлали возможнымъ широкое распространеніе греческой и римской литературы, филологія снова ожила во всей Италіи и сдѣлалась любимымъ занятіемъ самыхъ выдающихся мужей. Я упомяну здѣсь только о Леонардо Бруни (1369—1443), Франческо Пожжіо (1380—1459), Амброжіо Траверсари (1386—1439), Гварини (1370 до 1460), Франческо Филельфо (1398—1481), Лоренцоделла-Валле (1407—1457), Никколò Перотти (1430—1480), Анжело Полизіано (1454—1494). Опять, какъ нѣкогда въ цвѣтущее время Греціи и Рима, филологъ

сталъ «любителемъ классической литературы» въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, а филологія получила значеніе какъ наукознаніе вообще, какъ полигисторія.

Къ этому глубокому уваженію античныхъ произведеній науки и искусства, достигшему въ Италіи, въ первой половинѣ XVI столѣтія при Львѣ Десятѣ, самой высокой степени, присоединилось стремленіе къ подражанію классическому стилю въ письмѣ и рѣчи, подражаніе, именно, цicerоновской латыни, и породило такъ называемый цicerоніанизмъ; имъ блистали кардиналы Пьетро Бембо (1470—1547) и Як. Садолетти (Sadoletus) (1477 — до 1547), затѣмъ Маріи Низолій (1498—1566), Павелъ Мануцій (1511—1574), наконецъ небезызвѣстный даже школьникамъ, презамѣчательный Муретъ (Marcus Antonius Muretus изъ Мурета при Лиможѣ, 1526—1585) *). Но отсюда воз-

*) Муретъ (Маркъ Антоній) родился въ мѣстечкѣ того-же имени, близъ Лиможа, въ 1526 г. Даровитый отъ природы, Муретъ замѣчательно-быстро развился и очень рано приобрѣлъ такіа знанія, которыя обыкновенно бываютъ плодомъ продолжительнаго, методически-строгаго образованія, неустойимаго труда и мужественно-окрѣпшихъ нравственныхъ силъ. Самоучкой выучившись греческому и латинскому языкамъ, онъ осьмнадцати лѣтъ уже началъ свое педагогическое поприще, дебютируя переводомъ и комментированіемъ ученикамъ одного провинціального училища (аухсаго) Цицерона и Теренція. Увлечательный даръ слова, живость изложенія, чистота и плавность стиля, характеризующая всѣ труды его, скоро проложили ему дорогу къ столичной профессурѣ. Въ Парижѣ, въ училищѣ св. Варвары, импонирующее дѣйствіе его краснорѣчія испытали на себѣ даже король и королева, не разъ удостоившіе его своимъ присутствіемъ. W. Freund, говоря здѣсь, что этотъ «vielbewunderste» Muret извѣстенъ даже въ школьных кружкахъ (in Schülerkreisen bekannte), быть можетъ, имѣлъ въ виду не одни его замѣчательныя ораторскія способности и филологическія знанія, но и его остроумную находчивость въ случаяхъ нарушенія со стороны его учениковъ внѣшней дисциплины. Остроуміе это, быть можетъ, также свидѣтельствовало о талантѣ, но

никло и постепенно образовалось одностороннее пониманіе филологіи, какъ краснорѣчія, для обезпеченія себя въ достиженіи котораго и старались при чтеніи классиковъ упражняться въ грамматикѣ, герменевтикѣ и критикѣ.

Въ стремленіяхъ Итальянцевъ къ оживленію филологіи приняли участіе съ XVI столѣтія сначала Французы, за ними, почти одновременно, Нѣмцы, Англичане и Нидерландцы; до конца прошлаго столѣтія Нѣмцы шли впереди всѣхъ ученыхъ, занимавшихся разработкой филологіи и эту научно-филологическую гегемонію они удерживаютъ за собой и до настоящаго времени.

Французы съ большою ревностью принялись за изученіе филологіи въ первой половинѣ XVI столѣтія,

не совсѣмъ гармонировало съ моднымъ тогда утонченнымъ «цицероніанизмомъ». Однажды, одинъ изъ учениковъ его принесъ въ классъ колокольчикъ и звономъ его выражалъ свое согласіе съ комментаріями великаго преподавателя. Педагогъ, оторвавшись отъ Цицерона, замѣчаетъ классу: «я понимаю этотъ звонъ: въ большой толпѣ скотовъ всегда необходимъ одинъ баранъ, который бы своимъ колокольчикомъ могъ управлять стадомъ».... Но апогея своей славы, какъ и высшаго блеска своего внѣшняго положенія Муретъ достигъ въ Римѣ, гдѣ онъ снискалъ благосклонность самихъ кардиналовъ и папъ. Знаменитая столица наукъ и просвѣщенія лишилась его въ 1585 г. на 59 г. его жизни.

Сочиненія его были напечатаны въ Веронѣ въ различныхъ годахъ. Главныя изъ нихъ: 1) довольно хорошія примѣчанія на Теренція, Горация, Катулла, Тацита, Цицерона, Саллюстія, Аристотеля, Ксенофонта и др.; 2) Рѣчи; 3) поэмы; 4) священные гимны; 5) сочиненія смѣшаннаго характера 1621 г.; 6) оды; 7) разсужденія на 1 книгу Pandectarum: о началѣ права; о законахъ и сенатской власти; объ учрежденіяхъ государей, о судебномъ законодѣльствіи и проч.; 8) Упражненія юношескихъ лѣтъ, 1753 года въ Парижѣ, и 1767 г. въ Лейденѣ. Сочиненія Мурета уже давно сдѣлались библіографическою рѣдкостью. Въ стихотвореніяхъ его больше красивыхъ фразъ и риторической орнаментики, чѣмъ мыслей и теплыхъ чувствъ.

Примѣч. Переводчика,

подъ покровительствомъ просвѣщеннаго любителя искусствъ короля Франциска I (цар. 1515—1547). Ученые типографщики (какъ наприм. Робертъ Стефанъ, 1503—1559, и Генрихъ Стефанъ 1528—1598) заботились о возстановленіи правильнаго текста греческихъ и латинскихъ авторовъ. Изъ выдающихся филологовъ XVI столѣтія, двое—Іосифъ Скалигеръ (1540—1609) и Исаакъ Казавбонъ (1559—1614) принадлежали къ французской націи.

Изъ нѣмецкихъ ученыхъ, оказавшихъ особенно важныя заслуги для филологіи, до конца прошлаго столѣтія, я назову здѣсь только: Рудольфа Агриколу (1443—1485), Іоганна Рейхлина (1455—1522), Дезидерія Эразма (1467—1536), Филиппа Меланхтона (1497—1560), Іоакима Камерарія (1500—1574), Яна Грутера (1560—1627), Іог. Филип. Парей (1576—1648), Оому Рейнезія (1587—1667), Іог. Фрейнзгейма (1608—1660), Езекиля Шпангейма (1629—1710), Христофа Келларія (1638—1707), Іог. Альб. Фабриція (1668—1736), Іог. Мих. Гейзингера (1690—1751), Іоганна Матѳіа Геснера (1691—1761), Іоганна Августа Эрнести (1707—1781), Іог. Як. Рейске (1716—1774) и Христ. Готтл. Гейне (1729—1812).

Изъ англійскихъ филологовъ этого періода замѣчательны: Тома Линакръ (1460—1524), Георгъ Бухананъ (1506—1582), Тома Руддиманъ (1674—1757), Ричардъ Бентлей (1662—1742), Іонъ Тайлоръ (1703—1766), Іеремія Маркляндъ (1693—1776). — Наконецъ

Голландскіе филологи: Іюстъ Липсій (1547—1606), Іог. Мейрсій (1579—1639), Герх. Іог. Воссій (1577—1649), Іог. Фр. Гроновъ (1611—1671), Никол. Гейнсій (1620—1681), Іог. Георгъ Грзвій (1632—1703), Францъ Удейдорпъ (1696—1761), Тиберій Гемстерхій (1685—1766), Люд. Касп. Вальккенаръ (1715—1785), Дав. Рункенъ (1723—1798).

Спеціальныя данныя для этой древнѣйшей части исторіи классической филологіи см. въ *Triennium philologicum* I отд. 2 гл., стр. 21 и д. *).

Чрезъ разнообразныя вліянія, какія у поименованныхъ націй романскаго и германскаго племени оказали на развитіе филологіи въ упомянутый періодъ—народный характеръ, духовенство, національная литература, индивидуальность ученыхъ,—филологія то расширялась до универсальной науки, до полигисторіи, то суживалась до простой школьной дисциплины для познанія классическихъ языковъ и чтенія классическихъ авторовъ, или же ограничивалась до стилистики и эстетики. Въ то время какъ въ Италіи и Франціи реальная (вещественная *sachliche*) сторона филологіи преобладала надъ формальной (лингвистической, *sprachliche*),

*) *Triennium philologicum* или очеркъ филологическихъ наукъ (*Grundzüge der philologischen Wissenschaften*) содержитъ подробное, но въ высшей степени отчетливое и дѣльное изложеніе филологіи и ея отдѣльныхъ дисциплинъ. Такъ какъ на этотъ трудъ свой В. Фрейндъ ссылается неоднократно въ своей «годегетикѣ», то я не лишнимъ считаю привести здѣсь, по крайней мѣрѣ, главные пункты содержанія его.

Triennium philologicum, предназначенный Фрейндомъ молодымъ филологамъ *zur Wiederholung und Selbstprüfung*, раздѣленъ по семестрамъ на шесть отдѣловъ. Содержаніе каждаго отдѣла слѣдующее:

I. Семестр. отд. 1) Введеніе; энциклопедія.—2) Исторія филологіи.—3) Источники филологіи (*Denkmäler Kunde*).—4) Критика (съ палеографіей).—5) Герменевтика.—6) Общая наука о языкѣ.—7) Сравнительная наука о языкѣ.—8) Прибавленіе а. 202 вопроса для повторенія; б. 102 тѣмы для обработки.

II. Семестр. отд. 9) Греческая грамматика (съ діалектологіей)—10) Исторія греческой литературы.—11) Исторія греческихъ наукъ.—12) Латинская грамматика (италіанская діалектологія).—13) Исторія римской литературы.—14) Исторія римскихъ наукъ.—15) Прибавленіе. а. 200 вопросовъ для повторенія; б. тѣмы для разработки.

III. Семестр. отд. 16) Хорографія и топографія Греціи.—17) Хронологія Грековъ.—18) Политическая исторія Грековъ.—

въ Англіи, именно со времени Бентлея, и въ Голландіи, особенно при Гемстерхії и Рункенѣ, главною задачею филологіи считалась критика, въ отношеніи къ которой всѣ формальныя и реальныя познанія должны были имѣть служебное, вспомогательное значеніе.

Въ Германіи, послѣ того какъ притѣсненіе, какое въ XVII столѣтіи оказывала религіозная война и оцѣпенѣлая ортодоксія на изученіе языческой древности, въ XVIII-мъ столѣтіи ослабѣло, наступило какое-то колебаніе между реализмомъ и формализмомъ въ филологіи. Одни смотрѣли на нее, какъ на носительницу humaniora, какъ на изученіе гуманности, другіе, по примѣру Голландцевъ, видѣли въ ней только «совокупность правилъ и ученій, служащихъ къ основательному объясненію языковъ».

19) Государственныя древности.—20) Частныя домашнія древности.—21) Религіозныя древности.—22) Греческая міеологія.—23) Прибавленіе а. 200 вопросовъ для повторенія; б. 100 тѣмъ для обработки.

IV. Семестр. отд. 24) Хорографія и топографія римскаго государства.—25—31) Хронологія Римлянъ и проч. (какъ въ предыдущ.)

V. Семестр. отд. 32) Музыка и поэтика Грековъ и Римлянъ.—33) Ритмика и метрика Грековъ и Римлянъ.—34) Реторика Грековъ и Римлянъ.—35) Прибавленіе а. 200 вопросовъ для повторенія; б. 100 тѣмъ для обработки.

VI. Семестр. отд. 36) Археологія искусства; введеніе; исторія искусства.—37) Система художественныхъ формъ.—38) Нумизматика.—39) Прибавленіе а. 300 вопросовъ для общаго повторенія; б. 200 тѣмъ для разработки (диссертациі на степень доктора).—40) Дополненія и исправленія.—Подробное оглавленіе ко всѣмъ 6 отдѣламъ.

Критическій обзоръ матеріала, систематическое дѣленіе и группировка его, сплошныя указанія на соприкасающуюся литературу, наконецъ постоянныя ссылки на такія частности, которыя въ отдѣльныхъ филологическихъ областяхъ еще не достаточно выяснены—вотъ цѣнныя качества этого труда, сообщающія ему несомнѣнное право на вниманіе cadaго спеціально занимающагося филологіей.

Примѣч. Переводчика.

Великія произведенія Винкельмана въ художественной области классической древности, въ особенности же его главный безсмертный трудъ: «Исторія искусства древности» (1764), внесли новый живительный элементъ въ матеріалъ, находившійся въ состояніи броженія. Въ тоже самое время расцвѣтшая національная нѣмецкая литература, получавшая питательные соки изъ классической древности, очень много способствовала возвышенію значенія и важности изученія древности (напомню только о «Лаокоонѣ» Лессинга). Это возвышеніе интереса къ античному классическому міру ясно сказалось уже въ томъ обстоятельствѣ, что преемникъ Геснера на геттингенской кафедрѣ филологій, Христ. Готтл. Гейне, своими лекціями и сочиненіями, направленными къ эстетическому объясненію классической литературы, достигъ чрезвычайнаго успѣха. Не доставало однакожь еще многого для того, чтобы отдѣльныя проявленія лучей филологическихъ дисциплинъ были собраны въ одинъ фокусъ. Эта заслуга, благодаря которой филологія возвысилась до истинной, органически-цѣльной науки, принадлежитъ Фридриху Августу Вольфу.

Подобно тому какъ Клопштокъ, уже при окончаніи своего гимназическаго курса, въ своей выпускной рѣчи напередъ выразилъ твердое свое намѣреніе — сдѣлаться нѣкогда «пѣвцомъ Мессіи», такъ и осьмнадцатилѣтній Вольфъ, при своемъ вступленіи въ Геттингенскій университетъ, уже рѣшительно опредѣлилъ свою будущую научную дѣятельность, настойчиво и категорически заявивъ о своемъ желаніи записаться не—по обыкновенію—въ студенты теологій или философій, а въ студенты филологій.

Отсюда совершенно понятно то жгучее, неотразимое желаніе, какое сильно безпокоило Вольфа, какъ онъ самъ сообщаетъ объ этомъ (въ вскорѣ изданномъ потомъ сочиненіи), въ самомъ началѣ его ученой дѣятельности въ Галлѣ (1783),—желаніе дать себѣ самому и своимъ слушателямъ опредѣленный отчетъ въ общемъ понятіи,

содержаніи, связи и главной цѣли занятій, которыя обыкновенно называютъ филологическими, такъ какъ обо всемъ этомъ сочиненія извѣстнѣйшихъ знатоковъ представляютъ мало удовлетворительнаго. «Нѣкоторые, случайно пускавшіеся въ такія разсужденія, колебались въ опредѣленіи важнѣйшихъ тенденцій этой великой отрасли учености: многіе утверждали, что изучать древніе языки нужно ради исторіи и такъ называемыхъ реальныхъ знаній; другіе же—и такихъ большинство—напротивъ смотрѣли на чтеніе и пониманіе писателей въ подлинникѣ какъ на послѣднюю цѣль, а на самое многостороннее занятіе реальными знаніями—какъ на простое средство къ пониманію писателей». Эти и подобныя этимъ разнорѣчивыя мнѣнія удвоивали рвеніе Вольфа «возможно точнѣе понять высшія точки зрѣнія древней филологіи и попытаться свести къ одному органическому цѣлому разрозненные доктрины, изъ которыхъ однѣ уже около ста лѣтъ объяснялись въ нѣмецкихъ университетахъ, другія еще только ждали своей очереди,—такъ чтобы все, относящееся къ полному знанію научной древности, возвысится до достоинства систематически-стройной философско-исторической науки»

Въ теченіе своей болѣе двадцатилѣтней дѣятельности въ Галлѣ (до 1806) Вольфъ съ этою цѣлію нѣсколько разъ читалъ лекціи подъ именемъ «энциклопедіи и методологіи научныхъ занятій древностью»; въ первый разъ при слѣдующемъ публичномъ объявленіи:

«*Encyclopaedia philologica, in qua, orbe universo earum rerum, quibus litterae antiquitatis continentur, peragrato, singularum doctrinarum ambitus, argumenta, conjunctiones, utilitates, subsidia, denique recte et cum fructu tractandae cujusque rationes illustrabuntur.*»

Такъ какъ эти лекціи, на которыя онъ самъ смотрѣлъ, какъ на «далеко еще несовершенные эскизы», тѣмъ не менѣе, безъ его вѣдома, были изданы нѣкоторыми изъ его слушателей по записямъ ихъ послѣдними

въ своихъ тетрадяхъ *), то въ 1807 году онъ рѣшился, за неимѣніемъ необходимаго для полной разработки досуга, издать, «по крайней мѣрѣ, очеркъ общаго изложенія греческой и римской науки о древности». Этотъ «очеркъ», напечатанный въ изданномъ въ упомянутомъ году Вольфомъ и Буттманомъ «Музеумъ науки о древности», подъ заглавіемъ: «Изложеніе науки о древности», и сдѣлался основнымъ закономъ для филологической науки, какъ она понята съ того времени въ Германіи въ своей цѣлостности и излагается въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ.

Показавъ (стр. 11 и д.) болѣе или менѣе неудачными всѣ обычные до его времени названія избранной имъ науки: филологія, классическая ученость, древняя литература, гуманитарныя науки, гуманитаріа, изящныя науки («названіе „филологія“ даетъ поводъ къ недоумѣнію потому, что по александрійскому пониманію слово филологія почти отождествляется съ литературой и исключаетъ искусство древнихъ; очень многіе также и очень часто подъ филологіей разумѣютъ только лингвистику или языкознаніе вообще») и поставивъ на видъ высокую важность, какую классическіе памятники имѣютъ и для насъ еще, Вольфъ счелъ самымъ приличнымъ названіемъ своей науки „наука о древности“. «Всякое другое названіе, какъ бы оно ни было обычно у прочихъ европейскихъ народовъ, менѣе основательно: то оно слишкомъ обширно, то слишкомъ тѣсно; подходящаго вполне — нѣтъ ни одного».

Полный объемъ этой науки онъ опредѣляетъ какъ «совокупность знаній и свидѣтельствъ, какія знакомятъ насъ съ дѣйствіями и судьбами, съ политическимъ, уче-

*) Вольфъ прекрасно осуждаетъ это поспѣшное опубликованіе его лекцій словами Квинтиліана (Inst., Praef. § 7): Quantum notando consequi poterant, interceptum boni juvenes, sed nimium amantes mei, temerario editionis honore vulgaverant.

Примѣч. автора.

нымъ и домашнимъ состояніемъ Грековъ и Римлянъ, съ ихъ культурой, ихъ языками, искусствами и науками, нравами, религіями, національными характерами и образами мышленія, такъ что мы получаемъ возможность основательно понимать дошедшія до насъ произведенія ихъ, проникать въ ихъ содержаніе и духъ, — получаемъ возможность, слѣдовательно, умственно воспроизводить античную жизнь и сравнивать ее съ современной».

Послѣ такого подробнаго объясненія Вольфъ переходитъ (стр. 31 и д.) къ источникамъ, изъ которыхъ изслѣдователь древности заимствуетъ свой матеріалъ. Это — остатки древнихъ временъ, древнія произведенія, древніе памятники.

«Всѣ вообще эти остатки трехъ родовъ: частью письменныя произведенія, куда принадлежатъ также и пѣсни бардовъ, которыя до распространенія письменности только пѣлись и которыя записаны были уже въ сравнительно-позднѣйшее время; частью художественныя, т. е. произведенія живописи и ваянія, какъ искусства, тѣсно связанныхъ съ поэзіей, и какъ — общей техники; частью остатки смѣшаннаго рода, въ которыхъ литература и общая техника участвуютъ почти одинаково. Сюда принадлежитъ большая часть камней, снабженныхъ надписями, которые приближаются гораздо болѣе къ сочиненіямъ, чѣмъ къ произведеніямъ искусства».

«Каждый изъ этихъ трехъ родовъ можетъ быть разсматриваемъ или со стороны содержанія, какъ памятники и свидѣтельства минувшихъ событій, или со стороны формы, какъ эстетически-изящныя произведенія.

I. Для раскрытія состояній древности письменныя произведенія, естественно, имѣютъ преимущественное значеніе предъ всѣми остальными: они даютъ главные средства правильно понимать и обсуждать другія произведенія; они ставятъ насъ посредствомъ языковъ въ тѣснѣйшее общеніе съ идеями и способами выраженія

древности. Поэтому возможно совершенное пониманіе писателей вмѣстѣ съ провѣркой истиннаго или подложнаго, вѣрнаго или недостовернаго, древняго или позднѣйшаго, что въ письменныхъ произведеніяхъ весьма часто бываетъ перемѣшано одно съ другимъ,—принадлежитъ къ существенно-важнымъ требованіямъ.

1. Посредство языковъ. Мы говоримъ здѣсь о древнихъ языкахъ, конечно, не столько какъ объ одномъ изъ объектовъ науки, а скорѣе—о языкахъ, на сколько знаніе ихъ есть само по себѣ какъ орудіе. Въ этомъ именно смыслѣ мы получаемъ въ нихъ органионъ общей науки, въ которомъ, послѣ философскаго объясненія общихъ правилъ языка изъ законовъ мышленія, сначала излагается теорія греческаго и латинскаго языка по измѣнявшемуся время отъ времени употребленію языка. Говорю по измѣнявшемуся употребленію, потому что подъ грамматикой здѣсь не разумѣется собственно опредѣленной системы правилъ языка изъ какого либо отдѣльнаго періода его цвѣтущаго состоянія: такая грамматика можетъ считаться удовлетворительной для своей цѣли, пожалуй, въ новыхъ языкахъ, при изученіи которыхъ мы большею частью имѣемъ въ виду только современную полезность ихъ, а не обращаемъ вниманія на ихъ прежнюю литературу. Въ данномъ же случаѣ слово грамматика, напротивъ, обнимаетъ всѣ періоды жизни языка, т. е. въ объемъ ея входятъ изслѣдованія о происхожденіи языка, его строеніи, его постепенномъ образованіи, слѣдовательно, и объ орфографіи и ортоэпії, просодіи, этимологіи, аналогіи и ученіи о формахъ (морфологіи), синтаксисѣ и идиомѣ. Изслѣдованія эти съ одной стороны—историческаго, съ другой—философскаго рода, смотря, во-первыхъ, потому, на сколько происхожденіе каждаго правила языка объясняется фактически, изъ практики языка, критически доказанной не поврежденными мѣстами древнихъ; во-вторыхъ, принимая въ соображеніе то, что въ языкахъ не устанавливается ни одного правила, которое бы не основывалось на природѣ

употребленія рѣчи (durch die Natur des Redegebrauches). Такимъ образомъ грамматика становится въ нѣкоторомъ родѣ исторіей языка, которая въ греческомъ обнимаетъ періодъ времени въ двѣ съ половиной тысячи лѣтъ, — явленіе, какого никогда не было ни въ одномъ другомъ языкѣ, и какое, быть можетъ, никогда и не повторится. Только такая обширная разработка обоихъ языковъ дѣлаетъ грамматику ихъ твердымъ основаніемъ искусства толкованія и критики, такъ какъ для того, чтобы основательно судить объ истинномъ смыслѣ писателя и о томъ, что считать у него подлиннымъ и что — подложнымъ, необходимо хорошенько знать всѣ виды и формы употребленія языка, какіе претерпѣвалъ онъ на всемъ протяженіи процесса образованія національной культуры.

2. На грамматикѣ греческаго и латинскаго языка покоится Герменевтика. Какъ искусство съ тонкою проницательностью отыскивать мысли писателя къ способу его изложенія, она основывается на изученіи коренныхъ значеній словъ, на изслѣдованіяхъ смысла предложенія, связи рѣчи и многихъ другихъ пунктовъ грамматической, реторической и исторической интерпретаціи.

3. Критика. Герменевтика только тогда можетъ выполнить свою задачу, если напередъ достаточно определены время и писатель, занимающіе толкователя; равнымъ образомъ нельзя объяснять никакого текста съ твердой увѣренностью въ согласіи нашихъ мыслей съ мыслями автора, прежде чѣмъ не доказана подлинность и вѣрность его изложенія до отдѣльнаго выраженія. Рѣшеніе той и другой задачи беретъ на себя филологическая критика, съ которой, для оцѣнки разсматриваемаго матеріала, часто нужно соединять многостороннюю научную критику, а въ сочиненіяхъ, претендующихъ на изящность изложенія, — реторическую, или, какъ обыкновенно говорятъ, эстетическую критику.

4. Къ упомянутымъ дисциплинамъ привходитъ еще искусство стили и композиціи, какъ въ про-

зѣ, такъ и въ стихахъ, вмѣстѣ съ правилами древней метрики. Только умѣнье писать по образу древнихъ, только собственный продуктивный элементъ даетъ намъ право вполне понимать однородныя иностранныя произведенія (*befähigt uns fremde Productionen gleicher Art ganz zu verstehen*).

Такимъ образомъ, при помощи философской грамматики и грамматики спеціальной обоихъ языковъ, герменевтики, критики и искусства стиля воспроизводятся занятія, предваряющія вступленіе въ кругъ предметовъ, раскрывающихъ историческую и реальную стороны науки и знакомящихъ съ подробными воззрѣніями древняго міра. Эти предварительныя занятія необходимы: самостоятельность—первое и главное условіе въ наукѣ; она (наука) не позволяетъ принимать чего бы то ни было на вѣру, безъ строгой провѣрки,—а эта послѣдняя необходимо предполагаетъ знаніе источниковъ ея и ихъ правильное употребленіе.

II. Особыя доктрины, ведущія къ познанію древности, заимствуютъ свой матеріалъ изъ всѣхъ трехъ вышеуказанныхъ родовъ остатковъ, а не изъ однихъ только литературныхъ. Не говоря о міеологіи и такъ называемыхъ древностяхъ, какой богатый вкладъ свѣдѣній и фактовъ даже для простаго знанія древнихъ языковъ даютъ не памятники искусства, а вышеупомянутые остатки смѣшаннаго рода! Но сочиненія остаются вездѣ главными источниками и базами всѣхъ филологическихъ и археологическихъ изслѣдованій, и потому знакомство съ ними должно предшествовать изслѣдованіямъ всѣхъ остальныхъ памятниковъ.

A. Доктрины, относящіяся къ письменнымъ произведеніямъ, суть:

1. Древняя географія. Существенно-необходимо, прежде всего, познакомиться съ тѣми историческими странами, гдѣ жили и дѣйствовали извѣстные народы

древности, — необходимо, чтобы обезпечить себѣ знаніе ихъ мѣстопробываній и ихъ различныхъ въ различные періоды состояній, чѣмъ объясняются многія особенности въ характерѣ и образѣ жизни древнихъ народовъ. «Но древняя географія важна для насъ не просто только въ качествѣ вспомогательной науки для исторіи, подобно хронологіи: она сама по себѣ составляетъ часть исторіи, и притомъ — часть одну изъ труднѣйшихъ для ученой разработки, частью по самому свойству источниковъ, изъ которыхъ она должна заимствовать свой матеріалъ, частью по искусству пользоваться этими источниками.

2. Историческая или народноисторическая дисциплина (*Die historische oder völkergeschichte Disciplin*).

Древняя исторія, кромѣ того, только тогда можетъ имѣть притязаніе на имя науки, если отдѣльные факты ея разбросаннаго матеріала тщательно изслѣдованы и проверены каждый порознь, и если цѣпи происшествій разсмотрѣны и разобраны такъ полно и обстоятельно, что не упущено изъ вниманія ни одного звена; только тогда исторія, достаточно подготовленная для пониманія, получаетъ свой вполне научный видъ для ума; тогда только она, какъ и слѣдуетъ, становится тѣмъ идеальнымъ, чѣмъ природа въ дѣйствительности, а міровыя происшествія, въ предѣлахъ, конечно, возможной для человѣка свободы, становятся только особымъ видомъ продуктовъ въ сравненіи съ продуктами природы. Вспомогательныя знанія, необходимыя для исторической науки, суть хронологія древнихъ временъ и историческая критика.

3. Древности. Доктрина эта, которую обыкновенно называютъ употребительнымъ уже у Римлянъ терминомъ древности и археологія, а въ нѣмецкомъ языкѣ съ нѣкотораго времени — наука о древности, имѣетъ доселѣ еще неопредѣленные и по существу дѣла неопредѣлимые границы. Сюда относятся свѣдѣнія и разъясненія, благодаря которымъ можно по-

знакомится съ болѣе или менѣе продолжительно державшимся состояніемъ и строемъ въ политическомъ, религіозномъ, военномъ и др. связанныхъ съ ними отношеніяхъ, вмѣстѣ съ нравами и обычаями. Было бы желательно, чтобы все, чѣмъ только можно воспользоваться въ данномъ случаѣ, употреблено было для воспроизведенія жизни древнихъ народовъ, въ особенности чтобы тщательно собрано было все, касающееся механическихъ искусствъ и всѣхъ родовъ ремеслъ у древнихъ, у которыхъ, напримѣръ, земледѣліе и многое изъ области технологіи могло бы составить обширный отдѣлъ.

4. Мифологія. Въ греческой мифологіи, дошедшей до насъ, сравнительно, цѣльнѣе, мы усматриваемъ первые элементы человѣческой исторіи и начала всего научнаго просвѣщенія. Она, какъ это особенно старался развить Гейне, отмыкаетъ кругъ понятій и представленій и объясняетъ образъ мысленія выступающей на историческое поприще націи на протяженіи всего времени вплоть до возникновенія настоящей исторіи и философіи—момента, съ которымъ почти совмѣстно наступаетъ и моментъ происхожденія художественной прозы. Каждый главный классъ басенъ, или, какъ сталъ называть ихъ голландскій ученый, мифовъ, вноситъ свою долю въ эту систему первобытныхъ представленій, именно: натуръ-мифы, какъ попытки лепечущей философіи, — затѣмъ учевіе о богахъ и демонахъ, на которое однакожъ нельзя смотрѣть какъ на теорію религіи, — далѣе традиціи о народныхъ вождяхъ и герояхъ чрезъ всѣ такъ называемыя героическія времена, — затѣмъ моральные мифы и древнѣйшія аллегорическія наставленія, какъ результатъ житейской практической мудрости, — наконецъ географическія, астрономическія и другія фикціи просто поэтическаго періода. Многія изъ такихъ мифологическихъ фикцій въ послѣдствіи образовали изъ себя особый циклъ, который, благодаря бардамъ, поэтамъ и художникамъ вообще, возвысившимъ его поэтическое и священно-религіозное значеніе въ глазахъ народа, составилъ потомъ главную часть изящнаго искусства скульп-

торы, и, какъ художественная миѳологія, имѣть право на отдѣльную разработку.

5. Исторія научнаго просвѣщенія у обѣихъ націй, съ подраздѣленіемъ именно на два отдѣла:

а) Внѣшняя исторія литературы, которая знакомитъ съ письменными произведеніями Грековъ и Римлянъ, съ ихъ авторами, съ жизнью послѣднихъ и обстоятельствами, при которыхъ они писали, словомъ со всѣмъ, что исторически подготавливаетъ къ научному, т. е. основательному чтенію и пользованію произведеніями. Здѣсь мы рассматриваемъ произведенія большей частью какъ *continentia*, какъ памятники ихъ эпохъ и творцовъ.

б) Внутренняя исторія древней эрудиціи, *contenta* произведеній, или исторія происхожденія, роста, цвѣтущаго состоянія и упадка литературы, частью въ словесныхъ искусствахъ, частью во всѣхъ родахъ знаній и наукъ, созданныхъ Греками и Римлянами. Съ этой стороны представляется именно столько отраслей, сколько было искусствъ и наукъ въ древности, какъ то: исторія поэзіи, историческаго изложенія, художественнаго краснорѣчія; философіи, математики, физики, описанія природы, врачебнаго искусства, филологіи и т. п.

6. Средину между словесными и образовательными искусствами занимаютъ мимическія искусства, образцы которыхъ, имѣвшіе временный характеръ, всѣ утрачены, именно: музыка и искусство декламациі, или древнѣйшая рапсодика ($\eta \rho \alpha \phi \delta \iota \chi \eta$), и развившаяся изъ послѣдней оркестрика, драматическое искусство, танцевальное искусство.

В. Ко второму роду остатковъ древности принадлежатъ произведенія живописи, ваянія и общей техники, которыя должны быть рассматриваемы сами по себѣ, безъ отношенія къ выгодѣ, какую доставляли они реальнымъ дисциплинамъ. Относящаяся

сюда наука археографія, въ новѣйшее время названная археологіей, распадается на а) технологию и б) исторію искусства.

С. Третій родъ смѣшанныхъ остатковъ.

1. Нумизматика, весьма обширная область, которая со времени Эккеля разработана всесторонне и изученіе которой уже облегчено теперь.

2. Эпиграфика, подъ именемъ которой мы понимаемъ все, что относится къ надписямъ на камнѣ и металлѣ, важна не формами со стороны изящности, а грамматическими, лексическими, географическими, историческими и другими свѣдѣніями, какія можно приобрести только изъ нея одной для пополненія многихъ пробѣловъ въ нашихъ знаніяхъ.

Одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ здѣсь составляетъ греческая и римская дипломатика, которая опять возвращаетъ насъ къ порогу грамматики, къ наглядному знанію алфавитовъ, какъ они за долго предшествовали нашимъ греческимъ и латинскимъ рукописямъ.

III. Наконецъ, не желая опускать ничего существеннаго, мы заканчиваемъ историческимъ обзоромъ судьбы нашей науки съ общей филологической и антикварной библіографіей. Этотъ послѣдній отдѣлъ по своему содержанію, которое захватываетъ въ каждомъ изъ предыдущихъ, и по косвеннымъ взглядамъ, какіе онъ можетъ бросить на ходъ современной ученой культуры, есть одинъ изъ интереснѣйшихъ и полезнѣйшихъ отдѣловъ, особенно если къ нему присоединить біографіи замѣчательнѣйшихъ писателей, имѣвшихъ вліяніе на свои эпохи. Но главнымъ образомъ отдѣлъ этотъ имѣетъ цѣлью познакомить съ духомъ, характеромъ и точками зрѣнія, въ которыхъ и съ которыхъ въ новѣйшее время, въ силу разнообразныхъ потребностей и вкусовъ, разрабатывалась эта наука, чтобы, съ одной стороны, критически взглянуть на существующія одна подлѣ другой цѣли и пользу,

предъявляемая къ ней, а съ другой—понять ту навсегда-одинаково великую и достойную главную цѣль, которая одна должна сообщить интересъ занятіямъ древностью и навсегда упрочить науку о ней.

Такова теоретическая часть Вольтова «изложенія». Во второй, практической части, Вольфъ развиваетъ главную цѣль изложенныхъ въ основныхъ чертахъ знаній, какъ образовательныхъ элементовъ для современнаго поколѣнія.

Только два пункта изъ этой послѣдней части Вольтовой системы заслуживаютъ нашего особеннаго вниманія. Это во-первыхъ то, что говоритъ онъ объ абсолютной цѣнности древнихъ языковъ, какъ дополненіе къ вышеупомянутому развитію практическаго значенія ихъ какъ органа, и во-вторыхъ—тотъ пунктъ, въ которомъ Вольфъ развиваетъ свои соображенія о благотворныхъ дѣйствіяхъ занятія критикой и герменевтикой.

1. Особенно важнымъ и плодотворнымъ оказывается изученіе древнихъ языковъ, когда оно разсматривается внѣ всякой зависимости, какъ цѣль само себѣ. Въ основѣ этого взгляда лежатъ слѣдующія соображенія. Языки, первыя художественныя произведенія человѣческаго духа, содержатъ весь запасъ общихъ идей и формъ нашего мышленія, которыя приобрѣтены и развиты при прогрессивномъ ходѣ культуры народовъ; они даютъ, поэтому, въ своихъ знакахъ множество отдѣльныхъ образовъ національныхъ представленій, въ которыхъ выражается содержаніе частью чувственныхъ, въ особенности же интеллектуальныхъ идей, и характерныя особенности въ пониманіи тѣхъ и другихъ. Каждый, слѣдовательно, языкъ, нѣкоторымъ образомъ удовлетворяющій своей цѣли, долженъ представлять извѣстныя группы идей, преимущественно разработанныхъ, усовершенствованныхъ и надлежащимъ образомъ выраженныхъ, сообразно съ физическою и нравственною индивидуальностью народа, который образовалъ ихъ. Но въ образѣ

выраженій заключаются не менѣе цѣнные сокровища, чѣмъ въ самыхъ знакахъ: какъ послѣдніе въ каждомъ языкѣ обогащаютъ изслѣдователя новыми представленіями и чрезъ это расширяютъ его умственный кругозоръ, такъ и образъ выраженія и, такъ сказать, печать, какую каждая нація наложила на свои представленія, доставляютъ не менѣе цѣнное приобрѣтеніе. Основательное знаніе этой печати во многихъ языкахъ, во-первыхъ, открываетъ намъ вѣрный путь къ интеллектуальному міру, и, во-вторыхъ, помогаетъ лучше знакомиться и пользоваться уже у себя прибрѣтенными богатствами его, потому что различныя модификаціи аналогичныхъ главныхъ идей заставляютъ насъ подмѣчать встрѣчающіяся въ нихъ несходства и понимать съ новыхъ сторонъ такія представленія, которыя были извѣстны намъ уже подъ другими формами мышленія.

2. Цѣлесообразный способъ разработки письменныхъ произведеній древности съ углубленіемъ въ самый смыслъ и духъ ихъ имѣетъ громадное практическое значеніе, какъ пропедевтика къ основательному образованію. Тутъ не можетъ быть и рѣчи объ упражненіи отдѣльныхъ душевныхъ силъ: всѣ онѣ равномерно участвуютъ въ дѣлѣ, если критико-герменевтическая работа ведется практически. Нѣтъ почти ни одного научнаго и художественнаго психическаго акта, для котораго не доставало бы тутъ матеріала и побужденій. Уже первыя попытки въ объясненіи вознаграждаютъ нѣкоторымъ цѣннымъ приобрѣтеніемъ и побуждаютъ учащихся обнаруживать самостоятельные взгляды на высокія произведенія человѣческаго ума. Но при болѣе широкомъ изученіи писателей всѣхъ родовъ и временъ упражненія становятся плодотворнѣе вслѣдствіе большихъ трудностей, какія приходится преодолевать, чтобы понять часто скрытый смыслъ извѣстнаго мѣста и встрѣчающихся въ каждомъ сочиненіи особенностей личнаго, мѣтнаго и временнаго свойства. На пространствѣ многихъ столѣтій, гдѣ постоянно позд-

нѣйшій писатель уясняетъ древнѣйшаго, а древнѣйшій позднѣйшаго, приходится разыскивать выраженія, способы представленій и различнаго рода историческія данныя, благодаря которымъ разсѣвается вначалѣ кажущійся непроницаемымъ мракъ, заслоняющій смыслъ разбираемыхъ мѣстъ. Неотцѣненна и другая польза, получаемая при этихъ критико-герменевтическихъ занятіяхъ. Разумѣемъ опытный навыкъ опредѣлять тончайшія градаціи истины и вѣроятности, причемъ предметы давно-минувшаго времени не ослѣпляютъ насъ, какъ предметы близкіе къ намъ, вмѣшательствомъ сердечныхъ расположеній и не соблазняютъ иллюзіями, обычными при чисто-отвлеченныхъ операціяхъ ума. Если, наконецъ, обратимся къ занятію специально-филологической критикой, то умъ пріучается выбирать изъ множества равнозначительно-провѣренныхъ данныхъ и свѣдѣтельствъ то, что ведетъ къ открытію порчи текста и къ его исправленію.

Заключеніе всего «изложенія» составляетъ слѣдующій обзоръ всѣхъ частей науки о древности.

1. Философская грамматика или общія правила обоихъ древнихъ языковъ.

2. Грамматика греческаго языка.

3. Грамматика латинскаго языка.

4. Правила филологической герменевтики.

5. Правила филологической критики и науки исправленія (Verbesserungskunst).

6. Правила прозаической и метрической композиціи или теорія слога и метрики.

7. Географія и Уранографія Грековъ и Римлянъ.

8. Древняя универсальная исторія или общая исторія народностей древности.

9. Правила древней хронологіи и исторической критики.

10. Греческія древности или исторія состояній, устройствъ и нравовъ важнѣйшихъ государствъ и народовъ Греціи.

11. Римскія древности или наука о древности Рима и древнѣйшаго римскаго права.

12. Мифологія или баснословіе (Fabelkunde) Грековъ и Римлянъ.

13. Исторія словесности Грековъ или внѣшняя исторія греческой литературы.

14. Римская исторія словесности или внѣшняя исторія римской литературы.

15. Исторія словесныхъ искусствъ и наукъ у Грековъ.

16. Исторія словесныхъ искусствъ и научныхъ знаній у Римлянъ.

17. Историческія свѣдѣнія о мимическихъ искусствахъ обоихъ народовъ.

18. Введеніе въ археологію искусства и техники или предварительныя свѣдѣнія объ уцѣлѣвшихъ памятникахъ и художественныхъ произведеніяхъ древнихъ.

19. Археологическая технологія и правила чертежнаго и ваятельнаго искусствъ древности.

20. Общая исторія искусства древности.

21. Введеніе въ познаніе и исторію древней архитектуры.

22. Нумизматика или наука о монетахъ и медаляхъ Грековъ и Римлянъ.

23. Эпиграфика или наука о надписяхъ обоихъ народовъ.

24. Исторія литературы греческой и латинской филологіи и прочихъ наукъ древности съ библіографіей.

Знаменитая и безсмертная заслуга этого Вольфова «изложенія» заключается въ первой, ему принадлежащей, попыткѣ—свести въ одно цѣлое всѣ разрозненныя дисциплины филологіи со включеніемъ античнаго искусства, и—изложить ихъ подъ однимъ главнымъ понятіемъ, заключающимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и высшую задачу, которая можетъ быть поставлена въ основу исторической наукъ—а такова и есть филологія по всему своему характеру,—именно, познаніе духовной

жизни обѣихъ образованнѣйшихъ націй во всѣхъ ея частяхъ посредствомъ оставленныхъ ими памятниковъ.

Ничуть не отрицая этой высокой заслуги Вольфова «изложенія», мы не можемъ, однакожъ, не указать существенныхъ недостатковъ и пробѣловъ его; эти недостатки и побудили замѣчательнѣйшихъ послѣ него филологовъ попытаться—дать болѣе научную организацію филологіи.

Самая крупная ошибка въ Вольфовомъ составѣ его науки заключается, безъ сомнѣнія, въ помѣщеніи языка какъ органа, какъ простой вспомогательной науки наравнѣ съ герменевтикой и критикой: ошибка, которая чрезъ то, что говоритъ онъ во второй половинѣ своего сочиненія о значеніи древняго языка какъ «цѣли въ себѣ самомъ», скорѣе увеличивается, чѣмъ уменьшается. «Прوماхомъ Фр. Авг. Вольфа былъ взглядъ его на грамматику какъ на чисто-формальную дисциплину, между тѣмъ какъ только критика и герменевтика составляютъ органонъ филологіи, а наука о языкѣ относится къ содержанію совершенно одинаково съ остальными науками о древности» (слова Карла Отфрида Мюллера).

Извѣстный ученикъ Вольфа, Августъ Бёккъ, принявъ, въ виду указаннаго недостатка Вольфовой системы, иной составъ филологическихъ отдѣловъ. Бёккъ различаетъ двѣ главные части филологическихъ дисциплинъ: формальную и матеріальную часть. Къ формальной части принадлежатъ только герменевтика и критика, къ матеріальной—всѣ прочія дисциплины и грамматика («грамматика очевидно заключаетъ въ себѣ матеріаль филологіи»). Въ частности, матеріальная часть, по Бёкку, обнимаетъ А) практическую жизнь, В) теоретическую жизнь древнихъ—А. практическая жизнь распадается на 1) общественную жизнь, изображеніе которой подраздѣляется на 4 дисциплины: а) политическую

исторію, b) политическія древности, c) хронологію, d) географію. — 2) Частную жизнь которая разсматривается a) какъ внѣшняя жизнь—въ сельскомъ хозяйствѣ, торговлѣ и ремеслахъ, морской жизни и въ домохозяйствѣ въ собственномъ смыслѣ, съ вспомогательной дисциплиной метрологіей; — b) какъ внутренняя жизнь, содержащая бракъ, воспитаніе, рабство и проч.

В. Теоретическая жизнь въ свою очередь распадается на двѣ части: 1) жизнь, въ которой мысль человѣка выражается символически: культъ, образовательное искусство, музыка, оркестрика; — 2) жизнь, съ внутренне-сокровенной мыслью: наука. Въ послѣдней различаются a) содержаніе, b) форма познанія; содержаніе первоначально покоится въ міеологіи, изъ которой развивается философія, а изъ этой—прочія науки, частью физическія, со включеніемъ математики, частью этическія.

Формою знанія служитъ языкъ, и онъ первѣе всего долженъ быть разсматриваемъ самъ по себѣ, въ его внутреннемъ организмѣ посредствомъ грамматики, затѣмъ въ его образованіи и примѣненіи къ различнымъ художественнымъ формамъ, которыя должна представить исторія литературы.

Карль Отфридъ Мюллеръ опредѣляетъ классическую филологію какъ науку, которая ставитъ себѣ цѣлью полное пониманіе античной духовной жизни въ мышленіи, чувствѣ и фантазій; онъ раздѣляетъ поэтому всю область ея на три сферы: языкъ, религію, практическую жизнь, изъ которыхъ, какъ изъ своихъ мотивовъ, онъ выводитъ литературу, искусство и науку.

По Фридриху Ричлю филологія есть репродукція жизни классической древности чрезъ познаніе и изученіе ея существенныхъ обна-

руженій. Репродукція эта — двухъ родовъ: идеальная и реальная. А. Идеально репродуцируется жизнь древности по четыремъ сферамъ: 1) добраго (нравственность: политическая исторія, и государственныя древности);—2) священнаго (религія: мифологія, религіозныя древности, культъ);—3) изящнаго (искусство: археологія) и 4) истиннаго (наука, которая по своему содержанію обнимается исторіей литературы, а по своей формѣ—грамматикой).—В. Реальная репродукція древности совершается критикой, герменевтикой и грамматикой. Сюда примыкаетъ еще фундаментальная дисциплина, которая должна изложить идею науки, ея предѣлы, ея содержаніе и составъ ея; это исполняетъ генетически—исторія филологіи, систематически—энциклопедія.

Г. Ричардъ (*die Gliederung der Philologie*, Tübing. 1846) принимаетъ три главные части филологіи: 1) свѣдѣнія о памятникахъ, 2) герменевтика и критика, 3) наука о древности; «памятники есть объективное, подлежащее; герменевтика и критика—субъективное, прибавочное; продуктомъ соединенія обоихъ элементовъ является, какъ и всякая историческая наука, наука о древности».

Гораздо болѣе обширный составъ филологическихъ дисциплинъ сдѣлалъ историко-генетическимъ путемъ Фридрихъ Хаазе (въ статьѣ *Philologie der Ersch und Gruber'schen Encyclop.*, sect. III. Th. 23, Leipz. 1847, s. 392 ff). Онъ различаетъ:

I. Предварительныя дисциплины;

II. Вспомогательныя дисциплины;

III. Главныя дисциплины.

I. Предварительныя дисциплины распадутся на двѣ части:

1) Исторія филологіи.

2) Энциклопедія филологіи.

II. Вспомогательныя дисциплины распа-
даются на

A. Репертуаръ матеріала,—

1. для литературы—исторія литературы съ
эпиграфикой,

2. для произведений (Produkte) искусствъ и ремеслъ
— музеографія и нумизматика,

3. для новыхъ вспомогательныхъ пособій — би-
бліографія.

B. Пособія къ практическому употре-
бленію матеріала—

1. Лексикографія,

2. Практическая, популярная грамма-
тика.

3. Вспомогательныя пособія по предме-
тамъ древности: реальная энциклопедія, ре-
альные лексиконы.

C. Методика разработки матеріала для
научныхъ выводовъ,—

1. Дипломатическая или низшая крити-
ка съ палеографіей,

2. Герменевтика,

3. Высшая критика.

III. Главныя дисциплины:

A. Вѣвисторическое, природа, изображен-
ная въ древней географіи.

B. Доисторическое, первобытныя со-
стоянія, изображенныя въ міеологіи.

C. Историческая часть:

1. Область нравственности: древности;

2. Область искусства;

а) Подражательное искусство распадается
на три рода:

α) Гимнастика.

β) Музыка.

γ) Мимика.

б) Словесное искусство:

α) Грамматика.

β) Поэзія въ связи съ метрикой (эпическая, лирическая, драматическая поэзія),

γ) Искусство прозы, изложенное въ реторикѣ (историческій, философскій, реторическій стиль).

с) Образовательное искусство въ трехъ родахъ:

α) Архитектоника.

β) Пластика.

γ) Живопись.

3. Область науки: общая исторія культуры, исторія отдѣльныхъ наукъ.

Подробн. объ этомъ см. въ Triennium I-й отд. стр. 5 и д.

Значительный успѣхъ, какой внутренняя организація филологіи сдѣлала въ новое время генетическо-систематическимъ составомъ своихъ частей и надлежащимъ мѣстомъ языка въ организмѣ ея, очевиденъ. Равнымъ образомъ согласное признаніе Вольфова пониманія филологіи какъ науки о духовной жизни Грековъ и Римлянъ со стороны компетентныхъ филологовъ нашего времени служить достаточнымъ ручательствомъ за то, что оставленіе этой точки зрѣнія и возвращеніе филологіи къ низшей ступени грамматической или критической вспомогательной дисциплины — не мыслимо.

Въ заслугу новымъ филологамъ также должно быть поставлено и то, что они, не смотря на примѣръ и авторитетъ Вольфа, не приняли для своей науки новаго названія, а удержали за ней то, какое дано ей замѣчательнѣйшими мужами греческой древности и какое въ теченіе болѣе двухъ-тысячелѣтняго періода тѣсно сроднилось съ этой наукой.

А. Говоровъ.

(Продолженіе будетъ).

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ СОЧИНЕНІЕ, ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

В. А. ПОПОВА

(† 26-го Сентября 1880 г.)

СИНТАКСИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ, ЗВАТЕЛЬНЫЙ И ВИНИТЕЛЬНЫЙ

въ связи съ исторіей развитія заложныхъ значеній и безличныхъ оборотовъ въ санскритѣ, зендѣ, греч., латин., нѣм., литов., латышск. и славянскомъ нарѣчіяхъ.

Цѣна за экз. 2 р. 25 к. Продается въ книжныхъ магазинахъ—въ **Харьновѣ**: въ магазинѣ Сыхра, въ **Кіевѣ**—въ магазинѣ Ильницкаго и въ **Петербургѣ**—въ книжномъ складѣ при Типографіи М. Стасюлевича.

Въ Редакціи имѣются слѣдующія учебныя пособія:

НАЧАЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ

изъ русской грамматики съ приложеніемъ церковно-славянской азбуки и коренныхъ словъ съ буквой „ѣ“.

Учебникъ

для подготов. класса гимназій и прогимназій Мин. Нар. Пр. Составилъ И. Д. Четыркинъ. 1880 г. Цѣна 25 к. за экз.

Учебникъ этотъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. для употребленія въ подготовительныхъ классахъ гимназій и прогимназій.

СИНТАКСИСЪ ВЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОБРАЗЦАХЪ И ПОСЛОВИЦАХЪ.

Хрестоматія. Сост. О. Г. Савенко. 1879 г. Ц. 85 к. за экземпляръ.

Книга эта одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія какъ учебное пособіе при занятіяхъ рус. грамматикой въ сред. учебн. заведеніяхъ.
